

ДБ
10
А 84

Архив
историческ
и практич
сведений...

кн. 1 (прилож.), 1858

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1859.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-Петербургъ.

1859.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. — О системѣ законовъ.—О правѣ вообще.—О законахъ гражданскихъ.—О системѣ законовъ собственности.—О собственности.—Объ охраненіи . **ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.**
- II. — О завѣщаніяхъ **П. В. ПОЛЕЖАЕВА.**
- III. — Нѣчто о многомъ **Н. Б—ВА.**
- IV. — О практическомъ изученіи права въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ **К. А. ЦАРЕВСКАГО.**
- V. — Два слова о предложеніяхъ поставки хлѣба въ казну Саратовскимъ помѣщикамъ **Н.**
- VI. — Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сердобскомъ уѣздѣ **СЕРДОВСКАГО ПОМѣЩИКА.**
- VII. — Обзорѣніе новыхъ законовъ.
- VIII. — Договоры *вольныхъ людей*, конца XVII и начала XVIII вѣка, о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время **Н. В. КАЛАЧОВА.**
- IX. — Критика на сочиненіе *М. М. Михайлова* о Русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ до изданія Свода Законовъ 1832 г. **К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.**
- X. — Отрывки изъ путевыхъ записокъ. **М. А. КОРКУНОВА.**
- XI. — Орловская старина **К.**
- XII. — Книга Травникъ, сообщенная **В. В. ГУБЕРТИ.**
- XIII. — Раекъ Ярославца **П. А. ШЕСТЕРНИНА.**
- XIV. — Одна изъ мѣръ къ распространенію грамотности (Мысль **КН. М. А. ОБОЛЕНСКАГО).**

~~A-848~~

ДБ

10

A 87

АРХИВЪ

X

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Каляговымъ

71836.

КНИГА ПЕРВАЯ.

+ прил.

С.-Петербургъ.

1858.

111199

п

10

1

71836 m

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРОГРАММА

АРХИВА ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССИИ.

Цѣль, съ какою предпринимается новое повременное изданіе подъ приведеннымъ заглавіемъ заключается въ томъ, чтобы знакомить публику съ одной стороны вообще съ древнимъ бытомъ нашего отечества (въ этомъ отношеніи предпринимаемый вновь Журналъ долженъ замѣнить «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній»), а съ другой—съ тѣми данными настоящаго времени, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ Русскаго общества и въ разныхъ частяхъ Россіи, могли бы притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ Правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ имъ потребностей. Обѣ эти части изданія, не смотря на то, что относятся къ разному времени, будутъ приводимы въ тѣснѣйшую между собою связь на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Русское государство въ томъ видѣ или съ тѣми началами и формами общественнаго быта, какія имѣетъ теперь, есть результатъ долговременнаго развитія и болѣею частію постепеннаго перехода отъ началъ и формъ этого быта у народа младенчествующаго къ началамъ и формамъ современныхъ намъ Европейскихъ государствъ, результатъ, который обуславливался усердною дѣятельностію нашего Правительства въ теченіи многихъ столѣтій на пользу общественную. Подъ вліяніемъ этой продолжительной дѣятельности Правительства, многіе существенные вопросы, занимающіе насъ въ настоящее время, подвергались не одинъ разъ тщательному разсмотрѣнію или рѣшенію такъ или иначе на основаніи данныхъ извѣстной эпохи. Отсюда ясно, что историческое изученіе нашего быта, историческая разработка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ нашихъ предковъ, съ указаніемъ на тѣ данныя, какія при рѣшеніи ихъ имѣлись въ виду у Правительства, составляютъ существенную необходимость при современномъ пересмотрѣ и рѣшеніи тѣхъ-же вопросовъ; такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны, что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и слѣдовательно могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были припяты нами и выработаны какъ народомъ Европейскимъ. И такъ, при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся общественнаго быта, мы, по возможности, будемъ всегда предпосылать твердую основу, заключающуюся въ историческихъ разы-

скапіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду необходимую связь, существующую между положительнымъ правомъ и дѣйствительною жизнью, мы назначаемъ особое *Приложеніе* къ нашему изданію для разсмотрѣнія практическихъ вопросовъ современной юриспруденціи, Русской и иностранной, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ наукою и опытомъ.

Согласно изложенной выше цѣли и направленію предпринимаемаго нами Журнала, мы раздѣляемъ его на слѣдующіе отдѣлы:

I. Изслѣдованія какъ чисто историческаго, такъ и историко-юридическаго, историко-практическаго и археологическаго содержанія.

II. Очерки современнаго быта. Въ составъ ихъ войдутъ какъ описанія мѣстныхъ обычаевъ, правовъ, такъ и мѣстныхъ условій природы, имѣющихъ вліяніе на эти обычаи и нравы, на торговлю, хозяйство, и проч. Сюда-же принадлежатъ обзорѣнія законодательной и правительственной дѣятельности съ цѣлью указать на то, что представляется почему-либо важнымъ для общественнаго развитія; статьи о современныхъ путяхъ сообщеній, объ отношеніяхъ между различными классами обществъ, о цѣнѣ за трудъ, и т. п.

III. Матеріалы, относящіеся до исторіи, права, статистики и экономическаго быта преимущественно древней Россіи. Сюда-же относятся переводы иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Изъ новыхъ матеріаловъ въ этотъ отдѣлъ войдутъ тѣ официальные акты законодательной и правительственной дѣятельности Верховной власти, на важность коихъ было указано въ предъидущемъ отдѣлѣ.

IV. Обзоръніе изданій историко-юридическаго и практическаго содержанія какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, и вообще имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ цѣли и направленію «Архива», и Библиографическая хроника, которая будетъ заключаться въ краткихъ извѣстіяхъ о сочиненіяхъ и изданіяхъ, заслуживающихъ вниманіе по тому-же отношенію.

V. Смѣсь. Замѣтки и повости, служащія къ объясненію быта и письменности древняго и новаго времени.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Собраніе юридическихъ въ Россіи вопросовъ и задачъ съ историческимъ или практическимъ ихъ изъясненіемъ.

II. Извлеченіе изъ новыхъ сочиненій, выходящихъ за границей, представляющихъ историческій и практическій интересъ въ отношеніи къ юриспруденціи.

Годовое изданіе «Архива» будетъ состоять изъ шести книгъ, заключающихъ въ себѣ каждая отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Желающіе доставлять статьи для помѣщенія въ «Архивъ», согласныя съ цѣлью и направленіемъ этого Журнала, благоволятъ обращаться въ Редакцію «Архива», находящуюся въ С. Петербургѣ, на Владимірской улицѣ, въ домъ г. Маслова, или же въ Контору Редакціи, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домъ Демидова. По этимъ адресамъ должны быть высылаемы и деньги для полученія «Архива». При семъ Редак-

ція покорнѣйше просить гг. отправляющихъ статьи или
деньги сообщать ей какъ можно точнѣе свое *имя и фами-*
лію и мѣсто своего жительства.

Цѣна годовому изданію «Архива» въ С. Петербургѣ
девять рублей, съ пересылкою же въ другіе города Россіи
десять рублей серебромъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ НИКОЛАЙ КАЛАЧОВЪ.

Бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго графа М. М. Сперанскаго, составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для русской юриспруденціи, теоретической и практической, не только той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ этотъ знаменитый государственный мужъ, но и въ отношеніи къ исторіи нашего законодательства. Изъ нихъ одни принадлежатъ Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, куда онѣ поступили послѣ кончины графа, послѣдовавшей въ 1839 году февраля 11; другія хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которой принесены въ даръ въ 1856 году покойною дочерью его, вдовою дѣйств. тайнаго совѣтника, Е. М. Фроловой-Багрѣевой. Важнымъ источникомъ для разъясненія того, что въ этихъ матеріалахъ покажется несомнѣнно понятнымъ для нѣкоторыхъ читателей, могутъ служить изустныя замѣчанія немногихъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, которыя находились, по службѣ, подъ начальствомъ графа, и въ особенности тайнаго совѣтника К. Г. Рѣпинскаго, бывшаго въ теченіи болѣе двухъ десятилѣтій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его сотрудниковъ.

Мы думаемъ оказать немаловажную услугу любителямъ русскаго права, пользуясь счастливыми обстоятельствами, которыя доставляютъ намъ возможность украсить нашъ журналъ нѣкоторыми изъ сочиненій, мыслей и замѣтокъ покойнаго графа Сперанскаго. Предлагаемые на первый разъ отрывки заимствованы нами изъ бумагъ,

принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ, и за сообщеніе ихъ и разрѣшеніе издать ихъ въ свѣтъ мы считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ принести чувствительную благодарность Начальнику Библіотеки, его высокопревосходительству барону Модесту Андреевичу Корфу. Впрочемъ всѣ помѣщаемые здѣсь отрывки находятся въ Публичной Библіотекѣ лишь въ копіяхъ, почему мы свѣряли ихъ съ дубликатами копій же, хранящихся во Второмъ Отдѣленіи, признавая это необходимымъ, ибо въ нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ сдѣланы поправки рукою самого графа.

РЕДАКТОРЪ.

МЫСЛИ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.

О СИСТЕМѢ ЗАКОНОВЪ ВООБЩЕ.

Законы, по раздѣленію, принятому въ Юстиніановыхъ изложе-
ніяхъ, суть или публичные, ко всему составу государства принадле-
жащіе (*jus publicum*), или приватные, къ пользамъ частныхъ лю-
дей относящіеся (*jus privatum*). Тѣ и другіе происходятъ изъ
трехъ источниковъ: или изъ понятій естественнаго смысла (*jus na-
turae*), или изъ обычаевъ и законовъ другихъ народовъ (*jus gen-
tium*), или наконецъ изъ постановленій собственно Римскихъ (*jus
civile*).

Сіе первоначальное раздѣленіе привело въ послѣдствіи къ друго-
му, нынѣ болѣе употребительному. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Законы суть или естественные, или положительные. *Естествен-
ные* законы (*jus naturae*) суть тѣ, кои однимъ здравымъ разумомъ
устанавливаются; *положительные* (*jus positivum*) устанавливаются вер-
ховною властію.

Естественные законы дѣлятся на два рода: публичные и приват-
ные (*jus publicum et jus privatum*). Законы естественные публич-
ные дѣлятся еще на два рода: на внутренніе и внѣшніе (*jus civitatis
et jus gentium*). Законы естественные приватные не дѣлятся на
роды, но располагаются по ихъ предметамъ такъ же, какъ и законы
положительные приватные.

Законы положительные дѣлятся такъ же, какъ и естественные, на
два главные рода: на публичные и приватные.

Законы положительные публичные (*jus civilis statuarium*) за-
ключаютъ въ себѣ: 1) законы государственные основные (*jus fun-
damentale*), 2) законы о правахъ состоянія (*jus privilegiorum*),

3) законы управленія (*jus politicum*), 4) законы уголовные (*jus criminale*); 5) законы церковные (*jus ecclesiasticum*).

Законы положительные приватные не имѣютъ родовъ и дѣлятся по предметамъ: на законы о лицахъ, о вещахъ и объ искахъ (*jus personarum, jus rerum et jus actionum*). Въ послѣдствіи имъ присвоено въ особенности именоваіе законовъ гражданскихъ (*jus civile*), хотя въ первоначальномъ смыслѣ все роды законовъ, свойственныхъ Риму, назывались *jus civile* и законы сіи противопоставлялись законамъ вѣшнимъ (*juri gentium*).

Здѣсь представляется сіе раздѣленіе въ общемъ его начертаніи; бесполезно было бы изчислять все измѣненія и поправленія, въ немъ сдѣланныя. Первоначальная ихъ основа есть одна и таже: система Юстиніанова.

Сія система какъ въ первоначальномъ ея видѣ, такъ и въ послѣдующихъ ея исправленіяхъ, во первыхъ, есть произвольна, и во вторыхъ, не можетъ быть приложена къ Россійскому законодательству.

1. Произвольность системы Юстиніановой. Въ преклонномъ и близкомъ уже къ паденію вѣкѣ Римской Имперіи, ни въ умѣ, ни въ силѣ государственнаго управленія нельзя было по естественному вещей порядку ожидать здравыхъ и точныхъ о законахъ понятій. Римскіе законы, памятникъ долголѣтняго гражданского образованія и великой законодательной мудрости, въ изложеніи Юстиніановомъ представляютъ развалину великолѣпнаго зданія, въ коей рукою слабыхъ и малосвѣдущихъ художниковъ ⁽¹⁾ на удачу слѣплены разнородные драгоцѣнные остатки. Не найдя въ преданіяхъ общаго чертежа, они выдумали свой; когда же по сему тѣсному чертежу приступили къ постройкѣ, тогда на опытѣ оказалось, что многіе матеріалы оставались безъ размѣщенія; сему неудобству желали пособить двумя средствами и допустили двѣ новыя погрѣшности: 1) непрестанныя отъ чертежа отступленія, вставки въ немъ и поправки, разнообразныя и часто противорѣчащія опредѣленія однихъ и тѣхъ же понятій; 2) когда же и сіе средство было недостаточно, тогда прикрѣпляли уже оставшіяся части одну къ другой безъ всякаго чертежа, безъ всякой почти связи или съ связію, составленною изъ греческихъ полуученыхъ того вѣка тонкостей ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Закопника Трибоніана и шестнадцати его сотрудниковъ.—⁽²⁾ Septendecim

Къ погрѣшностямъ перваго рода должно отнести два главные раздѣленія законовъ, сими законниками введенныя,—раздѣленіе ихъ на публичныя и приватныя, а потомъ на естественныя, общенародныя и гражданскіе.

Есть, безъ сомнѣнія, законы природы, Творцомъ ея установленныя. Но законы сіи составляютъ не особенный родъ, но основаніе всѣхъ законовъ человѣческихъ. Они объемлютъ всю природу, а не одно царство животныхъ, и слѣдовательно нельзя опредѣлить ихъ однимъ инстинктомъ животнымъ, нельзя сказать: *jus naturae est, quòd natura omnia animalia docuit*. Еще менѣе можно допустить другое опредѣленіе, коимъ желали первое исправить, а именно, что законы естественныя суть тѣ, кои, исходя изъ однихъ началъ здраваго разума, къ благосостоянію государства прилагаются,—какъ будто законы положительные, верховною властію издаваемые, основаны не на тѣхъ же началахъ разума, и какъ будто разумъ, объемлющій различіе климата, степень образованія и мѣстныя обстоятельства и законы къ нимъ приспособляющій, не есть здравый разумъ.

Раздѣленіе законовъ на публичныя и приватныя также неправильно и произвольно, хотя и могло бы быть правильно, но составныя части каждаго изъ сихъ родовъ опредѣлены безъ точности.

homines Gracci rudioris jam seculi, Romanorum mores et sermonem vix leviter docti, perpetuis aulae negotiis iisque gravissimis toti plerique immersi, in varias curas et partium studia, difficillimis illis temporibus, saepissime tracti, ingentem his mille voluminum molem, quibus jurisconsultorum jam aliquot seculis a se remotorum opera continebantur, quae et ipsa magno annorum et opinionum intervallo a se invicem dissidebant, et quorum non pauca legum antiquarum et maxime XII Tabularum, Ciceronis jam aevo intellectu difficilium interpretationes exhibebant, magna virium fiducia aggrediuntur, legunt, ex iis in suos, quaecunque vellent, usus colligunt, illa rejiciunt, haec servant, truncant, in partes scindunt atque disjiciunt, mutant, augent, ad genium sui seculi attemperant, in suos quaeque titulos referunt et ita unum ex innumeris opus sibi, si diis placet, ex omni parte responsurum componunt, idque legendum, approbandum, et confirmandum vel praemii properandi desiderio capti, vel insignem diligentiae et eruditionis laudem ex festinatione captantes, vel saltem taedium longioris laboris fugientes intra triennii metas offerunt, quod vel ipse Imperator, plus justo tamen alias festinare solitus, intra decennium vix perfici posse prudens speraverat.—Observ. J. M. Silberradii ad Heineccii Hist. Jur. civilis Rom. ac Germ. 1765 § CCCXC.

Законы имѣютъ двѣ составныя части: правило и охраненіе (*sanctio*). Охраненіе всѣхъ законовъ есть сила государственная (публичная) и слѣдовательно съ сей стороны всѣ законы суть публичные. Цѣль законовъ публичныхъ, какъ напр. законовъ безопасности, столько же относится къ государству вообще, какъ и къ частнымъ людямъ въ особенности; слѣд. съ сей стороны и законы безопасности могутъ назваться приватными ⁽¹⁾. Нельзя вообразить себѣ государство безъ обывателей и слѣдовательно представить законы, полезные государству, но бесполезные для частныхъ людей. Правда, есть собственность частная и собственность государственная (*res publica et res privata*), но въ семъ уваженіи приватнымъ законамъ должно было бы противопоставить токмо законы государственнаго хозяйства, а не всѣ вообще законы, къ частной собственности не принадлежащіе.

Не взирая, однакоже, на всѣ недостатки Юстиніановой системы, таково есть превосходство Римскихъ законовъ въ существѣ ихъ, что изложеніе ихъ, хотя и безобразное, принято въ Европѣ во всеобщее почти употребленіе. Недостатки сего изложенія старались исправить или сокрыть разными дополненіями и измѣненіями, и хотя доселѣ въ семъ не успѣли, хотя коренной порокъ сей системы—произвольность плана—ничѣмъ не можетъ быть совершенно исправленъ; тѣмъ не менѣе однакоже, чѣмъ болѣе употребляли времени и трудовъ въ обработываніи сего, тѣмъ болѣе самою работою къ нему привыкали и тѣмъ сильнѣе прилѣплялись.

Къ сему присоединилось другое обстоятельство. Римскіе законы, даже и послѣ разрушенія Западной Имперіи въ нѣкоторыхъ странахъ ея (въ Италіи и частию во Франціи) оставались въ дѣйствіи; потомъ когда народы Германскаго поколѣнія начали помышлять о письменномъ изложеніи собственныхъ ихъ законовъ, они непримѣтно увлекались силою примѣра и смежности въ систему законовъ Римскихъ, подъ именемъ *Госодосіева* и *Адрианова* изложенія тогда извѣстныхъ.

(1) Но противорѣчію, коимъ всѣ Юстиніановы изложенія исполнены, въ нихъ же самихъ можно найти лучшее на нихъ опроверженіе. Въ нихъ же самихъ законы приватные считаются вмѣстѣ и публичными. L. 8 ff. de tut. L. 29 ff. de test. tut. L. 18. § 1 ff. de damno infect.

Въ послѣдствіи, когда сдѣлалось извѣстнымъ Юстиніаново изложеніе, особенно же когда въ XII-мъ вѣкѣ открыты въ Амалфѣ такъ называемые Флорентинскіе Пандекты, тогда законы Римскіе, а съ ними и система Юстиніанова, укоренились во всѣхъ училищахъ, во всѣхъ судахъ, содѣлались святынею для всѣхъ законниковъ. Тщетно было бы помышлять опровергнуть сіе тысячелѣтнее могущество тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ, особливо когда нѣтъ еще системы, которая бы могла замѣнить систему Юстиніанову съ очевиднымъ преимуществомъ.

Совсѣмъ другія обстоятельства были въ Россіи, и сіе ведетъ ко второй части настоящаго разсужденія.

II. *О несовмѣстности Юстиніановой системы съ Россійскимъ законодательствомъ.* Есть догадки, что въ первыхъ вѣкахъ основанія Россійскаго государства разныя изложенія законовъ Римскихъ, подъ именемъ законовъ Греческихъ, имѣли нѣкоторое участіе въ составѣ нашего законодательства, и что въ позднѣйшія времена, съ переводомъ Фотіева Номоканона или Кормчей книги, Градскіе законы, въ ней содержащіеся, отрывокъ, или, лучше сказать, отдаленное послѣдствіе системы Юстиніановой, принимаемы были у насъ въ соображеніе. Но сіе суть догадки. А подлинники законовъ, до насъ дошедшіе, указываютъ намъ совсѣмъ другіе источники. Русская Правда очевидный имѣетъ отпечатокъ сѣверныхъ Германскихъ законовъ. Новгородскія грамоты и Судебники разныхъ годовъ, сохраняя нѣкоторое сходство съ симъ законами, имѣютъ уже свой мѣстный, природный обликъ. Ни въ раздѣленіи предметовъ, ни въ судебномъ ихъ языкѣ ничего нѣтъ похожаго на изложеніе Юстиніаново. Въ предисловіи къ Уложенію 1649 года хотя и постановлено принимать въ соображеніе гражданскіе законы Греческихъ царей и хотя быть можетъ, что нѣкоторые законы и дѣйствительно оттуда заимствованы, но ни въ языкѣ, ни въ системѣ Уложенія нѣтъ ничего Римскаго, ничего Юстиніанова.

Въ законахъ, а особенно въ уставахъ (регламентахъ), во время Петра Великаго изданныхъ, учрежденія и уставы Нѣмецкіе были принимаемы въ соображеніе. Сіе доказывается и содержаніемъ ихъ, и слогомъ, и самыми словами. Но рѣшительнаго поворота отъ Россійскаго природнаго законодательства къ системѣ Юстиніановой ни въ сихъ уставахъ, ни въ послѣдующихъ не видно, исключая

Изображенія процессовъ 1716 года. Первые слѣды нѣкотораго сближенія съ сею системою являются въ Наказѣ 1768 года. Но Наказъ сей остался безъ дѣйствія.

Такимъ образомъ отъ самой древности до временъ нашихъ, Россійское законодательство дѣйствовало и возрастало собственными своими природными силами, и можетъ быть одно во всей Европѣ ничего почти непосредственно, и весьма мало посредствомъ Нѣмецкихъ законовъ, почерпало въ общемъ источникѣ законовъ—въ Римскомъ правѣ.

Отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, и еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ, столь рѣзкое различіе между законодательствомъ Европейскимъ и Россійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образа мыслей всѣхъ судей и дѣлопроизводителей.

Есть многія сходства въ законахъ и особенно въ дѣлопроизводствѣ; но сіи сходства возникли не отъ подражанія, но отъ общаго правила, что одинакія обстоятельства производятъ у разныхъ народовъ одинакія послѣдствія. Проявляются даже нѣкоторыя и въ словахъ подражанія, но это суть болѣе покушенія и попытки, нежели обдуманый и рѣшительный планъ законодателя.

Изъ сего слѣдуетъ, что еслибы система изложеній Юстиніановыхъ и дѣйствительно была основательна, то и тогда можно было бы только пожалѣть, что она съ нашими обычаями не совмѣстна; но къ счастью, и жалѣть не о чемъ.

Одно неудобство: молодые наши законники, вмѣсто одной, должны учиться двумъ разнымъ системамъ: Россійской и Римской; ибо никто ни въ какомъ государствѣ не долженъ имѣть притязанія быть истиннымъ законовѣдцемъ, не зная законовъ Римскихъ, такъ какъ никто не можетъ быть свѣдущъ въ исторіи своей страны безъ познанія исторіи общей; но и сіе неудобство современемъ прекратится. Не выше силъ человѣческихъ слить обѣ системы въ одну, т. е. приспособить изложеніе Римскихъ законовъ къ системѣ Россійскаго уложенія, и тогда обученіе ихъ будетъ столько же просто и удобно, сколько нынѣ оно трудно и рѣдко бываетъ основательно.

О ПРАВѢ ВООБЩЕ.

Право иногда употребляется въ смыслѣ закона (objective), а иногда въ смыслѣ власти (subjective). Употребленіе сего слова въ первомъ смыслѣ Россійскому языку не свойственно. Слово *jus* могло быть употребляемо въ смыслѣ закона, ибо оно происходитъ отъ *jussum* (*jus a jubendo*); по сему понятію *jus* есть родъ, а законъ его видъ. Но слово *право* происходитъ отъ слова *править*; правятъ по закону лица и мѣста, закономъ установленныя; но законъ самъ по себѣ не править. Управленіе дѣйствуетъ по закону; но законъ различенъ отъ управленія. Право есть слѣдствіе закона и закономъ опредѣляется. Если законъ называть правомъ: то право (subjective) будетъ опредѣляемо правомъ (objective),—смѣшеніе и въ другихъ языкахъ весьма примѣчательное, но отъ привычки и употребленія менѣе примѣтное.

Право обыкновенно различаютъ отъ дѣйствительной власти и составляютъ его въ одной способности или возможности имѣть власть. Сіе происходитъ отъ того, что власть (*potestas*) смѣшиваютъ съ владѣніемъ (*possessio*). Власть надъ имуществомъ имѣетъ три степени: въ первомъ она устанавливается, во второмъ совершается, въ третьемъ вступаетъ въ силу обладанія. Каждый изъ сихъ степеней власти есть право; но въ первомъ право установленное, во второмъ право совершенное, въ третьемъ право обладанія. Напр. заключенъ, но нигдѣ не явленъ договоръ на покупку имѣнія,—симъ установлено право, т. е. власть продавца на деньги, когда покупатель получитъ власть на имущество; договоръ явленъ и совершенъ въ актахъ,—симъ совершено право, прежде установленное; наконецъ продавцу заплачены деньги, а покупатель введенъ во владѣніе,—симъ право совершенное вступило въ силу обладанія. Въ каждомъ изъ сихъ степеней есть власть, а не одна возможность; если право есть возможность обладанія: то что же будетъ право обладанія,—возможность къ чему?—Что будетъ обязанность, каждому праву соотвѣтствующая? Неужели одна возможность повиновенія? Правда, что одинъ можетъ имѣть право на имущество, между тѣмъ какъ другой имъ владѣетъ, и сіе даетъ понятію права видъ одной возможности, а не власти; но въ семъ примѣрѣ первый не имѣетъ права обладанія, а имѣетъ право установленное или со-

вершенное, онъ имѣетъ токмо притязаніе къ праву обладанія, а второй имѣетъ право обладанія: если право первого судомъ утвердится, тогда притязаніе его обратится въ право обладанія, а право послѣдняго признано будетъ завладѣніемъ.

(¹) Во всѣхъ законныхъ приобрѣтеніяхъ не столько предметъ права, сколько власть надъ нимъ, т. е. право на него приобрѣтается.

Что приобрѣтаетъ частное лицо, когда приобрѣтаетъ состояніе? Одну власть пользоваться тѣмъ состояніемъ, къ коему оно причислено. Слѣдовательно приобрѣтаетъ право состоянія.

Въ приобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ приобрѣтается также власть располагать ими по произволу. Часто лицо, ихъ приобрѣтающее, не вступаетъ и даже не можетъ вступить въ дѣйствительное ихъ употребленіе, но имѣетъ власть употреблять ихъ, т. е. приобрѣтаетъ на нихъ право.

Въ приобрѣтеніи движимыхъ имуществъ также бѣльшею частію приобрѣтается власть права, нежели предметъ права. Изъ сего исключаются тѣ токмо движимыя имущества, коихъ обладаніе, по особенному ихъ свойству, всегда или бѣльшею частію сопряжено съ дѣйствительнымъ ихъ употребленіемъ, какъ-то наличныя деньги.

Въ приобрѣтеніи личныхъ правъ всегда приобрѣтается право, а не предметъ его. Нельзя сказать: я приобрѣтаю дѣйствіе другаго; но я приобрѣтаю власть, право надъ дѣйствіемъ другаго.

Приобрѣтеніе:

а) Первообразное изъ общественнаго.

б) Производное отъ другихъ изъ общаго въ общее и изъ особеннаго въ особенное.

в) Производное изъ общаго въ особенное (*de communi dividundo*).

Къ первообразному приобрѣтенію должно отнести все, что приобрѣтается трудомъ, искусствомъ и знаніемъ. Сюда принадлежатъ

(¹) Въ копіяхъ, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ и у К. Г. Рѣпинскаго, съ боку, противъ первой строки, написано: «къ праву вообще».

собственность открытія и сочиненій въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ.

Въ приобрѣтеніи производномъ (в) изъ общаго въ особенное, должно установить: 1) какимъ образомъ имущество можетъ вступать въ общее владѣніе: [а) *per modus primitivos*, б) *per derivativos*] даромъ, выдѣломъ, договорами, наслѣдствомъ. 2) Какимъ образомъ выходитъ изъ общаго. Сюда принадлежитъ и тотъ случай дѣлежа, гдѣ главная часть имущества увлекаетъ все съ нею сопряженныя.

Посему въ 3-й книгѣ раздѣлить: а) о первообразномъ приобрѣтеніи, б) о производномъ просто, в) о производномъ сложномъ.

(¹) Право не должно смѣшиваться съ способностію.

Право *subjective* имѣетъ два разныя значенія: определенное или неопределенное; право на сію именно вещь, на то или другое дѣйствіе лица есть право определенное; право дѣлать или не дѣлать, употреблять или не употреблять что либо есть право неопределенное.

Въ первомъ смыслѣ право есть всегда власть; во второмъ оно есть токмо способность. Въ первомъ смыслѣ оно есть истинное положительное право: ибо оно опредѣляется и охраняется закономъ; во второмъ оно не есть положительное право, ибо оно не опредѣляется и не охраняется закономъ, но токмо имъ не воспрещается; оно стоитъ внѣ положительнаго закона и имъ не объемлется; и сіе право въ истинномъ и точномъ смыслѣ можно назвать правомъ естественнымъ или нравственнымъ.

NB. Во введеніи о различіи законовъ нравственныхъ нужно прибавить: отъ закона нравственнаго возникаетъ и право нравственное. Оно ни что иное есть, какъ способность, нравственнымъ закономъ опредѣляемая, оно не есть власть, потому что нравственный законъ не имѣетъ понудительной силы охраненія.

Смѣшеніе коренныхъ понятій о силѣ охранительной было причиною смѣшенія и въ законѣ, и въ правѣ и его опредѣленіи.

(¹) Въ копіяхъ, противъ первой строки, написано: «къ праву яко способности».

О ПРАВѢ ЛИЧНОМЪ.

Право въ смыслѣ власти никогда не можетъ принадлежать какой либо вещи, но всегда принадлежитъ лицу. Слѣд. относительно къ лицу, правомъ обладающему, само собою разумѣется, что право его есть право личное, ибо другаго и быть не можетъ. Но предметъ власти можетъ быть двоякій: онъ есть или дѣяніе другаго лица, или какое либо имущество. Отсюда естественное раздѣленіе права, по предмету его, на два: на личное и вещественное. Одни лица и имущества могутъ подлежать власти общественной и частной. Она не можетъ имѣть другихъ предметовъ дѣйствія.

Лицо составляютъ жизнь, мысли, чувства и дѣянія. Изъ сихъ составныхъ частей, мысли и движенія сердечныя, когда они никакими знаками дѣяній не изъявлены, подлежатъ однимъ законамъ совѣсти. Жизнь можетъ подлежать законамъ общественнымъ, потому единственно, что она есть источникъ дѣяній; одни дѣянія и дѣянія произвольныя объемлются властію законовъ. Слѣд. весьма свойственно власть надъ дѣяніями именовать правомъ личнымъ. И поже дѣянія сѣи суть произвольны: то власть на оныя можетъ возникать токмо отъ двухъ началъ, или отъ права крѣпостнаго, или отъ договора. Посему и право личное дѣлится естественно на два рода: право личное крѣпостное и право личное добровольное. То и другое опредѣляется въ своемъ мѣстѣ подробно. Всѣ договоры, коихъ предметъ состоитъ въ обязательствѣ лица къ какому либо дѣйствію (*do ut facias et facio ut facias*) составляютъ право личное.

О ЗАКОНАХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ.

Въ Римскомъ Законодательствѣ подъ именемъ законовъ гражданскихъ разумѣлись всѣ законы мѣстные, собственные (*jus civile, jus proprium*), а не заимствованные отъ законодательства другихъ народовъ, которое именовалось *jus gentium*. Въ послѣдствіи, когда законы Римскіе вошли въ общее Европейское законодательство, смыслъ сего слова измѣнился. Подъ именемъ гражданскихъ законовъ (*loix civiles, bürgerliche Gesetze*) начали разумѣть одни законы собственности; законы же внутренней безопасности получили особенное именованіе законовъ полиціи; а законы государственна-

го хозяйства—отдѣльное названіе законовъ финансовыхъ или камеральныхъ. Но при семъ измѣненіи всѣ три рода законовъ въ ихъ совокупности сохранили прежнее ихъ коренное названіе, съ тѣмъ различіемъ, что въ семъ смыслѣ въ Германіи они уже именовались *Landrecht*. Такимъ образомъ Римское слово *jus civile* получило два разныя значенія: подъ словомъ *Landrecht*, земскіе законы, оно сохранило прежнее свое Римское значеніе, объемлющее три рода законовъ; подъ словомъ *Loix civiles, bürgerliche Gesetze*, оно означаетъ законы собственности. Къ сему смѣшенію подали поводъ сами законники временъ Юстиніановыхъ. Въ двухъ ихъ изложеніяхъ, въ Уложеніи и Сводѣ (*codex et digesta*) вмѣщаются всѣ три разряда законовъ; напротивъ въ учебной книгѣ законовъ (*Institutiones*) въ первыхъ главахъ излагается теорія законовъ въ совокупномъ ихъ смыслѣ; въ самомъ же составѣ сей книги изложеніе ограничивается одними законами о собственности. Такимъ образомъ, по смыслу сей книги, *leges civiles* суть *loix civiles, bürgerliche Gesetze*, законы о собственности; напротивъ, по смыслу другихъ двухъ изложеній, *leges civiles* суть *Landrecht*, законы земскіе.

Слово *Законы гражданскіе* ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ у насъ не можетъ быть свойственно.

Оно не можетъ выражать законовъ собственности 1) потому что, по коренному значенію, слово *гражданинъ* не что другое есть какъ обыватель города; законы же собственности принадлежатъ ко всей землѣ, а не къ однимъ городамъ ея; 2) потому что употребленіе разширило значеніе сего слова и перенесло его на другія понятія, кои съ собственностію не имѣютъ связи. Въ церковныхъ постановленіяхъ судъ гражданскій, или свѣтскій, означаетъ судъ и тяжбный и уголовный; гражданское вѣдомство и градскіе законы означаютъ всякое вѣдомство и всѣ законы не церковные. Въ военныхъ уставахъ гражданское управленіе и гражданскіе законы означаютъ всякое управленіе и всѣ законы не военные. Такимъ образомъ стѣснить слово *гражданскій* въ одно понятіе собственности воспрещаетъ коренное значеніе сего слова, а наипаче его употребленіе.

Еще менѣе слово сіе можетъ быть употребляемо въ смыслѣ законовъ земскихъ (*Landrecht*). Законы сіи заключаютъ въ себѣ

между прочимъ и законы уголовные; но въ общемъ употребленіи гражданскій законъ, гражданскій судъ противопоставляются у насъ законамъ и суду уголовному. Напротивъ наименованіе сихъ законовъ земскими, и старинному значенію сего слова и настоящему смыслу его, есть весьма сообразно и прилично.

Само собою впрочемъ разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ объ употребленіи сего слова законномъ и судебномъ (*de usu fori*), въ коемъ смыслъ словъ долженъ быть опредѣленъ со всевозможною точностію, а не о томъ обычномъ употребленіи, коему нельзя постановить никакихъ правилъ, *usus quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi*.

Отсюда два вопроса: 1) Какое именованіе можетъ быть у насъ наиболѣе свойственно и отличительно для законовъ частной собственности? 2) Должно ли именовать ихъ законами частными?—Но законы частной собственности суть законы для всѣхъ подданныхъ общіе, и слѣдовательно частными назвать ихъ невозможно. Если же ни частными, ни гражданскими назвать ихъ невозможно, то остается именовать ихъ просто законами собственности.

Здѣсь не излишне будетъ присоединить еще одно слѣдующее примѣчаніе.

Законы о безопасности, и особенно о безопасности внѣшней, именуется вообще законами *политическими*. Употребленіе сего слова и по происхожденію его, и по разнымъ побочнымъ его значеніямъ, весьма не свойственно. Тамъ, гдѣ оно укоренилось, отмѣнить его невозможно. Но въ нашихъ законахъ, гдѣ употребленіе его еще непримѣтно, нѣтъ причины вводить его и тѣмъ умножать число словъ, понятіямъ несообразныхъ.

О СИСТЕМѢ ЗАКОНОВЪ СОБСТВЕННОСТИ.

Законы собственности въ Юстиніановомъ изложеніи слѣдующіи имѣютъ видъ. Они дѣлятся на три главные отдѣла: 1) законы о лицахъ, 2) законы объ имуществѣхъ и 3) законы объ искахъ.

Въ послѣдствіи при разныхъ приспособленіяхъ сей системы къ мѣстному разныхъ государствъ законодательству, они получили

слѣдующій почти общій или по крайней мѣрѣ обыкновенный видъ. Изъ первыхъ двухъ отдѣловъ составлены три части Уложенія подъ именемъ закона о лицахъ, о вещахъ и закона о обязательствахъ; а изъ третьяго отдѣла объ искахъ, составлено особое Уложеніе или Уставъ судопроизводства, который иногда, слагаясь съ учрежденіемъ судебныхъ мѣстъ, именуется вообще Судебнымъ уставомъ, а иногда отдѣльно составляетъ Книгу о судопроизводствѣ.

Отъ сего общаго состава, въ Германіи принятаго, во Французскомъ Гражданскомъ Уложеніи сдѣлано нѣкоторое отступленіе. Сіе Уложеніе раздѣлено на три части: 1) о лицахъ, 2) объ имуществѣхъ и разныхъ ихъ измѣненіяхъ, 3) о разныхъ образахъ пріобрѣтенія собственности.

Не должно искать точности въ Юстиниановыхъ изложеніяхъ. Это суть болѣе разсужденія законопика о законахъ, нежели самый текстъ закона. Посему можно пройти безъ замѣчанія разныя смѣшенія въ словахъ и выраженіяхъ, но нельзя не замѣтить слѣдующихъ главныхъ неудобствъ въ сихъ изложеніяхъ.

1) Первая ихъ часть, законы о лицахъ, представляетъ довольно правильное очертаніе законовъ не о лицахъ вообще, но о правѣ состоянія лицъ, хотя много тутъ есть пропусковъ и смѣшенія въ понятіяхъ о пріобрѣтеніи сего права и о способахъ, коими оно совершается. Главный недостатокъ сей части состоитъ въ томъ, что она выходитъ изъ своихъ предѣловъ и сливается со второю; въ ней опредѣляется не токмо право состояній, но и образъ пріобрѣтенія правъ вещественныхъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ, какъ то: въ малолѣтствѣ, въ правѣ родителя надъ дѣтьми, въ рабствѣ, и проч.

2) Вторая часть, о вещахъ, есть смѣсь всего, что можно сказать въ законѣ объ имуществѣхъ. Здѣсь раздѣленіе и роды имуществъ смѣшаны съ ихъ пріобрѣтеніемъ; право личное смѣшано съ вещественнымъ; охраненіе смѣшано съ правомъ. Сверхъ того какъ общія правила о пріобрѣтеніи имуществъ измѣняются по различію правъ особенныхъ состояній, то надлежало сдѣлать одно изъ двухъ: или составить изъ сихъ измѣненій особенное отдѣленіе, или при каждомъ правилѣ означить всѣ его изъятія. Не сдѣлано ни того, ни другаго; напротивъ нѣкоторыя изъ сихъ изъятій помѣщены въ первой части и вещественныя права отнесены къ закону о лицѣ,

другія оставлены во второй части. Но важнѣйшее неудобство состоитъ въ зыблемости и неопредѣлительности понятій собственности (*dominii*), облада́нія, (*possessionis*) и завладѣ́нія (*usurpationis*). Для установленія сихъ понятій написаны цѣлыя библіотеки; но предметъ сей остался столько же темнымъ, какъ и былъ прежде.

3) Третья часть, объ искахъ, представляетъ законы объ охраненіи права собственности, ибо искъ есть средство къ отысканію права въ судѣ и слѣд. къ охраненію его—*actio est remedium juris*. Въ сей части менѣе допущено смѣшенія, нежели въ другихъ, хотя и въ ней есть много правилъ, кои болѣе принадлежатъ ко второй части, нежели къ третьей.

Недостатки Юстиніановыхъ изложеній въ приспособленіи ихъ къ мѣстному законодательству другихъ государствъ отчасти исправлены, но коренной порокъ неправильнаго и произвольнаго раздѣленія предметовъ остался безъ исправленія.

Раздѣленіе во Французскомъ Уложеніи, болѣе уклоняясь отъ образца Юстиніанова, болѣе имѣетъ и правильности. Но смѣшеніе предметовъ въ первой части также ощутительно. Въ ней, устанавливая право состоянія, устанавливается вмѣстѣ и право вещественное нѣкоторыхъ состояній, право потому же раздѣленію принадлежащее къ третьей части, т. е. къ образу пріобрѣтенія. Во второй части есть смѣшеніе понятій о собственности, тѣмъ болѣе разительное, что въ сей части собственность опредѣляется какъ *dominium plenum*, а въ третьей части всѣ договоры найма и тому подобные виды *dominium non plenum* вмѣщаются въ понятіе той же собственности. Отъ того, что не отдѣлены и не собраны во едино измѣненія въ вещественномъ и личномъ правѣ, отъ различія состояній происходяція, измѣненія сіи, исключая правъ торговаго состоянія, разсѣяны во всей книгѣ въ видѣ частныхъ случаевъ или изъятій, и тѣмъ съ одной стороны связь самыхъ правилъ безпрестанно прерывается, а съ другой трудно опредѣлить съ точностію, какимъ измѣненіямъ въ правѣ подлежатъ каждый родъ состоянія. Право крѣпостное (*jus in re*) нигдѣ съ точностію не опредѣлено и не различено отъ другихъ правъ (*jus ad rem*). Охраненіе въ однихъ мѣстахъ присоединено къ правилу, въ другихъ же, и въ большей части, отнесено къ особой системѣ, къ Уложенію о Судопроизводствѣ.

О СОБСТВЕННОСТИ.

Слово *собственность* (dominium) въ древнихъ нашихъ законахъ и даже въ Уложеніи 1649 года не было еще употребляемо. Понятіе его выражаемо было другими словами: *отчиною*, *куплею* (купленнымъ имуществомъ), *выслуженнымъ имуществомъ*. Сіе понятіе о собственности противопоставлялось тогда *помѣстьямъ*, *наѣму* и всякому управленію по довѣренности и препорученію. Съ уничтоженіемъ права помѣстнаго, право собственности могло быть противопоставляемо токмо праву наѣма, праву пользованія (usus-fructus), и препорученію, и сверхъ того праву, всеѣмъ совокунно и никому въ особенности не принадлежащему, или праву всеобщему. Въ семъ смыслѣ слово сіе и нынѣ употребляется, и въ семъ же смыслѣ и въ новомъ составѣ Уложенія ⁽¹⁾ оно принято, съ тѣмъ токмо различіемъ, что оно наѣму и пользованію не противопоставляется. Въ самомъ дѣлѣ имущество нанятое хотя принадлежитъ въ собственность первоначальному его владѣльцу; но въ предѣлахъ наѣма, и доколѣ срокъ не минулъ, оно принадлежитъ также и нанимателю. Тотъ и другой имѣютъ на него право собственности, но въ разныхъ границахъ; одинъ на время и по условію, а другой навсегда, исключая однако же время наѣма. Слѣдовательно права обоихъ суть ограниченныя, посему наемъ и всякое пользованіе не только не противопоставляется праву собственности, но даже въ немъ заключается; оно противопоставляется токмо праву полному.

Когда власть одного лица надъ дѣяніями другаго, или надъ имуществомъ, принадлежитъ не одному тому лицу исключительно, но совмѣстно съ нимъ и всякому другому, кто можетъ или пожелаетъ тѣмъ пользоваться: тогда *право* именуется *всеобщимъ*. Таково есть право на свѣтъ солнечный, на воздухъ и вообще на все стхін; таково есть право всеѣхъ и cadaго на все то, что не воспрещено закономъ и что не присвоено кому либо исключительно.

Когда напротивъ власть принадлежитъ одному лицу или нѣкоторому числу лицъ исключительно такъ, что они одни могутъ упо-

(1) Здѣсь разумѣлся проектъ Гражданскаго Уложенія, составленный при Императорѣ Александрѣ I, но не доведенный до окончательнаго совершенія.
Примѣчаніе барона М. А. Корфа.

треблять сію власть, и никто другой безъ ихъ согласія той власти законно имѣть не можетъ: тогда право именуется *правомъ собственности*.

Посему собственность съ одной стороны противопоставляется чужому, а съ другой всеобщему.

Право собственности можетъ быть полное и ограниченное; оно есть *полное*, когда предметъ власти во всемъ его пространствѣ, какъ въ существѣ его, такъ и въ произведеніяхъ, принадлежитъ одному лицу или обществу исключительно такъ, что одно то лицо или общество можетъ располагать имъ по произволу, ничѣмъ другимъ кромѣ общаго закона не ограниченному; когда напротивъ предметъ власти принадлежитъ или не во всемъ его пространствѣ, или токмо въ однихъ его произведеніяхъ, но не въ существѣ его, или же не одному лицу или обществу, но многимъ въ совокупности такъ, что власть одного ограничивается властію и согласіемъ другаго: тогда право собственности есть *ограниченное*.

Посему право собственности на одно и тоже имущество можетъ быть вмѣстѣ полное и ограниченное; оно есть полное въ отношеніи къ тому обществу, коему принадлежитъ исключительно, но есть ограниченное въ отношеніи къ каждому члену того общества.

Въ иностранныхъ законахъ словомъ симъ (*dominium, propriété, Eigenthum*) выражаются два различныя понятія: одно означаетъ предметъ права или самое имущество; другое образъ его принадлежности лицу. Употребленіе его въ первомъ смыслѣ хотя и на Россійскомъ языкѣ можетъ быть допущено, но оно было бы бесполезно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло бы подать поводъ къ смѣшенію; во второмъ смыслѣ значеніе его есть весьма неопредѣленно. Съ одной стороны въ большей части иностранныхъ законовъ собственность изображается, какъ право самое полное и высшее располагать имуществомъ по произволу, ничѣмъ кромѣ закона неограниченному, и потому она противопоставляется какъ найму, такъ и всякому роду пользованія; но съ другой, къ числу способовъ, коими пріобрѣтается собственность имуществъ, отнесенъ и наемъ и всѣ вообще условныя пользованія. Слѣдовательно въ первомъ случаѣ пользованіе противопоставляется собственности (*dominium utile dominio directo*), а въ другомъ понятіе пользованія вмѣщается въ понятіи собственности. Сіе смѣшеніе и противорѣчіе понятій

произошло отъ того, что первоначально во всѣхъ государствахъ, какъ и у насъ, слово собственность противопоставалась праву помѣстному (феодалъному); потомъ когда сіе право измѣнилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ исчезло, тогда надлежало бы измѣнить и значеніе словъ; но привычка сохранила ихъ, не взирая на перемѣну вещей и понятій такъ, что собственность опредѣляется въ иностранныхъ законахъ какъ *dominium plenum* и *directum*, а потомъ въ тѣхъ же законахъ употребляется просто какъ *dominium*.

ОБЪ ОХРАНЕНИИ.

Охраненіе есть существенная часть закона: оно составляетъ всю его обязательность. Законъ безъ охраненія есть умозрительное правило, предметъ науки, а не жизненная сила человѣческихъ обществъ. *Legum eas partes, quibus pœnas constituimus adversus eos, qui contra leges fecerint, sanctiones vocamus. Instit. L. 2 instit. 1. Sanctiones sacrandae sunt aut genere ipso, aut abtestatione et consecratione legis aut poenae, quum caput ejus qui contra facit, consecratur. Cic. pro Corn. Balb. 33. c. 14.*

Въ своемъ мѣстѣ доказано, что предметъ всѣхъ законовъ есть одинъ и тотъ же: право состоянія, право личное и право вещественное.

Чтобъ познать, какимъ образомъ права сии охраняются, должно прежде опредѣлить, какимъ образомъ они могутъ быть нарушены.

Всѣ возможные нарушенія правъ собственности принадлежать къ четыремъ главнымъ: 1) къ присвоенію или ущербу безъ права, съ насиліемъ или подлогомъ; 2) къ присвоенію или ущербу безъ права, но безъ насилія и подлога; 3) къ присвоенію или ущербу подъ предлогомъ права, съ насиліемъ или подлогомъ; 4) къ присвоенію или ущербу подъ предлогомъ права, безъ насилія или подлога.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ право собственности охраняется законами безопасности; въ послѣднихъ же двухъ законами собственности посредствомъ суда.

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы хозяйства охраняютъ ввѣренную имъ собственность своими средствами, не призывая на помощь законы безопасности, то сіе происходитъ единственно отъ того, что въ сихъ случаяхъ они имѣютъ собственную свою полицію, т. е. законы безопасности удѣляютъ имъ на сіи случаи часть своей силы.

Когда въ установленіи права, или въ совершеніи его, или въ обладаніи соблюдены нѣкоторыя токмо правила законнаго пріобрѣтенія, другія же опущены или нарушены, тогда въ пріобрѣтеніи находится токмо *предлогъ къ праву*, а не самое право.

О ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Жизнь каждого народа начинается патріархальнымъ бытомъ. Такъ было у древнихъ Германцевъ, Кельтическаго племени, также было и у Славянскаго. У послѣдняго этотъ патріархальный типъ, можетъ быть вслѣдствіе особенной черты народности, удержался долѣе.

Въ патріархальномъ состояніи общество живетъ подъ вліяніемъ повѣрій, правовъ и обычаевъ; власти родоначальника довольно для внутренняго порядка, члены рода сообща пользуются естественными произведеніями, отдѣльной собственности не существуетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и столкновеній, не можетъ быть и обязательныхъ правилъ, опредѣляющихъ права на ея пріобрѣтеніе и пользованіе.

При дальнѣйшемъ развитіи общества, когда родовыя отношенія ослабѣваютъ и личность начинаетъ освобождаться изъ своей замкнутости въ родѣ, является необходимость въ общеобязательныхъ постановленіяхъ; но эти первоначальныя постановленія, какъ преимущественно вызванныя необходимостію личной безопасности, относятся къ уголовному праву. Въ Русской Правдѣ болѣе всего встрѣчается постановленій о вирахъ за убійство, разбой, увѣчье, потомъ о татѣбѣ и немного статей, относящихся къ частному праву, напр. о поклажѣ, рѣзѣ, и т. п.

Христіанская религія своимъ животворнымъ вліяніемъ старалась проникнуть и во внутренній семейный бытъ нашихъ предковъ. Озабочиваясь о распространеніи христіанскихъ истинъ, духовенство обратило свое вниманіе, какъ на личныя домашнія отношенія, такъ и на имущественныя. Само собою разумѣется, что завѣщательныя распоряженія, какъ послѣднее дѣйствіе умирающаго, послѣдній расчетъ его съ жизнью, не могъ не остаться безъ вліянія религіи. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ какъ поступало въ этомъ

случаѣ духовенство, какими правилами оно руководствовалось. Но эти правила не могли имѣть общеобязательной силы, они не гарантировались свѣтскою властію и оставались дѣломъ совѣсти, дѣломъ внутренняго убѣжденія. Такъ по правиламъ духовнымъ требовалось для дѣйствительности духовнаго завѣщанія подтвержденія 7 или 8 послуховъ, а между тѣмъ мы видимъ большую часть завѣщаній подписанныхъ только двумя, а есть даже совершенно безъ подписи свидѣтелей. По обычаю дѣлались распоряженія умирающимъ, обычаемъ они исполнялись, отъ обычая была ихъ внутренняя сила. Вотъ почему, между прочимъ, имѣли у насъ силу словесныя духовныя завѣщанія даже до начала настоящаго столѣтія. Вспомнимъ при этомъ случаѣ какъ возставало наше духовенство противъ кровной мести, многоженства или браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ поля, противъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, а между тѣмъ, не смотря на всѣ старанія, они долго еще жили въ народѣ.

Многіе изъ нашихъ изслѣдователей переносятъ свой современный взглядъ въ древній бытъ и видятъ полныя юридическія учрежденія, насилуя историческіе факты. Въ государствѣ только могутъ быть правильныя юридическія положенія, могутъ быть рѣзко обозначены отношенія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу и къ обществу. Но и здѣсь долго еще въ дѣйствіяхъ правительства замѣчается какая-то шаткость и неопредѣленность; на многіе отдѣлы частнаго права не обращается еще должнаго вниманія. Отъ этого мы не видимъ почти никакихъ постановленій завѣщательнаго права ни въ уставныхъ грамотахъ, ни въ Судебникахъ, ни въ дополнительныхъ къ Судебникамъ указахъ, ни въ Уложеніи, ни въ статьяхъ новоуказныхъ. Непоколебимость въ исполненіи завѣщаній держалась чувствомъ уваженія къ распоряженіямъ умершаго. Это былъ долгъ совѣсти. Отсюда объясняется и то, что завѣщательное право стояло выше права наслѣдственнаго. Такъ въ договорахъ Олега, Русской Правдѣ, Судебникахъ прямо говорится, что наслѣдство открывается только послѣ лицъ, не оставившихъ послѣ себя завѣщанія. Самыя дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ разбирались судомъ духовнымъ.

Петръ Великій дѣла о духовныхъ передаетъ суду свѣтскому. Это былъ переворотъ въ завѣщательномъ правѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

Петръ Великій не издалъ никакихъ постановленій о духовныхъ завѣщаніяхъ въ руководство свѣтскимъ судамъ. Поэтому были въ ходу тѣ же правила, которыми руководствовалось духовенство, и тѣ немногія постановленія, которыя были изданы его послѣдователями. Такъ продолжалось до 1831 года, когда изданы были полныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, вошедшія въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. И такъ при разсмотрѣніи завѣщательнаго права мы беремъ три отдѣла: 1) древній до Петра Великаго, т. е. до передачи дѣлъ этого рода суду свѣтскому, характеризующійся совершеннымъ отсутствіемъ въ отношеніи къ нимъ законодательныхъ постановленій; 2) съ Петра Великаго до 1831 года: здѣсь видно стремленіе правительства опредѣлить разные возникающіе случаи изъ завѣщательнаго права по началамъ государственнымъ, и 3) настоящее постановленіе. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно.

I.

ПОДСУДНОСТЬ.

До введенія Христіанства исполненіе распоряженій умершаго производилось старшимъ въ родѣ или ближнимъ его, совершенно безъ всякаго посторонняго вмѣшательства (¹). И это очень естественно. Во времена, когда семейственныя отношенія такъ святы, кто могъ оспаривать завѣщаніе умершаго? Не было ли это преступленіе, которымъ бы гнушался каждый родичь! И могло ли

(¹) Въ договорѣ Олега съ Греками говорится, что послѣ Русскаго, умершаго въ Греціи не урядивши своего имѣнія, оно отсылается въ Русь къ ближнимъ его; если же было уряженіе, то уряженное брать тотъ, кому было назначено. Здѣсь не говорится ни о какомъ должностномъ посредствующемъ лицѣ.

семеѣство, въ своей замкнутости, допустить вмѣшательство кого либо въ распоряженіи своего умершаго родственника. Христіанская религія не могла разорвать вдругъ и безъ борьбы этой замкнутости. Впрочемъ это доказывается и положительно тѣмъ, что ни въ Уставѣ св. Владиміра о церковномъ судѣ, ни въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ указаній ни на ограниченіе власти завѣщательнаго распоряженія или ряда, ни объ исполненіи его. Между тѣмъ о спорѣ за наслѣдство безъ завѣщанія сказано и въ Уставѣ ⁽¹⁾, и въ Русской Правдѣ ⁽²⁾. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что духовенство или свѣтская власть могли вмѣшиваться лишь въ томъ случаѣ, когда родственники, при возникшемъ спорѣ, прибѣгали къ ихъ посредничеству. Но почему въ Уставѣ св. Владиміра разборъ такихъ тяжбъ предоставленъ духовенству, а въ Русской Правдѣ князю? Это еще не рѣшено. Можетъ быть въ первомъ случаѣ говорится о наслѣдствѣ послѣ лицъ, подлежащихъ вѣдомству духовному, напр. іереевъ, иноковъ, чтецовъ, людей задунныхъ, и т. п., а во второмъ о наслѣдствѣ послѣ дружинниковъ, огнищанъ, смердовъ, и т. п. Но во всякомъ случаѣ и въ томъ и въ другомъ памятникѣ говорится о спорѣ, тяжбѣ. Завѣщательныя же распоряженія не могли подлежать спору, во 1) какъ мы уже говорили, по уваженію къ распоряженію умершаго родича, во 2) по власти старшаго въ родѣ или семеѣствѣ. Это намъ кажется яснымъ изъ постановленія Русской Правды, въ которомъ говорится о распоряженіи умершаго какъ о дѣлѣ безспорномъ: «аже кто умирая роздѣлитъ домъ, на томъ же стояти» ⁽³⁾. Но это, по нашему мнѣнію, не даетъ еще права оспаривать вліяніе духовенства въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Когда языческій семейный кругъ сталъ проникаться духомъ Христіанской религіи, его прежніе обычаи и вѣрованія стали постепенно подчиняться новому взгляду, другимъ убѣжденіямъ. Духовное лице, присутствуя при торжественномъ моментѣ смерти, разрѣшая и напутствуя умирающаго, по необходимости даже должно было входить во всѣ его мірскія отношенія. Мало по малу, современно распространенію и утвержденію Хри-

⁽¹⁾ Степ. кн., изд. Миллер., ч. 1, стр. 158.—⁽²⁾ Рус. Достопамяти. ч. 1. стр. 46. ⁽³⁾—Рус. Дост. ч. 1, стр. 44.

стіанства, это вліяніе укоренялось болѣе и болѣе. Но что истины Христіанской религіи распространялись въ народѣ не безъ борьбы, можно видѣть изъ посланія митрополита Фотія Новгородскому духовенству въ 1410 г., а еще болѣе изъ посланія Новгородскаго архієпископа Макарія игумнамъ, священникамъ и діаконамъ Вотской пятны (¹). Безъ всякаго сомнѣнія духовенство во всѣхъ своихъ дѣлахъ руководствовалось Греко-Римскими постановленіями, Номоканономъ.

Но вліяніе духовенства было дѣломъ частнымъ; такъ вѣроятно смотрѣли на него и князья наши. Въ «Судномъ Законѣ людямъ» находится нѣсколько постановленій о завѣщаніяхъ въ главѣ «о умирающихъ», которыми, вѣроятно, по своему усмотрѣнію, пользовались духовныя лица (²). По чѣмъ глубже и обширнѣе развивалось религіозное чувство, тѣмъ вмѣшательство духовенства становилось необходимѣе. Самая величина вкладовъ въ монастыри и церкви, дѣлаемыхъ по религіозному убѣжденію умирающими на успокоеніе души своей, налагала на духовенство обязанность заботиться о строгомъ и непремѣнномъ исполненіи ихъ посмертныхъ распоряженій. Такимъ образомъ какъ совершеніе завѣщанія, такъ и всѣ дѣла этого рода постепенно входили въ исключительное завѣдываніе духовенства. Это дало возможность послѣднему вводить систематическія правила о совершеніи завѣщательнаго акта (³). По крайней мѣрѣ всѣ завѣщанія, дошедшія до насъ отъ XV, XVI и XVII вѣковъ, составлены подъ вліяніемъ духовнымъ. Съ XVII вѣка, можетъ быть и ранѣе, — впрочемъ мы не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній, — Московскіе князья стали упоминать о завѣщаніяхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они признали ихъ подлежащими вѣдомству духовенства. Такимъ образомъ дѣла по завѣщаніямъ судились святительскими боярами, при соучастіи старостъ поповскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, градскихъ старостъ и цѣловальниковъ, на которыхъ жалобы приносились въ Патріаршіи Разрядъ (⁴).

(¹) А. Э. т. 1, N 369. Дополн. къ Акт. Ист. т. 1, N 28 и 43. Ср. Стогл. гл. 41, 92 и 93. — (²) Рус. Дост. ч. 2. стр. 193. — (³) А. Эксп. т. IV, стр. 458. Акт. Юр. стр. 391. — (⁴) Стогл. гл. 68 (А. П. т. I, N 155). Соборныя статьи 1667 г. мая 28 (А. Э. т. IV, N 155).

Такъ какъ все древнее судопроизводство носило на себѣ характеръ финансовый, то и въ этомъ случаѣ Церковь, кромѣ вкладовъ на уснокошеніе души, пользовалась значительнымъ, какъ увидимъ ниже, доходомъ въ пошлинахъ.

Подсудность дѣлъ о завѣщаніяхъ духовенству продолжалась до Петра Великаго.

КАКІЯ ЛИЦА ИМѢЛИ ПРАВО ЗАВѢЩАТЬ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ?

Лице, владѣвшее и распоряжавшее имуществомъ при жизни своей, имѣло право распорядиться имъ и посредствомъ завѣщанія. Слѣдовательно здѣсь вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ о правѣ владѣнія. Но право обладанія обуславливается политическимъ и личнымъ положеніемъ лица.

Въ первомъ отношеніи, по всѣмъ извѣстіямъ нашихъ памятниковъ, не видно въ древнемъ періодѣ, чтобы какому либо состоянію отказывалось въ правѣ владѣть имуществомъ, кромѣ одного не-свободнаго состоянія. Холопы сами разсматривались какъ вещь, какъ собственность владѣльца, а потому и нельзя предположить у нихъ никакой возможности дѣлать завѣщанія, развѣ только по желанію самого владѣльца ⁽¹⁾. Близко къ холопамъ подходили закупы, паймиты, но они уже имѣли свою собственность, а стало быть имѣли право и завѣщавать ⁽²⁾. Исключеніе изъ общаго правила, повидимому, составляли смерды, которые хотя и принадлежали къ свободному состоянію, но ограничены были въ правахъ составленія завѣщанія. Такъ наследство послѣ бездѣтныхъ смердовъ принадлежало князю: «Аще смердъ умретъ безажю, то князю задница» ⁽³⁾. Главное имущество смерда, какъ поселянина, заключалось въ землѣ, но принадлежала ли земля на правѣ собственности смерду? Едва ли. И въ послѣдующее время мы видимъ, что поселянинъ произвольно бросаетъ свой обрабатываемый участокъ и переходитъ на другой. При множествѣ необработанной земли каждый могъ занимать землю, незанятую кѣмъ-либо другимъ. Кому

⁽¹⁾ Рус. Дост. ч. 1, стр. 36, 53—58.—⁽²⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. 41, 48.—
⁽³⁾ Тамъ же, ч. 2, стр. 103.

же принадлежали свободныя земли? Намъ кажется, онѣ принадлежали князю, какъ вотчиннику всего округа своего княжества. Принимая эту мысль, намъ становится яснымъ, почему послѣ смерда наследство идетъ князю. Смердъ не имѣлъ права собственности на отдѣльный участокъ, слѣдовательно не могъ и передавать его по завѣщанію по своему произволу.

Болѣе ограниченій мы не встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ законодательныхъ памятникахъ. Напротивъ, въ числѣ дошедшихъ до насъ завѣщательныхъ актовъ, мы видимъ завѣщанія, сдѣланныя людьми почти всѣхъ сословіій, даже монахами ⁽¹⁾, монахинями ⁽²⁾, монастырскими людьми ⁽³⁾ и крестьянами ⁽⁴⁾.

Что касается до личнаго положенія лица, условливающего его право обладанія, то оно заключается въ совершеннолѣтіи, достаточномъ развитіи умственныхъ способностей, и т. п. Объ возрастѣ, въ которомъ дозволялось совершать акты, а слѣдовательно и завѣщанія, въ нашихъ древнихъ историческихъ и юридическихъ памятникахъ нѣтъ яснаго свѣдѣнія. Можно предположить, что возрастъ, необходимый для правильнаго составленія актовъ, былъ одинаковъ съ возрастомъ для вступленія въ бракъ. Женшійся составлялъ какъ бы отдѣльное хозяйство, слѣдовательно могъ и распоряжаться своимъ имуществомъ. По Стоглаву (гл. 18) совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ опредѣляется для мужескаго пола 15, а для женскаго 12 лѣтъ ⁽⁵⁾.

Лишенные же умственныхъ способностей, т. е. безумные и сумасшедшіе, какъ фактически не пользующіеся правомъ владѣнія, не могли составлять и завѣщаній. Такъ объ этомъ говорится въ Судномъ Законѣ людямъ: «Устроить имѣніе здравымъ ходящимъ и цѣлымъ умомъ» ⁽⁶⁾. Что это положеніе имѣло тогда практическую силу, на это указываютъ и оговорки, помѣщенные въ началѣ почти всѣхъ древнихъ, дошедшихъ до насъ завѣщаній: «Будучи въ полномъ умѣ и памяти» ⁽⁷⁾. Послѣ этого заявленія въ нѣкоторыхъ

⁽¹⁾ А. Ю. N 469, 422, 423.—⁽²⁾ А. Ю. N 419.—⁽³⁾ А. Ю. N 427.—⁽⁴⁾ А. Ю. N 424.—⁽⁵⁾ Почти этотъ же возрастъ на право составленія завѣщаній опредѣляется и духовными постановленіями, именно для мужескаго пола 14, а для женск. 12. Означ. Кормч., Калачова, прил. стр. 41.—⁽⁶⁾ Рус. Дост. ч. 2 стр. 196. Означ. Кормч. Калачова прил. стр. 41.—⁽⁷⁾ А. Ю. N 410, 411, 414—427.—

грамотахъ завѣщательныхъ встрѣчается выраженіе: «и никѣмъ не нуженъ» (¹). Это послѣднее не показываетъ ли что для полной силы требовалось и собственное желаніе.

Само собою разумѣется, что юридическія лица, какъ не умирающія, не могли дѣлать завѣщаній.

О ЛИЦАХЪ, КОТОРЫЯ ИМѢЛИ ПРАВО ПРИОБРѢТАТЬ ПОСРЕДСТВОМЪ ЗАВѢЩАНІЙ.

Тѣ же лица, которыя имѣли право владѣть имуществомъ, имѣли право и приобрѣтать его посредствомъ завѣщаній. Единственное, кажется, исключеніе составляли монастыри и церкви. Въ духовныхъ распоряженіяхъ каждаго христіанина того времени главное мѣсто занимало распоряженіе о успокоеніи души. Съ этой цѣлью были жертвуемы въ пользу монастырей номѣстья и вотчины и всякаго рода имущества. Съ Іоанна IV начинается рядъ запрещеній монастырямъ приобрѣтать посредствомъ завѣщаній недвижимыя имущества. Такъ въ 1551 г. дозволено было давать вотчины монастырямъ только съ доклада государю (²). Въ 1572 г. вовсе запрещено отказывать вотчины монастырямъ, владѣющимъ значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, а бѣднымъ монастырямъ дозволено съ доклада государя и съ боярскаго приговора (³). Въ 1580 г. рѣшительно воспрещено отказывать въ монастыри вотчины, вмѣсто чего дозволялось давать деньги по стоимости вотчины (⁴). Это же правило было подтверждено и Уложеніемъ. (⁵) Въ Уложеніи же находится запрещеніе владѣть лицамъ монашескаго званія вотчинами, а слѣдовательно въ пользу ихъ не могло быть составлено завѣщаніе (⁶).

(¹) Собр. гос. гр. и дог. ч. 1 N 21.—(²) А. Э. т. I, N 227. Соборный приговоръ царя и духовенства 1551 г. мая 11.—(³) А. П. т. I, стр. 270. Приговоръ собора духовенства и бояръ 1572 г. октября 9.—(⁴) А. Э. т. I, N 308. Приговоръ царя Іоанна IV, духовенства и бояръ 1580 г. января 15.—(⁵) Улож. гл. XVII, ст. 42.—(⁶) Тамъ же, ст. 43.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАВѢЩАНІЙ.

Содержаніе завѣщаній было многообразно: все, что принадлежало лицу, дѣлалось предметомъ его распоряженій. Мы уже говорили, что главное мѣсто въ этихъ распоряженіяхъ занимали различные вклады въ монастыри и церкви на успокоеніе души ⁽¹⁾. Эти распоряженія, до запрещенія ихъ правительствомъ, были особенно поощряемы духовенствомъ. Далѣе, озабочиваясь судьбою своихъ ближнихъ, напр. жены и малолѣтнихъ дѣтей, завѣщатель поручалъ наслѣдниковъ обыкновенно матери ихъ, духовнымъ лицамъ, родственникамъ и лицамъ должностнымъ ⁽²⁾.

Что касается до имущественныхъ отношеній, то владѣлецъ передавалъ, по своему завѣщанію, или полное право собственности, или только право владѣнія и пользованія ⁽³⁾. На основаніи Греко-Римскихъ постановленій духовенство старалось опредѣлить участіе жены въ имѣніи мужа ея половиною частію, въ другой же половинѣ должны быть назначаемы завѣщаніемъ наслѣдниками дѣти ⁽⁴⁾. Но, кажется, въ практикѣ того времени собственникъ не стѣснялся какими-либо правами дѣтей своихъ на его имущество. Даже въ томъ же Судномъ Законѣ людямъ, изъ котораго мы взяли предъидущія постановленія, находится положеніе, по которому исполнитель завѣщанія выполнялъ его противъ воли жены и дѣтей умершаго ⁽⁵⁾.

У насъ до Петра В. въ составъ имуществъ входили вотчины, помѣстья, тяглыя земли, дворы, холопы, денежные капиталы и разныя движимыя вещи. Разсмотримъ, какъ подлежали завѣщательному праву эти различные роды имуществъ.

Не будемъ разбирать различныхъ мнѣній о происхожденіи вотчинъ; по нашей цѣли для насъ довольно знать, что вотчины, по отношенію правъ владѣнія, пользованія, а главное распоряженія, раздѣлялись на вотчины, принадлежавшія потомкамъ прежнихъ владѣтельныхъ князей, вотчины родовыя и пріобрѣтенныя куплею отъ казны или постороннихъ лицъ. Болѣе всѣхъ подвергались ограниченіямъ въ правѣ распоряженія вотчины потомковъ прежнихъ владѣтельныхъ

⁽¹⁾ А. Ю. N 409, 412, 413, 416, 417, 418 и др.—⁽²⁾ А. Ю. N 409, 410, 412.—⁽³⁾ Улож. гл. XVII, ст. 7. А. Ю. N 409. — ⁽⁴⁾ Рус. Дост. ч. 2, стр. 198.—⁽⁵⁾ Рус. Дост. ч. 2, стр. 194.

князей, вошедшихъ въ составъ подданныхъ Московскихъ. Іоаннъ III Васильевичъ и Василій Іоанновичъ запрещали отдавать такія вотчины въ монастыри по душѣ⁽¹⁾. Это запрещеніе вошло и въ приговоръ собора духовенства 1551 г.⁽²⁾ Изъ указа 1562 г. января 15 видно, что не имѣвшій мужескаго потомства собственникъ такихъ вотчинъ не могъ предоставить ихъ по смерти своей ни сестрѣ, ни дочери, ни отдать въ монастырь по душѣ. если же онъ отказывалъ брату или племяннику, то исполненіе и мѣра исполненія зависѣли отъ воли государя. Равнымъ образомъ такой собственникъ могъ отказать часть своей вотчины въ пожизненное владѣніе своей женѣ, но отъ усмотрѣнія государя зависѣло ограничить назначенную ей часть⁽³⁾. Это положеніе было подтверждено соборомъ 1572 г.⁽⁴⁾ Во время Уложенія о такихъ вотчинахъ болѣе не упоминается.

Были ли ограничиваемы собственники родовыхъ вотчинъ въ своихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ? Прямого ограниченія въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ до послѣдней четверти XVII столѣтія. Напротивъ того въ Судебникахъ прямо говорится, что дѣти наследуютъ только по неимѣнію завѣщанія⁽⁵⁾. Если бы было отлчіе въ отношеніи родовыхъ вотчинъ, то оно было бы означено. Вѣроятно, что каждый владѣлецъ изъ прирожденной любви къ своимъ близкимъ родственникамъ болѣе всего озабочивался ихъ обезпеченіемъ, и кромѣ того очень можетъ быть, что по обычаю родъ всегда сохранялъ свое родовое имущество⁽⁶⁾; можетъ быть также и верховная власть изъ политическихъ видовъ,—такъ какъ вотчинники были служилые люди,—поощряла этотъ обычай; но прямыхъ указаній въ законодательствѣ на такое признаніе правъ рода на родовое имущество мы не встрѣчаемъ до половины XVII вѣка. Въ Уложеніи косвеннымъ образомъ уже признается это право: «А которые—сказано здѣсь—вотчинники померли, а вотчины ихъ послѣ ихъ, по духовнымъ и по даннымъ ихъ, даны ихъ племянникамъ и внучатамъ и правнучатамъ дѣвкамъ, и тѣмъ вотчинамъ быти за ними *по родству* (7)»; далѣе

(1) А. Э. т. 1. стр. 219. — (2) А. Э. т. 1. стр. 219. — (3) А. П. т. 1. стр. 268—270. — (4) А. П. т. 1. стр. 270. — (5) Зак. Іоанна III и Суд. Іоанна IV. изд. Калайдовича и Строева стр. 21 и 91. — (6) А. Ю. № 409. — (7) Улож. гл. XVII ст. 1.

запрещается оспаривать дѣтямъ и внучатамъ духовную на купленную вотчину, когда та духовная не была оспариваема при свидѣтельствѣ (¹). Почему же именно купленную? Не могла ли быть оспариваема духовная на родовую вотчину, если только она вообще могла имѣть силу? Въ 1650 г. запрещено было отказывать по духовнымъ родовыя и выслуженныя вотчины женамъ за приданое и за прожитыя деньги (²). Прямое же запрещеніе отдавать родовую вотчину по духовному завѣщанію мимо дѣтей родственникамъ, или мимо послѣднихъ и первыхъ чужеродцамъ, было издано только въ 1679 г: «кто родовую или выслуженную или купленную, буде купилъ выслуженную или родовую вотчину у родственника роду своего, напишетъ въ духовной мимо дѣтей своихъ, сыновей и дочерей, братьямъ роднымъ и родственникомъ и чужеродцомъ, и духовная хотя и свидѣтельствована,..... и по тѣмъ духовнымъ тѣхъ вотчинъ не давать, а давать тѣ вотчины по Уложенію умершаго дѣтямъ, а будетъ дѣтей не будетъ, и тѣ вотчины отдавать родственникомъ, а по духовнымъ такихъ вотчинъ не давать (³)». Объ ограниченіи права на случай отдачи въ монастыри и церкви по душѣ мы уже упоминали: это ограниченіе относится до всѣхъ вообще вотчинъ.

Однаковую судьбу съ родовыми вотчинами имѣли вотчины выслуженныя, пожалованныя, впрочемъ, само собою разумѣется, только тогда, когда вотчина давалась государемъ не въ пожизненное пользованіе, а въ полную собственность, т. е. когда жалована была отцу, дѣтямъ, внучатамъ, однимъ словомъ потомству (⁴); но какъ въ этотъ періодъ еще не было опредѣленныхъ юридическихъ положеній, то въ памятникахъ встрѣчается иногда пожалованіе и одному лицу на полномъ правѣ распоряженія. Что существовали, однако, завѣщанія на пожалованныя вотчины какъ и на родовыя мимо дѣтей родственникамъ или чужеродцамъ, это видно изъ того же указа 1679 г., запрещающаго такого рода распоряженіе.

Иногда наше правительство продавало порозжія земли въ вотчину частнымъ лицамъ. Какими правами въ отношеніи завѣщательномъ пользовались собственники такихъ вотчинъ, мы не знаемъ.

(¹) Улож. гл. XVII ст. 31.—(²) Ук. 1650 г. мая 1 (34). — (³) Ук. 1679 г. іюля 19 (764).—(⁴) Въ настоящемъ законодательствѣ полная собственность называется вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ. Это названіе имѣетъ основаніе историческое. А. Э. т. I, № 160, 340.

Но какъ въ купчихъ на такія земли означалась продажа покупщику, женѣ его и дѣтямъ, т. е. въ полную собственность, то отсюда можно, кажется, заключить, что завѣщатель такую собственность имѣлъ право отказывать по своему произволу. Что же касается до помѣстій, купленныхъ въ вотчину, то указомъ 1687 г. они сравнивались съ родовыми и выслуженными вотчинами.

Наконецъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о вотчинахъ благопріобрѣтенныхъ, купленныхъ у чужеродцевъ. Въ отношеніи этихъ вотчинъ завѣщатель собственникъ могъ вполне распоряжаться по своему произволу, не стѣняясь какими либо правами. Если можно еще сомнѣваться, относится ли статья Судебника, по которой предоставляются земли сыну, а за неимѣніемъ сына дочери, только за отсутствіемъ духовной, къ землямъ родовымъ, то во всякомъ случаѣ купленная вотчина подлежитъ этому правилу. Мы видѣли, что Уложеніемъ воспрещался даже дѣтямъ споръ на завѣщаніе по купленной вотчинѣ, когда споръ не былъ предъявленъ при свидѣтельствѣ. Можно почти утвердительно сказать, что и при свидѣтельствѣ споръ могъ быть только объявленъ на подложность завѣщанія.

Были еще различныя политическія обстоятельства, ограничивавшія собственника въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Такъ извѣстно, что у насъ въ древнемъ періодѣ всѣ лица свободного состоянія пользовались правомъ свободного перехода. Бояре, дружинники и служилые люди нерѣдко переходили изъ одного княжества въ другое и тѣмъ еще болѣе спутывали и такъ неустроенныя поземельныя отношенія. Да и князю не расчетливо было имѣть у себя въ службѣ вотчинника, котораго интересы были привязаны по поземельнымъ владѣніямъ къ интересамъ другаго князя. Оттого въ договорахъ князей съ Новгородомъ мы встрѣчаемъ условія, чтобы ни князья, ни члены его семейства, дружины, бояре не могли никакимъ образомъ пріобрѣтать земель во владѣніяхъ Новгородскихъ ⁽¹⁾. Точно такія же условія включались въ договоры князей между собою ⁽²⁾. Иногда впрочемъ дозволялись такія пріобрѣтенія, но не иначе, какъ съ согласія князя ⁽³⁾, не иначе, потому что

⁽¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог. т. 1 N 1—12, 14—16, 18, 20 — ⁽²⁾ Тамъ же, ст. 36, 44, 56, 57, 66, 77, 100, 103, 108, 111, 114, 116, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 132, 136, 141. — ⁽³⁾ Тамъ же, ст. 63, 91, 92.

собственникъ, перешедшій въ службу къ другому князю, терялъ свои вотчины, находящіяся во владѣніяхъ перваго ⁽¹⁾. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этихъ договоровъ владѣлецъ, служившій Московскому князю, не могъ отказать завѣщаніемъ хотя бы и купленные Московскія вотчины своему родственнику, подданному князя Тверскаго.

Кромѣ изчисленныхъ ограниченій существовали еще ограниченія временныя, установленныя Московскими князьями. Извѣстно, что существовалъ особый классъ служилыхъ людей, которые, владѣя вотчинами и помѣстьями въ опредѣленномъ мѣстѣ, напр. на границахъ, обязывались отправлять опредѣленную службу. Такіе служилые люди составляли собою совершенно особый разрядъ, такъ что дозволялось отчуждать, продавать и закладывать имъ свои вотчины только между собою, другимъ же Московскимъ подданнымъ рѣшительно запрещалось пріобрѣтать такого рода земли. Сюда относятся запрещенія царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича на пріобрѣтеніе земель отъ Бѣлозерцевъ ⁽²⁾, Казаковъ ⁽³⁾, служилыхъ людей городовъ Украинскихъ ⁽⁴⁾, уѣздовъ Смоленскаго, Дорогобужскаго, Бѣльскаго, Рославльскаго ⁽⁵⁾, и т. п. Конечно эти запрещенія прямо относились къ продажѣ и закладу, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они касались и другихъ способовъ отчужденія, а въ томъ числѣ и посредствомъ духовныхъ завѣщаній. Разумѣется эти ограниченія уничтожились сами собою когда всѣ отдѣльныя части плотно слились въ Московскомъ государствѣ, когда помѣстную систему замѣнили денежныя оклады.

Этимъ краткимъ очеркомъ мы старались показать въ какой мѣрѣ вотчины могли служить предметомъ завѣщаній. Теперь перейдемъ къ другимъ родамъ имуществъ.

Нѣтъ никакихъ извѣстій въ нашихъ памятникахъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что помѣстья подлежали произвольному распоряженію. Помѣстья давались какъ вознагражденіе за службу вмѣстѣ съ обязательствомъ службы. Согласно такому значенію по-

⁽¹⁾ Тамъ же, ст. 87, 89, 101, 103, 109, 111, 115, 117, 120, 123, 126, 129, 132, 134, 141. — ⁽²⁾ Рус. Вѣст. 1842 г. N 11 и 12 стр. 116, 117. Указ. кн. Ц. Мих. Феод. Улож. гл. XVI ст. 49, 50. — ⁽³⁾ Рус. Вѣст. 1842 г. N 11 и 12, стр. 132. — ⁽⁴⁾ Тамъ же, N 11 и 12, стр. 128. — ⁽⁵⁾ 1682 г. іюля 2 (935).

мѣстѣи, они не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы. Конечно помѣщикъ могъ промѣнять свои помѣстья, могъ дать ихъ въ приданое за дочерью и тогда эти помѣстья записывались уже за зятями, на которыхъ равномерно переходила и обязанность службы, могъ поступиться своимъ помѣстьемъ или половиной въ пользу сыновей, но все это не иначе какъ съ вѣдома правительства, слѣдовательно не на правѣ собственности. По такому значенію помѣстной системы можно рѣшительно сказать, что помѣстья не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ. Въ послѣдствіи помѣстья слились съ вотчинами въ одно понятіе недвижимыхъ имѣній.

Существовалъ еще въ древнемъ періодѣ особый разрядъ земель тяглыхъ. Земли эти принадлежали правительству, но были въ вѣчномъ владѣніи сельскихъ общинъ или частныхъ лицъ. Каждый членъ такой общины, каждый владѣлецъ пользовался опредѣленнымъ участкомъ, внося подати и отпращивая повинности, однимъ словомъ, неся тягло. Это пользованіе имѣло видъ вотчинныхъ правъ: напр. крестьянинъ могъ продать свой участокъ другому, могъ сдать его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ самъ принялъ,—въ этомъ случаѣ онъ продавалъ и сдавалъ только свое право пользованія. Но при томъ неустроенномъ состояніи, въ какомъ находились тогда поземельныя отношенія, тяглые люди присвоили себѣ право продавать свои участки бѣломѣстцамъ, которые постоянно уклонялись отъ платежа податей, слѣдовательно въ этомъ случаѣ была продажа какъ будто въ вотчину. Впрочемъ правительство постоянно запрещало такого рода сдѣлки. Изъ этого понятія о тяглыхъ земляхъ мы заключаемъ, что они не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ своихъ владѣльцевъ на правѣ собственности, но могли подлежать на правѣ владѣнія и пользованія. Въ послѣдствіи эти тяглыя земли сдѣлались или вотчинами или казенными.

Какъ земли были вотчинныя и тяглыя, точно также и городскіе дворы раздѣлялись на бѣлые и тяглые. Это различіе условливалось и званіемъ владѣльца. Дворы, принадлежавшіе духовнымъ, служилымъ людямъ, гостямъ, освобождались отъ всякихъ податей—были дворы бѣлые, дворы же платящихъ подати были дворы тяглые. Изъ видовъ финансовыхъ правительство хотя и дозволяло пріобрѣтеніе бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ, но съ платежемъ тягла. А какъ бѣломѣстцы постоянно стремились обѣливать свои дворы,

то царь Михаилъ Осодоровичъ рѣшительно запретилъ всякій переходъ дворовъ отъ тяглыхъ къ бѣломѣстцамъ ⁽¹⁾. Это запрещеніе часто повторялось и постоянно не соблюдалось ⁽²⁾. Въ 1700 году опять дозволенъ былъ переходъ, но съ переходомъ же тягла ⁽³⁾. Изъ этого мы видимъ, что владѣлецъ тяглаго двора могъ, посредствомъ завѣщанія, предоставить его или тяглу же, или, когда дозволялось, бѣломѣстцу съ платежемъ тягла. Что касается до бѣлыхъ дворовъ, то они были или на правѣ вотчинномъ, на правѣ полной собственности, и тогда собственникъ такого двора могъ имъ распоряжаться произвольно, т. е. продавать, закладывать, дарить и завѣщать, или на правѣ помѣстномъ,—когда владѣлецъ получалъ землю подъ дворъ отъ казны. Владѣлецъ такого двора ограничивался въ своихъ распоряженіяхъ до тѣхъ поръ, пока этотъ дворъ не былъ пожалованъ въ собственность, или пока за него не была выплачена опредѣленная въ казну сумма.

Въ статьѣ о лицахъ, имѣющихъ право дѣлать завѣщанія, мы сказали, что холопы, по политическому значенію своему, не могли дѣлать никакихъ распоряженій. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о нихъ, какъ о предметѣ содержанія завѣщаній. Что холопы разсматривались въ древнія времена какъ вещь, какъ собственность, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: изъ постановленій Русской Правды ⁽⁴⁾ видно, что холопъ могъ быть утаенъ, украденъ, онъ могъ быть уничтоженъ безъ всякой отвѣтственности по закону: «а кто осподарь огрѣшится ударить холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не смяютъ ⁽⁵⁾», говоритъ Двинская грамота Василія Дмитріевича 1399 г. Такой взглядъ несогласенъ съ истинами Христіанской религіи, оттого наше духовенство старалось всѣми средствами смягчить эти строгія отношенія. Если убѣжденія духовныхъ лицъ оказывались безплодными при жизни владѣльца, то они имѣли полную силу при его кончинѣ. На эти старанія духовенства указываютъ постановленія, помѣщенные въ Законъ Судномъ людямъ: «предая имѣніе свое предъ послухъ,

⁽¹⁾ А. П. т. III, стр. 93.—⁽²⁾ А. П. т. III, стр. 103, 106, 114. Улож. гл. XIX, стр. 99. П. С. З. т. 2, стр. 723, 724.—⁽³⁾ Ук. 1700 г. іюня 13 (1798).—⁽⁴⁾ Рус. Дост. ч. 1. стр. 36, 53—58.—⁽⁵⁾ А. Арх. Э. т. I, N 13. Впрочемъ Герберштейнъ говоритъ: ultimo supplicio solus princeps servos et alios afficere potest (Rer. Moscov. etc. стр. 36).

да выпишетъ первое свободъ ⁽¹⁾». Вліяніе Христіанства обнаруживаютъ всѣ духовныя XV, XVI и XVII вѣковъ. Въ рѣдкой изъ нихъ нѣтъ освобожденія холоповъ ⁽²⁾. Конечно, не всегда было такое отпущеніе безусловно и безмездно, — иногда назначалась въ духовной сумма, которую долженъ былъ уплатить отпускаемый ⁽³⁾, иногда отпускался на волю послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы наследнику, иногда даже послѣ смерти наследника ⁽⁴⁾, иногда мужъ безъ жены, или отецъ безъ дѣтей и наоборотъ ⁽⁵⁾. Разумѣется, эти условія зависѣли отъ степени услугъ, оказанныхъ владѣльцу холопомъ. Такъ мы видимъ въ числѣ отпускаемыхъ на волю по духовнымъ большею частію приказныхъ, которые, безъ сомнѣнія, могли оказать владѣльцу больше услугъ. Если по духовной холопу не назначалась свобода, то назначеніе его тому или другому наследнику совершенно зависѣло отъ воли собственника, составлявшаго завѣщаніе ⁽⁶⁾. Въ этомъ случаѣ кажется не существовало никакого ограниченія.

Но кромѣ обѣльныхъ холоповъ существовали еще холопы кабальные. Кабальными назывались холопы, пожертвовавшіе своею свободою по какому нибудь обязательству, кабалѣ, напр. за извѣстную сумму денегъ. Такіе холопы были только крѣпки владѣльцу, получившему кабалу, и потому они не могли быть отказываемы въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ ⁽⁷⁾. Мало того, отецъ такого владѣльца въ своей духовной могъ даровать свободу кабальнымъ холопамъ своего сына ⁽⁸⁾.

Что касается до крестьянъ, — людей несвободнаго состоянія, крѣпкихъ землѣ съ конца XVI или начала XVII в., — то они подлежали правамъ вотчиннымъ, о чемъ мы уже говорили.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ допетровскаго времени одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ распоряженія о капиталахъ, «кому ми что дати или у кого ми что взяти.» Въ этомъ отношеніи собственникъ не ограничивался ничѣмъ, по своему произволу могъ дарить, завѣщать тому или другому лицу ту или другую сумму денегъ. Равнымъ образомъ это относится и до другихъ движимыхъ вещей, какъ напр. скота, домашней утвари, и т. п.

⁽¹⁾ Рус. Дост. ч. 2, стр. 198. — ⁽²⁾ А. Ю. N 409. — ⁽³⁾ А. Ю. N 414, 410. — ⁽⁴⁾ А. Ю. N 420. — ⁽⁵⁾ А. Ю. N 409, 410, 420, 417. — ⁽⁶⁾ Улож. гл. XX, ст. 31, 63, 61, 64, 77. — ⁽⁷⁾ Тамъ же, ст. 61, 63, 64. — ⁽⁸⁾ Тамъ же, ст. 106.

Разсмотрѣвъ въ какой мѣрѣ подлежали различные виды имущества завѣщательнымъ распоряженіямъ, мы должны въ заключеніе сказать, что вообще постановленій, ограничивающихъ собственника въ его послѣднихъ распоряженіяхъ (за исключеніемъ вышензложенныхъ) не было. Между тѣмъ въ Греко-Римскихъ законахъ находились постановленія, ограничивающія владѣльца въ его духовныхъ распоряженіяхъ по всѣмъ родамъ имущества. Такъ въ Законѣ Судномъ людямъ говорится: «попускаетъ бо судъ нашъ, да аще хошетъ дарити отъ своея части жену си вѣщную, то даритъ достойною частію, еже нарѣчется полдѣму: на полу бо дому даетъ ему судъ власти, а полъ вѣщъ члвцска не дастъ ему, должномъ сущъ отецъ чада своя кормити; тѣмъ бо ся множество родное сдержитъ ⁽¹⁾». Такъ какъ, вѣроятно, эти постановленія служили руководствомъ духовнымъ лицамъ, которыя съ своей стороны, безъ всякаго сомнѣнія, были главными руководителями при составленіи завѣщаній, то и нельзя отвергнуть ихъ вліянія. Но имѣли ли они обязательную силу, на это нѣтъ никакихъ въ нашихъ памятникахъ указаній. Правда, что въ указѣ Іоанна IV говорится: «которые князи и бояре, и дѣти боярскіе, и всякаго чина люди дѣтей не имѣютъ, а похотятъ свои отчины продати, или заложити, или въ монастырь по душѣ отдати вольно всѣ свои купли. А не будетъ кому купли, ино изъ отчинъ до половины, а болѣе половины отчинъ мимо отчинъ ни продать, ни заложить, ни по душѣ не отдать. А продастъ кто или заложить, или по душѣ отдастъ болѣе половины, а отчинъ будетъ бить челомъ о томъ: и ту лишнюю продажу отдати отчину. А кто, не опытавъ, болѣе половины купилъ или подъ закладъ взялъ, а тотъ тѣ деньги потерялъ» ⁽²⁾. Но здѣсь упоминается о продажѣ и о залогѣ; что же касается до отдачи по душѣ въ монастыри, то ограничительныя распоряженія по этому предмету начинаются съ этого времени. Да и при томъ неустроенномъ состояніи, въ какомъ находилось тогда государство едва ли имѣло это постановленіе практическую силу.

⁽¹⁾ Рус. Дост. ч. 2, стр. 198.—⁽²⁾ Судебн. Ц. Іоанна Грозн., изд. Татищевымъ, въ Продолж. Др. Рос. Вивл. 1780, стр. 170.

СОВЕРШЕНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ древнемъ періодѣ существовали два рода духовныхъ завѣщаній: словесныя и письменныя. Вѣроятно, словесныя завѣщанія были преимущественно употребляемы до того времени, когда стало входить въ обычай укрѣплять права свои на имущества письменными актами, т. е. до XIV вѣка. Съ этого же времени словесныя завѣщанія составлялись только на имущества малозначительныя, или исполненіе которыхъ не могло встрѣтить затрудненій. Но существованіе ихъ еще подтверждается въ 1680 г. (1).

Изъ нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ Законѣ Судномъ людямъ, мы можемъ видѣть самый способъ составленія завѣщаній (2). Умирающій, назначивъ исполнителя своего завѣщанія,—который назывался испоручникомъ,—приказывалъ ему устроить свое имѣніе сообразно своему назначенію въ присутствіи послуховъ, не менѣе 7, знающихъ лично завѣщателя. Тутъ же означаются и качества, которыя должны имѣть испоручникъ и послухи. Испоручникъ не долженъ быть ни пьяница, ни расточитель, ни имѣющій вражду съ завѣщателемъ; на немъ лежала главная обязанность исполненія завѣщанія (3). Точно также и послухи «свидѣльствовани о добрѣ, а не будутъ разбойници, ни пьяници, ни татье, ни иногоя никоея злобы имуще».

Что же касается до письменныхъ духовныхъ завѣщаній, то изъ дошедшихъ до насъ первое было составлено Антоніемъ Римляниномъ въ 1147 г. (4), потомъ два завѣщанія Владиміро-Волынскаго князя Владиміра Васильковича въ 1286 г. (5). Далѣе слѣдуетъ подлинное завѣщаніе князя Івана Даниловича 1328 г. (6) и наконецъ рядъ завѣщаній нашихъ князей, помѣщенныхъ въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Множество духовныхъ завѣщаній помѣщено въ Актахъ Юридическихъ и Историческихъ.

Древнѣйшія завѣщанія написаны на пергаментѣ, болѣе позднія на бумагѣ хлопчатной или тряпичной, уставомъ или полууставомъ (7).

(1) Ук. 1680 г. іюня 21 (827).—(2) Рус. Дост. ч. 2, стр. 193—198.—(3) Рус. Дост. ч. 2, стр. 194. Улож. гл. XX, ст. 53.—(4) Пет. Гос. Рос. Карамз. т. 2. примѣч. 210.—(5) Собр. гос. гр. и дог. т. 2, N 4 и 5.—(6) Собр. гос. гр. и дог. т. 1, N 21.—(7) Собр. гос. гр. и дог. т. 1, N 21, 22, 24, 25, 26, 30, 34, 39—42, 51, 82, 83, 86, 87, 96, 103, 112, 121, 122, 130—132, 147, 151. т. 2. N 4, 5, А. Ю. N 409—428.

Большая часть духовныхъ писалась посторонними, писцами, изъ которыхъ нѣкоторые означали свои имена и отчества, другіе же и званія. Обыкновенно онѣ начинались: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа»; далѣе «се язъ худый рабъ Божій такой-то, пишу сію душевную грамоту при своемъ животѣ», или «написахъ сіе рукописаніе, отходя сего свѣта, своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, никѣмъ не нуженъ;» потомъ излагались самыя распоряженія ⁽¹⁾. Въ изложеніи порядка распоряженій Новгородскія завѣщанія отъ прочихъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ сначала излагались распоряженія о имуществѣ, потомъ перечислялись долги завѣщателя на другихъ и другихъ на немъ ⁽²⁾, тогда какъ въ другихъ мы видимъ, что сначала излагались долги, кому ми что дати или у кого ми что взять, а потомъ распоряженія о наличномъ имуществѣ ⁽³⁾. Въ концѣ находилась подпись духовнаго отца, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ вліянія религіознаго элемента въ составленіи завѣщаній. Послѣ подписи духовника слѣдовали подписи свидѣтелей. Мы видѣли какія условія должны были имѣть послушны или свидѣтели; здѣсь присовокупимъ, что указомъ Іоанна IV запрещалось быть мужу душеприкащикомъ своей жены, подъ опасеніемъ недействительности ея распоряженій, въ томъ предположеніи, что жена, бывъ въ полномъ подчиненіи своего мужа, не могла имѣть въ этомъ случаѣ самостоятельности ⁽⁴⁾. Относительно же количества свидѣтелей, мы видимъ, что во всѣхъ завѣщаніяхъ число ихъ различно: иногда встрѣчается множество свидѣтелей, очень рѣдко семь, чаще два и четыре, а въ нѣкоторыхъ только подпись духовнаго отца или писца и призваніе въ свидѣтели Самого Бога. Это утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что первоначально составленіе завѣщанія, равно какъ и исполненіе жило и проникалось обычаемъ, потомъ хотя духовенство и наложило свою печать на этотъ актъ умирающаго, но все таки требованія Греческихъ постановленій по крайней мѣрѣ до позднѣйшаго времени не соблюдались. Въ концѣ завѣщаній находилась подпись писца и означеніе какою печатью завѣщаніе запечатано. Означенія же года, мѣсяца и числа составленія мы не встрѣчаемъ до XVI вѣка; съ этого времени въ нѣкото-

⁽¹⁾ Ср. вышеозначенныя грамоты. — ⁽²⁾ А. Ю. N 409 стр. 429—436. — ⁽³⁾ А. Ю. N 410—428. — ⁽⁴⁾ Ук. 1557 г. явл. 2 (А. II. т. I, стр. 257).

рыхъ только означается годъ отъ сотворенія міра; но со второй четверти XVII вѣка въ концѣ всѣхъ духовныхъ завѣщаній означается годъ, мѣсяцъ и число ⁽¹⁾. Во многихъ актахъ встрѣчается заклинаніе завѣщателя о непремѣнномъ исполненіи его послѣдней воли: «а кто сіе рукописаніе преступитъ, судится со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда,» и т. п. ⁽²⁾. Составлялись завѣщанія, вѣроятно, на дому; это было дозволено Уложеніемъ ⁽³⁾. Случалось, что къ первоначальнымъ духовнымъ дѣлались приписки, дополненія или измѣненія, иногда въ той же формѣ какъ и первыя, затѣми же рукоприкладствами ⁽⁴⁾.

ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНИЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Составленное такимъ образомъ завѣщаніе для полной дѣйствительности своей долженствовало быть представлено для засвидѣтельствованія къ епархіальному епископу или по смерти завѣщателя, душеприкащикомъ его, или еще при жизни имъ самимъ ⁽⁵⁾. При явкѣ къ засвидѣтельствуванію производился допросъ, какъ писцу, такъ и послухамъ: дѣйствительно ли писалъ то духовное завѣщаніе такой-то и они подписывались, по просьбѣ ли завѣщателя, былъ ли тотъ въ то время въ здоровомъ умѣ, самъ ли подписывалъ, если умѣлъ писать, или, — если подписывался другой, то по просьбѣ ли его; таковы ли были дѣйствительно распоряженія завѣщателя. Въ случаѣ единогласнаго подтвержденія допросомъ и правильности распоряженій и составленія, допросъ этотъ вписывался въ духовную и подписывался епископомъ и дьякомъ и послѣ взятія пошлины возвращался душеприкащику. Списокъ съ духовной, если онъ былъ, оставлялся при епископскихъ дѣлахъ.

Такъ какъ въ древнемъ періодѣ при совершеніи всѣхъ актовъ брались пошлины, то точнотакже и при засвидѣтельствovanіи духовныхъ, именно въ XVII вѣкѣ взыскивалось съ рубля по 7 коп. Пошлина бра-

⁽¹⁾ Впрочемъ и въ концѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ грамотахъ означено не только годъ, но даже мѣсяцъ и число. А. Ю. N 422. — ⁽²⁾ Повгородскія грамоты А. Ю. N 409. — ⁽³⁾ Улож. гл. X стр. 250. — ⁽⁴⁾ А. Ю. N 420, 416, 417. — ⁽⁵⁾ А. Ю. N 410—412, 416, 417, 419, 420, 422, 427. Собр. гос. гр. и дог. т. 1 N° 30.

лась съ оцѣнки, назначенной въ духовной, а если не было въ завѣщаніи такой оцѣнки, то она производилась цѣновщиками, или о цѣнности отбиралось письменное показаніе душеприкащиковъ и духовнаго отца. Въ случаѣ же перехода по завѣщаніямъ дворовъ, о цѣнности ихъ дѣлалась справка въ Земскомъ Приказѣ, или отбирались купчія. Исключеніе составляли имущества, жертвуемые по душѣ въ монастыри и церкви, пошлина съ которыхъ не была взимаема. По Уложенію съ вотчинъ, отказываемыхъ по духовнымъ, при запискѣ ихъ за новымъ владѣльцемъ, если цѣна не была означена въ самой духовной, бралось по писцовымъ книгамъ съ четверти по 3 деньги ⁽¹⁾, съ долговыхъ же претензій по полтинѣ ⁽²⁾.

Въ такомъ видѣ производилось засвидѣтельствованіе, если духовная составлена была правильно во всѣхъ отношеніяхъ; въ противномъ же случаѣ она не свидѣтельствовалась и имѣла никакой силы.

Въ заключеніе мы остановимся на вопросѣ: могли ли быть оспариваемы завѣщанія? Вѣроятно въ древнія времена, когда семейственныя отношенія чтились свято и безупречно, споровъ на завѣщанія отъ родственниковъ не могло быть. Въ послѣдствіи же возникали споры, какъ при предъявленіи къ засвидѣтельствуванію, такъ и по засвидѣтельствуваніи. Въ первомъ случаѣ дѣлалось изслѣдованіе и если споръ оказывался ложнымъ, то завѣщаніе свидѣтельствовалось съ помѣщеніемъ въ этомъ свидѣтельствѣ и спора. Во второмъ же случаѣ споръ могъ быть только на тѣ распоряженія завѣщанія, которыя были противозаконны.

II.

Разсматривая завѣщательное право въ древнемъ періодѣ, мы видѣли, что оно вполне до введенія Христіанства имѣло силу въ народномъ обычаѣ, что духовенство, руководствуясь Номоканонъ, старалось Греко-Римскія постановленія ввести у насъ и въ отношеніи къ завѣщаніямъ; но какъ эти постановленія не были утверждены верховною властію, то слѣдовательно не были зако-

⁽¹⁾ Улож. гл. XVII ст. 54.—⁽²⁾ Улож. гл. XVIII ст. 35.

номъ и не могли имѣть обязательной силы. Съ Петра В. вообще можно означить другой періодъ нашего законодательства, не потому впрочемъ, чтобъ имъ были произведены перемѣны или измѣненія во всѣхъ рѣшительно частяхъ законодательства (напротивъ извѣстно, что нѣкоторые отдѣлы частнаго права вовсе имъ были не початы), но перемѣна состояла въ направленіи, въ идеѣ его постановленій. Сознавая всю недостаточность и односторонность учрежденій древней Россіи, Петръ В. не могъ не увлечься желаніемъ слишкомъ быстрой реформы, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ мѣрахъ его видно развитіе начала юридическаго. Въ гражданскомъ правѣ, напр., раздѣленіе актовъ, гербовая бумага, законъ о нераздробленіи недвижимыхъ имуществъ и т. п. ясно обозначаютъ это новое направленіе, отразившееся и въ завѣщательномъ правѣ. Установленіе крѣпостнаго порядка и переносъ дѣлъ о завѣщаніяхъ изъ вѣдомства духовнаго въ гражданское вывели разсматриваемое нами право изъ народнаго обычая въ область законодательства. Почти въ одной только этой перемѣнѣ, но какъ такой перемѣнѣ, которая совершенно измѣняетъ взглядъ на юридическое учрежденіе, заключается новый періодъ. Однако съ передачей дѣлъ по завѣщаніямъ въ вѣдомство гражданское вмѣстѣ съ тѣмъ не было издано никакихъ новыхъ постановленій относительно самихъ завѣщаній: вотъ почему стало возникать множество случаевъ, требовавшихъ разрѣшенія верховной власти, которые и подали поводъ къ цѣлому ряду указовъ по частнымъ дѣламъ. Не рѣдко эти указы, по различію обстоятельствъ, возбуждившихъ дѣло, были противорѣчащи другъ другу. Такъ однимъ указомъ напр. опредѣлялся срокъ на представленіе завѣщанія къ засвидѣтельствованію двухъ мѣсячный, съ признаніемъ въ противномъ случаѣ его недействительности, другимъ—срокъ этотъ распространялся на неопредѣленное время; то завѣщаніе разсматривалось какъ актъ крѣпостной, то встрѣчаемъ взглядъ, что завѣщаніе не есть какой либо актъ, но простое изъявленіе воли завѣщателя; то бездѣтный владѣлецъ могъ представить свое родовое имѣніе мимо ближайшихъ родственниковъ отдаленнымъ даже по женскому колѣну, то онъ былъ лишаемъ этого права; то уничтожалось завѣщаніе за несоблюденіе формы, то утверждалось завѣщаніе совершенно неоформленные именно только потому, что въ нихъ заключалась воля завѣщателя. Изъ

этого легко заключить, что въ настоящемъ періодѣ на завѣщательное право нельзя смотрѣть какъ на полное юридическое учрежденіе, а какъ на подготовку, на которую должно обратить преимущественное вниманіе.

ПОДСУДНОСТЬ.

Подсудность по завѣщательному праву можно разсматривать съ двухъ сторонъ: или въ отношеніи обряда совершенія этого акта, или въ отношеніи дѣлъ по оспариванію акта. Въ древнемъ періодѣ мы видѣли, что оба эти отношенія были, на основаніи права обычнаго, въ вѣдомствѣ духовномъ. Обычай такъ тѣсно сроднился съ взглядомъ народа, что мысль Петра В. о переносѣ этихъ дѣлъ въ вѣдомство гражданское довольно долго не приводилась въ исполненіе. Вѣроятно отъ этого даже въ самыхъ указахъ его мы встрѣчаемъ противорѣчія. Указомъ 1700 г. января 1 ⁽¹⁾ повелѣвалось духовныя, точно также какъ и другіе акты, писать съ этого числа въ Ратушѣ добрымъ подьячимъ Ратушской Палаты. Изъ указа же 16 декабря того же года ⁽²⁾ видно, что духовныя писались по прежнему домашнимъ образомъ и подписывались митрополитомъ. Вслѣдъ за симъ указомъ 1701 г. января 30 ⁽³⁾ разрѣшалось писать всякія крѣпости, въ томъ числѣ и завѣщанія, подьячимъ Палатки Ивановской площади, съ назначеніемъ послѣднихъ въ вѣдомство боярина Оружейной Палаты. Это же подтверждено и указомъ 1701 г. марта 7 ⁽⁴⁾. Далѣе въ указахъ того же года іюля 4 ⁽⁵⁾ и ноябрю 7 ⁽⁶⁾ видимъ, что завѣщанія писались какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ у крѣпостныхъ дѣлъ; свидѣтельствова-лись же въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Между тѣмъ въ указѣ 1703 г. ноябрю 19 ⁽⁷⁾ сказано, что просители о свидѣтельствѣ завѣщаній должны были обращаться въ тѣ Приказы, въ которыхъ тѣ чины судомъ вѣдомы. По свидѣтельству въ Московскомъ Судномъ Приказѣ, какъ видно по указамъ 1704 г. февраля 23 ⁽⁸⁾ и 1705 г. ноябрю 6 ⁽⁹⁾, продолжалось. Впрочемъ постановленія эти не исполни-

⁽¹⁾ П. С. З. N 1740.—⁽²⁾ Тамъ же, N 1818.—⁽³⁾ Тамъ же, N 1833.—⁽⁴⁾ Тамъ же, N 1838.—⁽⁵⁾ Тамъ же, N 1862.—⁽⁶⁾ Тамъ же, N 1876.—⁽⁷⁾ Тамъ же, N 1949.—⁽⁸⁾ Тамъ же, N 1970.—⁽⁹⁾ Тамъ же, N 2080.

лись; разительнымъ тому доказательствомъ служить указъ 1722 года апрѣля 12 ⁽¹⁾, гдѣ буквально выражено, что завѣты или духовницы до настоящаго времени подписывались духовнымъ начальствомъ. Съ учрежденіемъ Юстицъ-Коллегіи крѣпостныя дѣла и записка духовныхъ завѣщаній окончательно перешли въ ея вѣдомство; засвидѣтельствованіе производилось при 1 Департаментѣ Юстицъ-Коллегіи въ Москвѣ и Юстицъ-Конторѣ въ Петербургѣ ⁽²⁾. По засвидѣтельствованіи завѣщанія въ Юстицъ-Коллегіи наследникъ или душеприкащикъ обязанъ былъ явить его въ Вотчинной Коллегіи, если распоряженія касались до недвижимаго имѣнія ⁽³⁾. Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II. Съ учрежденіемъ губерній въ 1775 г. засвидѣтельствованіе завѣщаній перешло въ вѣдомство Гражданскихъ Палатъ или вообще къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершались крѣпостные акты ⁽⁴⁾.

Если свидѣтельство завѣщаній почти до конца царствованія Петра В. производилось духовнымъ вѣдомствомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣла о духовныхъ по спорамъ, благодаря энергическимъ мѣрамъ Петра, производились уже въ судахъ свѣтскихъ. Указомъ 1700 г. декабря 16 ⁽⁵⁾ уничтоживъ Патріаршій Разрядъ, Петръ В. велѣлъ все спорныя гражданскія дѣла «по духовнымъ и по ряднымъ и по иныхъ какимъ крѣпостямъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ» передать въ Помѣстный Приказъ, спорныя же дѣла о движимомъ имуществѣ въ вѣдомство Московскаго Суднаго Приказа ⁽⁶⁾. Какія средства употреблялъ Петръ В. для исполненія своихъ распоряженій видно изъ указа его митрополиту Нижегородскому Исаи ⁽⁷⁾, которому поручалось выслать всякія судныя и допросныя дѣла и по духовнымъ въ Московскій Судный Приказъ, въ случаѣ же неисполненія предписывалось взять приказныхъ людей митрополита и доставить ихъ въ Москву, гдѣ и держать до присылки тѣхъ дѣлъ. По Духовному Регламенту дѣла о сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ особъ разсматривались и рѣшались Духовною и Юстицъ-Коллегіею ⁽⁸⁾.

(1) П. С. З. N 3963 п. 16.—(2) Ук. 1763 г. декабря 15. П. С. З. N 11989 п. 16.—(3) Ук. 1730 г. декабря 20 N 5658.—(4) Тамъ же, ук. 1775 г. ноябля 7, N 14392 § 115.—(5) Тамъ же, N 1818.—(6) Тамъ же, 1701 г. ноябля 7, N 1876.—(7) Ук 1701 г. іюля 4, N 1862.—(8) Ук. 1721 г. января 25, N 1718.—

Вообще должно сказать, что съ учрежденіемъ Юстицъ-Коллегіи перешли къ ней всѣ дѣла о раздѣлѣ «по завѣтомъ и безъ завѣтовъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія наслѣдникомъ, и о причитаніи въ наслѣдство достойныхъ, и о лишаемыхъ отъ наслѣдія, также и о свидѣтельствѣ завѣтовъ или духовницъ» (¹). Съ учрежденіемъ губерній всѣ спорныя дѣла о завѣщаніяхъ перешли вмѣстѣ съ другими дѣлами въ вѣдомство судебныхъ мѣстъ. Мы не будемъ излагать порядокъ процесса о завѣщаніяхъ, потому что этотъ порядокъ былъ общій для всѣхъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ и долженъ быть изложенъ въ Исторіи гражданского судопроизводства.

ЛИЦА, ИМѢЮЩІЯ ПРАВО ДѢЛАТЬ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ юридическихъ источникахъ этого періода мы встрѣчаемъ только одно постановленіе, которымъ запрещалось, по отношеніямъ сословнымъ, право завѣщанія. Прибавленіемъ къ Духовному Регламенту 1722 г. было повелѣно имѣнія, остающіяся послѣ смерти монашескихъ властей, присылать въ Святѣйшій Синодъ, а послѣ монашествующей братіи оставлять въ пользу монастырской казны (²). Но Императрица Екатерина II указомъ 1766 г. февраля 20 (³) дозволила архіереямъ, игумнамъ и прочимъ монашествующимъ властямъ дѣлать завѣщанія о своемъ собственномъ имѣніи, исключая вещей, принадлежащихъ къ ризницамъ. Кромѣ этого, кажется, исключеній нѣтъ. Напротивъ во многихъ указахъ встрѣчаемъ выраженія: «всякихъ чиновъ духовныхъ» (⁴).

Указомъ 1802 г. апрѣля 24 (⁵) дозволено лицамъ свободнаго состоянія, а равно государственнымъ крестьянамъ, пріобрѣтать на свое имя незаселенныя имѣнія (земли) и распоряжаться ими по произволу, отчуждать, дарить и завѣщать. Здѣсь прямо выражена мысль, что то физическое лице, которое имѣетъ право пріобрѣтать собственность, можетъ и распоряжаться своею собственностью.

(¹) Ук. 1722 г. апр. 12 П. С. З. N 3963 п. 1 и рез.—(²) П. С. З. ук. 1722 г. 6 мая N 4022 ст. 61; 1737 г. окт. 20, N 7406; 1740 г. сентября 1, N 8225; 1741 г. іюня 26, N 8403; 1753 г. февр. 11, N 10071.—(³) Тамъ же N 12577.—

⁴) Ук. 1700 г. дек. 16, N 1818; 1703 г. ноября 19, N 1949; 1704 г. февр. 25, N 1970.—(⁵) П. С. З. N 20244.

Такъ уничтожено одно завѣщательное распоряженіе на томъ основаніи, что завѣщатель составилъ актъ уже въ то время, когда былъ лишень правъ состоянія. И такъ обладаніе правами гражданства было первое и необходимое условіе права завѣщательнаго.

Что касается до вліянія личныхъ качествъ на право дѣлать завѣщанія, то наше законодательство представляетъ много источниковъ, въ которыхъ ясно выражена мысль, что для законности завѣщанія необходимо нормальное состояніе умственныхъ способностей завѣщателя, т. е. здравый умъ и память. Эти условія были необходимы для правильнаго составленія крѣпостныхъ актовъ, а слѣдовательно они относились и къ завѣщаніямъ ⁽¹⁾. Замѣчательно рѣшеніе Сената 1766 г. ноября 10 ⁽²⁾, коимъ уничтожено завѣщаніе князя Шаховскаго, отчасти и по причинѣ самоубійства завѣщателя какъ такого поступка, который или есть преступленіе, или обнаруживаетъ безуміе: «когдажъ оное (самоубійство) произведено въ безпамятствѣ и въ безуміи, то и таковое завѣщаніе, если оное въ то время писано будетъ, недействительно, а паче такимъ сомнѣніемъ подтвержденное, какъ Шаховскаго записка есть, которая и числа не показываетъ, дабы узнать, въ которое оное писано. Слѣдовательно непорядочное изъясненіе мыслей, соображая съ таковымъ неистовымъ поступкомъ, и доказываетъ, что онъ то все чинилъ въ безумствѣ или безпамятствѣ: и посему оной записки за духовную признать и указное исполненіе по ней допустить не можно». Но въ этомъ рѣшеніи мы не видимъ ссылки на указъ, которымъ бы запрещалось безумнымъ и сумасшедшимъ дѣлать завѣщанія. Равнымъ образомъ такого постановленія не встрѣчаемъ и послѣ, хотя законодательство всегда признавало практическое значеніе этого запрещенія по обычаю ⁽³⁾.

Въ отношеніи возраста, въ которомъ лица получали право дѣлать завѣщанія, прямого постановленія въ нашемъ законодательствѣ этого періода не находится, но, какъ видно изъ источниковъ, имѣлъ силу въ этомъ отношеніи указъ Петра В. 1714 г. марта 23, которымъ запрещено вѣрить письмамъ и записямъ малолѣтнихъ (менѣе

⁽¹⁾ Ук. 1726 г. іюля 19, П. С. З. № 4937; 1740 г. іюня 6, № 8127. —

⁽²⁾ П. С. З. № 12779. — ⁽³⁾ Ук. 1811 г. марта 16, № 24558; 1813 г. сент. 3, № 25448; 1817 г. ноября 23, № 27157.

20 лѣтъ). Указомъ 1785 г. декабря 22 п. 2 ⁽¹⁾ лицамъ, достигшимъ 17 лѣтъ, дозволено управлять своимъ имѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось ранѣе 21 года отчуждать то имѣніе безъ согласія попечителя.

Кромѣ этихъ необходимыхъ условій наши законы считаютъ существеннымъ для правильнаго дѣйствія завѣщанія желаніе или волю завѣщателя. Указомъ 1713 апрѣля 24 ⁽²⁾ утверждено завѣщаніе кн. Мих. Черкаскаго на томъ основаніи, что владѣлецъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ самовластенъ и раздѣлялъ по своей родительской волѣ.

И такъ, разсматривая всѣ узаконенія этого періода, мы встречаемъ три условія для составленія завѣщанія: 1) чтобъ лицо имѣло право дѣлать завѣщаніе по своимъ сословнымъ правамъ, 2) чтобъ оно имѣло право собственности на предметъ завѣщанія, 3) собственное желаніе завѣщателя. Кромѣ этихъ случаевъ еще находимъ въ нашихъ узаконеніяхъ два ограниченія собственнику завѣщателю: когда завѣщательное распоряженіе владѣльца удостоивалось Высочайшаго утвержденія, то онъ уже не могъ отмѣнить его самопроизвольно ⁽³⁾, и когда имѣніе собственника находилось въ опекуномъ управленіи ⁽⁴⁾. Иностранцы подвергались тѣмъ же постановленіямъ, иногда только имъ дѣлалось снисхожденіе по уваженію невѣдѣнія формальностей ⁽⁵⁾.

ЛИЦА, ВЪ ПОЛЬЗУ КОТОРЫХЪ МОГЛИ БЫТЬ ДѢЛАЕМЫ ЗАВѢЩАНІЯ.

Всякое лицо, которое могло имѣть право на собственность, могло получить эту собственность и по завѣщанію. Такому положенію нисколько не противорѣчитъ то, что иногда лицо хотя имѣетъ право, но по своимъ качествамъ не пользуется этимъ правомъ; тогда оно и по завѣщанію получаетъ только право. Такъ напр. малолѣтній имѣетъ право на собственность, но не пользуется еще этимъ правомъ, не владѣетъ, поэтому и по завѣщанію онъ полу-

⁽¹⁾ Ук. 1785 г. дек. 22, II. С. З. № 16300, п. 2.—⁽²⁾ Ук. 1713 г. апр. 24, № 2667; 1790 г. ноябр. 23, № 16922.—⁽³⁾ Ук. 1817 февр. 22, № 26689.—⁽⁴⁾ Ук. 1817 апр. 16, № 26795.—⁽⁵⁾ Ук. 1709 г. март. 10, № 2226.

часть только право, воспользоваться же можетъ имъ лишь по опредѣленію законодательства. Во всѣхъ узаконеніяхъ разсматриваемаго періода хотя это и не высказано, но признано вообще за основное положеніе.

На основаніи политическаго взгляда наши законы изъ этого общаго правила дѣлаютъ два исключенія: мы видѣли при обзорѣниі перваго періода мѣры, ограничивавшія и наконецъ совершенно запретившія пріобрѣтать какимъ бы то ни было образомъ монастырямъ и церквамъ недвижимыя имущества. Это запрещеніе имѣло силу до царствованія Императора Александра I. Указомъ 1810 г. мая 29 ⁽¹⁾ хотя и оставлены въ своей силѣ запретительныя постановленія, но дозволено монастырямъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія съ испрошеніемъ каждый разъ Высочайшаго соизволенія. Что же касается до запрещенія пріобрѣтать монашествующимъ, то оно оставалось во всей своей силѣ. Даже оно подтверждено указомъ 1812 г. іюня 24 ⁽²⁾. Другое исключеніе помѣщено въ изданіи Карантиннаго Устава въ 1818 г. августа 21 ⁽³⁾. Въ § 17 этого Устава сказано, что карантинные чиновники и служители не могутъ быть наслѣдниками по завѣщанію, составленному лицомъ, выдерживающимъ срокъ въ томъ карантинѣ, если только они не суть вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдники и по закону.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Предметами завѣщанія могутъ быть права личныя и права имущественныя. Въ отношеніи личныхъ правъ въ нашихъ узаконеніяхъ упоминается только о правѣ родителей назначить опекуна къ своимъ малолѣтнымъ дѣтямъ на случай смерти своей. Впрочемъ въ началѣ своемъ это былъ обычай родоваго быта: «приказыванье по животъ свой». Такой обычай сохранялъ свою юридическую силу и въ настоящемъ періодѣ, хотя прямаго узаконенія мы не встрѣчаемъ до указа 1826 г. августа 4 ⁽⁴⁾, состоявшагося по частному дѣлу титулярной совѣтницы Анны Тапровой. Изъ этого указа ви-

(1) П. С. З. № 24246.—(2) Ук. 1812 г. іюня 24, № 25162.—(3) Ук. 1818 г. авг. 21, № 27490.—(4) Ук. 1826 г. авг. 4, № 507.

дно, что завѣщатель могъ даже совершенно отстранить отъ опекуинства надъ имуществомъ своего малолѣтнаго другаго родителя.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть права имущественныя въ томъ объемѣ, въ какомъ они входили въ право завѣщательное. Мы уже сказали, что лицо по завѣщанію могло передать только то, на что имѣло право. Тотъ, кто имѣлъ право полной собственности, тотъ могъ и передать эту собственность; тотъ кто имѣлъ право на отдѣльную принадлежность собственности, тотъ только и могъ передать одну такую отдѣльную часть. Это признавалось неоспоримою истиной въ практикѣ и если не было ясно выражено въ законахъ, то именно потому, что не было и спорнаго дѣла, которое бы вызвало подобное узаконеніе.

Займемся теперь подробнѣе разсмотрѣніемъ тѣхъ положеній нашего законодательства, которыя опредѣляли права завѣщателя.

Владѣя имуществомъ какъ собственностью, завѣщатель могъ передать свое право одному или многимъ, но не иначе, какъ каждому отдѣльно, поэтому запрещалось завѣщать въ совмѣстное владѣніе и собственность нѣсколькимъ лицамъ. Духовное завѣщаніе коллежскаго ассессора Яковлева ⁽¹⁾ не было утверждено отчасти потому, что въ немъ отказывалась большая часть имѣнія въ совмѣстное четырехъ братьевъ съ матерью нераздѣльное владѣніе. Но отдѣлять отъ собственности права принадлежностныя (въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ) нашими узаконеніями дозволялось, какъ высказано прямо въ указѣ 1804 г. мая 29 ⁽²⁾. На этомъ основаніи мужу позволялось предоставлять имѣніе свое женѣ въ пожизненное владѣніе ⁽³⁾. Только нѣкоторые имущества считались нераздѣльными, напр. фабрики, заводы ⁽⁴⁾.

Коснувшись, сколько позволили намъ источники и цѣль изслѣдованія, собственности, какъ права, перейдемъ къ различнымъ разрядамъ имущества.

Собственность, какъ имущество, можетъ быть движимая и недвижимая. Названія движимыхъ и недвижимыхъ имущества встрѣчаются уже въ отдаленныхъ историческихъ памятникахъ. Въ Корм-

(1) 1785 г. мая 15, П. С. З. № 16203.—(2) П. С. З. № 21310.—(3) Ук. 1814 г. іюня 15, П. С. З. № 25606; 1817 г. февр. 15, № 26678; 1823 мая 23, № 29482.—(4) Ук. 1785 г. мая 15, П. С. З. № 16203.

чей книгѣ ⁽¹⁾ помѣщено и изчисленіе имуществъ, называемыхъ недвижимыми: «села или нивы, или винограды, или сѣножатвы, или лѣсъ, или борти, или воды, или озера, или рѣки;» въ Никоновской лѣтописи подъ 1317 годомъ употреблено названіе *двигомыхъ* и *недвигомыхъ* вещей; изъ соборнаго постановленія 1380 г. января 13 ⁽²⁾ мы видимъ, что недвижимыми назывались села и деревни, пожни и сѣножати; но право гражданства это названіе получило не ранѣе Петра В. Въ указѣ 1714 г. марта 23 ⁽³⁾ изчисляются въ недвижимыхъ имуществѣхъ: вотчинны родовыя, выслуженныя и купленныя, помѣстья, дворы и лавки. Подъ движимыми имуществами, называвшимися въ древнемъ періодѣ *товаромъ*, *животомъ*, *скотомъ*, всегда разумѣлись вещи удобопереносимыя: деньги, платья, припасы, хлѣбъ, и. т. п. Значеніе этого различія имуществъ чрезвычайно важно и, какъ мы сейчасъ увидимъ, права завѣщателя въ обоихъ имуществѣхъ были совершенно различны.

Полно и неограниченно было право собственника въ распоряженіи движимымъ имуществомъ. Мы видимъ изъ узаконеній по спорнымъ завѣщательнымъ дѣламъ, что рядомъ съ оспоренными пунктами на счетъ другихъ имуществъ, утверждались распоряженія собственника въ движимомъ ⁽⁴⁾. Указомъ 3 февраля 1827 г. ⁽⁵⁾ на духовныя завѣщанія о денежныхъ капиталахъ и вещахъ запрещено даже принимать споры о родовомъ происхожденіи этихъ движимыхъ имуществъ и давать такимъ спорамъ производство. Даже одно только признаніе долговъ въ завѣщаніяхъ налагало на наследниковъ обязанность ихъ уплачивать, какъ это видно изъ духовныхъ завѣщаній кн. Долгорукова ⁽⁶⁾ и гр. Самойлова ⁽⁷⁾. Сюда относятся только слѣдующія ограниченія: по закону Петра В. о единойнаслѣдствѣ, собственникъ долженъ былъ раздѣлить свое движимое имущество между дѣтьми своими, кромѣ награжденнаго недвижимымъ имѣніемъ; но собственникъ бездѣтный могъ располагать по произволу, т. е. имѣлъ право завѣщать родственнику или постороннему. Съ уничтоженіемъ этого закона само собою разрушилось и такое ограниченіе. Въ 1817 г. ⁽⁸⁾ дозволялось по Уставу Коммисіи

⁽¹⁾ Гл. 18, 7 всел. соб. пр. 12 толк. — ⁽²⁾ Л. Э. т. 1, стр. 373. — ⁽³⁾ П. С. З. № 2789. — ⁽⁴⁾ Ук. 1817 г. ноября 26, П. С. З. № 27163. — ⁽⁵⁾ 1827 г. февр. 3, № 871, п. 5. — ⁽⁶⁾ Ук. 1817 г. ноября 26, № 27163. — ⁽⁷⁾ 1829 г. янв. 27, № 2631. — ⁽⁸⁾ 1817 г. апр. 16, № 26791, § 18.

погашенія долговъ каждому объявить капиталъ безсрочнаго обезпеченнаго долга, но не менѣе какъ въ 5000 рублей, родовымъ, изъ рода неотчуждаемымъ, но 6 ноября 1824 г. это было уничтожено. Въ томъ же году запрещена передача пожалованныхъ арендъ по завѣщаніямъ до истеченія сроковъ мимо жены пожалованнаго, его дѣтей или другихъ потомковъ нисходящей линіи другимъ лицамъ ⁽¹⁾. Другихъ ограниченій мы не встрѣчаемъ и, кажется, ихъ вовсе не было.

Что касается до недвижимыхъ имуществъ вообще, то при первомъ взглядѣ на права завѣщателя такого рода имуществъ, мы встрѣчаемъ узаконенія Петра В., запрещающія послѣднему въ родѣ распоряжаться на случай смерти своимъ имѣніемъ ⁽²⁾. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, когда и какимъ образомъ уничтожилось это запрещеніе. Далѣе находится ограниченіе въ законѣ 1714 г. марта 23 о единонаслѣдіи. Петръ В. въ видахъ государственныхъ и для поддержанія дворянскихъ родовъ запретилъ раздробленіе недвижимыхъ имуществъ и повелѣлъ: кто имѣетъ сыновей, тому предоставлять право назначить наслѣдникомъ всего своего недвижимаго имѣнія одного изъ сыновей, если же не будетъ сыновей, то одной изъ дочерей; бездѣтный же можетъ отдать недвижимое одному, фамиліи своей, кому пожелаетъ. Жена, оставшаяся бездѣтною, послѣ смерти мужа, получаетъ недвижимое имѣніе его по смерти своєю или до постриженія: въ этихъ обоихъ случаяхъ она можетъ назначить наслѣдникомъ мужнинаго имѣнія самопроизвольно ближняго изъ рода мужа, а къ своему имѣнію изъ рода своего. Въ дополненіе, отчасти и въ измѣненіе этого указа, въ 1725 году было пояснено, что жена можетъ назначить наслѣдника къ своему имѣнію и не наслѣдника имѣнія мужа, что она своему же наслѣднику можетъ передать и четвертую часть, выдѣленную ей изъ имѣнія мужа, и если мужъ не назначилъ завѣщаніемъ къ своему имѣнію наслѣдника, то жена, оставшаяся послѣ него съ дѣтьми, можетъ назначить одного изъ дѣтей наслѣдникомъ какъ къ своему, такъ и мужнему имѣнію ⁽³⁾. Но Императрица Анна Іоанновна, находя указъ о нераздробленіи недвижимыхъ имуществъ несогласнымъ съ общественнымъ благомъ, уничтожила его и указомъ 1731 г. марта 17 ⁽⁴⁾ восстано-

⁽¹⁾ 1824 г. септ. 28, № 30072, п. 2.—⁽²⁾ 1712 г. янв. 23, № 2471.—⁽³⁾ 1725 г. мая 28, № 4722, п. 2, докл. 6, рез. 1, 2, 3.—⁽⁴⁾ 1731 март. 17, № 5717.

вила права завѣщателя согласно Уложенію и новоуказныхъ статей, выпедшихъ въ дополненіе, а не въ противность Уложенія. Этимъ же указомъ сравнены помѣстья и вотчины и соединены въ одно названіе недвижимыхъ имуществъ.

Переходя къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ и родовымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что въ древнія времена не существовало этого юридическаго понятія: оно выработалось только во второй половинѣ XVIII вѣка и съ того времени получило значительную роль въ гражданскомъ правѣ. Изъ обзрѣнія узаконеній о движимыхъ имуществѣхъ мы уже знаемъ, что они всегда считались благопріобрѣтенными, поэтому остается разсмотрѣть, какія недвижимыя имущества вошли въ составъ благопріобрѣтенныхъ и какія въ составъ родовыхъ и въ какой мѣрѣ подлежали тѣ и другія завѣщательнымъ распоряженіямъ. Въ сферѣ недвижимыхъ имуществъ заключались вотчины, пожалованныя, купленные у казны, у чужеродцевъ, помѣстья, дворы, лавки, и т. п. Изъ этихъ разрядовъ только вотчины купленные или вообще купли не подлежали ограниченіямъ въ завѣщательномъ отношеніи. Въ одной куплѣ родъ не имѣлъ совершенно никакого обязательнаго значенія. Изъ этого можно заключить, что наше законодательство всегда признавало болѣе права у собственника въ имуществѣ его, трудомъ пріобрѣтенномъ, т. е. имуществѣ благопріобрѣтенномъ. Указомъ о нераздробленіи имуществъ и о единонаслѣдіи всѣ недвижимыя имущества получили одинаковое значеніе. Съ уничтоженіемъ этого закона всѣ прежнія постановленія Уложенія и новоуказныхъ статей возымѣли прежнюю силу, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенное значеніе помѣстій исчезло. До Екатерины II собственникъ въ своихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ долженъ былъ сообразоваться съ тѣми правами, которыя имѣли имущества по своему происхожденію и которыя были положены въ древнемъ періодѣ. Въ жалованной грамотѣ дворянству въ первый разъ высказано юридическое основаніе имуществъ благопріобрѣтенныхъ. «Благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать (¹)» и т. д. Точно также выражено и въ Городовомъ По-

(¹) 1785 г. апр. 21. П. С. З. № 16187 ст. 22.

ложеніи: «Мѣщанинъ, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ его состоянію приличнаго имѣнія, имъ благопріобрѣтенное имѣніе волею дарить или завѣщать (¹)», и т. д. Но понятіе перваго пріобрѣтателя не было еще совершенно выяснено, возникали нѣкоторыя сомнѣнія, которыя и разрѣшались отдѣльными узаконеніями. Изъ указа 1802 г. января 29 видно, что выдѣленная опредѣленная часть оставшемуся въ живыхъ супругу должна считаться имуществомъ благопріобрѣтеннымъ. Въ этотъ же составъ имущества вошли и вотчины, по указу 1803 г. февраля 22, выслуженныя, пожалованныя. Наконецъ указомъ 1807 г. ноября 30 по частному дѣлу объ имѣніи статскаго совѣтника Вердеревскаго признаны были благопріобрѣтенными имущества хотя и родовыя, но которыя владѣльцами проданы были чужеродцамъ и потомъ обратно ими куплены, также и имущества, купленные отъ родственниковъ, у которыхъ они были благопріобрѣтенными. Сенатскимъ рѣшеніемъ 1816 г. марта 20 признано также благопріобрѣтеннымъ имущество, купленное отцемъ у сына, которому оно досталось отъ матери. Кромѣ этихъ случаевъ безъ всякаго сомнѣнія благопріобрѣтенными считались имущества, пріобрѣтенныя у чужеродцевъ и собственнымъ трудомъ нажитыя. Распоряженіе этими имуществами совершенно зависѣло отъ произвола завѣщателя; онъ могъ завѣщать ихъ какъ родственникамъ, такъ и чужеродцамъ. Такъ изъ различныхъ узаконеній видно (²), что нѣкоторыя духовныя завѣщанія, уничтоженныя во многихъ пунктахъ, утверждались въ пунктахъ о распоряженіи имѣніемъ благопріобрѣтеннымъ. Дозволялось даже излагать различныя условія объ образѣ пользованія и управленія, лишь-бы условія эти не были противны законамъ (³).

Совершенно другое значеніе имѣли въ завѣщательномъ правѣ имущества родовыя. Безъ всякаго сомнѣнія, родъ въ древнія времена имѣлъ всегда фактическое отношеніе къ имуществу, но оно не было выражено законодательствомъ; но мѣрѣ же того какъ отношенія стали слагаться въ юридическую норму, многія имущества, какъ мы уже видѣли, по характеру ограниченій собственниковъ въ рас-

(¹) 1785 г. апр. 21 (П. С. З. № 16188) ст. 88.—(²) 1798 г. февр. 17, № 18381; 1802 г. апр. 24, № 20244; 1816 г. сент. 13, № 26432. — (³) 1804 г. мая 29, № 21310.

поряженіяхъ ими, должны служить быть отнесены къ имуществамъ родовымъ. Таковы были выслуженныя, пожалованныя вотчины. поместья, и т. п. Съ ограниченіемъ значенія рода измѣнялось и вмѣстѣ съ тѣмъ слагалось опредѣлительно значеніе имуществъ родовыхъ. Въ упомянутой жалованной грамотѣ дворянству и купечеству сказано: «наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаются иначе, какъ законами предписано». Здѣсь мы видимъ главною принадлежностью родовыхъ имуществъ порядокъ наслѣдственный. Въ послѣдствіи значеніе родовыхъ имуществъ распространилось и на имущества, какъ доставшіяся хотя по завѣщанію, но такимъ лицамъ, которыя имѣли право наслѣдства, такъ и на доставшіяся по купчимъ отъ такихъ родственниковъ, къ которымъ имущество перешло изъ того же рода.

Законодательствомъ до Петра В. завѣщатель въ распоряженіяхъ своихъ родовымъ недвижимымъ имуществомъ ограничивался, какъ мы видѣли, правами своихъ ближайшихъ родственниковъ. По постановленію 1714 г. о единомаслѣдіи всѣ недвижимыя имущества дѣлались родовыми, потомъ съ уничтоженіемъ этого закона прежнія ограниченія возобновились, но только въ отношеніи къ родовымъ имѣніямъ. Какъ разширялся или стѣснялся объемъ понятія о родовыхъ имуществѣхъ, такъ соразмѣрно распространялись или уменьшались и ограниченія. Изъ сенатскихъ рѣшеній по частнымъ дѣламъ видно ⁽¹⁾, что всегда уничтожались духовныя, составленныя въ родовыхъ имѣніяхъ съ уничтоженіемъ правъ дѣтей завѣщателя. Только бездѣтному собственнику предоставлялось болѣе правъ. По тому же закону Петра В. о единомаслѣдіи пункт. 3 дозволялось бездѣтному владѣльцу предоставить имѣніе одному родственнику своей фамиліи, кому пожелаетъ, слѣдовательно позволялось отказывать дальнимъ родственникамъ, мимо ближайшихъ. Въ послѣдствіи этотъ указъ подвергался различнымъ толкованіямъ и служилъ основаніемъ противоположныхъ рѣшеній. Нѣкоторыя завѣщанія, которыми бездѣтные владѣльцы предоставляли свои имѣнія мимо ближайшихъ сродниковъ по мужескому колѣну дальнимъ по женскому, были уничтожаемы на томъ основаніи, что закономъ Петра В. дозволено отказывать родственникамъ фамиліи своей, женская же линія теряетъ по замужеству названіе

(1) 1798 г. февр. 17. П. С. З. № 18381; 1811 март. 16, № 24538.

своей фамиліи. Въ другихъ же указахъ объяснялось, что фамилія въ законѣ Петра не обозначаетъ прозваніе, но вообще родство. Первый взглядъ высказанъ въ рѣшеніяхъ Сената и узаконеніяхъ 1798 г. февраля 17 ⁽¹⁾, 1811 г. октября 26 ⁽²⁾, а другой въ рѣшеніи Сената 1791 г. октября 16 ⁽³⁾. Иногда рѣшеніями Сената, на основаніи буквального смысла закона о единонаслѣдіи п. 3, уничтожались духовныя, по которымъ родовыя имѣнія переходили мимо ближайшихъ отдаленнымъ многимъ, а не одному ⁽⁴⁾. Наконецъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по частному дѣлу объ утвержденіи духовнаго завѣщанія тайнаго совѣтника Державина, окончательно дозволено бездѣтнымъ собственникамъ предоставлять свои родовыя имѣнія родственникамъ по женской линіи ⁽⁵⁾. Кромѣ запрещеній, относящихся до перехода родовыхъ имѣній, въ завѣщаніяхъ о такихъ имуществахъ не дозволялось даже помѣщать никакихъ условій владѣнія ими ⁽⁶⁾.

Послѣ бездѣтныхъ владѣльцевъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о завѣщательномъ правѣ послѣдняго въ родѣ. Закономъ 1712 г. января 23 ⁽⁷⁾ Петръ В. запретилъ послѣднему въ родѣ дѣлать какія либо завѣщательныя распоряженія. Въ 7 же пунктѣ указа 1714 г. марта 23 ⁽⁸⁾ сказано: «а для возобновленія фамилій, въ которой фамиліи мужескаго пола останется одинъ, прочіе же отъ нисходящей и восходящей линіи того рода всѣ вымрутъ, кромѣ женска полу, которыхъ одна или нѣсколько осталось въ дѣвицахъ или замужныя: то помянутой послѣдней оной фамиліи повиненъ всѣ недвижимыя вещи, которые ему по наслѣдію пришли, отдать въ наслѣдіе единей изъ оныхъ кому похочетъ, замужней, вдовѣ, или дѣвицѣ, однакожъ съ такимъ изъясненіемъ, что мужъ замужней повиненъ принять прозвище того, отъ кого получить недвижимое..... ежели жъ никто изъ нихъ прозванія онаго не примутъ, тогда недвижимое все повинно будетъ взять на Государя». Эти стѣснительныя постановленія уничтожены въ отношеніи благопріобрѣтенныхъ имуществъ жалованными грамотами дворянству и кунечеству

⁽¹⁾ 1798 г. февр. 17, П. С. З. № 18381.—⁽²⁾ 1811 г. окт. 26, № 24835.—
⁽³⁾ 1791 г. окт. 16, № 16993 (стр. 263, 264).—⁽⁴⁾ 1811 г. марта 16, № 24558.—
⁽⁵⁾ № 27468, 1818 г. авг. 12.—⁽⁶⁾ 1786 г. дек. 15, № 16470.—⁽⁷⁾ Ук. 1712 г. янв. 23, № 3471.—⁽⁸⁾ Ук. 1714 г. марта 23, № 2789.

Екатерины II и постановленіемъ Александра I, 1804 г. марта 29 (¹). Последніе же въ родѣ собственники родовыхъ имуществъ сравнены въ правахъ своихъ съ бездѣтными.

Мы видѣли, что одну изъ главныхъ статей духовныхъ завѣщаній древняго времени составляли отпуски на волю крѣпостныхъ людей. Точно тоже продолжалось и въ настоящемъ періодѣ. Прямого дозволенія въ законодательствѣ не было, но оно безмолвно признавало силу обычая. Только въ Сенатскомъ указѣ 1813 г. июня 20 (²) пояснено, что отпуски на волю, въ духовныхъ помѣщаемые, должны утверждаться по законамъ о духовныхъ завѣщаніяхъ и назначенный къ увольненію не прежде можетъ получить свободу, какъ по совершенномъ утвержденіи воли завѣщателя. Въ 1803 г. февраля 20 состоялось положеніе о увольненіи владѣльцами крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, въ силу котораго помѣщики условія свои объ этомъ предметѣ обязывались представлять губернскому предводителю дворянства, для дальнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи ихъ верховною властью. На основаніи этого положенія всѣ распоряженія касательно увольненія въ свободные хлѣбопашцы, помѣщаемыя въ завѣщаніяхъ, должны были считаться недѣйствительными. Указомъ 1804 г. декабря 19 (³) запрещалось увольнять въ завѣщаніяхъ крестьянъ изъ родоваго имѣнія въ свободные хлѣбопашцы съ тѣмъ, чтобы при жизни завѣщателей тѣ крестьяне были имъ крѣпки. Это же правило распространено въ 1805 г. янв. 25 и на имѣнія благопріобрѣтенныя. Сенатскимъ рѣшеніемъ 1813 г. сентября 3 (⁴) уничтожено завѣщаніе г. Пасевьевой отчасти на томъ основаніи, что въ немъ пазначены были крестьяне послѣ смерти мужа ея въ вольные хлѣбопашцы. Точно также уничтожены тѣ пункты завѣщанія графа Салтыкова, въ которыхъ излагались распоряженія о увольненіи (⁵).

Что касается до другихъ родовъ имуществъ, напр. дворовъ, лавокъ и т. п., то они входили въ составъ недвижимыхъ имуществъ и подвергались тѣмъ правиламъ, о которыхъ сказано выше.

(¹) П. С. З. № 21310.—(²) П. С. З. № 25409.—(³) П. С. З. № 21562.—(⁴) П. С. З. № 25448.—(⁵) 1817 г. авг. 17, № 27002.

СОСТАВЛЕНІЕ ЗАВѢЩАНІЙ.

Двоякій порядокъ составленія завѣщаній, письменный и словесный или изустный, замѣняется, въ разсматриваемомъ періодѣ, однимъ письменнымъ. Можетъ быть имѣли значеніе изустные наказы умирающаго для наслѣдниковъ его, но они не имѣли никакой уже юридической силы. Мы видѣли рядъ узаконеній, разсматривающихъ письменныя завѣщанія, но ни одно не признаетъ словеснаго. Напротивъ въ 1804 г. ⁽¹⁾ Сенатскимъ рѣшеніемъ уничтожена одна изустная память, а наконецъ въ 1823 г. ⁽²⁾ совершенно уничтожено всякое обязательное значеніе словеснаго завѣщанія. И такъ мы должны только разсмотрѣть, какъ и какимъ образомъ составлялись письменныя завѣщанія. Форма духовныхъ древняго періода продолжалась до Петра В. Преобразователь Россіи, имѣя въ виду съ одной стороны искорененіе неурядицы и ябедничества, съ другой приращеніе финансовъ, велѣлъ веѣ акты, относящіеся какъ до вещныхъ имущественныхъ отношеній, такъ и до личныхъ обязательствъ, составлять крѣпостнымъ порядкомъ. Эти правила крѣпостнаго порядка относились и до составленія завѣщаній. Веѣ акты повелѣно было въ 1699 г. ⁽³⁾ писать на гербовой бумагѣ, приготовлявшейся сначала въ столбцахъ, а съ 1705 г. ⁽⁴⁾ въ видѣ листовъ, подъ опасеніемъ за несоблюденіе этого правила недѣйствительности. Акты писались ⁽⁵⁾ писцами крѣпостныхъ дѣлъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность быть осмотрительными, не допускать подскобокъ, поправокъ въ словахъ и приписокъ между строкъ, какъ въ самомъ актѣ, такъ и въ рукоприкладствѣ. Допускались только малыя поправки, если онѣ заключались не въ числахъ и въ опредѣленіи цѣнности и мѣры, съ тѣмъ, чтобы такія поправки были оговорены въ рукоприкладствѣ, и если не было между составляющими актъ какого либо сомнѣнія на счетъ этого или спора. Эти правила, изданныя въ 1701 году, чрезъ нѣсколько лѣтъ ⁽⁶⁾ были дополнены повелѣніемъ писать актъ ровными строками и не оставлять между словами и подписями пустыхъ мѣстъ. Если же кто по болѣзни или по

⁽¹⁾ 1804 г. поля 19. П. С. З. № 21405.—⁽²⁾ 1823 г. марта 21, № 29373.—
⁽³⁾ 1699 г. дек. 9, № 1732.—⁽⁴⁾ Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080.—⁽⁵⁾ Ук. 1701 г. янв. 30, № 1833 и марта 7, № 1838.—⁽⁶⁾ Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080.

другимъ уважительнымъ причинамъ не могъ лично явиться къ крѣпостнымъ дѣламъ ⁽¹⁾ для написанія акта, тотъ могъ пригласить нища къ себѣ на домъ, гдѣ, въ присутствіи свидѣтелей, составляемъ былъ актъ, подписываемъ дающимъ и свидѣтелями и потомъ отсылаемъ съ довѣреннымъ лицомъ для записки въ книгу. Что касается до формы актовъ (относившейся и къ завѣщаніямъ), то въ началѣ всегда означался годъ отъ Рождества Христова, мѣсяцъ и число составленія акта, потомъ излагалось самое содержаніе. Древнее начальное выраженіе: «се язъ» было уничтожено. Въ слѣдъ за изложеніемъ содержанія, актъ подписывался дающимъ и потомъ свидѣтелями, которые обязывались въ рукоприкладствѣ означать и свое званіе. Число свидѣтелей опредѣлялось неодинаковое: акты на 200 рублей и болѣе подписывались тремя, пятью и даже болѣе свидѣтелями, на низшія суммы двумя, но не менѣе. Въ свидѣтели повелѣвалось теперь, а въ прежнее время обычаемъ, брать людей добрыхъ, извѣстныхъ и которые могли бы быть отысканы въ случаѣ надобности. Послѣ подписи свидѣтелей слѣдовала подпись подьячаго, писавшаго крѣпость. Акты на большія суммы (о многихъ тысячахъ) подписывалъ дьякъ. Написанные такимъ образомъ акты вносились въ заведенныя для того книги. Эту записку въ книгѣ подписывали оба участвующіе въ актѣ. Указомъ 1701 г. ⁽²⁾ всѣ крѣпости раздѣлялись на три статьи, изъ коихъ въ третью статью, гдѣ крѣпости записывались только перечнемъ, отнесены и духовныя завѣщанія. Но въ 1705 году ⁽³⁾, по вновь составленному распредѣленію статей крѣпостныхъ, духовныя завѣщанія названы крѣпостями первой статьи, записываемыми въ книгу также только перечнемъ; исключенія изъ этого правила допускались лишь для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ ⁽⁴⁾.

Послѣ Петра В. объемъ актовъ, совершаемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ, сталъ постепенно уменьшаться. Екатерина I въ 1725 г. ⁽⁵⁾ признала дѣйствительными духовныя завѣщанія, писанныя до 1714 г. домашнимъ порядкомъ. А въ 1726 году ⁽⁶⁾ уже повелѣно признавать и впредь дѣйствительными завѣщанія, писанныя не у

⁽¹⁾ Ук. 1701 г. янв. 30. П. С. З. № 1833; марта 7, № 1838.—⁽²⁾ Ук. 1701 г. янв. 30, № 1833.—⁽³⁾ Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080. — ⁽⁴⁾ 1713 г. апр. 24, № 2667. ⁽⁵⁾ 1725 г. мая 28, № 4722 п. 14, докл. 2, резол. 2. — ⁽⁶⁾ Ук. 1726 г. іюля 19, № 4937.

крѣпостныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ возстановился домашній порядокъ составленія духовныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда требовалось, чтобы завѣщанія были писаны на гербовой бумагѣ, въ противномъ случаѣ при явкѣ взыскивались пошлины за негербовую бумагу ⁽¹⁾. Даже копіи съ завѣщаній должныствовали быть писаны на гербовой бумагѣ ⁽²⁾. О дѣйствительности завѣщанія, писаннаго на простой бумагѣ, со взысканіемъ денегъ за негербовую, неоднократно подтверждалось ⁽³⁾. Далѣе, указомъ 1812 г. февраля 10 ⁽⁴⁾ повелѣно, чтобы завѣщанія писались на крѣпостной бумагѣ, соразмѣрной суммѣ имѣнія; но допускались къ свидѣтельству писанныя и на простой, съ тѣмъ, чтобы при явкѣ взысканы были деньги за негербовую бумагу, какая слѣдуетъ по цѣнѣ. Наконецъ положеніемъ о гербовомъ сборѣ окончательно опредѣлено крѣпостныя духовныя завѣщанія писать на крѣпостной бумагѣ по цѣнѣ завѣщаемаго имѣнія, съ домовыхъ же, писанныхъ на простой бумагѣ, при явкѣ ихъ въ Гражданской Палатѣ, взыскивать за крѣпостную бумагу по цѣнѣ имѣнія ⁽⁵⁾.

Мы не встрѣчаемъ въ узаконеніяхъ формы для домашнихъ завѣщаній, но выработанная обычаемъ извѣстная форма съ небольшими измѣненіями, вѣроятно, сохранялась. Указомъ 1791 г. ⁽⁶⁾ требовалось только, чтобы духовная утверждена была рукоприкладствомъ самого завѣщателя или, за неумѣніемъ грамоты, по его приказанію, подписью отца духовнаго и свидѣтелей. Но о качествѣ и количествѣ свидѣтелей не было яснаго опредѣленія. Изъ узаконеній видно, что въ свидѣтели допускались и родственники тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ дѣлались завѣщанія ⁽⁷⁾, и что не признавались законными тѣ завѣщательныя распоряженія, которыя не были подписаны свидѣтелями ⁽⁸⁾, или подписаны только однимъ ⁽⁹⁾, или подписаны свидѣтелями послѣ смерти завѣщателя ⁽¹⁰⁾. Иногда уничтожались духовныя завѣщанія и потому, что въ нихъ находились помарки, приписки или слова неявственно написанныя. Въ 1817 г. ⁽¹¹⁾ уничтожено

(1) Ук. 1726 г. іюля 19. П. С. З. № 4937.—(2) Ук. 1797 г. дек. 18, № 18278.—(3) Ук. 1799 г. авг. 11, № 19076.—(4) П. С. З. № 24992 § 17, 18.—(5) 1821 г. нояб. 24, № 28814. — (6) Ук. 1791 г. окт. 16, № 16993.—(7) Ук. 1740 г. іюня 6, № 8127.—(8) Ук. 1766 г. нояб. 10, № 12779.—(9) Ук. 1786 г. декабря 15, № 16470.—(10) Ук. 1813 г. сент. 3, № 25448.—(11) Ук. 1817 г. ноябр. 23, № 27157.

завѣщаніе надворнаго совѣтника Чоглокова, писанное на четырехъ листахъ, на томъ основаніи, что первый листъ, на которомъ помѣщено раздѣленіе имѣнія между дѣтьми, ни самимъ завѣщателемъ, ни свидѣтелями не подписанъ. Въ Карантинномъ Уставѣ ⁽¹⁾ запрещено чиновникамъ и служителямъ карантинна быть душеприкащиками завѣщаній лицъ, выдерживающихъ въ томъ карантинѣ срокъ. Но рядомъ съ этими узаконеніями находимъ указъ 1815 г. іюня 16 ⁽²⁾, которымъ утверждено духовное завѣщаніе, писанное не у крѣпостныхъ дѣлъ и несходное съ обрядомъ и формами, вообще принятыми, на томъ основаніи, что присвояющіе себѣ имѣніе ничѣмъ доброй воли составителя завѣщанія не опровергли. Въ 1828 г. ⁽³⁾ подтверждены указы 1 марта 1704 г. и 4 іюня 1824 г., которыми допускались раскольники и старообрядцы къ свидѣтельству завѣщаній, составляемыхъ людьми одного съ ними обряда, но съ тѣмъ добавленіемъ, чтобъ эти свидѣтели писались въ видѣ частныхъ лицъ, а не въ званіи отцевъ духовныхъ, присвоаемомъ нѣкоторыми изъ нихъ. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1829 г. января 27 ⁽⁴⁾ утверждено распоряженіе, помѣщенное въ особенной запискѣ, приложенной къ завѣщанію, на томъ основаніи, что завѣщатель предоставилъ себѣ въ завѣщаніи право дѣлать прибавленія. Въ завѣщаніяхъ означалась цѣнность завѣщаемаго, но этого не требовалось закономъ.

Составленное на этихъ основаніяхъ завѣщаніе должно было храниться подлинникомъ. Въ 1767 г. ⁽⁵⁾ не было утверждено завѣщаніе, писанное даже у крѣпостныхъ дѣлъ, именно потому, что послѣ смерти завѣщателя къ свидѣтельству не было представлено подлинника. При учрежденіи Сохранной Казны Воспитательнаго Дома ⁽⁶⁾ дозволено было вкладчикамъ вносить въ Опекунскіе Совѣты для храненія и исполненія, по ихъ вѣдомству, запечатанныя завѣщанія при объявленіяхъ; въ полученіи завѣщанія выдавалась вносителю копія съ объявленія. При пріемѣ завѣщанія вкладчику напоминалось, что онъ можетъ измѣнить его во всякое время. Болѣе подробныя правила изложены въ 1812 г. ⁽⁷⁾: дозволено вносить въ Опекунскіе Совѣты завѣщанія, писанныя на чистомъ листѣ, и на бумагахъ, бывшихъ въ употребленіи, но не на пергаментѣ, и не на бумагахъ, бывшихъ въ употребленіи, но не на пергаментѣ, и не на бумагахъ, бывшихъ въ употребленіи, но не на пергаментѣ.

⁽¹⁾ 1818 авг. 21 (П. С. З. № 27490) § 17.—⁽²⁾ П. С. З. № 25879.—⁽³⁾ Ук. 1828 г. окт. 18, № 2356.—⁽⁴⁾ П. С. З. № 2631.—⁽⁵⁾ П. С. З. № 13011. — ⁽⁶⁾ 1772 г. ноября 20, № 13902.—⁽⁷⁾ 1812 г. апр. 13, № 25075.

кунскіе Совѣты для храненія завѣщанія при объявленіи, въ которомъ бы значилось или чтобъ распечатать и выдать когда представлена будетъ копія съ этого объявленія, или когда представлено будетъ свидѣтельство о смерти завѣщателя. Въ первомъ случаѣ при потерѣ копій съ объявленія дѣлается тѣмъ, кому нужно завѣщаніе, публикація о потерѣ въ вѣдомостяхъ, съ назначеніемъ трехъ мѣсячнаго срока, по истеченіи котораго выдается завѣщаніе тому, кто представитъ свидѣтельство о смерти завѣщателя. Отъ неизвѣстныхъ, вносящихъ завѣщанія на сохраненіе, повелѣно требовать, чтобы въ объявленіяхъ прикладывали печать для того, чтобы въ случаѣ утраты копій съ объявленія, завѣщаніе было выдано или распечатано при представленіи печати, или чтобы дѣлалась въ объявленіи какая либо оговорка на случай потери копій. Самому завѣщателю или его повѣренному во всякое время выдавалось обратно внесенное имъ завѣщаніе. Въ 1829 г. ⁽¹⁾ запрещено было принимать въ Опекунскіе Совѣты для храненія такіа духовныя завѣщанія, которыя представлены безъ означенія имени завѣщателя. Также было дозволено вносить для храненія въ Московскій Попечительный Комитетъ ⁽²⁾.

ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Срокъ для представленія къ засвидѣтельствуванію духовныхъ завѣщаній узаконеніемъ 1704 г. февраля 25⁽³⁾ назначался двухмѣсячный; почему завѣщанія, не представленныя въ этотъ срокъ, должны были считаться недействительными. Но само собою разумѣется, что это относилось до завѣщаній, совершаемыхъ, по установленію Петра В., крѣпостнымъ порядкомъ; но со времени дозволенія составлять завѣщанія домашнимъ порядкомъ, должны ли были эти послѣднія подлежать дѣйствію означеннаго срока? Въ разрѣшеніе этого вопроса существуютъ узаконенія, другъ-другу противорѣчація. Такъ въ 1791 г. ⁽⁴⁾ утверждено одно духовное завѣщаніе, для явки котораго двухмѣсячный срокъ уже истекъ, на томъ именно основаніи, что указами 1726 г. іюля 19 и сентября 7, возстановившими домашній порядокъ въ составленіи завѣща-

⁽¹⁾ 1829 г. окт. 27. П. С. З. № 2362.—⁽²⁾ 1823 г. марта 28, № 29387.—⁽³⁾ 1704 г. февр. 25, № 1970.—⁽⁴⁾ 1791 г. окт. 16, № 16993.

ній, не назначено никакого срока для представленія ихъ къ засвидѣтельствуванію. Но въ 1813 г. ⁽¹⁾ уничтожено одно завѣщаніе и по той причинѣ, что послѣ смерти завѣщателя оно не было представлено къ засвидѣтельствуванію въ двухмѣсячный срокъ. Въ указѣ 1829 г. ⁽²⁾ находятся на счетъ этого полезительныя правила: «1) Срокъ на явку домашнихъ духовныхъ завѣщаній, остающихся по смерти завѣщателя не явленными, назначается: для пребывающихъ въ Россіи годовой, а для находящихся за границею двухъ годовой. 2) Срокъ сей имѣетъ быть изчисляемъ со дня смерти завѣщателя. 3) Таковыя духовныя предъявляемы быть должны къ явкѣ тѣми лицами, въ рукахъ коихъ находятся; кредитными установленіями по правиламъ, въ нихъ существующимъ; а наблюденіе срока въ отношеніи къ лицамъ, находящимся подъ опекою, возлагается на ихъ опекуновъ на общемъ основаніи законовъ. 4) При описи имѣнія умершаго, ежели чиновники правительства найдутъ духовное завѣщаніе, обязаны немедленно отдать оное тому, въ чью пользу оно сдѣлано; въ случаѣ же отсутствія сего лица, отправить въ присутственное мѣсто, которое, записавъ духовную у крѣпостныхъ дѣлъ, вызывать для полученія оной наследника по завѣщанію, чрезъ публичныя вѣдомости. 5) Домовыя завѣщанія, представляемыя къ крѣпостнымъ дѣламъ, по прошествіи вышеозначенныхъ сроковъ, не пріемяются и остаются ничтожными. 6) Но ежели наследникъ по завѣщанію можетъ представить неопровергаемыя доказательства, что срокъ для явки пропущенъ имъ по неизвѣстности о существованіи завѣщанія или по другой законной причинѣ, въ такомъ случаѣ оставляется ему право иска до истеченія общей земской давности, считая оную также со дня смерти завѣщателя».

По представленному такимъ образомъ духовному завѣщанію производился въ подтвержденіе сего допросъ, какъ завѣщателю, такъ и свидѣтелямъ, какъ мы видѣли въ древнемъ періодѣ. Впрочемъ изъ рѣшенія 1791 г. оказывается, что допросъ завѣщателю не считался необходимымъ. О засвидѣтельствovanіи духовнаго завѣщанія публиковалось, и объявленіе о томъ прибывалось къ судейскимъ дверямъ, что уничтожено указомъ 1786 г. ноябрю 11 ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Ук. 1813 г. сент. II. С. З. № 23448. — ⁽²⁾ Ук. 1829 г. сент. 4. № 3134. — ⁽³⁾ Ук. 1786 г. ноябрю 11, № 16460.

При засвидѣтельствованіи брались пошлины за записку въ книгу и крѣпостныя. Указомъ 1701 г.⁽¹⁾ опредѣлено отъ записки духовныхъ взимать по гривнѣ съ большихъ, а съ среднихъ и меньшихъ по 10 и 6 денегъ. По указу 1703 г.⁽²⁾ повелѣно брать за письмо завѣщаній у крѣпостныхъ дѣль до 50 рублей на бумагѣ подъ двуденежнымъ гербомъ по гривнѣ съ крѣпости, а на суммѣ выше 50 и до 100 рублей, что подъ гривеннымъ гербомъ, по 3 алтынь съ крѣпости, а выше 100 рублей и въ тысячахъ со 100 рублей по гривнѣ; отъ записки же въ книгу брать: которыя подъ полтиннымъ клеймомъ по 6 алтынь по 4 деньги, подъ полуполтиннымъ по 3 алтына по 2 деньги, подъ гривеннымъ по 10, подъ двуденежнымъ по 6 денегъ. Если отказъ по духовнымъ заключался въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, то пошлины брались съ четверти по алтыну⁽³⁾. Деньги эти отсылались по указу 1733 г.⁽⁴⁾ въ Генеральный Кригсъ-Комисаріатъ для содержанія госпиталя. Императрица Екатерина II, по случаю заключенія мира съ Турціею, манифестомъ 1775 г. марта 17⁽⁵⁾ вовсе уничтожила сборъ съ духовныхъ и завѣщательныхъ писемъ. По въ 1808 г. октября 28⁽⁶⁾ повелѣно взимать крѣпостныхъ пошлинъ съ купчихъ, дарственныхъ записей и т. п. актовъ отчужденія по 6%, съ завѣщательныхъ же актовъ, съ которыхъ не бралось прежде крѣпостныхъ пошлинъ, настоящимъ указомъ повелѣно брать только съ тѣхъ духовныхъ, по которымъ переходятъ недвижимое имѣніе или денежные капиталы, родовые или благопріобрѣтенные, вмѣсто ближайшихъ наслѣдниковъ дальнимъ или постороннимъ. Канцелярскихъ пошлинъ опредѣлено брать по 10 рублей со всѣхъ актовъ. Цѣну недвижимому имѣнію назначаетъ по совѣсти самъ завѣщатель въ духовной или наслѣдникъ при вступленіи во владѣніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ эта цѣна не была ниже опредѣленной закономъ. Цѣна эта опредѣлена мужская въ 100 рублей, а женская въ половину, если послѣдняя помѣщается въ актѣ отдѣльно. По указу 1814 г. іюня 15⁽⁷⁾ объ освобожденіи отъ платежа пошлинъ съ имѣній, достоящихся отъ мужа женѣ въ пожизненное владѣніе, повелѣно, чтобы при продажѣ

(1) Ук. 1701 г. янв. П. С. З. 30 № 1833. — (2) 1703 г. ноябрю 6, № 2080. —

(3) Ук. 1717 г. авг. 7, № 3099. — (4) Ук. 1733 г. апр. 26, № 6382. — (5) П. С. З. № 14275. — (6) П. С. З. № 23317. — (7) П. С. З. № 25606.

этого имѣнія взимались двойныя крѣпостныя пошлыны, равно взимались пошлыны при закладѣ этого имѣнія и съ отпускаемыхъ на волю. Положеніемъ о гербовомъ сборѣ 1821 г. ⁽¹⁾ повелѣно съ имѣній, переходящихъ по духовнымъ завѣщаніямъ мимо ближайшихъ по закону наследниковъ дальнимъ и даже постороннимъ, съ которыхъ до сихъ поръ взималось по 6%, взимать впредь по 4% съ цѣны имѣнія. Но во многихъ случаяхъ въ платежѣ пошлынъ допускались изъятія. Такъ освобождались отъ платежа пошлынъ капиталы, завѣщаемые инвалидамъ, сиротамъ и бѣднымъ людямъ, безъ истребованія отъ этихъ лицъ свидѣтельствъ о бѣдности ⁽²⁾: освобождались отъ платежа пошлынъ покупаемыя Приказами Общественнаго Призрѣнія недвижимыя имѣнія, также не брались и съ обращаемыхъ въ пользу ихъ по завѣщаніямъ или въ даръ имѣній и капиталовъ ⁽³⁾. Это освобожденіе распространено такимъ же образомъ и на Императорское Благотворительное Общество. Въ этомъ же году повелѣно не взыскивать пошлынъ съ имѣній, завѣщаемыхъ одному ближайшему наследнику мимо другихъ равныхъ по родству сонаследниковъ. Въ 1824 г. ⁽⁴⁾ освобождены отъ взысканія пошлынъ имѣнія, завѣщаваемыя въ пользу бѣдныхъ и на богоугодныя заведенія, состоящія въ Ганноверскомъ королевствѣ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: свидѣтельствовалась ли духовная, въ которой допущены распоряженія, противныя законамъ? Кажется, что законодательство хотѣло видѣть въ свидѣтельствѣ только утвержденіе подлинности завѣщанія, а не законности заключающихся въ немъ распоряженій. Въ указѣ 1726 г. ⁽⁵⁾ мы читаемъ: «когда такія духовныя, писанныя въ домахъ, а не у крѣпостныхъ дѣлъ, гдѣ въ Коллегіяхъ и въ прочихъ судныхъ мѣстахъ явлены будутъ, а нѣкоторые пункты въ тѣхъ духовныхъ написаны будутъ нашимъ указамъ противны, и по такимъ духовнымъ *въ дѣйство производить* то, что написано съ указами согласно, а что написано указамъ въ противность, того *въ дѣйство не производить*, а поступать въ томъ по указамъ». Такъ Костромская Гражданская Палата ⁽⁶⁾ получила выговоръ за то, что сама вошла при свидѣтельствѣ

⁽¹⁾ Ук. 1821 г. ноябр. 24, II. С. З. № 28814. — ⁽²⁾ Ук. 1818 г. авг. 21, № 27493. — ⁽³⁾ Ук. 1821 г. мая 5, № 28621. — ⁽⁴⁾ Ук. 1824 г. февр. 27, № 29818. — ⁽⁵⁾ Ук. 1726 г. сент. 7, № 4953. — ⁽⁶⁾ Ук. 1819 г. марта 24, № 27729.

завѣщанія въ изслѣдованіе вопроса какого рода завѣщаемое имуществъ, благопріобрѣтенное или родовое.

Но когда при представленіи къ свидѣтельству духовнаго завѣщанія возникалъ споръ со стороны наслѣдниковъ, то рѣшеніе этого спора подлежало вѣдомству судебныхъ учрежденій по правиламъ судопроизводства, а спорное имущество должно было брать въ вѣдомство Дворянской Опекѣ съ тѣмъ, что, въ случаѣ разстройства имѣнія, взятаго въ опеку, спорящія стороны имѣли право просить о перемѣнѣ опекуновъ ⁽¹⁾. Вскорѣ это положеніе добавлено было слѣдующимъ: «когда при явкѣ къ утвержденію духовнаго завѣщанія или, по утвержденіи, при вводѣ во владѣніе предъявленъ будетъ споръ, то спорное имущество берется въ вѣдомство Дворянской Опекѣ; если же при этихъ двухъ дѣйствіяхъ спора не возникло, то имѣніе оставляется во владѣніи у того лица, кому было введено, хотя бы въ продолженіи двухъ лѣтъ и возникъ споръ; въ послѣднемъ случаѣ налагается только запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ. По истеченіи двухъ лѣтъ спора не пріемлется. При утвержденіи духовнаго завѣщанія дѣлаются, подобно какъ въ купчихъ, публикаціи о переходѣ имѣнія, дабы въ теченіи двухъ лѣтъ могли предъявлять споръ ⁽²⁾». Въ 1829 г. ⁽³⁾ правила о владѣніи имуществомъ завѣщаннымъ были дополнены слѣдующими: «п. 7) наслѣдники родовые, вступивъ во владѣніе имѣніемъ, не отвѣтствуютъ наслѣдникамъ по домашнему завѣщанію ни въ доходахъ, ни въ управленіи до того времени, доколѣ завѣщаніе не будетъ въ надлежащемъ мѣстѣ явлено, и по сей явкѣ не будетъ открытъ искъ установленнымъ порядкомъ; по открытіи же иска поступать со спорнымъ имѣніемъ на основаніи существующихъ о томъ узаконеній. п. 8) Если имѣніе будетъ продано или заложено родовыми наслѣдниками до открытія иска, то продажа сія и залогъ, яко учпенные на имѣніе свободное и безспорное, суть дѣйствительны и даже въ томъ случаѣ, когда домашнее завѣщаніе будетъ признано и утверждено законнымъ порядкомъ, продажа и залогъ, до явки того завѣщанія совершившіеся, не уничтожаются, но полученные по купчей или по закладной деньги взыскиваются безъ процентовъ въ

⁽¹⁾ Ук. 1815 г. марта 31. П. С. З. № 25815. — ⁽²⁾ Ук. 1815 г. ноябрю 25, № 26004. — ⁽³⁾ П. С. З. № 3134 (т. IV стр. 637).

пользу того, кому по завѣщанію прісуждено будетъ имѣніе. п. 9) Если въ завѣщанномъ имѣніи до открытія иска устроены будутъ родовымъ наследникомъ какія либо заведенія или употреблены будутъ какія либо издержки на его усовершеніе, то, при переходѣ самаго имѣнія къ наследнику по завѣщанію, всѣ означенныя издержки по законному доказательству должны быть возвращаемы бывшему временному владѣльцу отъ получающаго имѣніе сіе по завѣщанію, безъ вычета, какъ выше сказано, доходовъ, съ имѣнія собранныхъ. Въ случаѣ же, когда имѣніе родовымъ наследникомъ продано или заложено, то упомянутыя издержки должны быть вычитаемы изъ той суммы, которая слѣдуетъ будетъ въ возвратъ наследнику по завѣщанію вмѣсто имѣнія по предъидущей 8 статьѣ. п. 10) Въ случаѣ утайки родовымъ наследникомъ домоваго завѣщанія, въ пользу другаго лица учиненнаго, поступать на томъ основаніи, какъ вообще о самовольныхъ завладѣніяхъ законами предписано». — Гражданскія Палаты, по засвидѣтельствованіи духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ помѣщены пожертвованія на богоугодныя заведенія и на тюрьмы, обязаны увѣдомлять о первыхъ Приказы Общественнаго Призрѣнія, а о вторыхъ начальниковъ губерній ⁽¹⁾.

ОСОВЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ СОСТАВЛЕНІЯ ЗАВѢЩАНІЙ.

Изъ общаго порядка составленія завѣщаній уже въ настоящемъ періодѣ сдѣланы были нѣкоторыя изъятія. Они относились до лицъ, находящихся въ карантинѣ, на кораблѣ, за границей и къ завѣщаніямъ вдовъ. Лицамъ, выдерживающимъ карантинный срокъ, указомъ 1818 г. ⁽²⁾ дозволено составлять духовныя завѣщанія за свидѣтельствомъ четырехъ добросовѣстныхъ свидѣтелей; о совершеніи же такихъ завѣщаній карантинное начальство увѣдомляло кого слѣдуетъ. Въ 1828 г. ⁽³⁾ дозволено офицерамъ и нижнимъ чинамъ составлять въ военныхъ госпиталяхъ духовныя завѣщанія, но за свидѣтельствомъ дежурнаго офицера, врача и священника. Составленное такимъ образомъ завѣщаніе представлялось въ контору

⁽¹⁾ Ук. 1829 г. октября 7. П. С. З. № 3217. — ⁽²⁾ 1818 г. авг. 21, № 27490 § 143. — ⁽³⁾ 1828 г. март. 21, № 1889.

госпиталя. Морскимъ Уставомъ ⁽¹⁾ корабельному секретарю вѣнчено въ обязанность писать и духовныя завѣщанія на гербовой бумагѣ, а въ случаѣ неимѣнія ея, то и на простой, но это завѣщаніе должно быть за свидѣтельствомъ находящихся на кораблѣ офицеровъ и внесено въ корабельный протоколъ. Совершеніе духовныхъ завѣщаній за границей относилось къ обязанности, для военныхъ—полковыхъ канцелярій; а вообще для Русскихъ подданныхъ—канцелярій при посольствахъ и при консульствахъ, какъ и вообще совершеніе актовъ ⁽²⁾. Что касается до вдовъ, то закономъ 1803 г. ⁽³⁾ имъ дозволено объявлять при жизни своей Опекунскимъ Совѣтамъ, кому оныя должны, по смерти ихъ, выдать внесенный въ ихъ пользу во Вдовью казну капиталъ и невзятые проценты, также дѣлать особыя о нихъ завѣщанія или подписывать на самыхъ билетахъ; но въ такомъ случаѣ должно быть засвидѣтельствовано отцемъ духовнымъ или тѣмъ, кто погребеніе совершилъ, и городничимъ или частнымъ приставомъ, а въ уѣздахъ земскимъ исправникомъ и другими довѣрія достойными чиновниками, въ иностранныхъ же земляхъ Россійскимъ министромъ, консуломъ или магистратомъ того города, гдѣ вдова имѣла жительство, что помянутая на билетѣ надпись подлинно рукою участвующей въ немъ вдовы и безъ всякаго чьего либо принужденія писана или подписана, и что въ живыхъ ея уже не находится; въ слѣдствіе чего и деньги выдаются тому, кому предписано, завѣщано или по надписи назначено.

III.

Изъ изчисленныхъ нами различныхъ узаконеній по частнымъ дѣламъ составилось изданное 1 октября 1831 года положеніе о духовныхъ завѣщаніяхъ. Это положеніе перешло въ Сводъ Законовъ изд. 1832 г., и потомъ въ изданія 1842 г. и 1857 г. Послѣднее дѣйствующее законоположеніе постоянно пополняется новыми постановленіями, помѣщаемыми въ Продолженіяхъ къ Своду. Впро-

⁽¹⁾ 1720 г. янв. 12, № 3485.—⁽²⁾ 1765 г. дек. 5, № 12517.—⁽³⁾ 1803 г. Февр. 1, № 20607.

чемъ, имѣя въ виду Продолженія, изданныя къ Своду 1842 г., нельзя сказать, чтобъ предметъ нашего изслѣдованія часто восполнялся. Кромѣ того довольно замѣчательно, что въ числѣ вообще дѣлъ, производящихся въ судебныхъ мѣстахъ, дѣла по спорамъ о завѣщаніяхъ занимаютъ довольно незначительный объемъ. Но если мы примемъ во вниманіе какъ часто встрѣчаются духовныя, въ которыхъ изложены распоряженія, несогласныя съ опредѣленіями закона, то нельзя не согласиться, что въ нашемъ завѣщательномъ правѣ имѣютъ силу два элемента: юридическій и обычный.

Предположивъ изложить въ настоящемъ мѣстѣ завѣщательное право догматически, мы будемъ руководствоваться Сводомъ Законовъ изд. 1857 г., на основаніи котораго и постараемся, въ принятой уже нами системѣ, представить это право въ томъ объемѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ нынѣ. Но мѣстами намъ кажется неизлишнимъ останавливаться на тѣхъ статьяхъ Свода, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія въ практическомъ отношеніи.

Прежде однако чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію принадлежащихъ сюда статей Свода, укажемъ на помѣщенное въ дѣйствующихъ законахъ опредѣленіе завѣщанія. Оно слѣдующее: «Духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на случай его смерти» (1). Отсюда видно, что понятіе распоряженія на случай смерти составляетъ главную и отличительную черту этого способа отчужденія имущества. Въ положеніи о дарственныхъ записяхъ высказано еще, что духовныя завѣщанія, кои имѣнія при жизни владѣльца укрѣпляются за другими лицами безповоротно, должны быть признаваемы дарственными записями, и наоборотъ дарственные записи, посредствомъ коихъ имущество должно поступить въ другое владѣніе, не при жизни, но по смерти дарителя, принадлежатъ, по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ (2).

ПОДСУДНОСТЬ.

Подсудность по засвидѣтельствованію завѣщательныхъ актовъ опредѣляется законодательствомъ слѣдующимъ образомъ: «крѣпостныя духовныя завѣщанія являются при жизни завѣщателя лично

(1) Т. X Св. Зак. Гр. изд. 1857 г., ст. 1010.—(2) Тамъ же, ст. 991.

имъ самимъ въ Уѣздномъ Судѣ, въ Магистратѣ, или Гражданской Палатѣ, или въ мѣстахъ имъ равныхъ, въ самомъ ихъ присутствіи, а не на дому завѣщателя»..... (1) «Домашнія завѣщанія пишутся въ мѣстѣ пребыванія завѣщателя и являются въ Гражданской Палатѣ»..... (2) Относительно примѣненія этихъ статей въ практикѣ не встрѣчается никакого затрудненія. Само собою разумѣется, что какъ завѣщанія вносятся въ крѣпостную книгу, то слѣдовательно и явка завѣщаній можетъ быть во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся крѣпостныя дѣла. За этимъ опредѣленіемъ не встрѣчается уже никакихъ другихъ условій, какъ въ отношеніи мѣстополюженія имущества, такъ и пребыванія лица. Такимъ образомъ завѣщательныя распоряженія объ имѣніяхъ, находящихся въ одной губерніи, могутъ быть безпренятственно свидѣтельствуемы при крѣпостныхъ дѣлахъ другой губерніи. На томъ основаніи, что крѣпостныя завѣщанія причислены по ст. 728 Гражд. Зак. къ актамъ явочнымъ, они свидѣствуются въ Уѣздномъ Судѣ, не ограничиваясь суммою. Но домашнія, причисленные по ст. 728-й къ актамъ явочнымъ, а по ст. 923 къ домашнимъ, всегда и на всякія суммы должны быть являемы въ Гражданской Палатѣ. Изъ этихъ правилъ законодательство дѣластъ два исключенія или, лучше сказать, дозволенія. «По управленію государственными имуществами, волостныя правленія снабжаются отъ окружнаго начальника шнуровою книгою для записки духовныхъ завѣщаній токъмо о движимомъ имуществѣ не свыше 15 руб. и о строеніяхъ на казенной землѣ».... (3) Точно также и по управленію коннозаводскими крестьянами волостныя правленія снабжаются отъ окружныхъ начальниковъ особою книгою для записки свидѣствуемыхъ ими духовныхъ завѣщаній коннозаводскихъ крестьянъ и всѣхъ сдѣлокъ между ними. Впрочемъ не возбраняется крестьянамъ свидѣтельствовать свои акты и по общему законному порядку (4). Последнее дозволеніе, кажется, должно быть отнесено и къ государственнымъ крестьянамъ. Вообще смыслъ этихъ статей дозвольтельный, но не обязательный. Государственный крестьянинъ, находящійся въ отлучкѣ, въ своей волости, можетъ составить завѣщаніе какъ о своемъ недвижимомъ имуществѣ, такъ и движимомъ, и представить при

(1) Св. Зак. Гр. изд. 1857 г., ст. 1013. — (2) Тамъ же, ст. 1014. — (3) Тамъ же, ст. 836 и 1015. — (4) Зак. Гр., ст. 837.

жизни своей для свидѣтельства къ крѣпостнымъ дѣламъ. Равнымъ образомъ и духовная крестьянина по смерти завѣщателя можетъ быть представлена къ свидѣтельству и не въ волостное правленіе завѣщателя, тѣмъ болѣе, что допросъ свидѣтелей въ правленіи не всегда удобоисполнимъ.

Что касается до подсудности дѣлъ по спорамъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, то нашимъ законодательствомъ она опредѣляется подсудностію вотчиннаго судопроизводства, т. е. такого рода дѣла должны быть начинаемы въ томъ судебномъ мѣстѣ, которому подвѣдомо имущество завѣщаемое. Какъ начало, такъ дальнѣйшій ходъ и окончаніе споровъ по завѣщаніямъ вполне подлежитъ правиламъ тяжбнаго вотчиннаго судопроизводства. Здѣсь можетъ быть только одинъ нѣсколько сомнительный случай, неопредѣленный закономъ. Положимъ, что домашнее духовное завѣщаніе о недвижимыхъ имѣніяхъ, лежащихъ въ разныхъ губерніяхъ, представлено къ свидѣтельству въ Гражданскую Палату. При явкѣ предъявленъ споръ. Завѣщаніе должно быть отослано къ судебному разбирательству; но какого судебного мѣста? Въ этомъ случаѣ, на основаніи 661 ст. т. X Св. Зак. о Судопр. Гражд., то судебное мѣсто, куда представлено завѣщаніе, должно потребовать, кажется, свѣдѣнія отъ спорящихъ, гдѣ они желаютъ вести тяжбу, и по ихъ назначенію отослать туда дѣло, а въ случаѣ разногласія отослать, по выправкѣ о количествѣ имѣнія, въ ту Гражданскую Палату, гдѣ находится большее количество имѣнія. Дѣла по спорамъ о домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ государственныхъ крестьянъ, явленныхъ, на законномъ основаніи, въ волостномъ правленіи, присвоены прямому и непосредственному разбору волостной расправы (¹). Опредѣленіе подсудности въ практикѣ чрезвычайно важно; я знаю одно дѣло, которое производилось десять лѣтъ и окончилось только однимъ опредѣленіемъ подсудности.

ЛИЦА, ИМѢЮЩІЯ ПРАВО ЗАВѢЩАТЬ.

Всѣмъ лицамъ, обладающимъ правами гражданства, имѣющимъ право собственности, дозволено составлять завѣщанія, если только не исключаютъ это дозволеніе сословныя права завѣщателя и его

(¹) Зак. Гр., ст. 1015.

физическія качества. Все это выражено нашимъ законодательствомъ опредѣленно: всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество. Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ; 2) людей, лишенныхъ по суду всѣхъ гражданскихъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ⁽²⁾. Лица, состоящія подѣ арестомъ, пока приговоръ о лишеніи ихъ правъ состоянія имъ не объявленъ, не лишаются права составлять завѣщанія на основаніи общихъ правилъ, о домашнихъ завѣщаніяхъ постановленныхъ⁽³⁾. Завѣщаніе лица, состоящаго подѣ опекою по долгамъ, можетъ быть дѣйствительно только тогда, когда за удовлетвореніемъ всѣхъ займодавцевъ останется свободное имущество⁽⁴⁾. Въ отношеніи же физическихъ качествъ лица говорится: всѣ духовныя завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, должны быть составляемы въ здоровомъ умѣ и твердой памяти⁽⁵⁾. Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства, 2) самоубійцъ⁽⁶⁾. Это послѣднее обстоятельство тогда только можетъ, разумѣется, уничтожить дѣйствительность завѣщанія, когда существуютъ несомнѣнныя доказательства преступнаго намѣренія завѣщателя во время составленія духовной. А это доказать, какъ доказать всякое внутреннее движеніе, очень трудно. Кромѣ этого законы полагаютъ ограниченія сословныя: запрещено завѣщать недвижимыя дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими. Дворянамъ, не имѣющимъ за собою населеннаго недвижимаго имѣнія, не дозволено пріобрѣтать по духовнымъ завѣщаніямъ дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли⁽⁷⁾. Впрочемъ запрещеніе завѣщать дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими (постановленное 4-го ноября 1836 г.), не имѣетъ обратнаго дѣйствія на завѣщанія, уже получившія до того времени законную ихъ силу по смерти завѣщателей. По завѣщаніямъ этого рода, вошедшимъ уже въ законную силу, имѣнія завѣщанныя должны поступать въ вѣдомство Дворянскихъ Опекъ, и отъ нихъ должны быть обраща-

(1) Зак. Гр., ст. 1018.—(2) Тамъ же, ст. 1019.—(3) Тамъ же, ст. 1020.—(4) Тамъ же, ст. 1021.—(5) Тамъ же, ст. 1016.—(6) Тамъ же, ст. 1017.—(7) Тамъ же, ст. 1028.

мы въ продажѣ по вольнымъ цѣнамъ, но не прежде, какъ по истеченіи двухъ-годичнаго срока для предьявленія споровъ вообще по завѣщаніямъ въ ст. 1098 Зак. Гражд. положеннаго; вырученный же капиталъ, такъ какъ и собранные во время управленія доходы, Опекѣ имѣютъ отдавать наслѣдникамъ, въ завѣщаніи означеннымъ. Само собою впрочемъ разумѣется, что если въ теченіи двухъ-годичнаго срока возникнетъ споръ, по которому послѣдуетъ судебное разбирательство, то продажа останавливается до окончательнаго рѣшенія. Въ отношеніи же сословія монашескаго сказано, что завѣщанія архіереевъ, архимандритовъ и прочихъ монашествующихъ властей тогда только считаются дѣйствительными, когда они относятся къ движимымъ ихъ частнымъ имуществамъ, а не къ вещамъ, къ ризницамъ ихъ принадлежащимъ, и только въ церквахъ употребляемымъ, хотя бы въ числѣ ихъ находились вещи, ими на собственное ихъ изживленіе устроенныя (¹). Это постановленіе перенесено, какъ мы уже видѣли, изъ положенія Императрицы Екатерины II, и относится только до монашествующихъ властей; но дѣйствительны ли завѣщанія о движимомъ частномъ имуществѣ монашествующей братии? Объ этомъ въ законахъ о завѣщаніяхъ вовсе не упоминается, но въ законахъ о состояніяхъ опредѣленно выражено, что монашествующіе, какъ отрекшіеся отъ міра, лишаются и права составлять завѣщанія (²). Такое постановленіе имѣло началомъ узаконеніе Петра Великаго, которымъ повелѣвалось остающіяся имущества монашествующей братии брать въ монастырскую казну.

ЛИЦА, ИМѢЮЩІЯ ПРАВО ПРИОБРѢТАТЬ ПОСРЕДСТВОМЪ ЗАВѢЩАНІЯ.

Наше настоящее положительное завѣщательное право не дѣлаетъ относительно этого яснаго опредѣленія, но изъ общаго смысла его и историческаго развитія видно, что всякое лицо имѣетъ право приобрести имущество посредствомъ завѣщанія, если только можетъ по праву владѣть такимъ имуществомъ. Это можно вывести изъ то-

(¹) Зак. Град., ст. 1023.—(²) Зак. о сост. изд. 1857 г. ст. 267 «Прочіе монашествующіе, кромѣ властей, не могутъ дѣлать завѣщаній и имущество ихъ ни въ какомъ случаѣ къ наслѣдникамъ не поступаетъ, а обращается всегда въ монастырскую казну».

го отрицательнаго характера, которымъ выражаются вообще наши законы о правахъ завѣщателей и о правахъ лицъ, пріобрѣтающихъ посредствомъ завѣщанія. Выше было уже сказано о запрещеніи завѣщать дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими, а равно и дворянамъ, не владѣющимъ недвижимымъ населеннымъ имѣніемъ, пріобрѣтать по завѣщанію дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Далѣе въ законодательствѣ высказано: (1) хотя завѣщать ненаселенныя недвижимыя имущества монастырямъ и церквамъ не воспрещается, но такія имущества утверждаются за ними въ собственность не иначе, какъ по испрошеніи на то чрезъ Святѣйшій Синодъ Высочайшаго соизволенія. Въ пользу монашествующихъ, со времени постриженія ихъ въ иноческій чинъ, какъ устранившихся отъ правъ наслѣдства, завѣщать лично, какъ движимое, такъ и недвижимое имущество запрещается. Всѣ тѣ лица, которыя по лишенію правъ состоянія считаются неспособными къ законному наслѣдству, неспособны и къ принятію имущества по завѣщанію. Карантинные чиновники и служители ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ни наслѣдниками, ни душеприказчиками по завѣщанію тѣхъ, кои, выдерживая карантинъ, пишутъ духовныя завѣщанія; вообще они не могутъ получить какую либо часть изъ имѣнія завѣщателя, но могутъ быть наслѣдниками его по закону. Духовныя завѣщанія въ пользу благотворительныхъ заведеній Московскаго Попечительнаго Комитета могутъ быть исполняемы не иначе, какъ по исходяйствованіи предварительно Высочайшаго на то разрѣшенія чрезъ Комитетъ Министровъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ положительномъ правѣ о завѣщаніяхъ совершенно опущены права завѣщателя въ отношеніи семейственномъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что всѣ права этого рода суть права личныя; но въ Сводѣ же Законовъ Гражданскихъ, въ главѣ о установленіи опеки и попечительства, мы встрѣчаемъ право родителей назначать къ своимъ малолѣтнымъ дѣтямъ и имуществу опекуновъ, и лишь въ случаѣ неназначенія ихъ въ завѣщаніи опека принадлежитъ

(1) Зак. Гр., ст. 1067 п. 2, 3, 4, 5 и 6.

оставшемуся въ живыхъ супругу, а въ случаѣ отказа сего послѣдняго или его смерти избраннымъ отъ правительства опекунамъ ⁽¹⁾. Что касается до имущественныхъ отношеній по завѣщаніямъ, то они опредѣлены въ законахъ кратко и ясно.

Мы видѣли уже, что особенное значеніе имѣетъ у насъ раздѣленіе имуществъ на движимыя и недвижимыя, благопріобрѣтенныя и родовыя. Но какъ движимыя имущества причисляются къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ, то здѣсь слѣдуетъ только говорить о правахъ завѣщателя въ имуществѣ благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ.

Самыя полныя, неограниченныя права имѣютъ завѣщатели въ имуществѣ благопріобрѣтенныхъ. Завѣщать такого рода имущества можно или въ полную собственность или же во временное владѣніе и пользованіе ⁽²⁾. Въ указѣ 18 ноября 1839 г. по дѣлу о завѣщаніи бригадирши Лопухиной пояснено: владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ *свободно и неограниченно*, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наследника, *на время жизни его*, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы напр., денежныя выдачи, и т. п.; но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній *наслѣдственныхъ*, оно ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ ⁽³⁾. Слѣдовательно въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ о такихъ имуществѣхъ дозволено даже отдѣленіе отъ собственности правъ принадлежностныхъ. Единственнымъ исключеніемъ пользуются аренды, которыя до истеченія срока могутъ быть завѣщаемы только женѣ и дѣтямъ тѣхъ лицъ, которымъ онѣ были пожалованы, или же одному изъ ихъ наслѣдниковъ по прямой линіи, передача же ихъ другимъ по завѣщанію воспрещается ⁽⁴⁾.

Родовыя имущества напротивъ того по законамъ совершенно не подлежатъ дѣйствію завѣщанія. Исключеніе составляетъ только право бездѣтнаго собственника такихъ имуществъ: лице, не имѣющее ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него исходящихъ,

(1) Зак. Гр., ст. 227, 229 и 231.— (2) Тамъ же, ст. 1011. — (3) Зак. Гр. примѣч. къ ст. 1011.— (4) Тамъ же, ст. 1067 п. 1.

можетъ предоставить все свое родовое имущество, или же часть его, мимо ближайшихъ своихъ наследниковъ, и не смотря ни на какую степень родства, одному лицу изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ или родственницъ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось имущество, завѣщаемое избранному имъ наследнику, хотя бы это лице, по происхожденію отъ женскаго въ томъ родѣ колѣна, или по иной причинѣ и не носило имени фамиліи завѣщателя или завѣщательницы. На этомъ же основаніи владѣлецъ, неимѣющій ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него исходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить по одному отъ каждаго изъ сихъ родовъ наследнику. Духовныя завѣщанія этого рода должны быть совершаемы у крѣпостныхъ дѣлъ; когда же они совершены порядкомъ домашнимъ, то признаются дѣйствительными лишь въ случаѣ, если внесены самимъ завѣщателемъ для храненія въ Опекунскій Совѣтъ или въ Комитетъ Человѣколюбиваго Общества, или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Ему однакожь дозволяется при тяжкой болѣзни, препятствующей явиться въ присутственное мѣсто, просить надлежащій судъ о засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія въ мѣстѣ его жительства. Лица, отказывающія свое родовое имѣніе мимо прямыхъ по закону наследниковъ одному изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ своихъ, обязаны предоставить остающимся послѣ нихъ супругу или супругѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе седьмую часть всего родового имущества своего какъ того, которое переходитъ къ избранному ими наследнику, такъ и того, которое оставляется прочимъ наследникамъ по закону ⁽¹⁾. Особый предметъ въ отношеніи къ завѣщаніямъ составляютъ права на крѣпостныхъ людей. Въ законодательствѣ сказано, что крѣпостные люди лично, по одиночкѣ и съ семействами, могутъ быть увольняемы крѣпостными и домашними духовными завѣщаніями. Здѣсь не дѣлается различія, изъ родового ли имѣнія или благопріобрѣтеннаго отпускаются эти люди. Но запрещено

(1) Зак. Гражд., ст. 1068. Последнее правило не распространяется на губерніи Черниговскую и Полтавскую, въ которыхъ касательно порядка наследованія супруговъ дѣйствуютъ особыя постановленія, означенныя въ ст. 1157 Закоп. Гражд.

вмѣстѣ съ тѣмъ увольнять крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, по духовнымъ завѣщаніямъ помѣщиковъ, хотя бы увольняемые крестьяне принадлежали къ благопріобрѣтенному ихъ имѣнію ⁽¹⁾.

СОВЕРШЕНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Двойкій способъ составленія завѣщаній исчезъ еще въ прошедшемъ періодѣ; въ Сводѣ Законовъ высказано опредѣленно, что словесныя завѣщанія и такъ называемыя изустныя памяти никакой силы не имѣютъ ⁽²⁾. Какъ исключеніе только сохранился особенный видъ словесныхъ завѣщаній для вдовъ на капиталы, положенные ими во Вдовью Казну ⁽³⁾. Но вообще письменная форма предоставляется нашимъ законодательствомъ единственною для выраженія воли завѣщателя. По отношенію къ ней до Петра В. существовали, какъ мы видѣли, одинъ домашній порядокъ составленія завѣщаній, а съ Петра В. одинъ порядокъ крѣпостной, но съ Екатерины I домашній порядокъ на ряду съ крѣпостнымъ. Этотъ двойкій способъ признанъ и настоящимъ положительнымъ правомъ. Въ ст. 1012 Зак. Гражд. сказано: духовныя завѣщанія суть: или крѣпостныя или домашнія. Тѣ и другія, какъ выраженіе воли завѣщателя, имѣютъ многія общія имъ обонмъ черты, но по производству своему существенно различаются. Скажемъ сперва о тѣхъ общихъ чертахъ, которыя необходимы для того и другаго рода завѣщаній, а потомъ займемся разсмотрѣніемъ cadaго изъ нихъ отдѣльно.

Чтобы завѣщанія служили именно точнымъ выраженіемъ воли, законодательство требуетъ точнаго означенія въ нихъ какъ имуществъ завѣщаемыхъ, такъ и лицъ, которымъ они завѣщаются. Посему недѣйствительны завѣщанія, составленныя съ очевидною ошибкою въ лицѣ или въ самомъ имуществѣ завѣщаемомъ ⁽⁴⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ неозначеніе въ завѣщаніи чина или званія завѣщателя препятствіемъ къ засвидѣтельствованію не считается, а равно должны быть свидѣтельствуемы и тѣ духовныя, въ которыхъ воля завѣщателя изъявлена общими выраженіями: все движимое и недвижимое

⁽¹⁾ Зак. Гражд., ст. 1070.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1023.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1024.—

⁽⁴⁾ Зак. Гр., ст. 1026.

измѣненіе или такую то часть его, или за исключеніемъ такихъ-то частей, наблюдая только, чтобы въ послѣднемъ случаѣ, части, изъятія изъ завѣщанія, были опредѣлены съ точностію (¹).

Но какъ воля человека измѣняется по дѣйствию различныхъ обстоятельствъ, то, сообразно этому, законодательство допускаетъ измѣненія и отмѣны завѣщаній. Такимъ образомъ всѣ завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и въ частяхъ, могутъ быть перемѣняемы и измѣняемы по усмотрѣнію завѣщателя. Домашнія завѣщанія могутъ быть измѣняемы, какъ домашнимъ, такъ и крѣпостнымъ порядкомъ, но крѣпостныя не могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы иначе какъ крѣпостнымъ, т. е. или посредствомъ составленія другаго завѣщанія, имѣющаго равную силу съ первымъ, или посредствомъ прошенія объ уничтоженіи прежняго, отъ завѣщателя поданнаго въ то судебное мѣсто, гдѣ оно было совершено, или же, въ случаѣ нахожденія завѣщателя въ походѣ или въ откомандировкѣ, посредствомъ донесенія о томъ начальству. Если же крѣпостное завѣщаніе уничтожено самимъ завѣщателемъ при жизни его, то оставшееся по смерти его домашнее завѣщаніе, если оно составлено правильно, остается въ своей силѣ (²). Для юридической силы всякой отмѣны, измѣненія и перемѣны законъ требуетъ, чтобы они подлежали въ составленіи ихъ тѣмъ же правиламъ, какъ и самое завѣщаніе (³).

Встрѣчающіяся въ завѣщаніяхъ описки, подчистки и поправки должны быть оговорены въ подписи завѣщателя; впрочемъ существуетъ правило, что завѣщанія съ описками, подчистками, поправками и приписками между строкъ, неоговоренными въ подписи завѣщателя или рукоприкладчика за него (по безграмотству и другимъ законнымъ причинамъ), должны быть свидѣтельствуемы безостановочно; но въ самомъ свидѣтельствѣ означается съ точностію какія именно описки, подчистки, поправки и приписки въ подписи не оговорены. За тѣмъ, когда описки, подчистки, поправки и приписки сдѣланы рукою завѣщателя, то онѣ должны быть почтены дѣйствительными, хотя бы и не были оговорены; если же сдѣланы постороннимъ лицомъ, безъ всякой о томъ оговорки, то признаются ничтожными; но самое завѣщаніе, въ другихъ его частяхъ, из-

(¹) Зак. Гр., ст. 1027.—(²) Тамъ же, ст. 1030.—(³) Тамъ же, ст. 1031.

ложенныхъ согласно существующимъ узаконеніямъ, остается въ своей силѣ (¹).

Имѣя въ виду то, что всякое завѣщаніе по усмотрѣнію завѣщателя при жизни его можетъ подлежать отмѣнѣ или измѣненію, законодательство опредѣляетъ, что два лица совокупно въ одномъ и томъ же завѣщаніи не могутъ изъяслять свою волю (²).

Что касается до особенностей каждаго рода завѣщаній, то завѣщаніе домашнее, относительно составленія его, причисляется нашимъ законодательствомъ къ актамъ домашнимъ, т. е. составляемымъ въ мѣстѣ жительства лица безъ всякаго участія присутственнаго мѣста. На этомъ же основаніи оно можетъ быть писано и на простой бумагѣ, всякаго формата и размѣра, не исключая и почтовой, лишь бы бумага эта, состоя изъ двухъ полныхъ половинокъ, составляла цѣлый листъ; но завѣщанія, писанныя на отрывкахъ листа, или клочкахъ бумаги, недѣйствительны (³).

Далѣе наши законы въ подробности опредѣляютъ участіе въ составленіи самого завѣщателя: домашнее духовное завѣщаніе пишется или во всемъ его пространствѣ рукою завѣщателя, или, по просьбѣ его и со словъ его, другимъ; то и другое должно быть имъ подписано. Подпись же должна заключать въ себѣ имя, отчество и фамилію или прозваніе (⁴). Духовныя завѣщанія иностранцевъ, въ подписи подъ которыми не означено отчества завѣщателя, надлежитъ свидѣтельствовать на общемъ основаніи, прилагая это правило и ко всѣмъ прочимъ завѣщателямъ, какъ скоро не будетъ сомнѣнія въ тождествѣ лица, котораго завѣщаніе къ явкѣ представлено. На томъ же основаніи должны приниматься къ засвидѣтельствуванію и тѣ духовныя, въ которыхъ имя завѣщателя предъ его фамиліею означено только одною буквою или даже вовсе не означено, если только соблюдены всѣ прочія закономъ требуемыя условія (⁵). Когда завѣщаніе написано другимъ, то, сверхъ собственноручной подписи завѣщателя, должна быть на немъ подпись того, кто писалъ завѣщаніе, и сверхъ того подписи трехъ свидѣтелей, или по крайней мѣрѣ двухъ, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя. Въ подписи же этой должно быть подробно означено и

(¹) Зак. Гражд., ст. 1034.—(²) Тамъ же, ст. 1032.—(³) Тамъ же, ст. 1033.—
(⁴) Тамъ же, ст. 1046.—(⁵) Тамъ же, ст. 1047.

званіе завѣщателя. Но когда завѣщаніе написако все рукою завѣщателя, тогда достаточно только подписи двухъ свидѣтелей ⁽¹⁾. Если же завѣщатель не умѣетъ, или, за болѣзнію, не можетъ подписать своеручно завѣщаніе, то сверхъ свидѣтелей, вмѣсто его и по просьбѣ его, должна быть подпись другого лица; но это лицо должно имѣть всѣ тѣ качества, какія требуются для имовѣрнаго свидѣтеля при завѣщаніи. Притомъ въ подписи его должно быть именно означено, за неумѣніемъ ли завѣщателя, или за болѣзнію, сдѣлана имъ та подпись ⁽²⁾. Но здѣсь встрѣчается недоумѣніе. Въ практикѣ часто представляются къ засвидѣтельствованію завѣщанія, обрукоприкладствованныя вмѣсто завѣщателя, по болѣзни его или по другимъ причинамъ, самимъ писцомъ завѣщанія. Дѣйствительно ли такое завѣщаніе? Если признать смыслъ приведенной статьи требующимъ отъ рукоприкладчика завѣщанія лица совершенно отдѣльнаго отъ писца и свидѣтеля, то, безъ сомнѣнія, такія завѣщанія не дѣйствительны; но если рукоприкладчикъ имѣетъ одинаковое значеніе съ свидѣтелемъ, то они, при полномъ количествѣ другихъ свидѣтелей, не могутъ быть не дѣйствительны. Отъ различнаго пониманія закона дѣйствія различныхъ судебныхъ мѣстъ въ примѣненіи этого положенія различны. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, что законодательство хотѣло рукоприкладства завѣщателя и писца, какъ лицъ, совершенно отдѣльныхъ; но если всмотрѣться глубже въ то значеніе, которое желало дать вообще законодательство домашнимъ актамъ, и въ особенности актамъ завѣщательнымъ, то увидимъ, что для подлинности завѣщанія необходимо только доказательное подтвержденіе свидѣтелями именно такой-то воли завѣщателя. Это сужденіе совершенно совпадетъ и съ историческимъ выводомъ. Поэтому кажется болѣе справедливымъ сужденіе тѣхъ судебныхъ мѣстъ, которыя утверждаютъ такія завѣщанія.

Особенно важнымъ значеніемъ пользуется при этомъ актъ переписчикъ или писецъ, такъ, что завѣщанія безъ подписи переписчиковъ къ явкѣ не принимаются, развѣ бы писецъ въ продолженіи того срока, въ который завѣщаніе по общимъ постановленіямъ къ засвидѣтельствованію принято быть можетъ, являсь въ судебное мѣ-

⁽¹⁾ Зак Гражд., ст. 1048 и 1051. ⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1053.

сто, письменнымъ показаніемъ утвердить, что духовная дѣйстви-тельно писана имъ, и, по сличеніи почерка руки, такое показаніе было бы достаточно доказано. Подпись писца должна быть въ самомъ окончаніи завѣщанія, предъ подписью завѣщателя, но не теряетъ своей дѣйствительности и въ такомъ случаѣ, если сдѣлана будетъ и въ другомъ мѣстѣ (¹).

Мы видѣли какое количество свидѣтелей требуетъ дѣйствительность завѣщаній; теперь слѣдуетъ изложить значеніе, которое даетъ наше законодательство свидѣтельскимъ показаніямъ. Подпись свидѣтелей удостовѣряетъ только: 1) въ подлинности завѣщанія, т. е. въ томъ, что лице, предъявившее имъ завѣщаніе, есть точно то самое, которымъ оно сдѣлано и подписано; 2) что при предъявленіи имъ завѣщанія, они всѣ лично его видѣли и нашли въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Эти только два обстоятельства они должны утвердить при допросѣ, который имъ производится безъ присяги, въ присутствіи Гражданскихъ Палатъ, при представленіи сюда завѣщаній къ засвидѣтельствуванію; если явка въ Палату свидѣтелей будетъ по какимъ либо законнымъ уваженіямъ затруднительна, то допросы отъ свидѣтелей отбираются, по мѣсту ихъ пребыванія, въ Уѣздныхъ Судахъ; а если свидѣтель ни въ Палату, ни въ Судъ, по законной причинѣ, явиться не можетъ, то онъ допрашивается уже на дому при членѣ Гражданской Палаты или Уѣзднаго Суда (²). Здѣсь представляется вопросъ: должны ли въ подписяхъ свидѣтелей излагаться буквально удостовѣренія въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, или самая подпись, т. е. означеніе имени, отчества и фамиліи свидѣтеля уже означаетъ удостовѣреніе въ исполненіи означенныхъ требованій закона, а при допросѣ въ Гражданской Палатѣ они въ томъ уже формально допрашиваются. Мнѣ извѣстно одно духовное завѣщаніе, которое не было засвидѣтельствовано потому, что будто бы подпись свидѣтелей, заключающаяся въ простомъ означеніи имени, отчества и фамиліи, не была согласна съ требованіями закона. Кажется, слѣдуетъ принять, что простая подпись свидѣтелей уже означаетъ подлинность завѣщанія, а также здравый умъ и твердую память завѣщателя, по крайней мѣрѣ въ этомъ удостовѣряетъ историческое развитіе за-

(¹) Зак. Гражд., ст. 1049.—(²) Тамъ же, ст. 1050.

вѣщательнаго права. Только при утвержденіи завѣщанія въ Гражданской Палатѣ свидѣтель долженъ быть спрашиваемъ относительно двухъ упомянутыхъ обстоятельствъ.

Подпись свидѣтелей должна быть не на оболочкѣ бумаги, но на самомъ листѣ завѣщанія, или внутри листа, или на оборотѣ его (¹). Если число свидѣтелей, завѣщаніе подписавшихъ, болѣе нежели закономъ требуется, то въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ нихъ и достаточности наличныхъ, спрашиваются только эти послѣдніе и потомъ завѣщаніе свидѣтельствуется на общемъ основаніи. Если же наличныхъ свидѣтелей по закону недостаточно, то слѣдуетъ отбирать показанія и отъ отсутствующихъ, чрезъ подлежащія судебныя мѣста. Смерть одного или даже и всѣхъ свидѣтелей не должна быть препятствіемъ къ явкѣ завѣщанія, если только на подлинность его ни отъ кого спора предъявлено не будетъ; въ случаѣ же спора завѣщанія должны быть отсылаемы къ судебному разсмотрѣнію, исключая однако тѣ изъ нихъ, которыя самимъ завѣщателемъ внесены въ Опекунскій Совѣтъ или въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія; извѣтъ о фальшивости такихъ завѣщаній не принимается (²).

Что касается до качества свидѣтелей, то вопросъ этотъ, разрѣшавшійся въ древнемъ періодѣ положительно, настоящее законодательство опредѣляетъ отрицательно, т. е. изчисляя всѣ тѣ лица, которыхъ свидѣтельство не должно быть допускаемо. Именно свидѣтелями при завѣщаніи не могутъ быть: 1) лица, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе; 2) родственники сихъ лицъ до четвертой степени, и свойственники до третьей степени, если завѣщаніе дѣлается не въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, wholly или хотя частию; 3) душеприкащики и опекуны, назначаемые по духовному завѣщанію; 4) тѣ, которые по закону не имѣютъ права сами завѣщать; 5) всѣ тѣ, которые по общимъ законамъ къ свидѣтельству по дѣламъ гражданскимъ не допускаются, именно малолѣтныя, недостигшіе 15-лѣтняго возраста; безумные и сумасшедшіе; глухонѣмые; смертоубійцы, разбойники, воры, люди, портившіе тайно межевые знаки, учинившіе прежде въ судѣ лживую присягу, скло-

(¹) Зак. Гражд., ст. 1036.—(²) Тамъ же, ст. 1032.

бившіе другихъ къ ложному свидѣтельству, изгнанные изъ государства, публично за преступленія наказанные и вообще всѣ лишенные чести и всѣхъ правъ состоянія; явные прелюбодѣи; не бывшіе никогда у святаго причастія; иностранцы, которыхъ поведение неизвѣстно; кромѣ того женищины въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской къ свидѣтельству при завѣщаніи не допускаются (¹). Подтверждается положительнымъ правомъ и прежнее положеніе о раскольникахъ: раскольники и старообрядцы не могутъ быть устраняемы отъ свидѣтельства духовныхъ завѣщаній, составляемыхъ людьми одинаковаго съ ними обряда, но не иначе, какъ въ видѣ частныхъ лицъ. Что же касается до присвояемаго нѣкоторыми изъ нихъ званія духовныхъ отцевъ и представляемыхъ за подписомъ сихъ послѣднихъ свидѣтельствъ о времени кончины завѣщателей: то, какъ подобныя свидѣтельства никакого законнаго удостовѣренія въ себѣ не представляютъ, посему въ подтвержденіе ихъ слѣдуетъ о времени кончины завѣщателей требовать справки отъ мѣстной полиціи и основываться на ея показаніяхъ (²).

Вотъ тѣ правила, которыми должны руководствоваться при составленіи домашнихъ духовныхъ завѣщаній сами завѣщатели, ищцы и свидѣтели. Но какъ завѣщаніе должно имѣть значеніе только по смерти завѣщателя, то спрашивается, гдѣ до того времени написанное такимъ образомъ завѣщаніе должно быть хранимо? Въ этомъ отношеніи завѣщатель не стѣсненъ никакимъ ограниченіемъ; онъ можетъ оставить завѣщаніе у себя, или вручить душеприкащику, или наследнику, какъ это чаще всего бываетъ на практикѣ, или кому либо другому, или можетъ внести для храненія въ Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома или въ другія учрежденія, о которыхъ упомянуто выше, съ соблюденіемъ правилъ и обрядовъ, постановленныхъ для этихъ мѣстъ, но не иначе какъ отъ своего имени, ибо ни одно изъ нихъ не можетъ принимать завѣщанія для храненія отъ неизвѣстныхъ (³). Эти правила заключаются въ слѣдующемъ: Опекунскіе Совѣты и Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія принимаютъ отъ всякаго духовнаго завѣщанія на сохраненіе до востребованія обратно или до смерти завѣщателя.

(¹) Зак. Гражд., ст. 1034, 1035; Зак. о Суд. Гр., ст. 362. — (²) Зак. Гр., ст. 1037. — (³) Зак. Гр., ст. 1038.

Въ пріемѣ завѣщанія выдаютъ они вносителю копію съ открытаго объявленія, при которомъ завѣщаніе внесено, за подписаніемъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ Почетнаго Опекуна, Директора по вкладамъ, Директора письмоводства и за скрѣпою Экспедитора, а въ Приказѣ за подписаніемъ: Управляющаго, двухъ Директоровъ, и за скрѣпою Секретаря; въ концѣ копіи подписывается: *дана въ принятіи выше означеннаго, такого то года, мѣсяца и числа*, и эта копія служитъ роспискою. Воля каждого при вносѣ завѣщанія на сохраненіе предоставляется прописывать въ открытомъ объявленіи, при томъ подаваемомъ, чтобы *распечатать, когда копія съ объявленія представлена будетъ, или вмѣсто того приступить къ распечатанію, когда представлено будетъ достовѣрное свидѣтельство о смерти завѣщателя*. Въ первомъ случаѣ, если копія съ объявленія утратится, публикуется о ея потерѣ въ вѣдомостяхъ на счетъ того, кому потребно завѣщаніе, съ означеніемъ трехмѣсячнаго срока, по истеченіи котораго, если копія не представится, завѣщаніе должно быть распечатано въ присутствіи того, кто представитъ достовѣрное свидѣтельство о кончинѣ завѣщателя. Самому завѣщателю, или его повѣренному, снабженному законною довѣренностію, выдается завѣщаніе, когда потребуетъ, и безъ копій съ объявленія ⁽¹⁾. На завѣщаніе, внесенное на этихъ основаніяхъ для сохраненія, спора въ подлинности его не пріемлется. Это понятно: здѣсь воля завѣщателя ясно выражается лично внесеніемъ имъ самимъ своего завѣщанія въ извѣстное установленіе. Но у насъ вообще распространено мнѣніе, что не можетъ быть спора на подлинность и тѣхъ завѣщаній, которыя посылаются для сохраненія въ Опекунскій Совѣтъ или другое мѣсто посредствомъ почты. Какая же однако въ послѣднемъ случаѣ гарантія подлинности воли завѣщателя?

Перейдемъ теперь къ вопросу: когда и въ какое время разсматриваемыя нами завѣщанія представляются къ явкѣ. Въ этомъ отношеніи существуетъ у насъ общее правило, что домашнее завѣщаніе по смерти завѣщателя должно быть явлено въ Гражданской Палатѣ или присутственномъ мѣстѣ ея равномъ, въ положенный срокъ ⁽²⁾. Тому же правилу подлежатъ и тѣ домашнія, какъ и крѣпостныя завѣщанія, которыя внесены для храненія въ Опекунскій Совѣтъ

(1) Заб. Гражд., ст. 1059. — (2) Тамъ же, ст. 1060.

или въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Мѣста эти, по полученіи объявленія о смерти завѣщателя, тотчасъ отсылаютъ тѣ завѣщанія въ Гражданскую Палату для явки ихъ и удостовѣренія и потомъ уже ихъ исполняютъ, если такое исполненіе имъ представлено или до нихъ касается ⁽¹⁾. Срокъ для явки нашимъ законодательствомъ полагается для пребывающихъ въ Россіи годовой, а для находящихся за границею двухъ годовой, считая отъ дня кончины завѣщателя, по истеченіи же этого срока завѣщанія къ явкѣ не принимаются и остаются ничтожными ⁽²⁾. Но какъ могутъ встрѣтиться основательныя причины, препятствующія явкѣ завѣщанія въ срокъ, то законодательство даетъ наследникамъ умершаго право представлять неопровержимыя доказательства, что срокъ для явки пропущенъ ими или по невѣстности о существованіи завѣщанія, или по другой законной причинѣ, и въ такомъ случаѣ имъ оставляется *право иска* до истеченія общей земской давности, считая также со дня смерти завѣщателя ⁽³⁾. Наконецъ, на вопросъ, кѣмъ должны быть представляемы завѣщанія къ явкѣ или засвидѣтельствованію, наше положительное право высказываетъ, что они представляются къ явкѣ отъ тѣхъ вообще, въ рукахъ которыхъ находятся ⁽⁴⁾. Наблюденіе же срока явки въ отношеніи къ лицамъ, находящимся подъ опекою, возлагается, на общемъ основаніи, на ихъ опекуновъ ⁽⁵⁾.

Мы ничего не сказали на счетъ самой формы завѣщаній, потому что наше законодательство, кажется, не хотѣло стѣснять воли завѣщателя въ этомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что необходимо означеніе времени составленія, т. е. года, мѣсяца и числа. Но выраженіе, соблюдаемое большею частію даже въ завѣщаніяхъ, написанныхъ и въ позднѣйшее время: во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—не обязательно по закону.

⁽¹⁾ Зак. Гражд., ст. 1061.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1063 и 1065. Изъ этого правила о срокѣ существуетъ исключеніе для завѣщательныхъ актовъ, которыми учреждается въ Крыму духовный вакуфъ, и для тѣхъ, по которымъ частные вакуфы переходятъ отъ одного наследника къ другому: такіе акты должны быть явлены въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ противномъ же случаѣ признаются недействительными. — ⁽³⁾ Гражд. Зак., ст. 1066. — ⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 1062. — ⁽⁵⁾ Тамъ же, ст. 1064.

Изъ приведеннаго ряда статей Свода Законовъ мы видимъ какія условія требуются для правильнаго составленія домашняго завѣщанія. Этими условіями они существенно отличаются отъ крѣпостныхъ завѣщаній, для которыхъ, какъ составленныхъ и являемыхъ самимъ завѣщателемъ при крѣпостныхъ дѣлахъ, означенныя условія большею частію излишни, ибо здѣсь составленіе акта совпадаетъ съ самимъ засвидѣтельствованіемъ. Поэтому, не останавливаясь на составленіи крѣпостныхъ завѣщаній, мы переходимъ прямо къ порядку явки или засвидѣтельствованію завѣщаній какъ домашнихъ, такъ и крѣпостныхъ.

ЯВКА ЗАВѢЩАНІЙ.

Мы уже сказали, что завѣщанія представляются въ срокъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ они находятся. Имѣющій на сбереженіи завѣщаніе, долженъ представить его въ Гражданскую Палату при прошеніи, написанномъ по обыкновенной формѣ, съ приложеніемъ и свидѣтельства о смерти завѣщателя или отъ мѣстной полиціи, или отъ священнослужителей, совершавшихъ погребеніе, съ копіями этихъ приложеній и съ представленіемъ столькож листовъ гербовой бумаги, сколько нужно для производства дѣла. Въ этомъ же прошеніи должно быть обозначено мѣсто жительства писца и свидѣтелей для допроса, а также и цѣна завѣщанному имѣнію если только она не обозначена въ самомъ завѣщаніи. Хотя въ законодательствѣ и не говорится о допросѣ писца въ домашнихъ завѣщаніяхъ, но Гражданскія Палаты считаютъ его необходимымъ, основываясь на томъ, что такой допросъ требуется закономъ при засвидѣльствованіи крѣпостныхъ завѣщаній и на томъ разсужденіи, что если необходимо подтвержденіе отъ свидѣтелей подлинности воли завѣщателя и его здраваго ума и памяти, то тѣмъ болѣе такое подтвержденіе необходимо отъ лица, передавшаго эту волю. Получивъ прошеніе, присутственное мѣсто, при соблюденіи всѣхъ относящихся сюда правилъ дѣлопроизводства, составляетъ на эту просьбу журнальное постановленіе, въ которомъ опредѣляетъ предписать тѣмъ полиціямъ, въ вѣдомствѣ коихъ находится мѣсто жительства свидѣтелей, чтобы онѣ объявили этимъ послѣднимъ о явкѣ въ Палату для произведенія имъ допроса въ подтвержденіе завѣ-

щанія, а между тѣмъ опредѣляется вынести справки о завѣщае-
момъ имѣніи по запретительнымъ книгамъ. Справка изъ запрети-
тельныхъ книгъ именно не требуется закономъ для утвержденія
завѣщанія, но судебныя мѣста дѣлаютъ ее потому, что въ случаѣ
лежащаго на имѣніи запрещенія отъ Опекунскаго Совѣта или ка-
кого-либо другаго кредитнаго установленія спрашиваютъ согласія
того мѣста. Они дѣлаютъ это на основаніи общаго наставленія о
совершеніи и засвидѣльствованіи актовъ. Впрочемъ такъ какъ
отношеніе постановленныхъ здѣсь общихъ правилъ къ подробному
положенію каждаго акта въ отдѣльности законодательствомъ не
опредѣлено, то въ практикѣ по настоящему предмету встрѣчаются
иногда недоумѣнія. Въ настоящемъ однако случаѣ не можетъ быть,
кажется, сомнѣнія, имѣя въ виду ст. 790 Зак. Гражд., гдѣ сказано, что
на заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ недвижимыя имѣ-
нія никакихъ актовъ, по которымъ тѣ имѣнія отъ одного лица пе-
реходятъ во владѣніе къ другому, присутственныя мѣста сами со-
бою совершать не должны, но обязаны предварительно имѣть на то
согласіе этихъ установленій. Но явкѣ писца и свидѣтелей въ при-
сутственное мѣсто, имѣ дѣлается въ самомъ присутствіи допросъ:
дѣйствительно ли такова была воля завѣщателя, и дѣйствительно
ли они подписались свидѣтелями подъ тѣмъ завѣщаніемъ и были
ли въ то время завѣщатель въ здравомъ умѣ и твердой памяти.
Такой допросъ подтверждается ихъ письменнымъ показаніемъ.
Нѣкоторыя присутственныя мѣста помѣщаютъ еще въ это 'показа-
ніе объявленіе свидѣтеля, что онъ не находится въ родствѣ и вооб-
ще, что онъ по закону можетъ быть свидѣтелемъ. Но такого тре-
бованія въ законѣ нѣтъ и потому это соблюдается только немногими
присутственными мѣстами. Допросъ или показаніе подписывается
членами присутствія и потомъ подшивается къ дѣлу, безъ внесенія
въ журналъ. Самая явка свидѣтеля не оглашается отъ него проше-
ніемъ и также не вносится въ журналъ. По подтвержденіи всѣми
свидѣтелями или только достаточнымъ числомъ ихъ (завѣщаніе,
какъ мы видѣли, можетъ быть засвидѣльствовано и безъ подтвер-
жденія воли завѣщателя свидѣтелями, въ случаѣ ихъ смерти, если
только оно не оспаривается) и по полученіи согласія Опекунскаго
Совѣта, канцелярією Палаты составляется докладъ, резолюцією на
который опредѣляется засвидѣльствовать завѣщаніе на основаніи

относящихся сюда статей Свода Законовъ. Докладъ вносится въ журналъ и, по просмотрѣ его прокуроромъ, приводится въ исполненіе. Исполненіе заключается во внесеніи содержанія завѣщанія отъ слова до слова въ крѣпостную книгу, со взятіемъ пошлинъ, о количествѣ которыхъ скажемъ ниже. Послѣ этого полагается на самомъ завѣщаніи надпись о явкѣ и занискѣ его въ книгу, за тѣмъ эта надпись подписывается личными присутствующими и самое завѣщаніе выдается представившему его къ утвержденію или наслѣднику, или душеприкащику, съ роспискою въ книгѣ.

Что касается до крѣпостныхъ завѣщаній, то вотъ какія правила постановлены въ отношеніи къ нимъ въ дѣйствующихъ законахъ. Завѣщаніе крѣпостное пишется на гербовой низшаго достоинства бумагѣ ⁽¹⁾. Но низшаго достоинства гербовая бумага въ 15 к. для производства и въ 90 к. для актовъ. На какой же должно быть писано крѣпостное завѣщаніе? Въ практикѣ обыкновенно оно пишется на 90 к. листѣ на томъ основаніи, что какъ завѣщаніе совершается крѣпостнымъ порядкомъ, то оно должно быть и писано на крѣпостной бумагѣ. Завѣщаніе должно быть или все написано рукою завѣщателя, или собственноручно имъ подписано, и лично имъ представлено въ Магистратъ, Уѣздный Судъ, или въ Гражданскую Палату, или въ мѣста имъ равныя, въ самое присутствіе ихъ, а не на дому завѣщателя ⁽²⁾. Обыкновенно завѣщатели представляютъ къ засвидѣтельствованію свои завѣщанія при прошеніяхъ, которыя заслушиваются въ журналѣ того же дня. Въ томъ случаѣ, когда завѣщатель тому присутственному мѣсту лично неизвѣстенъ, то съ нимъ должны явиться два свидѣтеля, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ долженъ быть извѣстенъ Суду. Они подписью своей подъ завѣщаніемъ удостоверяютъ судъ въ тождествѣ лица завѣщателя ⁽³⁾. Въ журнальномъ постановленіи на прошеніе завѣщателя излагается распоряженіе о допросѣ завѣщателя, точно ли завѣщаніе имъ подписано и содержатъ его волю ⁽⁴⁾. Допросъ пишется по той же формѣ, какъ въ домашнихъ завѣщаніяхъ свидѣтелямъ, и подписывается присутствующими. Эти постановленія относятся до завѣщаній, написанныхъ или подписанныхъ

⁽¹⁾ Гражд. Зак., ст. 1033.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1036.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1037.—

⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 1038.

самимъ завѣщателемъ; когда же онъ или неграмотенъ, или по болѣзни не можетъ подписать завѣщанія и оно подписано другимъ, то требуется, чтобы въ подписи было означено за неумѣніемъ ли завѣщателя или за болѣзнію сдѣлана та подпись и въ этомъ случаѣ явка завѣщателя въ судъ должна быть вмѣстѣ съ рукоприкладчикомъ и самый допросъ дѣлается не только завѣщателю въ томъ, что все написанное составляетъ его послѣднюю волю, но и подписавшемуся въ томъ, что та подпись дѣйствительно его и по означеннымъ причинамъ ⁽¹⁾. Отсюда видно, что главное условіе крѣпостнаго завѣщанія есть явка самого завѣщателя въ судъ для допроса ⁽²⁾. По отобраніи допроса крѣпостное завѣщаніе, точно также какъ и домашнее, вписывается въ книгу, берутся пошлины и выдается завѣщателю съ роспискою въ книгѣ ⁽³⁾. Хранится это завѣщаніе или у самого завѣщателя, или у кого нибудь другаго, или вносится на сбереженіе въ Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома, въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Прозрѣнія ⁽⁴⁾.

Все изложенное нами опредѣлительно выражаетъ вышеишее значеніе завѣщанія. Что касается до значенія распоряженій, помѣщаемыхъ въ завѣщаніяхъ, то въ общихъ положеніяхъ законодательства о духовныхъ говорится, что если въ завѣщаніи допущены распоряженія, законамъ противныя, то сін распоряженія суть недѣйствительны; но при семъ всѣ другія распоряженія, законамъ не противныя, остаются въ своей силѣ ⁽⁵⁾. Далѣе въ статьяхъ о явкѣ крѣпостныхъ завѣщаній сказано; явкою завѣщанія въ судъ и запискою его въ книгѣ удостовѣряется только подлинность завѣщанія, но не утверждается тѣмъ законность содержащихся въ немъ распоряженій. Посему, при явкѣ къ свидѣтельству завѣщаній, не слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе самыхъ распоряженій завѣщателя, но наблюдать только за тѣмъ, сохранены ли въ составленіи завѣ-

(1) Зак. Гражд. ст. 1046. — (2) Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для губерній Черниговской и Полтавской, гдѣ, въ случаѣ болѣзни, дозволяется завѣщателю просить подвѣдомственный судъ принять сознаніе духовнаго завѣщанія на дому; и если невозможно всѣмъ членамъ суда быть при такомъ сознаніи, то достаточно и одного, но тогда должны быть приглашены еще два свидѣтеля, имѣющіе право быть къ тому допущенными (Зак. Гр. ст. 1045). — (3) Зак. Гр., ст. 1039 и 1040. — (4) Тамъ же, ст. 1043. — (5) Тамъ же, ст. 1029.

щанія установленныя закономъ формы. На подлинность завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ, не пріемиются въ послѣдствіи никакія возраженія; но симъ не пресѣкаются споры о законности распоряженій: споры сіи должны быть разбираемы установленнымъ для сего судебнымъ порядкомъ, если предъявлены будутъ въ надлежащіе сроки ⁽¹⁾. Но удостовѣряетъ ли явка законность распоряженій, помѣщенныхъ въ домашнихъ завѣщаніяхъ, объ этомъ ничего не упомянуто. Отсюда возникаетъ вопросъ: должны ли утверждаться распоряженія домашняго завѣщанія, или, точно также какъ при крѣпостныхъ, утверждается только одна подлинность, т. е. другими словами, присутственное мѣсто, свидѣтельствующее домашнее завѣщаніе, должно ли обращать вниманіе на распоряженія завѣщанія или только на одну форму его? Юристы-практики разрѣшаютъ этотъ вопросъ различно. Одни говорятъ, что присутственное мѣсто непременно должно обращать вниманіе на законность распоряженій домашняго завѣщанія и хотя само оно не входитъ по этому предмету въ какія либо изслѣдованія, но тѣмъ не менѣе не можетъ свидѣтельствовать тѣхъ распоряженій, которыя сами по себѣ законамъ противны. Въ этомъ случаѣ они основываются: 1) на томъ, что само законодательство въ общихъ положеніяхъ о духовныхъ сказало, что распоряженія законопротивныя не дѣйствительны, и въ то же время не стѣсняетъ дѣйствительности другихъ законныхъ распоряженій; 2) на самомъ молчаніи объ этомъ законодательства, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ завѣщаніямъ оно прямо опредѣлило значеніе распоряженій; поэтому, думаютъ они, распространять статью о крѣпостныхъ завѣщаніяхъ и на домашнія было бы уже дѣло произвольное; 3) статьею 769 Зак. Гр. постановлено вообще непремѣннымъ правиломъ, чтобы не были совершаемы акты, содержащіе въ себѣ распоряженія, законамъ противныя, а статьею 883 повелѣно не свидѣтельствовать акта, когда найдены будутъ въ немъ распоряженія противозаконныя, и 4) допущеніемъ засвидѣтельствованія завѣщанія съ противозаконными распоряженіями утвердится нѣкоторымъ образомъ самимъ закономъ несправедливость и въ послѣдствіи повлечетъ въ безконечныя тяжбы, между тѣмъ какъ онѣ могутъ

(1) Зак. Гражд., ст. 1042.

быть предупреждены. Но мѣнѣе этихъ юристовъ домашнія завѣщанія съ противозаконными распоряженіями вовсе не должны быть свидѣтельствуемы, тѣ же завѣщанія, гдѣ только нѣкоторыя распоряженія противны законамъ, хотя и свидѣтельствовать, но съ оговоркою въ надписи явки о незасвидѣтельствованіи незаконныхъ распоряженій, подобно тому какъ это дѣлается съ приписками, сдѣланными не рукою завѣщателя. Другіе напротивъ доказываютъ, что и при свидѣтельствованіи домашняго завѣщанія присутственныя мѣста должны только смотрѣть на одну форму завѣщаній, не касаясь до его распоряженій; что помѣщенная въ общемъ положеніи статья о недѣйствительности незаконныхъ распоряженій вовсе не относится къ свидѣтельству, а даетъ только гарантію справедливымъ требованіямъ законныхъ наслѣдниковъ. Статья эта основана на узаконеніи Екатерины I, 1725 г., которое имѣетъ въ виду исполненіе завѣщаній, слѣдовательно такое же значеніе должна имѣть и настоящая статья. Молчаніе же законодательства о необращеніи вниманія на законность распоряженій въ домашнихъ завѣщаніяхъ показываетъ только ошибку въ редакціи. Впрочемъ законодательство могло не считать нужнымъ повторять это за существованіемъ въ общемъ положеніи статьи о недѣйствительности незаконныхъ распоряженій, а не о незасвидѣтельствованіи такихъ распоряженій. Притомъ нѣтъ основанія къ различенію крѣпостныхъ завѣщаній отъ домашнихъ въ отношеніи заключающихся въ нихъ распоряженій. Какъ тѣ, такъ и другія служатъ выраженіемъ послѣдней воли собственника и законодательство желаетъ только, чтобы эта воля была выражена въ опредѣленной формѣ, т. е. желаетъ сколько возможно болѣе дать увѣренности въ подлинности этой воли. Что же касается до распоряженій, то они, какъ и всякія имущественныя дѣйствія, подлежатъ оснариванію. Статьи же 769 и 883 относятся, первая до актовъ крѣпостныхъ, а другая до явочныхъ; завѣщанія же, по своей сущности, имѣютъ особенное значеніе; даже само законодательство не выразилось ясно къ какому роду актовъ должно быть причислено домашнее завѣщаніе. Наконецъ, не должно смѣшивать совершенно различныхъ понятій утвержденія и явки. Если бы завѣщанія утверждались, тогда должно было бы входить въ разсмотрѣніе и законности распоряженія. При явкѣ же должно быть обращено вниманіе только на одну форму.

Относительно этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній нельзя не сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свою долю правды; но разрѣшеніе въ настоящемъ случаѣ недоумѣнія очень важно въ практическомъ отношеніи: возьмемъ для примѣра различныя послѣдствія, какія могутъ произойти отъ различнаго взгляда на значеніе утвержденія Палатою завѣщанія по вопросу объ удовлетвореніи за неправильное владѣніе.

Разсматривая завѣщательное право исторически, нельзя не согласиться, что присутственные мѣста при свидѣтельствѣ завѣщаній должны обращать вниманіе только на форму. Въ древнемъ періодѣ завѣщательное право было волиѣ право обычное: въ обычаѣ держалась обязательная сила послѣдней воли собственника. Во второмъ періодѣ хотя и явились законоположенія о завѣщаніяхъ, но они преимущественно касались формы: законодательство все еще рассчитывало на обычную силу завѣщаній, а потому присутственные мѣста и должны были только обращаться къ подлинности распоряженій. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ узаконеній видно, что были споры о незаконности распоряженій, но не было жалобъ о неправильномъ свидѣтельствѣ. Это направленіе перешло и въ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Но наоборотъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что разсужденія присутственныхъ мѣстъ при свидѣтельствѣ завѣщаній о законности выраженныхъ въ нихъ распоряженій, на основаніи правилъ о свидѣтельствѣ вообще актовъ, имѣли бы полезные результаты. Много бы не явилось тяжбъ, раззоряющихъ самихъ тяжущихся.

Мы выше говорили, что при запискѣ въ книгу завѣщанія взыскиваются различнаго рода пошлины. Эти пошлины заключаются: въ крѣпостныхъ, положенныхъ при всякомъ переходѣ имущества отъ одного собственника къ другому, канцелярскихъ, взимаемыхъ за написаніе акта у крѣпостныхъ дѣлъ, публикаціонныхъ при переходѣ недвижимаго имѣнія, и на измѣненіе запрещеній. Наше законодательство опредѣляетъ, что во всѣхъ вообще случаяхъ, гдѣ полагается платежъ крѣпостныхъ пошлинъ, онѣ должны быть взимаемы съ цѣны переходящаго по акту имѣнія, или съ суммы, означенной въ актѣ, по четыре процента, независимо отъ числа лицъ, участвующихъ въ совершеніи акта (¹). Такъ какъ пошлина эта взы-

(¹) Т. V, Уст. о пошл., ст. 393.

скивается при переходѣ имущества, то само собою слѣдуетъ, что она не должна быть брата при засвидѣтельствованіи крѣпостнаго завѣщанія, какъ совершаемаго при жизни самого завѣщателя и могущаго быть имъ нѣсколько разъ измѣняемо. И въ практикѣ всегда по этимъ завѣщаніямъ взыскивается пошлина при ввѣдѣ во владѣніе. При запискѣ же домашняго завѣщанія въ крѣпостную книгу нѣкоторыя присутственныя мѣста берутъ крѣпостную пошлину, а другія не берутъ. Это различіе въ дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ зависитъ отъ взгляда ихъ на завѣщанія, о чемъ мы недавно говорили. Тѣ мѣста, которыя смотрятъ на явку какъ на утвержденіе, и при засвидѣтельствованіи домашнихъ завѣщаній, относительно заключающихся въ нихъ распоряженій, руководствуются общими правилами о засвидѣльствованіи актовъ, а потому принимаютъ и пошлину. Основаніемъ этому служатъ еще ст. 417 и 418⁽¹⁾, которыми повелѣно: крѣпостныя пошлины взыскивать всегда въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ актъ совершенъ или написанъ, и крѣпостныя пошлины съ актовъ о передачѣ и пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ взимать при самомъ совершеніи сихъ актовъ. Тѣ же присутственныя мѣста, которыя смотрятъ на явку какъ на удостовѣреніе только подлинности, предоставляютъ взысканіе той пошлины при ввѣдѣ во владѣніе. Последнее сужденіе совершенно согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое даетъ наше законодательство завѣщательнымъ актамъ, хотя въ практикѣ взиманіе пошлинъ при запискѣ считается удобнѣе. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ сомнѣнія быть не должно, ибо въ Сводѣ законовъ прямо выражено: съ духовныхъ завѣщаній крѣпостныя пошлины взимать при вступленіи по онымъ во владѣніе имѣніемъ; но когда принадлежащія въ Россіи иностранцамъ имѣнія и капиталы завѣщаны также иностранцамъ, то пошлину взимать при самой запискѣ предъявляемаго завѣщанія въ книгу, безъ чего оное и совершено быть не можетъ⁽²⁾. Однако въ отношеніи къ иностранцамъ встрѣчается вопросъ: если иностранецъ нѣсколько разъ измѣнилъ свое крѣпостное завѣщаніе, то долженъ ли онъ столько же разъ платить и пошлины?

Для опредѣленія суммы, съ которой должны быть взысканы крѣпостныя пошлины, участвующіе въ переходѣ имѣнія обязаны при

(¹) Т. V Уст. о пошл. изд. 1857 г.—(²) Тамъ же, ст. 419.

совершеніи акта объявить истинную тому имѣнію цѣну, по совѣсти, подвергаясь за утайку взысканію двойныхъ съ утаенной суммы пошлинъ. Цѣну же имѣнія, переходящаго по духовному завѣщанію, долженъ объявить по совѣсти или самъ завѣщатель въ своей духовной, или наследникъ при дѣйствительномъ вступленіи во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ ⁽¹⁾. Но для предупрежденія утаекъ, а слѣдовательно и ущерба казенныхъ сборовъ, установлена особая законная оцѣнка различнымъ родамъ имѣній, ниже которой они не могутъ быть писаны въ крѣпостяхъ, хотя бы имѣніе продавалось или переходило за низшую противъ оцѣнки сумму. Поэтому всѣ мѣста, свидѣтельствующія крѣпостные акты, обязаны наблюдать, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительная цѣна имѣнію, объявленная въ актѣ, превышаетъ установленную оцѣнку, крѣпостныя пошлины изчисляли съ объявленной суммы; если же цѣна эта менѣе оцѣнки, то крѣпостныя пошлины взимаются съ послѣдней. Нашимъ законодательствомъ оцѣнка установлена для заселенныхъ имѣній, для крѣпостныхъ людей безъ земли, для земли незаселенной, для домовъ, лавокъ, фабрикъ, заводовъ, мельницъ, и т. п. ⁽²⁾. Въ актахъ о переходѣ заселенныхъ имѣній цѣна имъ должна быть означена по количеству ревизскихъ въ нихъ душъ мужескаго пола, оцѣнка которыхъ установлена табелью по классамъ губерній, независимо отъ количества земли, въ заселенномъ имѣніи находящейся, и безъ всякаго расчисленія пропорціи земли на души. Табель раздѣляетъ губерніи на 6 классовъ, въ которыхъ назначаетъ оцѣнку ревизской мужескаго пола души въ 1-мъ классѣ въ 150 р., во 2-мъ въ 120 р., въ 3-мъ въ 105 р., въ 4-мъ въ 90 р., въ 5-мъ въ 75 р. и въ 6-мъ въ 60 руб. 1-й классъ составляютъ только 2 губерніи: Московская и Петербургская; 2-й классъ: Астраханская, Воронежская, Волынская, Екатеринославская, Казанская, Кіевская, Курская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Харьковская, Таврическая, Тамбовская, Тульская, Калужская, Херсонская, Подольская и Земля войска Донскаго; 3-й классъ: Полтавская, Черниговская, Ярославская, Мпн-ская, Гродненская, Виленская, Ковенская; 4-й классъ: Владимірская, Вологодская, Вятская, Костромская, Новгородская, Пермская,

⁽¹⁾ Т. V Уст. о пошл., ст. 397.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 399—405.

Смоленская, Тверская; 5-й классъ: Витебская, Могилевская, Олонецкая и Псковская; 6-й классъ: Архангельская, Иркутская, Тобольская, Томская и Закавказскій край. Въ актахъ о переходѣ безъ земли крѣпостныхъ людей мужескаго пола, записанныхъ въ ревизію, цѣна имъ исчисляется на томъ же основаніи, какъ и при передачѣ ихъ съ землею. Цѣна женскому полу полагается противъ мужескаго въ половину, а рожденнымъ послѣ ревизіи обою пола въ половину противъ людей одного съ ними пола, въ ревизіи числящихся; но крѣпостныя пошлины исчисляются съ лицъ женскаго пола тогда только, когда они передаются отдѣльно отъ мужескаго, а съ рожденныхъ послѣ ревизіи, когда передача ихъ совершается отдѣльно отъ ревизскихъ душъ. Въ актахъ о переходѣ незаселенныхъ земель и другихъ угодій должно быть означено количество десятинами и саженьми, а цѣны каждой десятины пишутся не менѣе опредѣленныхъ табелью по классамъ губерній, считая притомъ полдесятины за цѣлую и не принимая вовсе въ исчисленіе меньшаго полдесятины количества; когда же переходить земля неизвѣстной мѣры, то должно быть объяснено о томъ въ совершаемомъ актѣ, показывая цѣну по совѣсти. Табель же раздѣляетъ губерніи на 6 классовъ, въ которыхъ назначаетъ оцѣнку десятины въ 1-мъ классѣ въ 10 р. 50 к., во 2-мъ въ 9 р., въ 3-мъ въ 7 р. 50 к., въ 4-мъ въ 4 р. 50 к., въ 5-мъ въ 3 р., и въ 6-мъ въ 1 р. 50 к. Первый классъ составляютъ губерніи: Московская и Петербургская; 2-й классъ: Волынская, Воронежская, Казанская, Кіевская, Курская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Подольская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская и Тульская; 3-й классъ: Ковенская, Виленская, Гродненская, Калужская, Минская, Полтавская, Черниговская, Ярославская и Костромская; 4-й классъ: Витебская, Владимірская, Могилевская, Псковская, Саратовской нагорная сторона Волги, Харьковская, Смоленская, Тверская и Земля войска Донскаго; 5-й классъ: Астраханская, Вологодская, Вятская, Екатеринославская, Новгородская, Оренбургская, Пермская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская область; 6-й классъ: Ставропольская, Архангельская, Олонецкая, Саратовской луговая сторона Волги, (Самарская), Иркутская, Енисейская, Тобольская, Томская и Закавказскій край. Съ домовъ, лавокъ и другихъ городскихъ имѣній крѣпостныя пошлины взимаются по цѣнѣ объявленной, или

же по цѣнѣ, означенной въ городскихъ оцѣночныхъ табеляхъ, если эта цѣна выше объявленной. Цѣна фабрикъ, заводовъ, мельницъ, рыбныхъ и соляныхъ промысловъ опредѣляется по сложности дохода послѣднихъ десяти лѣтъ, за вычетомъ издержекъ, употребленныхъ на содержаніе ихъ и производство работъ; если же эти заведенія существовали менѣе десяти лѣтъ до перехода ихъ въ другія руки, то для опредѣленія имъ цѣны должно брать въ десять разъ доходъ послѣдняго передъ переходомъ ихъ года, основываясь впрочемъ въ исчисленіи дохода въ обоихъ случаяхъ на показаніи лицъ, въ переходѣ участвующихъ. При переходѣ всѣхъ этихъ имѣній крѣпостныя пошлины взыскиваются съ цѣны имѣнія, безъ исключенія лежащихъ на немъ долговъ ⁽¹⁾.

Относительно взиманія крѣпостныхъ пошлинъ съ денежныхъ капиталовъ, не представляется никакого затрудненія; только въ этомъ случаѣ надобно замѣтить, что при утвержденіи завѣщаній на капиталы, обращающіеся въ банковыхъ установленіяхъ, пошлины должно исчислять не съ однихъ тѣхъ капиталовъ, но и съ процентовъ, причитающихся по день смерти завѣщателя ⁽²⁾.

Крѣпостныя пошлины, по значенію своему, взыскиваются при всякомъ переходѣ имуществъ; но наше законодательство изъ этого общаго правила дѣлаетъ нѣсколько исключеній, въ особенности по завѣщательному праву. Признавая права рода на имущество завѣщателя, законы налагаютъ обязанность платить крѣпостныя пошлины только на тѣхъ изъ получающихъ по завѣщанію наследство, которые по закону не имѣли бы на него права. Поэтому съ имѣній родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ и денежныхъ капиталовъ, переходящихъ со смертію владѣльца по духовному завѣщанію къ ближайшимъ его наслѣдникамъ, которые и безъ завѣщанія имѣли бы право на наследство, не должны быть взыскиваемы крѣпостныя пошлины, хотя бы также отказывались въ завѣщаніи какіе либо денежные платежи или выдачи или завѣщаніемъ предоставляемо было ближайшему наслѣднику все вообще имѣніе, а не одна законная его часть, съ обоимъ другими, состоящихъ въ равной степени родства; но съ недвижимыхъ имѣній или денежныхъ капиталовъ, которые, мимо ближайшихъ законныхъ наслѣдниковъ, завѣщаются

(1) Т. V Уст. о помѣ., ст. 409.—(2) Тамъ же, 373.

дальнимъ или въ постороннія руки, пошлины должны быть взыскиваемы на общемъ основаніи ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ и супругъ, какъ имѣющій право на 7-ю часть другаго супруга, съ этой части не платитъ крѣпостныхъ пошлинъ. Кромѣ того наше законодательство въ видахъ вспомошествованія освобождаетъ иногда отъ платежа этихъ пошлинъ, — такъ не взыскиваются пошлины съ капиталовъ, завѣщанныхъ инвалидамъ, сиротамъ и бѣднымъ людямъ и въ пользу благотворительныхъ заведеній или на бѣдныхъ. Также освобождены отъ платежа пошлинъ капиталы, завѣщаемые на богоугодныя при Римско-Католическихъ церквахъ и монастыряхъ заведенія, равно на построение и возобновленіе тѣхъ церквей и монастырей, не распространяя такого освобожденія на капиталы, назначаемые на содержаніе монаховъ и священниковъ. Поэтому требуется въ завѣщаніяхъ такого рода именно опредѣлять для какого предмета и сколько назначается ⁽²⁾. При этомъ случаѣ должно замѣтить, что въ практикѣ иногда распространяется совершенно неправильно дѣйствіе приведеннаго сейчасъ правила на православныя церкви и монастыри. Далѣе, по особой привилегіи, освобождаются отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ обращаемыя по завѣщаніямъ въ пользу Приказовъ Общественнаго Призрѣнія или подвѣдомственныхъ имъ благотворительныхъ заведеній движимыя и недвижимыя имѣнія и капиталы; равнымъ образомъ и тѣ завѣщанія, по которымъ училищное начальство пріобрѣтаетъ дома или иныя имущества для Университетовъ и другихъ казенныхъ учебныхъ заведеній, или же когда завѣщаются денежные суммы, какъ на обыкновенные расходы въ этихъ заведеніяхъ, такъ и съ особыми назначеніями на покупку библіотекъ и другихъ собраній, на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, на прибавку къ жалованію учителямъ ихъ, къ пенсіямъ ихъ вдовъ ⁽³⁾, и т. д. Все это распространяется и на учебныя заведенія, подвѣдомственныя духовному начальству ⁽⁴⁾. Освобождаются также отъ платежа пошлинъ обращаемыя по завѣщаніямъ или дарственнымъ записямъ движимыя и недвижимыя имущества въ пользу Дѣтскихъ Пріютовъ и заведеній, подвѣдомственныхъ Московскому Попечительству о бѣдныхъ ⁽⁵⁾.

(1) Т. V Уст. о пошл., ст. 372. — (2) Тамъ же, ст. 377. — (3) Тамъ же, ст. 388 и 389. — (4) Тамъ же, ст. 390. — (5) Тамъ же, ст. 388 п. 3 и 4.

Все сказанное нами до сихъ поръ относится до тѣхъ завѣщаній, по которымъ переходитъ право собственности; но мы видѣли, что по завѣщаніямъ могутъ переходить и принадлежностныя права собственности. Слѣдуетъ ли взыскивать крѣпостныя пошліны въ этомъ случаѣ? Сводъ Законовъ опредѣляетъ только одинъ тотъ случай, когда переходитъ имущество въ пожизненное владѣніе отъ мужа къ женѣ и обратно. Если имѣніе завѣщано отъ мужа женѣ только въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы по ея смерти поступило обратно въ родъ завѣщателя, то при отдачѣ женѣ сего имѣнія крѣпостныхъ пошліней не взыскивать. Но если имѣніе должно по завѣщанію перейти не въ родъ завѣщателя и владѣніе супруга не пожизненное, а ограничивается только опредѣленнымъ временемъ? Кажется и въ такомъ случаѣ не должно взыскивать; но законодательство этого не опредѣляетъ. Если же жена такое имѣніе по предоставленному ей, завѣщаніемъ мужа, праву заложить, то при залогѣ взыскиваются и крѣпостныя пошліны, соразмѣрно закладываемой части; если же продастъ, то при продажѣ взыскиваются двойныя крѣпостныя пошліны (¹). Однимъ словомъ, когда къ владѣнію присоединяются и другія принадлежностныя права собственности, то они влекутъ за собою и платежъ казенныхъ сборовъ, опредѣленный за переходъ собственности. Кажется для примѣненія въ практикѣ было бы очень полезно если бы законодательство постановило въ этомъ смыслѣ общее правило.

Пошлина канцелярская, т. е. за написаніе акта у крѣпостныхъ дѣлъ, всегда принимается при самомъ засвидѣтельствованіи акта. Количество ея—три руб. сер., и эта сумма никогда не измѣняется, какъ бы ни велика была сумма акта (²).

Когда по свидѣтельствуемому акту переходитъ отъ одного лица къ другому право собственности на недвижимое имущество, то объ этомъ актѣ, по засвидѣтельствованіи его, публикуется въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, и на этотъ предметъ взимается при самомъ совершеніи акта три рубля страховыхъ, изъ которыхъ 1 р. 50. к. отправляется въ С.-Петербургскую и 1 р. 50. к. въ Московскую Сенатскія Типографіи для напечатанія объявленія (³). Въ практикѣ эти три рубля берутся при засвидѣтельствованіи домашняго

(¹) Т. V Уст. о пошл., ст. 375.—(²) Тамъ же, ст. 442.—(³) Зак. Гражд., ст. 761.

духовнаго завѣщанія, какъ акта, по которому недвижимое имущество несомнѣнно переходитъ къ другому владѣльцу. При свидѣтельствѣ же крѣпостныхъ завѣщаній присутственныя мѣста объявленіи о совершеніи этихъ актовъ не печатаютъ на томъ основаніи, что предполагаемый актомъ переходъ недвижимаго имѣнія можетъ еще измѣниться.

Наконецъ при засвидѣтельствovanіи домашняго завѣщанія взимается еще потребное количество денегъ на измѣненіе запрещенія, лежащаго на прежнемъ владѣльцѣ завѣщаемаго имѣнія.

ИСПОЛНЕНІЕ ДУХОВНЫХЪ ЗАВѣЩАНІЙ.

Наше законодательство опредѣляетъ, что духовныя завѣщанія исполняются: 1) душеприкащиками и 2) самими наследниками по волѣ завѣщателя (¹). Это опредѣленіе требуетъ въ практическомъ отношеніи нѣкоторыхъ поясненій. Извѣстно, что въ завѣщаніяхъ иногда дѣлаются такія распоряженія, особенно въ денежныхъ капиталахъ, что исполненіе ихъ совершенно зависитъ отъ добросовѣстности исполнителя, напр. различныя денежные выдачи, и т. п. Душеприкащикъ можетъ раздать завѣщанныя деньги по назначенію, можетъ и самъ воспользоваться ими. Поэтому если завѣщатель назначилъ душеприкащикомъ такое лицо, которое не пользуется общимъ довѣріемъ и даже по закону не могло бы быть свидѣтелемъ при завѣщаніи, то можетъ ли быть уничтожено такое назначеніе завѣщателя? Назначеніе душеприкащиковъ можетъ имѣть значеніе только въ распоряженіяхъ имущества благопріобрѣтенныхъ, а въ распоряженіяхъ такого рода имущество влаетъ собственника неограниченна, слѣдовательно и подлѣжать измѣненію ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Кромѣ того бываютъ такіе случаи, гдѣ душеприкащиками въ завѣщаніи назначены два или болѣе лицъ. Я знаю одно дѣло, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ по спору душеприкащиковъ между собою. Одна старушка духовнымъ завѣщаніемъ о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи назначила душеприкащиками своего племянника и родственницу. Эти душеприкащики, сдѣлавшись впоследствии врагами, никакъ

(¹) Зак. Гражд., ст. 1084.

не могли условиться между собою о способахъ исполнить волю умершей. Посыпалась отъ нихъ просьба въ присутственные мѣста съ доносами другъ на друга о намѣреніи воспользоваться лично имуществомъ умершей и объ отстраненіи другъ друга отъ распоряженій. Началось дѣло, продолжалось нѣсколько лѣтъ и окончилось тѣмъ, что судебное мѣсто совершенно отказало въ емѣиъ котораго либо изъ душеприкащиковъ на томъ именно основаніи, что воля завѣщателя, въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имѣнія, не можетъ быть измѣняема. Между тѣмъ и имущество, чрезъ продажу котораго должно выручить деньги въ раздачу бѣднымъ, приходитъ все болѣе и болѣе въ ветхость и наконецъ потеряетъ всякую цѣнность. Тогда воля завѣщателя также не будетъ исполнена! Только по уваженію карантинныхъ правилъ наше законодательство запрещаетъ карантиннымъ чиновникамъ и служителямъ быть душеприкащиками лицъ, выдерживающихъ въ томъ карантинѣ срокъ ⁽¹⁾.

Но кромѣ частныхъ лицъ завѣщанія могутъ быть исполняемы различными установленіями и присутственными мѣстами. Законы подробно излагаютъ степень участія этихъ установленій и мѣсть въ исполненіи завѣщаній; именно сюда принадлежатъ слѣдующія правила:

Завѣщанія, отдаваемые для сохраненія въ Опекунскій Совѣтъ, или въ Закавказскій Пріказъ Общественнаго Призрѣнія, исполняются ими: 1) когда это распоряженіе имъ предоставлено волею самого завѣщателя; 2) когда ввѣренное имъ завѣщаніе заключаетъ въ себѣ единственное распоряженіе о капиталахъ либо при томъ приложенныхъ или прежде внесенныхъ и обращающихся въ Сохранной Казнѣ или Приказѣ ⁽²⁾.—Московскій Попечительный о бѣдныхъ Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества исполняетъ завѣщанія, внесенныя въ оный для храненія и сопряженныя съ пользою призрѣваемыхъ имъ бѣдныхъ, донося о томъ Совѣту Общества ⁽³⁾. Такой же Комитетъ въ С.-Петербургѣ имѣетъ право принимать въ пользу бѣдныхъ недвижимыя имущества, жертвуемыя по духовнымъ завѣщаніямъ, если только сіи завѣщанія существующимъ законамъ не противны; но о всѣхъ

⁽¹⁾ Гражд. Зак., ст. 1067, п. 6, и ст. 1085.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1087.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1088.

такихъ пожертвованійхъ, заключающихся въ недвижимомъ имѣніи, Комитетъ, предварительнаго принятія ихъ, представляетъ Совѣту Общества для испрошенія на то Высочайшаго соизволенія ⁽¹⁾.

За исполненіемъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ содержатся пожертвованія въ пользу богоугодныхъ заведеній, наблюдаютъ Палаты Гражданскаго Суда и Приказы Общественнаго Призрѣнія ⁽²⁾.

Надзоръ за исполненіемъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ сдѣлано пожертвованіе на богоугодныя дѣла, безъ точнаго означенія рода ихъ, поручается мѣстному, по состоянію имѣнія, Приказу Общественнаго Призрѣнія, а ближайшее опредѣленіе, на какіе предметы должны быть употребляемы такіе пожертвованія, предоставляется Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ случаѣ же нахожденія завѣщаннаго имѣнія въ разныхъ губерніяхъ и самый надзоръ за исполненіемъ завѣщанія возлагается на это же Министерство ⁽³⁾.

О всѣхъ пожертвованіяхъ, дѣлаемыхъ по завѣщанію въ пользу тюремъ и содержащихся тамъ арестантовъ, слѣдуетъ доносить чрезъ начальниковъ губерній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, которое увѣдомляетъ о томъ отъ себя Президента Комитета Попечительнаго о тюрьмахъ Общества, для зависящаго со стороны сего Комитета распоряженія о приѣмѣ и употребленіи этихъ приношеній ⁽⁴⁾.

Въ случаѣ смерти содержаимаго въ учрежденномъ въ С. Петербургѣ Неуправительномъ Заведеніи или Рабочемъ Домѣ, оставленное имъ послѣ себя завѣщаніе приводится въ исполненіе на основаніи правилъ Устава о содержащихся подъ стражею ⁽⁵⁾.

Получаемыя Церковью по завѣщаніямъ или дарственнымъ записямъ суммы имѣютъ быть употребляемы не иначе, какъ на опредѣленное въ дарственной записи или въ завѣщаніи назначеніе. Гражданскія Палаты, по утвержденіи духовныхъ завѣщаній, дѣлаемыхъ въ пользу архіерейскихъ домовъ, церквей и монастырей, обязаны доставлять надлежащіе выписки изъ тѣхъ духовныхъ завѣщаній въ епархіальныя Консисторіи ⁽⁶⁾.

(1) Гражд. Зак., ст. 1089.—(2) Тамъ же, ст. 1090.—(3) Правила сношенія по сему предмету Гражданскихъ Палатъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Приказовъ съ другими установленіями изложены въ Сводѣ же Зак. Гр. ст. 1091—1093.—(4) Тамъ же, ст. 1094.—(5) Тамъ же, ст. 1095.—(6) Тамъ же, ст. 1096.

Вводъ во владѣніе по духовному завѣщанію совершается на общемъ основаніи, именно для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, пріобрѣтатель долженъ предъявить надлежащему присутственному мѣсту актъ укрѣпленія ⁽¹⁾. Присутственные мѣста, которымъ представляются акты на недвижимое имущество для ввода во владѣніе, суть: 1) Уѣздный Судъ, если имущество состоитъ въ уѣздѣ; 2) Городовой Магистратъ или Ратуша, по принадлежности, если имущество въ городѣ; 3) Заводская Контора, если имущество состоитъ въ горномъ вѣдомствѣ и если тамъ нѣтъ ни Магистрата, ни Ратуши, и 4) Гражданская Палата, если имущество состоитъ въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Въ столицахъ актъ можетъ быть предъявленъ для ввода во владѣніе въ Надворномъ Судѣ, если недвижимое имѣніе куплено въ другой губерніи ⁽²⁾. Если присутственное мѣсто признастъ актъ дѣйствительнымъ и какъ спора о самомъ актѣ, такъ и запрещенія на переходъ имущества къ другому владѣльцу въ виду нѣтъ, то предписываетъ мѣстной полиціи пріобрѣтателя немедленно ввести во владѣніе, между тѣмъ прибываетъ у дверей своихъ объявленіе, что такое-то недвижимое имущество перешло во владѣніе къ такому-то лицу по такому-то акту ⁽³⁾.

Самый вводъ совершается, на основаніи постановленныхъ для того правилъ, Временнымъ Отдѣленіемъ Земскаго Суда, которое, составивъ при этомъ вводный листъ, копію съ него, за своею скрѣпою, вручаетъ владѣльцу ⁽⁴⁾. Вводъ во владѣніе движимымъ имуществомъ совершается простымъ врученіемъ этого имущества пріобрѣтателю.

Все это относится впрочемъ къ тому случаю, когда на переходящее имущество не изъявлено спора, въ противномъ же случаѣ имѣютъ силу слѣдующія особенныя правила. Когда возникнетъ отъ кого либо споръ при самомъ представленіи въ присутственное мѣсто завѣщанія, или, по его утвержденіи, при вводѣ во владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ: тогда спорное имѣніе поручается опекунскому управленію; но если при обонхъ сихъ дѣйствіяхъ спора ни отъ кого не будетъ, то имѣніе оставляется во владѣніи у того, кому оно завѣщано, и въ то же время объявляется, чрезъ пу-

⁽¹⁾ Зак. Гр., ст. 925.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 926.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 927.—⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 929.

бличныя вѣдомости, о утвержденіи завѣщанія и о ввѣдѣ во владѣніе, дабы почитающіе себя въ правѣ оспаривать духовное завѣщаніе могли въ теченіи двухъ лѣтъ отъ дня публикаціи предъявить споръ; по тогда уже, хотя бы въ срокъ сей споръ и былъ начатъ, имѣніе, поступя во владѣніе по завѣщанію, въ опеку не берется, а подвергается единственно запрещенію въ письмѣ крѣпостей и всякаго рода сдѣлокъ. Но если въ теченіи двухгодичнаго времени никто со споромъ не явится, то послѣ сего никакого уже спора не допускается, и имѣніе оставляется въ собственности того, кому оно было завѣщано, и кто уже былъ введенъ во владѣніе. Для малолѣтнихъ срокъ этотъ считается со дня вступленія ихъ въ совершеннолѣтіе ⁽¹⁾. Споры на духовныя завѣщанія въ благопріобрѣтенныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ допускаются въ двухъ только случаяхъ: или по извѣсту въ фальшивомъ составленіи ихъ, или по яснымъ доказательствамъ, что имѣніе, названное благопріобрѣтеннымъ, есть родовое ⁽²⁾. При представленіи спора по завѣщанію, что имѣніе, названное въ немъ благопріобрѣтеннымъ, есть родовое, должны быть представлены акты или сдѣлана ссылка на судебныя опредѣленія, доказывающіе, что имѣніе, о которомъ происходитъ споръ, досталось завѣщателю по наслѣдству, или хотя по завѣщанію же, но отъ такого лица, по смерти котораго тотъ послѣдній завѣщатель былъ прямымъ и непосредственнымъ наслѣдникомъ, и если представленные акты окажутся неподверженными сомнѣнію, или ссылка подтвердится достовѣрною справкою, то спорное имѣніе, до рѣшенія дѣла, поручается опекунскому управленію. При всякомъ другомъ спорѣ, безъ упомянутыхъ доказательствъ о свойствѣ завѣщаннаго имѣнія, оно оставляется во владѣніи по завѣщанію съ наложеніемъ только запрещенія до окончанія дѣла ⁽³⁾. Споры на завѣщанія въ денежныхъ капиталахъ и вещахъ всякаго рода, что тѣ капиталы или вещи суть родовые, ни въ какомъ случаѣ не принимаются и оставляются безъ всякаго производства ⁽⁴⁾.

Относительно самаго представленія споровъ по завѣщаніямъ въ нашихъ законахъ существуетъ правило, что судебныя мѣста сами

⁽¹⁾ Зак. Гражд., ст. 1098.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1099.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1100.—⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 1103.

собою не могутъ входить въ разсмотрѣніе, родовое ли имѣніе завѣщателемъ отказывается или благопріобрѣтенное ⁽¹⁾.

ОБЪ ОСОБЕННЫХЪ ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Въ заключеніе намъ остается сказать о тѣхъ завѣщаніяхъ, которыя составляютъ изъятіе изъ общаго правила. Они были уже, какъ мы видѣли, допущены еще до 1831 года, но послѣ того еще распространены въ дѣйствующихъ законахъ. Къ этимъ особеннымъ завѣщаніямъ принадлежатъ духовныя, написанныя въ походѣ, на корабляхъ, военныхъ и купеческихъ, за границей, въ госпиталѣ, въ домахъ вдовъ и призравнія бѣдныхъ дѣвицъ, находящимися подъ арестомъ и въ карантинѣ.

Военные чиновники и вообще принадлежащіе къ арміи, находящейся въ походѣ за границей, имѣютъ право составлять духовныя завѣщанія и являть ихъ въ полковыхъ и другихъ военно-походныхъ канцеляріяхъ. Эти завѣщанія получаютъ силу крѣпостныхъ, но могутъ быть писаны на простой бумагѣ ⁽²⁾. Завѣщанія, составленныя на военномъ кораблѣ и другомъ казенномъ суднѣ во время похода, могутъ быть отданы на сохраненіе начальнику этого корабля или судна, или старшему по немъ, вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ или чиновникомъ; если же они и составлены съ вѣдома начальства, то получаютъ силу крѣпостныхъ, хотя бы написаны были и на простой бумагѣ, — составленныя же на купеческомъ суднѣ могутъ быть отдаваемы на сохраненіе корабельному писцу (клерку) вмѣстѣ съ капитаномъ корабля, шкиперомъ, или заступающимъ его мѣсто ⁽³⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ завѣщанія должны быть отданы при двухъ свидѣтеляхъ и подписаны самимъ завѣщателемъ и тѣми, кому они отданы на сохраненіе. Если же завѣщатель не умѣетъ писать, или не можетъ подписать, то объ этомъ должно быть упомянуто въ рукоприкладствѣ на самомъ завѣщаніи ⁽⁴⁾.

Русскій подданный за границею можетъ совершать домашнее духовное завѣщаніе по обряду той страны, гдѣ оно будетъ писано, но съ явкой его при Россійской Миссіи или Консульствѣ. Такая явка замѣняетъ совершеніе духовныхъ завѣщаній у крѣпостныхъ

⁽¹⁾ Зак. Гр. ст. 1102.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1071.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1072 и 1073.—

⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 1074—1076.

дѣлѣ, почему явленные въ этомъ порядкѣ завѣщанія признаются въ силѣ крѣпостныхъ актовъ. По духовное завѣщаніе, совершенное за границею объ имуществѣ, находящемся въ Россіи, приводится въ исполненіе не иначе, какъ по предъявленіи его въ судебномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ или жительство завѣщателя, или завѣщанное имѣніе ⁽¹⁾.

Завѣщанія, составленныя домашнимъ порядкомъ въ военныхъ госпиталяхъ, по желанію больныхъ офицеровъ или нижнихъ чиновъ, считаются дѣйствительными, если они будутъ подписаны госпитальнымъ священникомъ, дежурнымъ врачомъ и дежурнымъ офицеромъ. Подобнымъ образомъ составляются духовныя завѣщанія и въ другихъ госпиталяхъ публичныхъ; гдѣ же нѣтъ дежурныхъ офицеровъ, вмѣсто ихъ завѣщаніе должно быть подписано смотрителемъ госпиталя или лицомъ, завѣдывающимъ госпиталемъ ⁽²⁾.

Домашнія духовныя завѣщанія вдовъ, живущихъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ Вдовьихъ Домахъ, и завѣщанія дѣвицъ, призрѣваемыхъ въ С.-Петербургскомъ Домѣ Призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія признаются дѣйствительными, если они засвидѣтельствованы священникомъ дома, смотрителемъ и врачомъ; впрочемъ дѣвицамъ не возбраняется писать духовныя завѣщанія и на основаніи общихъ правилъ ⁽³⁾.

Если находящійся подъ арестомъ вкладчикъ капитала, положеннаго въ Сохранную Казну, намѣренъ сдѣлать о такомъ капиталѣ завѣщаніе, то мѣста и лица, въ вѣдѣніи которыхъ онъ находится, должны способствовать ему въ выборѣ и приглашеніи свидѣтелей, по его желанію, хотя бы выборъ его падалъ на членовъ какого либо правительственнаго мѣста и даже на самихъ Попечителей Сохранной Казны ⁽⁴⁾.

Духовныя завѣщанія, писанныя домашнимъ порядкомъ находящимся въ карантинѣ, почитаются дѣйствительными, если, по желанію выдерживающихъ карантинъ, будутъ подписаны, въ качествѣ свидѣтелей, начальствующимъ въ карантинѣ, комиссаромъ и медикомъ. По совершеніи и надлежащемъ очищеніи они могутъ быть отдаваемы для храненія въ правленіе карантина, которое и отвѣчаетъ за ихъ цѣлость и неизвѣстность ⁽⁵⁾.

П. ПОЛЕЖАЕВЪ.

⁽¹⁾ Зак. Гражд., ст. 7077—1079.—⁽²⁾ Тамъ же, ст. 1081.—⁽³⁾ Тамъ же, ст. 1082.—⁽⁴⁾ Тамъ же, ст. 1080.—⁽⁵⁾ Уст. Врачеби., ст. 1125.

НѢЧТО О МНОГОМЪ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ.

Часть восточнаго берега Каспійскаго моря образуетъ довольно обширный полуостровъ, неупоминаемый ни въ одной географіи, но тѣмъ не менѣе имѣющій свою долю важнаго и полезнаго для чело-вѣка: это полуостровъ Мангышлакъ,—каменное волнистое плато, довольно возвышенное надъ уровнемъ моря (*). Ни одинъ потокъ не стремится съ горъ; ни одна рѣка не орошаетъ страны; дождей перепадаетъ мало, и потому она суха, бѣдна растительностію, гнѣздящаяся кое-гдѣ по ложбинамъ и ущельямъ. Но вообще мѣ-стная флора такъ скудна и злаки сами по себѣ такъ сухи, жестки, такъ не похожи на цвѣтистые луга наши, что, повидимому, ското-водство здѣсь невозможно; и однако-же оно то и доставляетъ сред-ство къ существованію кочеваго населенія—Киргизовъ и Турк-менъ; мѣстный скотъ (верблюды, лошади, коровы, овцы и козы), не смотря на скудость пажити, здоровъ, силенъ, и рѣдко гдѣ можно найти такую вкусную баранину, какъ здѣсь. Случается, одна-ко же, что молоко сильно отзывается полынемъ, который вмѣстѣ съ разными видами солянки составляетъ господствующее ра-стеніе. Изъ кустарниковыхъ и древесныхъ породъ—кромѣ гре-бенщика и шелковицы—нѣтъ ничего.

Вода здѣшняя, добываемая изъ родниковъ и колодцевъ, болѣе или менѣе солоновата и у непривычныхъ къ ней производитъ раз-стройство желудка, поражаетъ цынготную болѣзнь; но туземцы не

(*) Западная оконечность, называемая Абищемъ, имѣетъ 450 футовъ отвѣсной вышины.

хворають ии тѣмъ, ии другой; о злокачественныхъ лихорадкахъ,—этой язвы персидскаго берега, здѣсь и понятія не имѣють; и туземцы до того любятъ свою каменную пустыню, что даже тучные луга приволжья не въ состояніи были соблазнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, чему мы приведемъ примѣръ въ послѣдствіи. Скажемъ же съ Пророкомъ: «Дивна дѣла Твоя Господи! вся премудростію сотвориша еси!»—и не создалъ Ты пустопорожняго пространства, гдѣ бы не развивалась жизнь для прославленія вѣчной жизни—Твоего всесвятаго имени! . . .

Вотъ общій очеркъ страны, и если вы пойдете въ виду береговъ полуострова, ничто не привлечетъ вашего взора, ничто не пробудитъ желанія побывать на этихъ сѣрыхъ негостепріимныхъ утесахъ.—Если бы не было заливовъ, двухъ на N сторонѣ, одного въ SO части и одного въ NW оконечности полуострова, то доступъ къ нему съ моря былъ бы возможенъ только въ самую тихую погоду, что однакоже рѣдко случается.

КАСПІЙСКІЕ РЫБАКИ И КУСОВЫЯ ЛОДКИ.

Старикъ Каспій,—море сердитое, не балуетъ своихъ питомцевъ, моряковъ, зефирами пастушескихъ идиллій; но за то и выработалъ онъ изъ всѣхъ поморцевъ отъ Урала до Чечни бравыхъ, безстрашныхъ людей, которые, занимаясь всю жизнь рыболовствомъ въ рѣкахъ и на морѣ, отдають рѣшительное предпочтеніе парусу передъ весломъ, т. е. вѣтру передъ тишиной. И что за лихой народъ эти каспійскіе рыбаки! самъ-четверть, много въ пятеромъ плутъ на ловлю въ открытое море; на глубинѣ 50, 70 и 100 саж. ставятъ снасть и на мелкую живую рыбу—тарапъ, насаженную на удочку, ловятъ настоящихъ морскихъ звѣрей, огромныхъ бѣлугъ, чѣмъ добываютъ себѣ кусокъ хлѣба, нерѣдко съ опасностію жизни . . . Этотъ промыселъ называется животнымъ отъ слова животъ, наживка изъ живой рыбы; но чтобъ поддержать ее въ этомъ состояніи нужно почти безпрестанно накачивать свѣжую воду въ чанъ, въ которомъ она сидитъ: сколько же труда для малочисленнаго экипажа лодки и сколько опасностей преодолевать нужно для пріобрѣтенія добычи? . . . Если прибавимъ къ этому, что суда отважныхъ пловцовъ строятся ту-

земными, неучеными мастерами не толще, какъ изъ тройниковыхъ досокъ, но совершенно особенной конструкціи, до того приспособленной къ характеру моря, что могутъ отставаться на якорѣ въ какой угодно вѣтеръ на глубинѣ 100 и 120 саж., и что всѣ навигаціонныя пособія рыбаковъ въ ихъ морскихъ плаваніяхъ ограничиваются компасомъ, то какъ не подивиться уму-разуму однихъ, молодецкой удали другихъ, и какъ не признать въ народѣ нашемъ его неподражаемаго умѣнія приспособлять и приспособляться, доводить иногда первое до степени творчества? . . . Вотъ, напримѣръ, мы привыкли къ подражанію иностранцамъ и въ слѣпотѣ невѣдѣнія о своемъ народѣ и отечествѣ полагаемъ, что уже рѣшительно ни въ чемъ не можемъ служить образцами, и однакожъ ни въ какомъ морѣ нѣтъ судовъ, какъ каспійскія кузовыя лодки, простыми мужичками придуманныя: это настоящія морскія чайки, съ большими парусами, вмѣсто длинныхъ крыльевъ!—Прошу извинить меня за отступленіе, вызванное сочувствіемъ къ доблести темныхъ людей, доблести, тѣмъ болѣе заслуживающей уваженія, что сами они умѣютъ только быть молодцами на дѣлѣ, но хвастать и толковать объ этомъ не станутъ!

ЗАЛИВЪ, НАИБОЛѢЕ ПОСВЩАЕМЫЙ, И ЕГО ОКРЕСТНОСТЬ.

Мы сказали, что доступъ на полуостровъ возможенъ только чрезъ заливъ. Но изъ всѣхъ четырехъ наиболѣе и почти исключительно посѣщается только тотъ, что на западной оконечности полуострова. Это собственно небольшая бухта, закрытая отъ волненія, а отчасти и отъ вѣтра, образуемая съ сѣверной стороны горнымъ кряжемъ, а съ прочихъ низменной косою изъ песку и ракуши, выкинутыхъ моремъ. Здѣсь очень удобная стоянка для малыхъ и большихъ судовъ. Входъ въ бухту просторенъ, совершенно безопасенъ, и въ этихъ отношеніяхъ она есть лучшее мѣсто на всемъ морѣ. Но за то природа здѣшняя до того безжизненна, до того лишена всякой естественной красоты и величія, что одинъ взглядъ на мѣстность можетъ навести грусть на самое веселое сердце, и это непріятное впечатлѣніе еще усиливается однообразной, неумолкающей трескотней ракуши, прибиваемой къ берегу. Бухта обставлена оборонительными башнями, а въ трехъ верстахъ отъ нея на гребнѣ отдѣльно стоящей

горы (*) и у ея подошвы находится укрѣпленіе Новопетровское, нынѣ Александровскимъ фортомъ названное.

РУССКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Укрѣпленіе основано въ 1846 году, и вскорѣ потомъ стали высылать сюда изъ Россіи желающихъ, которыхъ съ значительнымъ пособіемъ отъ казны водворяли здѣсь на жительство и обзаводили хозяйствомъ, т. е. снабжали лодками и ловитвенными снарядами; но переселенцы позднѣйшіе должны были дѣлать это на свой счетъ. Для всѣхъ однакоже предоставленъ 10-лѣтній льготный срокъ, по истеченіи котораго поселенцы должны поступать въ казаки для службы въ крѣпости. Такимъ образомъ мало по малу выстроилась на изъменномъ берегу бухты, т. е. на косѣ, русская деревенька въ 25 домовъ деревянныхъ и каменныхъ, и число первыхъ переселенцевъ возрасло отъ 10 до 50 семействъ. Почва косы, какъ сказано выше, состоитъ изъ песка и ракуши, которую для отличія отъ всѣхъ прочихъ можно назвать «насыпной», такъ мало она имѣетъ связи, и потому совершенно неспособна къ обработыванію; равно бесплодны и окрестныя горы, состоящія изъ сплошнаго ракушечнаго известняка.

Что же влекло сюда людей, имѣвшихъ на родинѣ и кусокъ хлѣба и такія удобства жизни, о которыхъ здѣсь, въ этой безотрадной пустынѣ, развѣ что во снѣ можетъ пригрезиться? . . . Слухи о великомъ изобиліи рыбы въ окрестныхъ водахъ, о возможности скорого обогащенія отъ ея промысла. Но слухи эти имѣли еще нѣкоторое основаніе въ первые годы колонизаціи, когда число поселенцевъ (10 семей) было соразмѣрно пространству и производительности участка рыболовныхъ водъ, въ пользованіе ихъ предоставленнаго;—дѣйствительно, изъ числа переселенныхъ съ казенной ссудой и справой семейства два, три сколотили себѣ деньгу, прочіе кое-какъ концы съ концами сводятъ, но переселенцы позднѣйшіе всѣ въ долгу, не имѣя никакой возможности орудовать дорого стоящую, рискованную промышленность самостоятельно.

Объяснить причину ихъ бѣдности не трудно, если примемъ въ соображеніе, что общій итогъ добычи, извлекаемой изъ ограничен-

(*) Киргизы называютъ ее: Курганъ-Ташъ—каменная гора; а впрочемъ и вся сторона такова же.

наго пространства морскихъ водъ, долженъ былъ по мѣрѣ умноженія числа промышленниковъ дробиться на большее и большее число паевъ, цѣнность которыхъ должна была уменьшаться въ обратной пропорціи; и теперь, когда въ 25 избъ нанехано до 50 семействъ, невозможно уже чтобы всѣ они и даже большинство могло существовать не только избыточно, но даже безбѣдно.

Нерѣдко случается, что по состоянію погоды нельзя выѣзжать въ море на переборку осматривать удочки (на которыя попадается рыба), или возвращаться съ пустыми руками, или наконецъ въ нѣсколько дней поймать столько рыбы, что и на котелъ ее мало! тутъ поселенецъ невольно призадумается, потому въ особенности, что рыба составляетъ и главную статью продовольствія и средство для удовлетворенія всѣхъ прочихъ потребностей.

На мѣстѣ можно продать только клей и вязигу съ значительной уступкой въ пользу ссужающихъ благотворителей (ростовщиковъ); пкру-же и рыбу надобно везти за море въ ближайшій портовый городъ и сбыть тамъ за что случится, т. е. съ уступкою 20—30% противъ дѣйствительной стоимости товара: «онъ дескать не хорошъ», говорятъ покупщики, «да и соль ваша некрѣпкая,—много рыбы въ бракъ пойдеть»—ну и пятое и десятое;—знаютъ, что поселенцу везти домой товару нельзя, но неволѣ уступить. Вообще въ портовомъ городѣ сильно развито перекупничество, такъ что даже на рынкахъ, гдѣ продаются съѣстные припасы, трудно что нибудь купить изъ первыхъ рукъ и дешево: всѣмъ завладѣли асламы и асламки (то-же что прасолы другихъ мѣстъ); а между тѣмъ каждый день вы видите на рынкахъ флаги, висящіе до урочнаго часа; тутъ-же можете прочесть таксу (по которой однако же ничего не купишь) и полицейскихъ чиновниковъ, наблюдающихъ за продавцами. Но что пользы во всѣхъ этихъ вышнихъ формахъ закона, когда сущность его не исполняется, когда каждая торговка, каждый базарный мужикъ вполне увѣрены, что если будутъ платить оброкъ, кому слѣдуетъ, то могутъ выручать его на покупателяхъ хоть вдвое, хоть втрое? «безъ ѣшь нельзя»—говорятъ Калмыки, и эта великая истина примѣняется здѣсь ко всѣмъ, кому продать нечего, а купить нужно все,—вотъ и покупаютъ, за что угодно будетъ гг. торговцамъ продать свой товаръ.—Замѣтимъ кстати, что устроиваясь на новый ладъ, мы конечно стремимся къ лучшему; но чтобы новое зданіе

стояло прочно, нужно хоть въ полъ-глаза посмотреѣть на наше настоящее, служащее основаніемъ будущему. Если, напримѣръ, нѣкоторые законы неудобноисполнимы, то они требуютъ измѣненія; если же не исполняются произвольно, въ силу дерзкаго расчета, что можно дескать въ случаѣ нужды и отписаться и откупиться, то это такое зло, которое нужно вырвать съ корнемъ!—Обращаясь къ поселенцамъ, приѣзжающимъ въ портовый городъ съ товаромъ, скажемъ, что имъ и невозможно настаивать въ цѣнѣ,—когда большинство ихъ добываетъ рыбнаго товара въ годъ всего на 150 и 200 руб. сереб. (цифры не вымышленныя). Изъ этихъ денегъ нужно сдѣлать всѣ неотлагаемые расходы: купить хлѣба, дровъ, обуться, одѣться не одному, а съ семействомъ, поддержать лодку и снасть въ исправности, нанять работника, какого нибудь обвинявшаго киргиза (байгуша), которому нужно платить отъ 3 до 6 руб. сер. въ мѣсяцъ, кормить его, оголодавшаго въ степи, а перѣдко приходится сверхъ всего дать еще ему какой нибудь обносокъ, чтобы ради приличія прикрыть наготу оборванца! Въ Россіи и небогатый крестьянинъ имѣетъ въ поддержку своему домашнему хозяйству и для разнообразія трапезы овощи, огородную зелень, молочные скопы, грибы, ягоды, можно также при дешевизнѣ хлѣба содержать домашнюю птицу, откармливать къ празднику боровка, другаго. Здѣсь обо всемъ этомъ нечего и думать: на этой бесплодной косѣ и трава не выростетъ, не только-что овощи, которые надобно получать изъ портоваго города за тройную, пятерную цѣну. Въмѣсто разнообразныхъ молочныхъ скоповъ поселенецъ имѣетъ только козье молоко въ умѣренномъ количествѣ: коровъ не держатъ, по немѣнѣю пастбищъ вблизи; домашней птицы водятъ очень мало: кормъ дорогъ и мѣсто неправолиное; свиней то-же не держатъ.

Однимъ словомъ, переселяясь въ эту пустыню изъ хлѣбопашенныхъ мѣстъ, русскій человѣкъ долженъ забыть всѣ свои привычки, и если не осилитъ воспоминаній о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ засѣвалъ свою ниву, съ какою торжественностію сжиналъ первый снопъ, съ какимъ всеельемъ работалъ на сѣнокосѣ, ходилъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды, не заслушиваясь Божьяго концерта, что поютъ птицы въ честь Творца своего; ну и при домѣ не то было что здѣсь: были клѣти и закрома и гумно, и овинъ, и огородъ и конопляникъ—все было у мужичка, хоть и не на широкую руку;

а у многа былъ и пчельникъ и садикъ;—и такъ, говоримъ, если онъ не осилитъ въ себѣ всѣхъ этихъ дорогихъ воспоминаній; если удача на новомъ поприщѣ не ободритъ его духа,—тоска по родинѣ сокрушитъ непривычнаго человѣка, какъ сокрушила уже многихъ, едва ли не всѣхъ позднѣйшихъ переселенцевъ, которые, не получивъ отъ казны пособія для sprawy на дорогостоящій промыселъ—(да безъ запаснаго капитала, безъ навыка онъ и удачнымъ быть не можетъ)—скоро встрѣтились лицомъ къ лицу съ нуждой и по неволѣ попались въ зависимость къ тѣмъ, которые не иначе какъ за большіе проценты ссужаютъ деньгами. Выйти изъ этого можно только при особомъ счастіи!...

Ко всей этой печальной дѣйствительности можно еще прибавить, что и дома, въ которыхъ живутъ поселенцы, кромѣ того, что ихъ уже недостаточно по теперешнему народонаселенію—сами по себѣ необыкновенно дурно устроены: деревянныя (перевезенныя изъ портоваго города, гдѣ ихъ работали по подряду) очень высоки и продуваются вѣтромъ насквозь, какъ корзины; каменные напротивъ очень низки и до такой степени сыры, что толстыя двойныя стѣны никогда не просыхаютъ. Каково-же въ нихъ зимой, когда къ сырости прибавляется еще и холодъ?... Но премудрый зодчій въ восторгѣ отъ своего произведенія: дома, какъ солдаты во фронтѣ, стоятъ правильно, строились экономическимъ образомъ и стоили дешевле деревянныхъ! Но онъ не понялъ того, что ракушечный известнякъ не то, что кирпичъ обожженный, самъ по себѣ сухимъ быть не можетъ; что не слѣдовало увеличивать этого неудобства, заливая промежутки между плитами известью, растворенной въ морской водѣ,—слѣдовало напротивъ оставить ихъ (промежутки) не занятыми для свободного теченія воздуха; но мѣшало бы также провести между стѣнами дымовыя ходы изъ печки. Все это весьма бы содѣйствовало къ осушкѣ домовъ. Наконецъ нужно было сдѣлать ихъ и выше и просторнѣе. Къ сожалѣнію всѣ описанные недостатки прикрыты ложнымъ понятіемъ о соблюденіи экономіи въ деньгахъ! Но ежели отъ сырыхъ помѣщеній и взрослые получаютъ болѣзни, то каково-же бѣднымъ дѣтямъ переносить вредную сырость жилья?... И есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы въ этихъ подвалахъ могло вырасти здоровое поколѣніе людей, пораженное съ младенчества ревматизмомъ и

цынгой! Отъ послѣдней и солдаты гарнизона не вполнѣ изъятъ; но они, помѣщенные гораздо лучше, получаютъ еще въ порцію отличную свѣжую баранину, квашеную капусту, иногда огородную зелень и рѣдьку, тогда какъ поселенецъ только изрѣдка можетъ полакомиться овощемъ, да козлятишкой!—баранина, продающаяся въ нынѣшнемъ году по 4 руб. сер. пудъ, конечно не по его карману; — по неволѣ живетъ какъ бакланъ на одной рыбной пищѣ. Однимъ словомъ, совокупность всѣхъ описанныхъ неблагопріятныхъ для быта поселянъ условій составляетъ едва ли одолжимое препятствіе къ тому, чтобы здѣсь могло укорениться казачество. Гораздо вѣроятнѣе то, что найдутъ необходимымъ отпустить большинство поселенцевъ вссвоися, а тѣхъ, которые пожелаютъ остаться, зачислить въ податное состояніе и ввести въ общую категорію ловцовъ, промысляющихъ по билетамъ рыбной экспедиціи, подобно тому, какъ живутъ на Чечнѣ нѣсколько русскихъ семействъ, занимающихся рыболовствомъ въ окрестныхъ водахъ. Но если настоящая цѣль поселенія—образовать мѣстныхъ казаковъ, оказывается недостижимою, то собственно для форта оно весьма полезно: чтобы ни понадобилось перевозить съ берега на рейдъ или съ рейда на берегъ, поселенцы должны давать свои лодки съ людьми, нанятыми для домашнихъ и промысловыхъ работъ. Кромѣ того, и другимъ обязываютъ ихъ безъ всякаго вознагражденія, хотя во первыхъ, большинство переселилось сюда на свой счетъ и еще не выжило льготнаго срока, даннаго на поправку; а во вторыхъ, фортъ имѣетъ довольно средствъ, чтобы обходиться безъ пособія поселенцевъ. Слава Богу, 700 человѣкъ гарнизона—есть кому работать! Сосѣдство же военныхъ ловеласовъ сильно вредитъ благопріію поселянокъ, разумѣется молодыхъ, которыя, не смотря на трудное положеніе мужской половины колоніи, щеголяютъ на проналюю и одѣваются какъ горожанки,—недостаетъ только шляпокъ и кринолинъ для полноты туалета.—Въ заключеніе о поселянахъ скажемъ, что положеніе ихъ могло бы быть нѣсколько улучшено чрезъ введеніе особаго рода промышленности, весьма сподручной: каждый годъ въ сентябрѣ заходитъ въ заливъ очень много мелкой рыбки, величиною съ кильку. Наружное отличіе ея состоитъ въ томъ, что на бокахъ у нея есть сребровидныя полоски. Ученый ихтіологъ, докторъ Бэръ называлъ ее «редной» и говорилъ, что она можетъ

быть приготовляема какъ сардины и кильки; можно тоже сушить ее какъ снѣтки. Последнимъ весьма удобно и выгодно было бы заняться поселенцамъ, потому-что снѣтки продаются въ портовомъ городѣ, какъ рѣдкость, очень дорого; слѣдовательно, сбытъ былъ бы вѣрный. Но къ сожалѣнію имъ это не объяснено, и на дорогую рыбку не обращаютъ никакого вниманія. Кстати объ докторѣ Бэрѣ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это самый ученый чело-вѣкъ по части ихтіологіи и одинъ изъ ученѣйшихъ людей вообще, а что всего примѣчательнѣе въ немъ — такъ это практическое направленіе, весьма рѣдкое въ высокоученыхъ мужахъ; но Коммерческая газета и Русскій Вѣстникъ (сентябрск. книж. нынѣшняго года) напрасно приписываютъ ему основаніе промысла каспійской селедкой. Онъ возникъ безъ всякаго участія съ его стороны и гораздо прежде прибытія въ Астрахань ученаго доктора. Селедку сначала стали готовить въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ (*), а потомъ и на низовыхъ промыслахъ Волги, ничего не зная о голландскомъ способѣ соленія этой рыбы, чѣмъ и послѣ сообщенія г. Бэромъ этого способа никто не воспользовался, потому-что это неудобно: селедка ловится только въ теченіи двухъ недѣль вмѣстѣ съ другими сортами частичковой рыбы и ныня топи бываютъ такъ удачны, что и по русскому способу едва управляютъ съ уловомъ. Но промышленность пошла въ ходъ, потому что рыбка понравилась простому народу и ничѣмъ не уступаетъ норвежской сельди, которой во все продолженіе блокады балтійскихъ портовъ не привозили. Вотъ настоящія причины быстрого усиленія новой промышленности, а придумалъ ее русскій смѣтливый умъ безъ всякихъ постороннихъ указаній и безъ пособія голландскаго рецепта.

КРѢПОСТНАЯ ПРИСТАНЬ И СКЛАДЪ НА НЕЙ ЗАПАСОВЪ.

Теперь перейдемъ изъ деревни въ городъ,—въ крѣпость и по дорогѣ заглянемъ на ближнюю пристань, къ которой однако же приставать неудобно: берегъ недовольно приглубъ и дно каменисто. Легко было бы его очистить и устроить небольшую моллу сажень

(*) 16 лѣтъ тому назадъ, проѣзжая въ Астрахань по Волгѣ, мы видѣли много заведеній для этой цѣли; но вѣроятно онѣ были и прежде.

на 10 отъ каменнаго берега, да никто объ этомъ не думаетъ, а между тѣмъ здѣсь выгружаются всѣ запасы на крѣпость, здѣсь же и складъ хлѣба, дровъ и фуража. Говоря о послѣднемъ, нельзя не упомянуть о сѣнѣ, которое какому то мудрецу вздумалось по пословицѣ: гуртомъ дешевле—заготовить на нѣсколько лѣтъ разомъ. Но неукрытое ничѣмъ ни отъ дождя, ни отъ солнца, ни отъ вѣтра, который заноситъ его вѣскомъ, оно годится только на подстилку, а не на кормъ полезному домашнему животному! Известно, что лошадка претензіи не покажетъ, а если и замѣтитъ, что она не въ тѣлѣ, то это очень удобно свернуть на породу. Но забывая на минуту, что подобное содержаніе животного, не вынуждаемое никакой крайностію, безчеловѣчно,—замѣтимъ, что имѣть большіе склады сѣна рядомъ съ дровами и провіантомъ весьма неблагоприятно: ничего не стоитъ какому нибудь шальному киргизу, выбравъ темную, бурную ночь, поджечь его, и тогда прощайся со всѣми запасами! Мѣстный караулъ изъ 12 или 14 человѣкъ ничего не сдѣлаетъ съ голыми руками, поселенцы то же: крѣпость отсюда въ трехъ верстахъ, скоро ли еще постигнутъ на пожаръ; но случись онъ зимой, то истребленныхъ и самыхъ необходимыхъ запасовъ и замѣнить нельзя.

Отъ ближайшей пристани ведутъ въ укрѣпленіе двѣ дороги—одна горная въ лѣво, другая на право низомъ, мимо двухъ соляныхъ озеръ (*), изъ коихъ одно имѣетъ рану розоваго цвѣта, которая кристаллизуется только у самыхъ береговъ небольшими кусками. Соль эта горькая и въ пищу не употребляется, но за то пахнетъ какъ свѣжая малина. Въ другомъ озерѣ соль бѣлая и порядочная.—За тѣмъ слѣдуетъ низовое укрѣпленіе; здѣсь конный дворъ, тутъ же и около разныя факторіи, о которыхъ скажемъ послѣ. Наконецъ, обогнувъ крѣпостную гору съ юга и поднявшись на нее, нельзя сказать, чтобы комфортабельно, подѣзжаемъ къ воротамъ форта.

Здѣсь непріятно поражаютъ васъ уродливыя подобія пунекъ (круглыя чурбаки на козлахъ) для обученія солдатъ дѣйствию изъ

(*) Странные у киныхъ людей бываютъ взгляды: на прим. г. Пвашинцову, помѣстившему описаніе этой мѣстности въ Морск. Сборн.—помнится третьяго года—показалось, что здѣсь только одно озеро; а на сосѣдственномъ островѣ Кулалы, гдѣ нѣтъ ни одного, онъ насчиталъ четыре!

орудіи. Не думаемъ однако же, чтобы такіе уроки были полезны: они въ родѣ обученія матросовъ въ нѣкоторыхъ портахъ цѣльной стрѣльбѣ изъ такихъ пушекъ, которыхъ на судахъ нѣтъ. Пора бы эту обветшалую методу оставить. Вѣдь обученіе людей важному дѣлу то-же, что воспитаніе.

ФОРТЪ, ДИСЦИПЛИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЛУЖАЩИХЪ.

Войдемте въ укрѣпленіе. Тамъ все обстоитъ благополучно: въ казармахъ чисто, въ госпиталѣ просторно, больныхъ, слава Богу, бываетъ мало, умираетъ еще меньше, пыль съ каменныхъ плацевъ смѣтается исправно вѣтромъ; гарнизонъ въ порядкѣ; служба исполняется до того строго, что однажды инспектора, возвращавшагося въ укрѣпленіе послѣ пробитія зоря, но еще засвѣтло, не пустили въ ворота, потому что онъ не зналъ пароля,—послали на главную гаунтвахту, и дѣло уладилось; однако же инспекторъ счелъ нужнымъ поблагодарить начальника крѣпости и исправнаго солдата; но потомъ мы подумали: какимъ образомъ, генераль, утромъ осматривавшій весь гарнизонъ, могъ быть припятъ вечеромъ того-же дня за человѣка подозрительнаго?

Объ общественной жизни въ фортѣ говорить много нечего. Гдѣ нѣтъ никого, кромѣ служащихъ, гдѣ всѣ зависятъ отъ одного человѣка, а частію другъ отъ друга, общежитіе имѣетъ характеръ чисто служебный. Лѣтомъ эта монотонная жизнь по формѣ нѣсколько разнообразится приходомъ военныхъ судовъ изъ портового города, переменною части гарнизона, прибытіемъ инспектора, прогулками на крѣпостную дачу, гдѣ каждый вечеръ собирается общество, чтобы послѣ знойнаго дня, проведеннаго на службѣ или въ душныхъ каютахъ, какими по справедливости можно называть здѣшнія офицерскія квартиры,—отдохнуть, освѣжиться влажнымъ бальзамическимъ воздухомъ въ прекрасномъ цвѣтникѣ, а иногда и полакомиться редиской, огурчикомъ съ общественнаго огорода.

Контрастъ этой зеленѣющей плантаціи съ окрестными горами сѣраго цвѣта очень поразителенъ.—И такъ говоримъ,—лѣто для живущихъ въ крѣпости проходитъ сноснымъ образомъ; но зимой, когда не откуда ждать новаго человѣка для обмѣна мыслей,

когда суровыя «аквилоны» засадятъ всѣхъ по своимъ каморкамъ, недостатокъ разнообразія и развлеченій весьма оцутителенъ, въ особенности для молодыхъ, не женатыхъ офицеровъ. Иной прямо изъ корпуса, гдѣ получилъ образованіе, посылается въ пустынное укрѣпленіе и долженъ провести въ немъ два года . . . не бездѣлица для возраста самаго впечатлительнаго, самаго воспріимчиваго. Семейные же люди по необходимости живутъ расчетливо и не каждый день могутъ принимать гостей.

Намъ кажется, что посылать очень молодыхъ офицеровъ въ отдаленныя крѣпости этого края значить предоставлять ихъ самимъ себѣ, осуждать на трудную борьбу съ губительной скукой, ставить въ положеніе, изъ котораго не каждый выходитъ побѣдителемъ. Весьма полезно было бы, на счетъ какихъ нибудь казенныхъ экономій, въ которыхъ казна не нуждается, завести въ крѣпостяхъ библіотеки. Для небольшого числа небогатыхъ офицеровъ завести ихъ отъ себя нѣтъ никакой возможности, тогда-какъ для казны издержать для этого на крѣпость, въ родѣ описываемой, 300 руб. сереб. въ годъ ничего не составитъ, и такая жертва вознаградится сторицею: большая разница имѣть на службѣ офицеровъ благовоспитанныхъ или такихъ, которые, отъ недостатка средствъ слѣдить за просвѣщеніемъ, невольно огрубѣваютъ и въ чувствахъ и въ понятіяхъ!

Теперь слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ индивидуумахъ, которые, по вліянію своему на всѣ карманы гарнизона, поселенцевъ и окрестныхъ Киргизовъ; едва-ли не самые важные люди въ этомъ захолустѣ,—это маркитантъ Армянинъ и его соотчичи, продающіе также какъ и онъ все что угодно, кромѣ хорошаго, за двойную, за тройную цѣну и готовые покупать также все, но только *за полищны*, а *за безцѣнокъ* еще охотиѣе. Эти паразиты, поселившіеся у крѣпости, не стѣсняясь ничѣмъ въ производствѣ своей коммерціи, тѣмъ болѣе вредны, что нареканіе падаетъ не на ихъ племя, о которомъ въ степи и не знаютъ, но на Русскихъ, которымъ принадлежитъ край!

Маркитантъ, обязавшись поставлять то или другое для солдатъ и разумѣется съ великою выгодною для казны и убыткомъ для себя,—за все прочее можетъ брать такую цѣну, какую заблагоразсудитъ, на томъ основаніи, что торговля свободна, и что дескать мы

своего товара никому насильно не навязываемъ; если кажется дорого, то пусть не покупаютъ, и проч. Все это справедливо по теории и очень выгодно для торговцевъ; но если поставимъ себя въ положеніе бѣдныхъ семейныхъ или холостыхъ людей, которые не только не имѣютъ средствъ дѣлать гуртовые закупы нужнаго для домашняго обихода, но и по-мелочи не всегда могутъ покупать на наличныя деньги, то поймемъ какъ тяжело ихъ существованіе при неизбѣжной зависимости отъ дьявольскаго корыстолюбія нѣсколькихъ торгашей! Равнодушіе-же, съ которымъ мѣстное начальство смотритъ на грабительство своихъ подвѣдомственныхъ, достойно удивленія. Въ карантинѣ портоваго города также есть маркитантство, но оно ограничено таксою, и маркитантъ имѣетъ право брать только 5% свыше городскихъ цѣнъ на съѣстные припасы, равно на чай, сахаръ, табакъ, вина, и проч. Хотя и здѣсь небогатымъ потребителямъ трудно обходиться безъ лавки маркитанта,—городъ во 100 верстахъ; но сообщеніе съ нимъ прекращается только въ пору осенней и вешней распутицы, а въ новой крѣпости, по удаленію ея отъ городовъ, маркитантство необходимо во все время года. Принимая въ уваженіе это обстоятельство, можно было бы дозволить крѣпостному маркитанту брать 25%, 30% свыше того, что стоить ему продуктъ съ доставкою изъ портоваго города (*). Кажется, для торгующаго такая польза была бы достаточна, а между тѣмъ и покупатели могли бы при этомъ имѣть значительное сбереженіе въ своихъ расходахъ. Но то, что дѣлаютъ маркитантъ и братія съ Киргизами, по справедливости заслуживаетъ особеннаго описанія.

МѢНОВАЯ ТОРГОВЛЯ СЪ КИРГИЗАМИ.

Пользуясь нуждою Киргизовъ, пріобрѣтающихъ большую часть потребнаго для нихъ на мѣну за шкуры,—Армяне безъ зазрѣнія совѣсти брали въ третьемъ году за одинъ мѣшокъ ржаной муки 80 и 100 шкуръ бараньихъ и козлиныхъ.

(*) Для этого могутъ служить руководствомъ справочныя цѣны, ежемесячно составляемыя въ портовомъ городѣ, или которыя могли бы парочно составляться на предметы, для гарнизона пужные, разумѣется кромѣ заготавливаемыхъ съ торговъ, и свѣжаго мяса, пріобрѣтаемаго на мѣстѣ.

Оцѣняя шкуру дешево—по 15 коп. сереб.—куль муки обходился покупателю отъ 12 до 15 руб. сереб., а какъ продавцу онъ стоилъ только отъ 3 до 4 руб. сереб., то и приносилъ чистаго барыша 300%! За прочее брали въ той-же соразмѣрности, какъ будто здѣсь Калифорнiя! Но при такихъ безбожныхъ цѣнахъ на необходимое для жизни, даже и у богатаго стадами кочевника надолго ли достанетъ средствъ къ существованiю? о небогатыхъ и говорить нечего. И потому Киргизы, при всей своей неразвитости, поняли однако-жъ, что оставаясь въ зависимомъ отъ мѣстныхъ грабителей положенiи, имъ придется испытать горькую участь обнищавшихъ собратiй,—стали держаться *подальше* отъ укрѣпленiя и хлѣбъ покупать въ Гурьевѣ, хотя до него нужно пройти не менѣе 600 верстъ!...Это фактъ. Приведемъ и другой, не менѣе печальный. Задолго до построения новаго укрѣпленiя, жили на этомъ мѣстѣ Туркмены въ сѣдствѣ съ Киргизами, своими непримиримыми врагами, и вражда эта кончилась тѣмъ, что первые должны были удалиться съ полуострова и перекочевать въ губернiю портоваго города, гдѣ съ разрѣшенiя правительства были водворены на мѣстахъ привольныхъ, несравненно лучшихъ каменной пустыни Мангышлага.

Надо еще знать, что трудолюбивые Туркмены умѣли какъ-то и безъ дорогихъ чигирей развести—на мѣстѣ теперешняго крѣпостнаго огорода—бахчу и рощицу, что уже доказываетъ нѣкоторую степень образованности и мирныя склонности этого народа. Но Киргизы, какъ настоящіе варвары, истребили всю плантацію.

Туркменамъ на новомъ кочевьѣ было очень хорошо и совершенно безопасно отъ всякаго насилiя. Видно, однако-жъ, что любовь къ родинѣ есть одно изъ самыхъ сильныхъ и прочныхъ чувствъ въ сердцѣ человека: какъ только узнали они, что близъ родныхъ могилъ построена русская крѣпость, то, рассчитывая на ея защиту отъ Киргизовъ, пожелали обратнаго переселенiя на родину, что и было имъ дозволено. Послѣ этого, казалось бы, что на этихъ людей, уже нѣсколько ознакомленныхъ съ выгодами гражданственности, будетъ обращено особенное вниманiе мѣстнаго начальства, что ихъ приласкаютъ, поощрятъ къ дальнѣйшему развитiю добрыхъ началъ, поставятъ примѣромъ для Киргизовъ? нѣтъ, —ихъ предоставили самимъ себѣ. Но, ставъ по прежнему лицомъ къ лицу съ неконными врагами своими, Киргизами, они снова сдѣлались ихъ жертвами и

терпятъ множество обидъ и притѣсеній! А между тѣмъ въ донесеніяхъ значится, что все обстоитъ благополучно, что то и другое принято и израсходовано, и что присланные подарки розданы такимъ-то и такимъ-то туземцамъ, отличающимся необыкновенною вѣрностію и преданностію русскому престолу, и проч. Не знаемъ, вывелся ли теперь этотъ жалкій недостойный величія Россіи обычай; но въ третьемъ году онъ былъ въ полной силѣ. Изъ приведенныхъ же примѣровъ видно, что, не смотря на подарки, мы не только не привлекли къ себѣ туземцевъ, но, допуская нѣсколькимъ торговцамъ разживаться неозвонительнымъ образомъ на ихъ счетъ и оставаясь равнодушными зрителями, какъ сильные кочевники утѣсняютъ слабыхъ, утрачиваемъ нравственное вліяніе, которое бы могли имѣть на нихъ, при большей осмотрительности. Вообще отъ водворенія Русскихъ на полуостровѣ и туземцы и мы сами ровно ничего не приобрѣли.

ЗНАЧЕНІЕ НОВОЙ КРѢПОСТИ.

Но какое-же значеніе имѣетъ этотъ уединенный фортъ, единственный на всемъ восточномъ берегу Каспія?... Говорятъ, *во первыхъ*: это пунктъ стратегическій для военныхъ операцій въ Хиву и другія среднеазіятскія ханства; но казалось бы, что главнокомандующему Оренбургскимъ корпусомъ не для-чего оставлять прекрасной операціонной линіи на Сыръ-Дарьѣ и избирать фортъ Александровскій опорною точкою для своихъ дѣйствій; если-же и понадобится везти изъ портоваго города войска въ среднюю Азію, то ихъ лучше высадить въ Александро-байѣ или въ Красноводскѣ. Последній дебаркаціонный пунктъ назначенъ былъ Императоромъ Петромъ I для экспедиціи Бековича въ Хиву, а Великій ни въ чемъ не ошибался. *Во вторыхъ*: «здѣсь опора русской власти надъ кочующими племенами», говорятъ защитники крѣпости; но далѣе раіона форта вліяніе его, какъ мы уже видѣли, не распространяется. Хотя на полуостровѣ все обстоитъ благополучно, но только не отъ присутствія форта на самомъ отдаленномъ пунктѣ, а отъ другихъ причинъ, о которыхъ мы сейчасть скажемъ.

Далѣе говорятъ: «фортъ нуженъ для защиты русскихъ рыбопромышленниковъ, которыхъ въ прежнее время много захватывали въ

плѣнъ и продавали въ Хиву». Но во-первыхъ: главные захваты были въ Эмбенскихъ участкахъ (въ NO углу моря), и что-бы тамъ ни случилось, изъ форта, по отдаленности его, нельзя ожидать никакой помощи. Во-вторыхъ, изъ описанія быта поселенцевъ читатели видѣли, что рыболовство здѣшнее совсѣмъ не такъ значительно, чтобы могло привлекать много желающихъ. Прежде хаживали сюда главнымъ образомъ въ расчетъ на даровую соль, что было въ ущербъ продажѣ ея отъ казны въ портовомъ городѣ. Если кто изъ этихъ корчемниковъ попадался въ плѣнъ, то по дѣламъ вору и мѣка, какъ говоритъ пословица. Для защиты ихъ достаточно было бы имѣть въ заливѣ военную брантвахту для воспрепятствованія съ одной стороны корчемству, съ другой захватамъ. Такъ прежде и было.

Теперь пиратству Киргизовъ и захватамъ Русскихъ на берегу уже положенъ конецъ; но этотъ важный для русской чести вопросъ рѣшился не подъ стѣнами новаго укрѣпленія и не въ силу побѣдъ гарнизона, мирно упражняющагося въ отправленіи крѣпостной службы и въ воздѣлываніи огорода; нѣтъ, онъ рѣшился гораздо прежде, въ самой Хивѣ, и былъ слѣдствіемъ экспедиціи генерала Перовскаго (съ 1839 на 1840 годъ), которая хотя и не удалась, однакоже мнимые друзья свободы, Англичане, растолковали Хивинцамъ, что другая экспедиція можетъ совсѣмъ *покончить Хиву*, и что поэтому необходимо освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, да и впредь не покупать ихъ, а потому и посредникамъ въ этомъ дѣлѣ, Киргизамъ, по неволѣ пришлось отказаться отъ выгоднаго ремесла. Такимъ образомъ, безъ всякаго вліянія форта, возстановилась безопасность Русскихъ и на полуостровѣ, и на островахъ подъ берегомъ и въ Эмбенскихъ участкахъ, въ которыхъ теперь даже и военное крейсерство отмѣнено, какъ не нужное, по мирному состоянію края.

Наконецъ защитники новаго укрѣпленія полагали, что оно стоитъ на очень важномъ пунктѣ для русской торговли съ Хивой, Бухарой и пр., что караваны, идущіе оттуда на Оренбургъ, непременно направляются сюда на томъ основаніи, что дорога нѣсколько короче, и что русскіе товары, доставленные чрезъ портовый городъ, обойдутся Азіятцамъ дешевле, чѣмъ покупка ихъ въ Оренбургъ, что отъ этого первый процвѣтетъ . . . Но если бы и все это

такъ было, то не видно однакоже причины, почему нужно здѣсь укрѣпленіе, нисколько не обезпечивающее пути каравановъ по степи! А вѣдь это главное. Ходили же сюда караваны и до построе- нія форта; но въ слѣдствіе волненій въ Хивѣ и недобросовѣстности нѣкоторыхъ торговцевъ портоваго города—ходить перестали. Были уже примѣры, что придетъ къ заливу караванъ съ азійскими то- варами, придутъ и суда изъ портоваго города съ русскими произве- деніями; но какъ наши торговцы обыкновенно предлагали Азіятцу за его рублевую вещь грошъ, а за свою грошовую требовали отъ него товару на рубль, на основаніи безнравственнаго соображенія, что Хивинцу, или Бухарцу, захавшему въ такую даль, выгоднѣе сбыть свой товаръ за что случится, чѣмъ везти его обратно и снова платить пошлины домашнимъ властямъ, то очевидно, что при та- кихъ весьма различныхъ положеніяхъ между нашими и азійскими купцами торговля здѣсь развиться не можетъ. Кромѣ того, какъ уже замѣчено, она весьма зависитъ отъ состоянія дѣлъ въ Хивѣ, въ Бухарѣ и въ степи, лежащей между ними и Мангишлагомъ: спо- койно тамъ—караванъ можетъ быть и придетъ, беспокойно—такъ и придти не можетъ.

Что касается до процвѣтанія портоваго города на счетъ Орен- бурга, то очевидно, что въ этомъ нѣтъ ни нужнаго, ни полезнаго: благосостояніе обонхъ равно важно для государства. И такъ, кромѣ новаго укрѣпленія на теперешнемъ мѣстѣ, нужно имѣть ихъ нѣсколько по берегу моря, именно при заливахъ: Красновод- скомъ, Кендерлинскомъ, Александро-байѣ и Кочакъ; тогда эта линія укрѣпленій, параллельныхъ Сыръ-Дарьинской, будетъ дѣйствительно полезна и для торговыхъ и для военныхъ предпрія- тій. За тѣмъ при разсматриваемомъ пунктѣ достаточно было бы оставить три оборонительныя башни, которыми фортъ, не обстрѣли- вающій залива, былъ, такъ сказать, дополненъ, и столько гарнизо- на, сколько можетъ въ нихъ помѣститься для охраненія безопасно- сти русскихъ промышленниковъ (мы разумѣемъ подъ этими тѣхъ изъ числа переселенцевъ, которые пожелаютъ здѣсь остаться); а на время прибытія къ заливу каравановъ, если они ходить сюда будутъ, присылать изъ портоваго города одно или два военныхъ судна для наблюденія за купеческими судами, на которыхъ приве- зутся русскія произведенія въ обмѣнъ на азійскія. Но при этомъ

необходимо, чтобы городское общество избирало изъ среды своей нѣсколько благонадежныхъ посредниковъ для наблюденія за добросовѣстностію мѣны, что будетъ очень ободрительно для Азіятцевъ и ограничитъ произволъ русскихъ торговцевъ, который и торговлѣ вредитъ и позоритъ русское имя. Самый же фортъ, содержаніе котораго стоитъ казнѣ среднимъ числомъ 30 тысячъ руб. сер. въ годъ, упразднить, великодушно предоставивъ огородъ съ чигирями и греблей Туркменамъ, обязавъ ихъ снабжать оставшійся гарнизонъ огородною зеленью, что, повѣрьте, будетъ свято выполнено.... Смирно принимая отъ кого угодно ананасу за правду, нами высказанную, мы попросимъ нашихъ читателей поскорѣ забыть скучную мѣстность и фортъ и скверныхъ торгашей и отличныхъ садоводовъ и перейдемъ къ описанію другихъ предметовъ.

О ЕСТЕСТВЕННЫХЪ БОГАТСТВАХЪ ПОЛУОСТРОВА.

Начнемъ новую рѣчь вопросомъ: неужели на всемъ полуостровѣ, во всѣхъ горныхъ кряжахъ, его прорѣзывающихъ, нѣтъ ничего, кромѣ ракушечнаго известняка, тонкихъ травъ и отличныхъ барановъ? Какъ не быть! есть кое-что. Наприм. охра, слюда, квасцы, кварцъ, желѣзнякъ и каменный уголь, валяющійся на поверхности земли, а нѣдра горъ еще не изслѣдовали какъ должно. Почему же этого не сдѣлали? спросятъ читатели.... Ахъ, господа, какіе вы право нетерпѣливые! будетъ еще время, и наше отъ насъ не уйдетъ!.... слава Богу, вѣдь мы не сидѣли же, сложа руки! построили на полуостровѣ укрѣпленіе, дополнили его оборонительными башнями; водворили колонистовъ, развели огородъ и садъ чуть-что не на голомъ камнѣ; сдѣлали греблю (плотину) поперекъ сосѣдняго оврага для сохраненія этой плантаціи отъ стремленія дождевой воды..... ну и мало-ли что еще сдѣлали?.. Вотъ что услышите вы въ отвѣтъ на ваше нетерпѣливое желаніе узнать и воспользоваться тѣмъ, что новый край заключаетъ въ себѣ полезнаго для русской промышленности. Еще въ 1845 году Иванинъ, офицеръ генеральнаго штаба, изслѣдуя полуостровъ, нашелъ на хребтѣ Каратау, въ 30 верстахъ отъ залива *Кочакъ*, каменный уголь такого свойства, что хотя образцы его и были собраны на поверхности земли, однакоже горѣли хорошо, а добытый изъ мѣсторожденія при урочищѣ *Сыиръ-су*

оказался даже годнымъ для употребленія въ паровыхъ машинахъ. Это было испытано на пароходѣ Кама и на Александровскомъ мануфактурномъ заводѣ въ 1847 году, по распоряженію главнаго морскаго начальства, которому однимъ изъ офицеровъ К. Ф. было представлено соображеніе на счетъ разработки новооткрытаго угля для снабженія имъ каспійскихъ военныхъ пароходовъ. Ихъ было впрочемъ только 4, съ машинами въ 370 силъ на всѣхъ вмѣстѣ. Естественно, что для такого ничтожнаго пароходства не было расчета морскому вѣдомству принимать на себя этого дѣла; для частныхъ людей оно было еще менѣе удобно, по незвѣстности края, еще недавно бывшаго въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Русскимъ, — да правду сказать и не нужно. Коммерческое пароходство на Волгѣ только еще зарождалось и компаніи имѣли основаніе, рассчитывая на тогдашнюю дешевизну дровянаго топлива, обойтись надолго безъ каменнаго угля. Были однакоже люди, которые при большей прозорливости должны бы обратитъ вниманіе на важность открытія и дать ему жизнь, чтобы оживотворить пустынный край. Но благодатный духъ еще не вѣялъ надъ Россіей: по ложнымъ понятіямъ того времени считалось достаточнымъ для прочнаго обладанія Мангшлагомъ построеніе на немъ форта, а великое значеніе «чернаго алмаза» не было понято и оцѣнено въ русскомъ обществѣ, гдѣ многіе не дѣлали даже большаго различія между каменнымъ углемъ и простымъ булыжникомъ. Случалось въ прежнія грустные времена и то, что чѣмъ проще, удобоисполнимѣе было какое нибудь предположеніе, тѣмъ менѣе оно встрѣчало сочувствія. Съ проектомъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей бывало и не показывайся.... Обыкновенно говорили: «за такую сумму порядочнаго ничего сдѣлать нельзя: вѣрно это какая нибудь афера!» Тѣмъ дѣло и кончалось. Но съ проектами на многія сотни тысячъ рублей обходились уже гораздо благосклоннѣе. Видно думали, что цифра стоимости можетъ служить мѣрою основательности предположенія!

Вѣренъ-ли былъ такой взглядъ на достоинство умственныхъ трудовъ — пусть разсудятъ читатели; но наше убѣжденіе таково, что подобной оцѣнкѣ будутъ и теперь еще подвергаться многіе труженики мысли до тѣхъ поръ, пока не поставятъ правиломъ, чтобы всѣ проекты, независимо отъ разсмотрѣнія ихъ учеными комитетами и комиссіями, печатались въ журналахъ

тѣхъ министерствъ, до которыхъ предположенія относятся, дабы всѣ, знакомые съ предметомъ, лица, могли принять участіе въ сужденіи объ немъ и своими замѣчаніями содѣйствовали бы къ подтвержденію или отрицанію предположеній. Это, съ одной стороны, поставитъ ихъ (предположенія) внѣ произвола и пристрастія, а съ другой—сами составители проектовъ, зная напередъ, что объ ихъ трудахъ будетъ извѣстно и правительству и публикѣ, поостерегутся высказывать мысли неосновательныя или лукавыя.—И такъ дѣло объ углѣ, дважды заявленное и относительно его качествъ признанное основательнымъ, остается до сихъ поръ гдѣ нибудь въ архивѣ и ждетъ предприимчиваго человѣка. Желая возстановить это дѣло какъ совершенно необходимое при сильномъ развитіи частнаго пароходства на Волгѣ и при учрежденіи такого же пароходства на Каспійскомъ морѣ, (такъ-какъ для казеннаго сдѣланъ уже многолѣтній запасъ антрацита, топлива дорогаго, по недостатку матеріала соперничающаго), просимъ гг. капиталистовъ обратить вниманіе на каратаускій уголь, какъ на матеріалъ еще непочатый, лежащій втунѣ. Теперь когда съ такою легкостію составляются компаніи и на огонь и воду, и на дешевыя квартиры, и на многое другое, почему-бы не образовать компаніи на разработку Мангишлагскаго угля и другихъ минераловъ? Ожидая всего добраго отъ людей, желающихъ употребить свои средства благороднымъ образомъ, позволяемъ себѣ надѣяться, что каратаускіе каменноугольные пласты недолго залежатся. Тамъ-же, вѣроятно, найдутся желѣзныя и другія руды, и разработка ихъ придастъ жизнь странѣ, не имѣющей теперь ни матеріальнаго, ни государственнаго значенія. Всякій согласится, что для обширнаго русскаго государства нисколько не важно имѣть въ своихъ границахъ нѣсколько лишнихъ каменныхъ горъ и на нихъ нѣсколько сотъ пастушечьихъ кибитокъ, укрывающихъ бѣдность и невѣжество! Но пробурите горы Мангишлага, выведите на свѣтъ Божій то, что онѣ таятъ въ себѣ дорогаго и полезнаго, орудуйте промышленность эту руками туземцевъ, за добросовѣстную задѣльную плату—мукой и прочимъ необходимымъ въ ихъ быту; поставьте всему этому такія цѣны, отъ которыхъ Армяне и другіе торгаша сочли бы себя прежде продажи раззоренными въ конецъ,—и люди, которые теперь косо по-

смаатриваютъ на Русскихъ, будутъ, ради собственной пользы, всѣми силами содѣйствовать видамъ русской промышленности. Кромѣ того, туземцы, не подвергаясь ни насиліямъ, ни обману, узнавъ по опыту, что честный трудъ доставляетъ имъ полное обезпеченіе, мало-по-малу смягчатся правами, сдѣлаются людьми. И это не утопія, не ультра-филантропія, а весьма возможное дѣло! Теперь, когда локомотивы съ подкладными рельсами входятъ въ употребленіе и уменьшаютъ потребность въ непрерывныхъ желѣзныхъ дорогахъ, разработка каратаускаго угля тѣмъ возможнѣе, что хребетъ отстоитъ отъ залива Кочакъ всего на 30 верстъ, и путь этотъ не представляетъ такихъ неудобствъ, устраненіе которыхъ повело бы къ большимъ издержкамъ (*).

Но, спросятъ читатели, доступенъ ли заливъ для грузовыхъ судовъ, на которыхъ нужно будетъ перевозить уголь въ портовый городъ и на другія пристани? На этотъ весьма основательный вопросъ мы можемъ отвѣчать только показаніемъ офицера (**), промѣрявшаго заливъ, который удостовѣряетъ, что для судовъ отъ 6 до 8 ф. въ грузу—глубина достаточна. Жаль только, что со времени промѣра прошло лѣтъ десять, а въ теченіи такого промежутка мѣстность могла измѣниться, какъ она измѣнилась по всему прибрежью N-ой трети моря, особенно противъ Эмбы, Урала, устьевъ Волги, Терека и до Чечни, какъ измѣнилась у острововъ къ сѣверу отъ Мангшлага: то-же могло случиться и въ заливѣ. Впрочемъ, чего-же лучше, когда у насъ на Каспійскомъ морѣ есть ученая экспедиція для его описанія со всевозможною подробностію, которое удовлетворитъ всѣмъ современнымъ требованіямъ гидрографіи, геодезіи, и проч. и проч. Отъ этой экспедиціи узнаемъ со временемъ, эдакъ лѣтъ черезъ десять, не только про заливъ Кочакъ, но даже обо всѣхъ малѣйшихъ изгибахъ берега!... Угодно подождать?... Какъ, черезъ десять лѣтъ? возразить намъ.—Извините, господа, раньше нельзя;—море велико. Но за то карты будутъ до того превосходны, что съ ними, зажмуря глаза, можно будетъ плавать! Конечно, въ слѣдствіе измѣняемости Каспійскаго моря, степень ихъ достовѣр-

(*) Это свѣдѣніе сообщено намъ Корпуса Топографовъ поручикомъ Скрабинымъ, превосходно знающимъ весь здѣшній край.

(**) Того же поручика Скрабина.

ности будетъ относиться нѣсколько къ прошедшему времени... но, повторяю, имѣйте терпѣніе: ученые не любятъ, чтобы ихъ торопили—пожалуй еще пропустятъ безъ изслѣдованія какой нибудь квадратный вершокъ на водахъ или на сушѣ и впадутъ въ смертельный грѣхъ противъ.... науки! И такъ, господа, согласны подождать?.... нѣтъ... очень жаль! Въ такомъ случаѣ мы вотъ что сдѣлаемъ: отправимся на одномъ изъ казенныхъ пароходовъ, которые по нѣсколько разъ въ лѣто ходятъ изъ портоваго города къ новому укрѣпленію съ войсками, съ казенными грузами, съ инспекторами, съ почтой. При этомъ пароходъ, въ ожиданіи изготавленія письменныхъ дѣлъ начальствомъ форта, бываетъ свободенъ дня три, четыре, а съ разрѣшенія портоваго начальства можно располагать пароходомъ и недѣлю, чего будетъ достаточно, чтобы побывать въ заливѣ Кочакъ, отстоящемъ отъ форта въ 80 верстахъ; потомъ, на случай если заливъ сильно обмелѣлъ, наймемъ у поселенцевъ кусовыя лодки и выпросимъ въ крѣпости конвой челоувѣкъ въ 30, не столько для безопасности, какъ для парада, переводчика для сношеній съ Киргизами, и, благословясь на доброе дѣло, пойдемъ съ осмотрительностію въ Кочакъ; если же окажется, что пароходу нельзя пройти въ него—можно остановиться въ близкомъ къ нему заливѣ Мангышлакъ и остальной путь сдѣлать на кусовыхъ лодкахъ. Конечно отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и недоразумѣній относительно глубины могла бы избавить насъ ученая экспедиція, нерѣдко посѣщавшая заливъ у новой крѣпости: при болѣе практическомъ направленіи она могла бы побывать въ Кочакѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сколько нибудь важныхъ въ навигаціонномъ и промышленномъ отношеніяхъ; но экспедиція такъ усердно гонялась за астрономическими и магнитными наблюденіями, за европейскою извѣстностію, за ученой славой, что насущная потребность плавателей далеко осталась на заднемъ планѣ (*).

Такимъ-образомъ, полагая на переходы туда и обратно два дня, для изслѣдованія хребта останется еще пять. Что уголь тамъ бу-

(*) Да не подумаютъ однако читатели, что мы не сочувствуемъ ученымъ трудамъ этой и другихъ экспедицій, съ практическою цѣлью предпринимаемыхъ;—нѣтъ, мы только бы желали, чтобы практическое предпочтало кабинетному.

детъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Морскомъ министерствѣ есть даже геогностическая карта, кажется, Иванинымъ составленная, изображающая положеніе пластовъ. Работники тоже найдутся изъ мѣстныхъ Киргизовъ, разумѣется подъ надзоромъ опытныхъ рудокоповъ. Вотъ къ этому пункту дѣйствительно можно будетъ привлечь бродячее населеніе степей, и небольшой, благоустроенный фортъ, пожалуй и русская колонія у шахтъ или на берегу будутъ здѣсь гораздо болѣе у мѣста, чѣмъ новая крѣпость съ своимъ поселеніемъ на дальней оконечности полуострова.

Перенесемъ-же мыслію къ тому великому дню, когда первый караванъ судовъ съ углемъ пойдетъ изъ залива, а локомотивъ съ подкладными рельсами, вооруженный фалконетами, откроетъ сообщеніе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; когда такіе-же локомотивы замѣнятъ хоть отчасти мѣшкотные караваны на множествахъ верблюдовъ для торговыхъ и военныхъ предпріятій въ этой части Азіи; когда между предполагаемыми фортами у Каратау, Александробайя и другими, выше названными, установится скорое сообщеніе; когда туземцы, изумленные такими чудесами, поймутъ наконецъ, что ихъ назначеніе быть сынами Россіи, что безобидное участіе въ русской промышленности и торговлѣ доставитъ имъ болѣе выгоды, чѣмъ баранта, грабежъ каравановъ и захватъ плѣнныхъ; когда наконецъ и Русскіе будутъ смотрѣть на туземцевъ, какъ на людей, и, въ дружномъ стремленіи съ ними къ одной цѣли, разовьютъ благосостояніе обширнаго края...

Если взять въ соображеніе, что отъ залива до Аральскаго моря, на которомъ заводится пароходство, снабжаемое антрацитомъ съ Дона (который обходится по 1 р. сер. пудъ), только 300 верстъ, что на Сыръ-Дарьѣ, въ него впадающей, есть линія нашихъ укрѣпленій, то, при возможности обойтись безъ сплошной желѣзной дороги, важность разработки каратаускаго угля представляется чѣмъ-то грандіознымъ. И тотъ, кто приметъ на себя это государственно-коммерческое дѣло, пріобрѣтетъ самую заслуженную славу. А что касается до пользы отъ такого предпріятія, то инженеръ—генералъ Вильсонъ, начальникъ Александровскаго мануфактурнаго завода, на которомъ, какъ было сказано выше, испытывали образцы каратаускаго угля, разсматривая геогностическую карту его плас-

товъ, выразился такъ: «Судя по профилямъ отклоненія ихъ отъ уровня и по большому протяженію, на какое они простираются, должно ожидать отъ разработки оныхъ богатой добычи». Слѣдовательно будетъ и польза: стоить только взяться за дѣло умно и вести его честно, энергически, чтобы труды увѣнчались успѣхомъ.

И. В.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЯХЪ

ПРИ ИЗУЧЕНІИ ПРАВА ВЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Въ настоящее время русское общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, которое обнаруживается, между прочимъ, постоянными толками и въ литературѣ и въ дѣйствительной жизни о правдѣ, о словесности и гласности судопроизводства, о чиновникахъ, добросовѣстныхъ и знающихъ свое дѣло, объ искорененіи взяточничества, и т. д. Между тѣмъ, постоянно слѣди за текущей литературой, мнѣ не удавалось ни разу читать о практическихъ занятіяхъ изучающихъ право въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи (*). Это, по моему, тоже одно изъ дѣйствительныхъ средствъ скоро и успѣшно провести въ жизнь отрадные идеи, зародившіяся въ нашемъ обществѣ. Молодой человѣкъ, съ горячею любовью изучившій теорію права въ университетѣ или лицей, наполненный самыми благородными и возвышенными планами будущей своей дѣятельности на поприщѣ государственной службы, на первомъ же шагу встрѣчаетъ камень преткновенія, разсыпавшій въ прахъ всѣ его высокія стремленія. Вотъ онъ опредѣлился въ какую нибудь канцелярію и съ трепещущимъ отъ рвенія сердцемъ

(*) Предлагаемая статья писана до выхода въ свѣтъ первой октябрьской книжки Русскаго Вѣстника за 1858 годъ, гдѣ г. Бунге, въ статьѣ объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ, говоритъ нѣсколько словъ и о практическихъ занятіяхъ юриста.

пристѣпаетъ къ написанію порученной ему бумаги. Но увѣ! онъ не знаетъ, что ему предстоитъ борьба, не хуже любой битвы съ ожесточеннымъ врагомъ. Онъ перебираетъ всѣ теоріи, какія остались у него въ головѣ послѣ курса словесности, соображаетъ законы, относящіеся къ данному случаю и по своему изобрѣтаетъ форму. Ликуя внутренно, что написалъ по всѣмъ правиламъ новѣйшей науки, идетъ онъ, положимъ, къ столоначальнику и самодовольно вручаетъ ему написанное. И какое страшное разочарованіе поражаетъ его: столоначальникъ, прочитавъ бумагу, или приказываетъ снова написать ее, иногда уже другому чиновнику, болѣе опытному и нигдѣ неучившемуся, или дѣлаетъ самъ поправки, говоря, что она написана не по формѣ. Язвительная улыбка появляется на лицѣ столоначальника, прочіе его канцелярскіе сослуживцы какъ бы невидимой силой внезапно пробуждаются изъ своего апатическаго состоянія. Бѣдный студентъ стоитъ, какъ громомъ пораженный: его упрекаютъ въ незнаніи, говорятъ, что наука, которой онъ себя посвятилъ, ничему его не выучила и удивляются, чему онъ учился, когда прочіе и не окончивъ курса въ университетѣ или лицѣ, пишутъ прекрасно. Мнѣ самому много разъ случалось слушать подобные непріятные рассказы, и какъ тяжело, какъ больно становилось на душѣ, какъ терзалась она при видѣ полной побѣды на голову, одержанной рутинною и невѣжествомъ надъ сіяющимъ величіемъ науки. Представимъ далѣе, что тому же молодому человѣку поручено написать проэктъ рѣшенія по какому нибудь спорному гражданскому дѣлу. Перечитывая бумаги, къ нему относящіяся, онъ, во-первыхъ, тысячу разъ встрѣтитъ почти непреодолимое затрудненіе въ ихъ пониманіи. Извѣстно, что нашъ дѣловой языкъ не отличается совершенствомъ и далеко отсталъ отъ языка литературнаго (разумѣется, я не говорю о высшихъ учрежденіяхъ). Бездна словъ, нѣкогда не встрѣчающихся въ обществѣ и книгѣ, какъ напр. «поискуемый, гвалтовно и самоправно, оболѣно, дѣльчій актъ» ⁽²⁾, и проч., обороты, въ которыхъ не соблюдены иногда и первоначальныя правила грамматики, озадачатъ хоть кого отъ непривычки. Но кромѣ этого, у молодого человѣка нѣтъ

⁽²⁾ Всѣ эти слова часто встрѣчаются въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

павыка примѣнить законъ къ дѣйствительной жизни. Вся система понятій, пріобрѣтенныхъ имъ въ заведеніи, не имѣетъ надлежащей твердости и обдуманности, многія мѣста образуютъ пробѣлы, появившіеся или отъ недостатка памяти, или просто отъ того, что не было ему случая примѣнять свои знанія къ конкретнымъ явленіямъ. Отсюда опять огромное затрудненіе составить проэктъ рѣшенія по порученному дѣлу. Молодой человѣкъ сначала бьется, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ, выбившись изъ силъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, начинаетъ обращаться за совѣтами къ рутинистамъ-практикамъ. Мало по малу у него рождается сомнѣніе въ пользѣ пріобрѣтенныхъ знаній, переходящее наконецъ въ настоящее, твердое убѣжденіе, хотя все-таки изъ тщеславія онъ старается считаться человѣкомъ образованнымъ, говоритъ иногда громкія фразы, хочетъ употреблять иностранныя слова, мало понятныя для его сослуживцевъ-профановъ. Но наука брошена и пріобрѣтенное многими долготѣнными трудами, испаряясь постепенно, оставляетъ наконецъ одну торпчеллиеву пустоту. Это по-моему одна изъ причинъ, почему юное поколѣніе, получившее высшее образованіе, такъ медленно и вяло вліяло своими юридическими познаніями на окружающую его среду. Большая часть питомцевъ науки, при встрѣчѣ съ горькою дѣйствительностію, требовавшей борьбы человѣка, закаленного въ бояхъ, нравственно падала и безвозвратно. Теперь понятны отчасти и горькія жалобы на трудность отыскать мѣсто, на медленность, иногда и невозможность повышенія на лѣстницѣ должностей. Надобно, чтобы воспитанники съ высшимъ юридическимъ образованіемъ побѣдили рутину своимъ нравственнымъ могуществомъ и духовною силою: тогда она падетъ неизбежно, сражаясь съ врагомъ, далеко ей неравнымъ.

Мы толкуемъ и кричимъ о словесности и гласности судопроизводства, объ адвокатурѣ, желаемъ, чтобы онѣ были введены и у насъ; но гдѣ, спрашиваютъ насъ, взять приготовленныхъ къ словеснымъ преніямъ судей и адвокатовъ? Сознаемся, что для тѣхъ и другихъ, кромѣ теоріи, необходимо практическое образованіе въ правѣ,—судьи и адвокаты должны обладать самымъ ловкимъ умѣньемъ примѣнять отвлеченное правило къ частному случаю, взятому изъ водоворота жизни. Адвокатъ долженъ умѣть обращаться съ фактомъ, какъ съ игрушкой, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, чтобы са-

мымъ яркимъ и разительнымъ образомъ выставить обстоятельства, говоряція въ пользу его кліента. И при настоящемъ порядкѣ судопроизводства наши воспитанники не могутъ браться даже за простое, можно сказать, ремесло стряпчихъ, или ходатаевъ по дѣлу. Да едва-ли найдутся и тяжущіеся, которые повѣрили бы веденіе своего дѣла новому адепту юридической науки, и они правы.

Польза практическихъ занятій для юриста несомнѣнна и въ другихъ отношеніяхъ. При теоретическомъ преподаваніи въ головѣ слушателя возникаетъ множество сомнѣній, недоразумѣній, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Трудно вообразить, чтобы преподаватель, такъ сказать, воплотился въ слушателя: онъ всегда, по несовершенству природы человѣка вообще, невольно оставитъ нѣкоторыя стороны предмета неразъясненными. Самымъ легкимъ и удобнымъ средствомъ для пониманія этого недостатка представляется опять разрѣшеніе юридическихъ случаевъ. Учащійся, трудясь надъ юридическимъ рѣшеніемъ заданнаго ему факта, для объясненія встрѣтившагося ему сомнѣнія, поневолѣ долженъ или обратиться къ какому нибудь юридическому сочиненію, или ожидать помощи со стороны преподавателя. Послѣдній, наконецъ, самъ, по собственному побужденію, объяснить нѣкоторые предметы, столкнувшись съ ними въ практическомъ преподаваніи. Конкретный случай наглядно знакомитъ съ отвлеченными понятіями, которыми наполнена наука права. Воспитанникъ среднихъ учебныхъ заведеній еще не привыкъ вращаться въ сферѣ абстракцій, для него странно звучатъ понятія о юридической личности, о лицахъ физическихъ и юридическихъ, о правѣ на вещь, обязательствахъ, и т. д.; онъ темно понимаетъ или совсѣмъ не видитъ напр. различія между правомъ на вещь и обязательствомъ. Между тѣмъ это одинъ изъ краеугольныхъ камней науки гражданского права. Разбравъ же отдѣльные факты, изъ которыхъ составилось отвлеченіе, учащійся легко побѣдитъ представляющуюся ему трудность и выиграетъ время. Наконецъ, занимаясь практически, онъ по необходимости возбудитъ въ себѣ самостоятельную дѣятельность, при небольшомъ навыкѣ даже легко можетъ открыть несостоятельность той или другой теоріи и поправки, которыхъ она требуетъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ пассивно, безъ яснаго сознанія, одухотворятся и войдутъ въ плоть и кровь его. Память должна будетъ уступить мѣсто раз-

судочному пониманію. Скажу еще, что практическія занятія рождаютъ необходимость гораздо чаще обозрѣвать всю систему права, и лучше понимать органическую связь, существующую между различными ея частями.

Но не смотря на всю важность практическихъ занятій при изученіи права, къ сожалѣнію, должно сознаться, что не вездѣ обращено на нихъ должное вниманіе. Вполнѣ соглашаясь съ методою, предложенною покойнымъ профессоромъ Мейеромъ (*), я долженъ сказать, что существующія нынѣ средства для достиженія цѣли слишкомъ недостаточны. Будучи самъ преподавателемъ гражданского права, и занимаясь съ своими слушателями между прочимъ и практикой, я на каждомъ шагѣ встрѣчаю непреодолимые трудности, нравственную невозможность удовлетворить потребности, которая вопіетъ настоятельно. Первый камень преткновенія—это неприготовленность самого профессора, который, изучивъ право только по книжкамъ, въ идеальной кабинетной обстановкѣ, самъ является такимъ же теоретикомъ, какъ и его слушатели. Нѣтъ надобности говорить, что полное знакомство съ формами и съ практическими приемами при переходѣ права въ міръ дѣйствительный и пріобрѣтается только въ средѣ соприкосновенія его съ жизнью дѣйствительной. И такъ, преподаватель, незнакомый самъ съ практической стороной права, сидя на кафедрѣ, чтобы знакомить слушателей съ тѣмъ, чего самъ не знаетъ, долженъ или сознаться въ своемъ безсплн, или притвориться всезнайкой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ положеніе его слишкомъ комично. Но положимъ, что онъ изъ какого нибудь руководства къ составленію дѣловыхъ бумагъ, напр. Варадинова (**), узналъ формальную сторону практики, спрашивается, гдѣ взять ему для своихъ чтеній содержаніе, облекаемое въ извѣстныя формы? Ужъ не выдумывать ли юридическіе случаи, кроя ихъ по мѣркѣ статей Свода Законовъ? Чтобы сказали медики, если бы кто вздумалъ учить практической медицинѣ по вымышленнымъ болѣзнямъ? Можетъ быть, возразятъ, что есть сборники дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ юридическихъ случаевъ, изданные на нѣмец-

(*) О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія, Мейера. Казань. 1855.

(**) Хотя должно сказать, что однихъ этихъ руководствъ недостаточно.

комъ языкѣ, какъ напр. Гиртаннера *Rechtsfälle zu Puchta's Pandecten*. Отвѣчу, что это нѣсколько похоже будетъ на хозяина, вздумавшаго изучать русское сельское хозяйство по образцамъ организаціи его у Англичанъ. Не правда-ли знаніе его будетъ вполне совершеннымъ! Каждая народность имѣетъ свои индивидуальныя особенности и юридическіе случаи; слѣдовательно возникшіе на нѣмецкой почвѣ не могутъ служить матеріаломъ для практическаго образованія русскаго юриста.—И такъ, для надлежащаго преподаванія у насъ практики въ высшихъ юридическихъ училищахъ необходимо прежде всего приготовить преподавателей. Съ этою цѣлью нужно отправлять ихъ на извѣстное время въ Правительствующій Сенатъ и въ Министерство Юстиціи (я говорю о практикѣ судебной), гдѣ бы они могли познакомиться и съ формами дѣлопроизводства, и приобрѣсть нѣкоторый запасъ юридическихъ случаевъ, почерпая ихъ изъ безконечнаго разнообразія, въ которомъ дѣйствительная жизнь соприкасается съ правомъ въ этихъ учрежденіяхъ. Такъ и сдѣлано было напр. въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ магистры, сначала Ратовскій, а потомъ Соколовъ командированы были въ С.-Петербургъ для практическихъ занятій въ Сенатѣ и Департаментѣ Министерства Юстиціи. Желательно было бы, чтобы и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвященныхъ праву, гдѣ преподаватели нуждаются въ практическихъ свѣдѣніяхъ, было поступлено такъ же. Такой порядокъ можно бы облечь въ форму общаго закона, обязательнаго для всѣхъ заведеній.—Но приготовивъ себя, преподаватель требуетъ еще постояннаго подновленія своихъ свѣдѣній, обогащенія себя новыми случаями, взятыми изъ жизни дѣйствительной. Практическое знаніе тоже приобрѣтается не вдругъ; а постепенно и постоянно совершенствуется. Для этого хорошо бы было посылать въ высшія юридическія училища всѣ печатныя докладныя записки изъ оконченныхъ дѣлъ, производившихся въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ (*). Потомъ необходимо предоставить преподавателю право входа въ судебныя мѣста той мѣстности, гдѣ существуетъ учебное

(*) Даже Сводъ Законовъ не разсылается даромъ преподавателямъ права, а онъ стоитъ дорого и не всякому возможно удѣлать значительную сумму изъ своего жалованья, если принять еще во вниманіе, что надобно приобрѣтать на свой счетъ и другія книги.

заведеніе. Пусть для него отверзнутся врата канцелярской тайны и онъ имѣетъ право не только брать дѣла на домъ, подъ личною своею отвѣтственностію, — злоупотребленія тутъ едва-ли могутъ случиться — но и право присутствовать при всѣхъ засѣданіяхъ суда. Для сообщенія его дѣятельности болѣе живаго характера, ему можно предоставить и право голоса въ рѣшеніи дѣла, если только онъ въ извѣстномъ случаѣ пожелаетъ высказать свое мнѣніе (*). Дѣлать это обязательнымъ неудобно: занятія въ судебномъ мѣстѣ потребуютъ слишкомъ много времени и отвлекутъ отъ прямой обязанности. Такимъ образомъ достигнется двойная выгода и для преподавателя и для юстиціи. Преподаватель, постоянно слѣдя за приложеніемъ права, будетъ непрерывно совершенствоваться въ своемъ знаніи и не отстанетъ отъ жизни дѣйствительной. Случается, что вмѣстѣ съ практикой на одно и то же лицо возложено и теоретическое преподаваніе; послѣднее сдѣлается болѣе интереснымъ и глубокимъ, выиграетъ самая наука. Сколько практическихъ вопросовъ встрѣчается при чтеніи любого отдѣла Свода. Почти всѣ они разрѣшены въ дѣйствительности, между тѣмъ теорія или совсѣмъ не трогала ихъ, или рѣшала по-своему, не зная о существованіи обычнаго права. Но и судьи, стѣсненные присутствіемъ и правомъ голоса посторонняго лица, которое по своему образованію и общественному положенію, по всей вѣроятности, не допуститъ пристрастія по чему бы то ни было, едва-ли рѣшатся покривить душою и отступить отъ предписаннаго закономъ порядка, слѣдов. выиграетъ и юстиція.

Кажется, что предлагаемыя мною мѣры не требуютъ особыхъ преобразованій и расходовъ, между тѣмъ польза ихъ очевидна. Впрочемъ, сообщая мои замѣчанія, я не думаю о непреложной ихъ истинѣ. Въ настоящее время наступившей возможности болѣе или менѣе гласно высказывать свои мысли, долгъ всякаго объявить ихъ, если онѣ такъ или иначе могутъ содѣйствовать общему благу.

К. ЦАРЕВСКИЙ.

(*) Право голоса офиціально свяжетъ преподавателя съ членами суда и избавитъ его отъ равнодушія и изворотовъ со стороны послѣднихъ въ дѣлѣ имъ чуждомъ.

ДВА СЛОВА

О ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ ПОСТАВКИ ХЛѢБА ВЪ КАЗНУ

САРАТОВСКИМЪ ПОМѢЩИКАМЪ.

Не знаю многіе ли изъ Саратовскихъ помѣщиковъ, но по крайней мѣрѣ нѣкоторые, а въ числѣ ихъ и я, съ искреннею радостію привѣтствовали еще въ началѣ 1857 года сдѣлавшееся намъ извѣстнымъ распоряженіе Военнаго Министерства о принятыхъ имъ мѣрахъ къ облегченію поставки хлѣба въ казну помѣщиками. На сдѣланный намъ запросъ со стороны Министерства по этому предмету я тогда же успѣшилъ выразить живое сочувствіе къ столь благому намѣренію правительства, хотя и счелъ долгомъ откровенно указать на тѣ обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, было бы желательно, чтобъ Министерство имѣло въ виду для лучшаго достиженія своей цѣли—пріобрѣтать провіантъ изъ первыхъ рукъ. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ Сердобскихъ помѣщиковъ изъявили своею подписью согласіе съ моими мыслями. Признаюсь, я въ сильной степени интересовался ходомъ новой операціи Министерства. Нѣсколько лѣтъ передъ симъ сряду я бралъ съ торговъ, въ Саратовѣ, поставку провіанта въ мѣстные магазины инвалидовъ командъ, и не могу сказать, чтобы бралъ безъ выгоды для себя сравнительно съ вольной продажей хлѣба. При этомъ я былъ такъ счастливъ, что не подвергался никакимъ притязаніямъ со стороны начальниковъ инвалидовъ командъ, принимавшихъ мой хлѣбъ, а напротивъ всякій разъ, какъ мнѣ удавалось видѣться съ которымъ либо изъ нихъ, слышалъ отъ нихъ благодарность за высокое достоинство моей муки. Тоже самое повторяли мнѣ и солдаты мѣстныхъ

командъ. Исправная выдача денегъ изъ провіантской коммисіи слѣдовала постоянно за исполненною въ срокъ поставкою. Чего же было желать болѣе помѣщику? И вотъ я надѣялся что моя казенная поставка увеличится согласно съ предложеніемъ Министерства, что я слѣдовательно буду въ состояніи совершенно избавиться отъ вольной продажи моего хлѣба, что заранѣе буду знать сколько въ какое время долженъ имѣть денегъ за поставленную муку или крупу, и проч. и проч.

Занятія по службѣ не дозволили мнѣ ни въ ноябрѣ 1857 года, ни въ ноябрѣ 1858 года быть лично въ Саратовѣ на предложеніяхъ, какія, согласно съ новыми правилами Военнаго Министерства, дѣлались съ его стороны помѣщикамъ; но, снабдивъ довѣренностями надежныхъ людей, которые должны были заступитъ мое мѣсто въ настоящемъ случаѣ, я получалъ обо всемъ, происходившемъ по закупкѣ хлѣба въ Саратовѣ, весьма точныя свѣдѣнія. Съ своей стороны, кромѣ высылки общей довѣренности, я назначалъ приблизительно количество поставки, какую слѣдовало взять въ казну на мое имя, и цѣну разному хлѣбу. Послѣдняя опредѣлялась умѣренная, согласно съ цѣнами, какія должны были считаться болѣе или менѣе установившимися на зимнее время, въ которое мы обыкновенно продаемъ нашъ хлѣбъ, какъ въ самое удобное время для поставокъ. Данныя мною довѣренности найдены были правильными, и мои повѣренные допущены къ запискѣ, установленнымъ порядкомъ, въ книгѣ, открытой чиновникомъ Министерства съ тою цѣлью, чтобъ въ ней помѣщики заявляли свое желаніе взять поставку съ обозначеніемъ самого количества, какое кто намѣренъ взять. И что же: ни я, ни другіе помѣщики не приняли на себя подрядъ, потому что предложенныя Министерствомъ цѣны показались желающимъ слишкомъ низки. Не знаю какія послѣдствія будетъ имѣть нерѣшимость моего повѣреннаго взять поставку по предложеннымъ Министерствомъ цѣнамъ на 1859 годъ; но за прошедшій 1858 годъ я остался очень доволенъ, что не состоялся подрядъ на мое имя, ибо хлѣбъ мой былъ проданъ въ Саратовѣ и на мѣстныхъ базарахъ по цѣнамъ высшимъ, чѣмъ предлагало Министерство.

Считаю себя обязаннымъ представить здѣсь въ доказательство моихъ словъ нѣкоторые факты, выбранные мною изъ донесеній и отчетовъ моихъ повѣренныхъ, управителей и другихъ лицъ.

Въ ноябрѣ 1857 г. я назначилъ моему повѣренному слѣдующія цѣны для поставки хлѣба въ казну: на муку, въ Саратовъ для мѣстнаго магазина и на пристани 3 р. сер. за четверть (7 пуд. 10 ф.), въ магазинъ Сердобской инвалидной команды 2 руб. 70 коп., въ Петровскій и Аткарскій 2 р. 80 к.; на гречневую крупу въ магазины Сердобскій, Петровскій и Аткарскій за четверть (въ 8 пуд.) 4 р. с. Въ означенной цѣнѣ полагались и кули, одинакіе для муки и двойные для крупы (*).

Въ это время рыночныя цѣны были слѣдующія: въ Саратовѣ мука продавалась отъ 1 р. 15 к. до 1 р. 20 к. асс. за пудъ, въ Сердобскѣ мука 80 к., въ Пензѣ на заводахъ рожь отъ 10 р. до 10 р. 50 коп. асс. за четверть (въ 10 пуд. 5 ф.); въ Вольскѣ она доходила до 15 р. асс. за четверть; крупа продавалась въ Саратовѣ цѣною отъ 11 до 12 р. асс. четверть, въ Сердобскѣ также.

Цѣны, предложенныя Министерствомъ, 16 ноября 1857 г., по увѣдомленію моего повѣреннаго, были назначены слѣдующія: на муку, въ сложности для Саратовскаго магазина и на Саратовскія пристани, 2 р. 32 к. сер., для командъ Петровской и Аткарской 2 руб. 5 коп. сер. (для Сердобской поставки не требовалось); на крупу съ поставкою въ Саратовъ 3 р. 25 к.; для командъ Петровской и Аткарской 3 р. 18 к. сер.

Въ годовой сложности за 1858 г. средняя цѣна въ Сердобскомъ моемъ имѣніи и въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мнѣ помѣщиковъ (принимая, разумѣется, въ соображеніе и продажу хлѣба въ Саратовѣ, за исключеніемъ платы за доставку) оказалась: за муку 90 коп. асс. пудъ, за крупу 3 р. сер. четверть. Прибавивъ къ этимъ цѣнамъ стоимость пзвоза (до Саратова), можно положить, какъ среднюю, слѣдующую цѣну, по которой Сердобскіе помѣщики (***) могли бы взять поставку хлѣба въ казну до Саратова: на муку 1 р. 15 к. асс. пудъ, на крупу 3 р. 80 коп. сер. Но если при

(*) Объ овсѣ я не упоминаю, ибо по низкой цѣнѣ, кака я бываетъ на него болѣею частію въ Саратовѣ, оказывается невыгоднымъ возить его сюда изъ уѣздовъ, сколько нибудь отдаленныхъ.

(**) Извѣстно, что Сердобскій уѣздъ принадлежитъ къ числу самыхъ хлѣбородныхъ и изъ него продается наибольшее количество хлѣба (въ сравненіи съ другими уѣздами Саратовской губ.) какъ въ Саратовѣ, такъ и въ Пензенской губерніи.

этомъ брать въ расчетъ расходы на распылку и довѣсъ и на людей, посылаемыхъ съ обозами (чиновниковъ, принимающихъ провіантъ, мы полагаемъ въ настоящемъ случаѣ достигшими идеальной честности), то нельзя не сознаться, что и такая цѣна была бы не безубыточною для помѣщиковъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они выручили, продавая свой хлѣбъ по вольной цѣнѣ.

Въ ноябрѣ 1858 года на подряды мною были назначены моему повѣренному слѣдующія цѣны: до Саратова за муку безъ куля 3 р. сер. четверть, въ мѣстныя команды 2 р. 70 к.; за крупу, съ поставкою въ Саратовъ, безъ кулей 5 р. сер. за четверть, а для инвалидовъ командъ Сердобской, Аткарской и Петровской также цѣна съ вычетомъ изъ нея приблизительно стоимости провоза отъ каждаго изъ этихъ городовъ до Саратова.

Цѣны на хлѣбъ, по полученнымъ мною донесеніямъ, въ это время были: на муку, въ Саратовѣ, отъ 1 р. до 1 р. 10 коп. асс. (крупа продавалась въ слишкомъ маломъ количествѣ и потому цѣна на нее была неопредѣленная); въ Сердобскѣ на муку отъ 80 до 90 к. асс. пудъ, на крупу отъ 12 до 14 руб. асс. четверть.

Предложенныя Министерствомъ цѣны, 20 ноября 1858 г., по увѣдомленію моего повѣреннаго, были слѣдующія: за муку, съ поставкою въ Саратовъ и на пристани, на четверть съ кулемъ, 2 руб. 88 коп. сер.; за гречневую крупу, на четверть съ двойными кулями, 4 р. 90 к. сер.; для инвалидовъ командъ: Петровской на муку, на четверть съ кулемъ, 2 р. 40 к., для Сердобской 2 р. 30 коп. сер.

Не мое дѣло разсуждать о томъ *какъ* и по *какой цѣли* приобрѣло Военное Министерство въ прошедшемъ 1858 году то значительное количество хлѣба, которое были бы въ состояніи поставить въ казну Саратовскіе помѣщики; но могу сказать рѣшительно, что и на будущее время нельзя рассчитывать на принятіе помѣщиками подряда, если они, по вѣрнымъ хозяйственнымъ расчетамъ, будутъ находить эту операцію для себя невыгодною. А это очень жаль, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Министерство разсуждаетъ совершенно справедливо, предполагая, что сами землевладѣльцы могутъ ставить въ казну хлѣбъ лучшаго качества, чѣмъ перекупщики.

Н.

ОБЪ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬ- ЯНЪ ВЪ СЕРДОВСКОМЪ УѢЗДѢ (САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ).

Крестьянскій трудъ хотя и составляетъ въ нашей мѣстности одну изъ экономическихъ силъ, которою пользуются помѣщики, но въ сдѣлкахъ о покупкахъ ими имѣній, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, они высказывали очень ясно, что эти имѣнія цѣнятся ими не по количеству принадлежащихъ къ нимъ крестьянъ, а по количеству земли и по угодьямъ, изъ коихъ состоятъ имѣнія. Я самъ неоднократно слышалъ сужденіе людей очень практическихъ, которые, опредѣляя цѣну земли въ пятнадцать, двадцать, двадцать пять рублей сер. и болѣе за десятину, говорили, что сверхъ этого *едва ли* что можно прибавить къ цѣнѣ за имѣніе, даже если при немъ находятся разныя хозяйственныя заведенія, въ томъ числѣ и овцеводство, дающее намъ въ настоящее время такой огромный доходъ. Положимъ, что это *едва ли* нѣкоторыми могло быть понимаемо чрезвычайно условно; но тѣмъ не менѣе справедливо, что многія имѣнія, не только населенныя, но снабженныя также разными хозяйственными заведеніями, съ господскою усадьбою и даже овцеводствомъ, въ послѣдніе годы были покупаемы отнюдь не дороже тридцати рублей серебромъ за десятину, а нѣкоторыя куплены даже цѣною отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей серебромъ. Слѣдовательно, положивъ высшую изъ этихъ цѣнъ за землю, отходящую въ надѣлъ крестьянамъ, нѣтъ за тѣмъ никакого основанія полагать еще вознагражденіе владѣльцамъ за ихъ *личное освобожденіе*, или, говоря другими словами, за ту особенную выгоду,

*

какую они могли приносить помещикамъ какъ экономическая слава имѣніяхъ (*). Вѣрность этого практическаго довода можно подтвердить и историческими основаніями. Извѣстно, что Сердобскій уѣздъ населенъ преимущественно въ XVIII столѣтіи крестьянами, вывезенными изъ верховыхъ губерній, въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ изъ губерніи Владимірской. При своемъ поселеніи нѣкоторые изъ крестьянъ получили въ пользованіе всю землю, которая принадлежала къ извѣстному имѣнію, за положенный на нихъ *оброкъ*; другіе часть земли съ обязанностью обрабатывать остальную землю того же имѣнія въ пользу владѣльца; третьи уже впоследствии, и особенно въ послѣднее время, переведены *съ оброка на издѣлье*, то есть, часть земли, бывшая въ пользованіи крестьянъ, отдѣлена для помещичьяго хозяйства, а оброкъ замѣненъ трехдневною работою на этомъ послѣднемъ участкѣ. Положеніе трехдневной работы, довольно строго соблюдаемое теперь въ нашемъ краѣ, основано на правилѣ, выраженномъ въ законодательствѣ еще въ XVIII вѣкѣ и съ тѣхъ поръ неоднократно повторенномъ въ XIX столѣтіи. Эта трехдневная работа, если оцѣнить ее деньгами, даже по ничтожной стоимости ея въ XVIII вѣкѣ, въ слѣдствіе рѣдкости въ то время денегъ, превышала наемную цѣнность земли, отданной во владѣніе крестьянамъ; но надо помнить, что за излишекъ рабочей силы на помещикахъ лежали и лежатъ обязанности не совсѣмъ легкія въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ, именно: снабженіе ихъ въ голодное время хлѣбомъ, поддержаніе спротивъ и немущихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пособіе имъ лѣсомъ для стройки и хворостомъ для отопленія, при чемъ первое всегда было соблюдаемо помещиками въ случаѣ пожаровъ; отвѣтственность за несправный взносъ ими подушныхъ и отправленію разныхъ повинностей, при чемъ нѣкоторымъ помещикамъ приходи-

(*) Чтобы предупредить нѣкоторыя могущія возникнуть возраженія противъ цѣнности, назначенной мною здѣсь въ вознагражденіе помещикамъ за ихъ землю, считаю необходимымъ замѣтить, что я при этомъ имѣю въ виду не одну усадебную, но и пахатную землю; для опредѣленія же цѣнности одной усадебной земли должно имѣть въ виду отдѣльные соображенія по каждому имѣнію, въ слѣдствіе коихъ въ однихъ имѣніяхъ усадебная земля можетъ быть положена въ одной цѣнѣ съ пахатной, а въ другихъ напротивъ того можетъ быть оцѣнена дороже.

лось нерѣдко приплачивать изъ своего кармана. Но что всего важнѣе—цѣнность крестьянской работы, поставленной въ тѣ отношенія, о конхъ мы говоримъ, какъ работы обязательной и слѣдовательно худшей, была всегда *ниже* цѣнности свободнаго труда на нѣсколько процентовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на третью часть. Это послѣднее основаніе подало помѣщикамъ - экономамъ мысль о такъ называемыхъ *урочныхъ положеніяхъ* для работъ. Но на практикѣ оказывалось, что крестьяне, привыкшіе къ работѣ не-свободной, недѣльной, не всѣ выполняли даже тѣ уроки, которые были необременительны. Такимъ образомъ при настоятельномъ требованіи нѣкоторыхъ помѣщиковъ выполненія крестьянами этихъ урочныхъ положеній,—многіе оканчивали ихъ въ свои дни, и это возбуждало въ нихъ ропотъ за слишкомъ тяжелую барщину, отнимая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ время отъ ихъ собственнаго хозяйства, и слѣдовательно изнурая ихъ и приводя въ бѣдность. Съ другой стороны помѣщики видѣли, что, оставаясь при трехдневной работѣ, производимой весьма небрежно и при другихъ порокахъ, укоренившихся въ крестьянахъ отъ недостаточнаго развитія въ нихъ нравственныхъ понятій, они находятся въ накладѣ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ наемная цѣна старой пахатной земли доходила до четырехъ рублей серебромъ и болѣе за десятину (какъ напримѣръ на Пяшѣ), оказывалось выгодно еслибъ крестьянъ вовсе не было и земля была отдаваема въ наемъ. Такъ и начали поступать нѣкоторые помѣщики, продавая при этомъ случаѣ крестьянъ на свозъ за невѣроятно дешевую цѣну, именно отъ тридцати до сорока рублей серебромъ за ревизскую душу мужескаго пола, при чемъ все женское населеніе, все крестьянское строеніе, скотъ и движимое имущество полагаемы были ни во что. Если сообразить это отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, то въ результатѣ оказывается, что, говоря вообще, трехдневная работа крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за владѣніе ими помѣщичьею землею есть довольно вѣрное мѣрило наемной цѣнности этой послѣдней съ добавленіемъ къ ней лежащихъ на помѣщикахъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что такое мѣрило крайне неудобно и очень произвольно какъ скоро предложенъ будетъ вопросъ: да какова же должна быть эта работа, въ чемъ она должна состоять, сколько и что именно долженъ сработать

крестьянинъ въ день для того, чтобы работа его считалась удовлетворительной? Многіе практики уже рѣшили этотъ вопросъ такъ, что подробное положеніе о крестьянскихъ работахъ, которое вышло бы во всѣ хозяйственныя требованія, согласно личнымъ расчетамъ и соображеніямъ землевладѣльца и согласно условіямъ мѣстнымъ, рѣшительно невозможно. При первомъ примѣненіи этого положенія къ дѣлу окажется непременно, что и помѣщикъ будетъ недоволенъ крестьянскою работою, и крестьянинъ будетъ жаловаться на требованія помѣщика. Одно средство примирить ихъ будетъ состоять въ томъ, чтобы крестьянинъ, предполагаемый при такой работѣ лично свободнымъ, поступилъ въ новую зависимость отъ помѣщика, какъ то: задолжалъ ему значительно хлѣбомъ, деньгами, и тому подобнымъ; въ такомъ случаѣ онъ кажуціяся ему излишнія требованія землевладѣльца будетъ исполнять безропотно какъ бы заслуживая проценты за сдѣланную ему ссуду и отдавая уплату предмета или капитала, полученнаго имъ въ долгъ, на неопредѣленное время, на что разумѣется помѣщикъ (впрочемъ лишь недобросовѣстный) съ своей стороны охотно согласится, ибо за временное пожертвованіе будетъ держать крестьянина вѣчно въ своихъ рукахъ и будетъ держать на основаніяхъ, повидимому, вполне законныхъ. И такъ вотъ къ чему можетъ въ нашей мѣстности привести строгое положеніе о крестьянскихъ работахъ—къ новой зависимости крестьянина, но къ зависимости, которая будетъ уже основываться не на началахъ патріархальныхъ, какъ прежняя, а на началѣ юридическомъ, ибо свой договоръ съ помѣщикомъ о займѣ крестьянинъ, какъ свободное лицо, получитъ возможность утвердить даже въ присутственномъ мѣстѣ. Такъ точно, въ одно время съ постояннымъ рабствомъ, имѣли силу въ древности у насъ кабалы, на основаніи коихъ свободный, *гулящій* человекъ поступалъ къ помѣщику въ пожизненную работу за какой нибудь рубль или за небольшое количество даннаго ему въ заемъ хлѣба. Разница будетъ состоять только въ томъ, что нашъ крестьянинъ, вѣчный работникъ помѣщика *на основаніи положенія о крестьянскихъ работахъ*, сдѣлается на основаніи долговой съ нимъ сдѣлки работникомъ *по произволу* этого послѣдняго. Но въ древней Руси зависимость пожизненнаго кабальнаго смягчалась опять элементомъ патріархальнымъ, который проникалъ въ то время во всѣ общественныя

отношенія, между тѣмъ какъ въ настоящее время патріархальность исчезаетъ каждый день все болѣе и болѣе.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что: 1) дарованіе крестьянину личной свободы, безъ всякаго за то вознагражденія помѣщика, слѣдуетъ признать требованіемъ вполне справедливымъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ большей части имѣній въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь; 2) крестьянинъ, признанный лично свободнымъ, говоря строго, долженъ воспользоваться этою свободою вполне, т. е. долженъ быть поставленъ въ совершенную, въ матеріальномъ отношеніи, независимость отъ прежняго помѣщика.

Утвердивъ необходимость личнаго бесплатнаго освобожденія крестьянина, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса: слѣдуетъ ли допустить, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ *цѣлѣйшій человекъ*, по выраженію древней Руси, какъ для пользы землевладѣльцевъ, такъ и для его собственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду и цѣль государственную?

Правительство рѣшило, что *освѣдѣность* крестьянина должна быть *вполнѣ обезпечена*, и даже *выкупомъ* съ его стороны *усадебной земли въ полную его собственность*. Этой благой мѣрѣ мы не можемъ отказать въ полномъ нашемъ сочувствіи, и напротивъ должны употребить всѣ зависящія отъ насъ средства къ тому, чтобы привести ее въ скорѣйшее исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы крестьянинъ безъ земли, съ которою онъ связанъ нераздѣльно не только потому, что сидѣлъ на ней и владѣлъ ею неопредѣленное число десятилѣтій, между тѣмъ какъ помѣщики мѣнялись, но и потому, что онъ исключительно земледѣлецъ?—Ничто иное какъ бездомный и безпріютный батракъ, лишенный родины, которую во многихъ случаяхъ ему навязали или создали насильно. Не обойдется ли ему слишкомъ дорого дарованная ему свобода, если вмѣстѣ съ тѣмъ ему придется оставить все то, что онъ привыкъ особенно любить въ жизни и что невидимыми узами соединяетъ его съ отцомъ его и дѣдомъ, все то, что дѣлало его и ихъ дѣтство, среди тяжкихъ и непрерывныхъ трудовъ дарило ихъ минутами забвенія ихъ горькой участи и гдѣ, свершивъ земное поприще, они умирали спокойно въ надеждѣ, что за добрую жизнь ихъ помянутъ добрымъ словомъ ближайшіе ихъ братья. Мы не можемъ поддаться обольщенію, чтобы крестьянину, лишенному

земли, на которой онъ сидѣлъ, легко было сдѣлать условіе съ прежнимъ его помѣщикомъ и остаться, въ слѣдствіе этого условія, на той же землѣ. Во первыхъ: такое условіе было бы лишь временное, и потому самому было бы неудобно для того, кто желаетъ прочной осѣлости и дѣйствительно имѣть въ ней нужду. Во вторыхъ, всякій разъ при заключеніи такого условія помѣщикъ имѣлъ бы полную возможность не только увеличивать арендную плату за усадьбу, занимаемую крестьянскими строеніями, въ слѣдствіе естественнаго возвышенія цѣны на землю, но, въ случаѣ его недобросовѣстности, увеличивать ее и на томъ основаніи, что крестьянину во всякомъ случаѣ было бы выгоднѣе дать ему эту плату, чѣмъ переселяться Богъ знаетъ куда со всѣмъ своимъ заведеніемъ. Защитники правъ помѣщичьихъ на усадебную землю крестьянъ спрашиваютъ: можно ли лишить помѣщика *собственности*, которую гарантировало за нимъ Правительство? Не говоря о государственныхъ основаніяхъ, которыя это допускаютъ, мы спросимъ: можно ли крестьянина лишить того *владѣнія*, которое принадлежитъ ему по всѣмъ понятіямъ, естественнымъ и юридическимъ? И такъ, говоря строго, пусть за помѣщикомъ останется *право собственности* на крестьянскую усадебную землю, а за крестьяниномъ *вѣчное владѣніе*. И это было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы только могло быть приведено въ исполненіе не въ ущербъ крестьянамъ, и не въ ущербъ самому помѣщику. Что касается до крестьянина, то, получивъ вмѣстѣ съ усадебною землею во владѣніе и нахатную землю, которою онъ доселѣ пользовался, если онъ обязанъ будетъ за это владѣніе постоянною работою на помѣщика, онъ будетъ отличаться отъ настоящаго пздѣльнаго крестьянина лишь тѣмъ, что съ устройствомъ мірскихъ общинъ и судовъ найдетъ въ нихъ защиту отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ. Но всѣ подобныя ограниченія помѣщичьей власти, съ цѣлью отвращенія злоупотребленій, не могутъ быть названы даже полумѣрой тамъ, гдѣ дѣло идетъ о личной свободѣ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ обязательная работа за землю, данную въ пользованіе крестьянину, какъ мы доказали выше, никакъ несовмѣстна съ понятіемъ о его личной свободѣ, ибо гдѣ эта свобода, когда крестьянинъ не можетъ не взять у помѣщика въ пользованіе землю и не можетъ за это навязанное ему пользованіе отказаться отъ работы на помѣщика? Но съ другой

стороны можно рѣшительно сказать, что добросовѣстный помѣщикъ не всегда останется доволенъ работою, которая будетъ производима въ его пользу какъ обязательная, и не смотря на то съ большимъ ограниченіемъ его хозяйственныхъ соображеній. Впрочемъ такое незавидное положеніе помѣщика еще хорошо въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ, при предстоящихъ перемѣнахъ, будутъ находиться владѣльцы имѣній въ томъ случаѣ, если на крестьянъ за пользованіе землею положить вообще денежную плату, называемую *оброкомъ*. Я знаю по опыту, что въ настоящее время крестьяне нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣній, владѣя землею въ количествѣ 10 десятинъ на душу и не бывъ ничѣмъ болѣе обязаны, кромѣ денежной ренты за землю, платятъ несправно оброкъ въ пятнадцать рублей серебромъ на тягло, или около шести рублей серебромъ на мужскую душу. И такъ помѣщикъ, отдавая крестьянину въ пользованіе до десяти десятинъ и слѣдовательно лишаясь наемной платы за свою землю отъ постороннихъ отъ пятнадцати до двадцати рублей серебромъ (полагая въ пашнѣ изъ десяти десятинъ только шесть и наемной за десятину платы отъ двухъ до трехъ рублей), не получаетъ иногда и шести рублей серебромъ оброка съ своего крестьянина. Возложить на мірскую общину обязанность исправнаго взноса оброка въ такихъ имѣніяхъ было бы опасно, ибо зажиточные крестьяне, принужденные доплачивать недоимку за бѣдныхъ, пришли бы въ скоромъ времени и сами въ раззореніе; мысль же о томъ, что по крайней мѣрѣ многихъ бѣдныхъ при общинномъ устройствѣ не должно и даже не можетъ быть, въ нашей мѣстности не имѣетъ практическаго основанія: при случающихся нерѣдко неурожаяхъ и пожарахъ только тѣ крестьяне остаются зажиточными, которые съ давнихъ лѣтъ поставили свое хозяйство въ хорошее положеніе, то есть, имѣютъ много запаснаго хлѣба, имѣютъ даже капиталъ, на который постоянно занимаютъ для посѣва землю, скупаютъ скотъ, и тому подобное. А такихъ очевидно не можетъ быть много; прочіе же, при малѣйшей невзгодѣ, должны быть скорѣе причислены къ веищимъ, чѣмъ къ классу тѣхъ, за коими, по мѣстному выраженію, *не стоятъ* повинности и оброки. Отсюда слѣдуетъ, что помѣщикъ въ томъ случаѣ, еслибъ вся земля, принадлежащая къ его имѣнію, была отдана въ пользованіе крестьянъ за деньги, будучи лишенъ не только этой земли,

но и законнаго за нее вознагражденія, въ наше время, когда именно занятія сельскимъ хозяйствомъ становятся общою потребностью, остался бы лишь хладнокровнымъ зрителемъ того какъ крестьяне обрабатываютъ его поля своими допотопными орудіями. Въ томъ же случаѣ если бы онъ отрѣзалъ имъ въ пользованіе только часть своей земли, онъ могъ бы разумѣться на своемъ участкѣ заниматься хозяйствомъ по своему произволу; но при этомъ едва ли получилъ бы какое либо вознагражденіе отъ крестьянъ, ибо въ нашей мѣстности крестьянинъ, имѣющій на тягло не болѣе двухъ десятинъ въ каждомъ полѣ, находится лишь въ возможности кормиться и уплачивать казенныя подати. Правда у него останется свободное время, которое онъ могъ бы употребить на какую либо постороннюю работу; но къ промысламъ наши крестьяне не привыкли, да и не рѣшится добывать ими деньги, пока будутъ имѣть на столько земли, что въ состояніи ею кормиться. Можетъ быть они согласились бы еще наниматься у помѣщиковъ для обработки ихъ полей, но конечно только въ весьма немногихъ имѣніяхъ имъ представится къ тому случай. Въ нашемъ уѣздѣ хозяйство на наемномъ основаніи можетъ быть названо выгоднымъ лишь тогда, когда оно производится въ большомъ размѣрѣ и значительнымъ капиталомъ (какого наши помѣщики, говоря вообще, не имѣютъ), обработка же наѣмомъ небольшихъ участковъ приноситъ обыкновенно самую ничтожную выгоду. Вотъ почему оставленіе помѣщикамъ на прежнихъ условіяхъ права собственности на всю ихъ землю, при оброчномъ положеніи, представляется намъ не только для нихъ невыгоднѣе, но и стѣснительнѣе, чѣмъ лишеніе ихъ части этой земли за соотвѣтствующее вознагражденіе.

И такъ съ одной стороны необходимость дать крестьянамъ упрощенную и независимую отъ помѣщиковъ осѣдность, а съ другой стороны справедливое требованіе, чтобы помѣщики не были лишены права личнаго пользованія по крайней мѣрѣ большею половиною своей земли и права получать за землю, изъятую изъ ихъ владѣнія въ пользу крестьянъ, законный доходъ, приводятъ насъ къ мысли, что крестьянамъ слѣдуетъ неизбѣжно дать часть этой земли навсегда въ полную собственность, и именно на первый разъ усадебную землю съ соотвѣтствующимъ за нее вознагражденіемъ помѣщика. Такъ и рѣшило Правительство, признавъ вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, что усадебная земля должна быть пріобрѣтена крестьянами выкупомъ ся у владѣльцевъ. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ какъ этотъ выкупъ можетъ быть сдѣланъ, замѣтимъ только, что хотя пріобрѣтеніе крестьянами на этомъ основаніи усадебной земли въ полную собственность для нихъ отяготительнѣе, чѣмъ могло бы быть возложенное на нихъ обязательство вознаграждать помѣщиковъ ежегодно за пользованіе землею работою или деньгами, но выгнѣе для нихъ въ томъ отношеніи, что однажды навсегда обезпечиваетъ ихъ осѣдность и не только не подвергаетъ ихъ возвышенію платы за землю, но, по взносу выкупа, утверждаетъ очевидно полное ихъ освобожденіе отъ всякой вообще обязательной зависимости отъ прежняго помѣщика. Но для помѣщиковъ отдача крестьянамъ въ полную собственность одной усадебной земли оказывается стѣснительной во многихъ отношеніяхъ. Крестьянскія усадьбы находятся большею частью въ самой серединѣ помѣщичьихъ дачъ и почти всегда вблизи ихъ заведеній, сада и полей. Если бы даже крестьяне согласились добровольно (чего однако въ большей части случаевъ никакъ нельзя предположить) перенести свою усадьбу на другую мѣстность, то все-таки эта мѣстность не можетъ быть слишкомъ удалена отъ прежней, ибо крестьянину, такъ какъ и помѣщику, нужна вода, а въ степныхъ участкахъ кромѣ рѣки, или ручья, на которыхъ построены господскіи домъ и заведенія и въ то же время сидитъ крестьянская усадьба, обыкновенно нѣтъ другихъ удобныхъ для поселенія мѣстностей. Исключеній весьма немного и они встрѣчаются преимущественно въ большихъ имѣніяхъ. Слѣдовательно при отдачѣ крестьянской усадьбы въ полную собственность крестьянамъ помѣщикъ будетъ имѣть въ нихъ самыхъ близкихъ и, скажемъ откровенно, не совсѣмъ пріятныхъ сосѣдей. По причинѣ полного неуваженія со стороны крестьянъ къ чужой собственности, въ слѣдствіе котораго даже воровство и всякій явный вредъ, причиняемый ими сосѣдямъ, представляется имъ съ особой точки зрѣнія, и болѣе или менѣе извинительнымъ, близость ихъ усадьбы къ помѣщичьимъ заведеніямъ и землѣ будетъ по крайней мѣрѣ еще долгое время служить важнымъ препятствіемъ всѣмъ благимъ стремленіямъ помѣщика на пользу хозяйства. Въ саду у себя онъ увидитъ крестьянскіи скотъ, который обыкновенно, не смотря на всѣ запрещенія, шатается безъ надзора; въ томъ же

саду и даже въ анбарахъ онъ не уберется отъ болѣе или менѣе частыхъ похищеній; въ лѣсахъ его будетъ вѣчная порубка, въ поляхъ и лугахъ вѣчная потрава; но справедливость требуетъ замѣтить, что даже при искреннемъ желаніи со стороны самихъ крестьянъ не вредить помѣщикамъ они не будутъ въ состояніи этого избѣгнуть, если сверхъ усадьбыной земли не будутъ надѣлены и землею пахатною. Въ самомъ дѣлѣ куда, въ противномъ случаѣ, крестьянинъ долженъ выгонять свой скотъ; чѣмъ будетъ жить, если онъ, земледѣлецъ по рожденію и привычкамъ, не будетъ имѣть своего клочка для обработки. Занимать же у помѣщика поля, луга и пастбища, хотя бы онъ на это и согласился, мѣръ не будетъ въ состояніи, ибо цѣна за землю окажется для него слишкомъ высокою. Въ нашей мѣстности вы можете легко сдать въ наемъ десятинъ двѣсти и болѣе за хорошую цѣну какому либо одному зажиточному и предприимчивому крестьянину; но это самое количество десятинъ не займетъ мѣръ, потому что онъ не соберетъ полной платы, которая пришлась бы по разверсткѣ на многихъ изъ неимущихъ членовъ. Но если помѣщикъ долженъ терпѣть отъ сосѣдства крестьянъ, то съ другой стороны не будутъ въ выигрышѣ и крестьяне, надѣленные лишь одною усадьбою землею. Окруженные со всѣхъ сторонъ помѣщичьимъ владѣніемъ, они будутъ, такъ сказать, заперты въ своей усадьбѣ, почему помѣщикъ на каждомъ шагу найдетъ возможность дѣлать имъ притѣсненія, а къ этому будутъ подавать ему поводъ тѣ оскорбленія со стороны крестьянъ, о коихъ говорено было выше. Зашелъ крестьянскій скотъ въ его дачу: онъ захватитъ его и представитъ въ Полицію; случилась потрава въ его полѣ и лугахъ, порубка въ его лѣсу и такъ далѣе—онъ тотчасъ позаботится о произведеніи слѣдствія, и если даже не достигнетъ своей цѣли, то во всякомъ случаѣ хлопоты по этому слѣдствію принесутъ ущербъ крестьянину. Захочетъ ли крестьянинъ наняться у него какъ батракъ: онъ будетъ соображать его положеніе и видя, что ему выгоднѣе наняться ближе, чѣмъ вдали, предложитъ ему цѣну ниже обыкновенной. Захочетъ ли крестьянинъ нанять у него землю, онъ на оборотъ по той же близости его къ полю и лугамъ будетъ требовать съ него дороже. Еслибъ однако это побудило крестьянина оставить домъ свой и искать работы и денегъ на сторонѣ, то данная ему осѣдлость послужитъ тому препятствіемъ. Очевидно не стоитъ на-

вязывать помѣщику непріятнаго сосѣда въ крестьянинѣ, когда послѣднему это не принесетъ большой пользы, а во многихъ случаяхъ стѣснить его. Такимъ образомъ мы невольно приходимъ къ тому выводу, что крестьянину для полнаго его обезпеченія должна быть дана и пахатная земля, какъ предположено также Правительствомъ. Но какъ надѣленіе крестьянъ пахатною землею лишь въ пользованіе за опредѣленную съ ихъ стороны обязательную работу на помѣщика, или за ежегодную денежную плату, въ нашей мѣстности, какъ доказано выше, не представляется выгоднымъ ни для помѣщика, ни для крестьянина, то остается одинъ исходъ—*надѣлить крестьянъ частью пахатной помѣщичьей земли въ полную собственность съ вознагражденіемъ помѣщика за отходящій отъ него участокъ по дѣйствительной его цѣнѣ (*)*. Надѣленіе крестьянъ пахатною землею сверхъ усадебной именно на этомъ основаніи принесетъ неизчислимые выгоды обѣимъ сторонамъ.

Что касается до крестьянина, то его состояніе будетъ вполне обезпечено; онъ получитъ въ собственность не только землю для жительства, но и на пропитаніе и на отправленіе своихъ повинностей; притомъ будетъ огражденъ отъ всѣхъ притѣсненій со стороны помѣщика, ибо получитъ свой паръ и свои живыя, гдѣ можетъ пасти мѣрскую скоть; въ случаѣ дорогой поземельной ренты у помѣщика онъ будетъ довольствоваться своею пахатною землею; въ томъ же случаѣ если помѣщикъ за свободную работу станетъ предлагать слишкомъ низкую плату, семейные могутъ высылать своихъ членовъ въ другія мѣстности, гдѣ трудъ цѣнится дороже, а свою землю обрабатывать остающимися дома тяглами, или, по недостатку рукъ, принимая однопольныхъ и бѣдныхъ изъ своихъ же крестьянъ. Что касается до помѣщика, то во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ съ

(*) Считаемъ необходимымъ, опять въ отвращеніе всякихъ недоумѣній, замѣтить здѣсь, что мы не предполагаемъ немедленнаго исполненія такой мѣры, и думаемъ даже напротивъ, что въ теченіи срока, назначеннаго Правительствомъ для переходнаго состоянія, неизбежно оставить землю въ собственности помѣщиковъ и лишь въ пользованіи крестьянъ, съ обязанностію этихъ послѣднихъ за такое пользованіе платить работою или деньгами. Дѣлать исключеніе и въ такого положенія должно быть предоставлено усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ, которые, въ случаѣ если найдутъ для себя полезнѣе и возможнымъ ранѣе истеченія означеннаго срока освободить своихъ крестьянъ съ пахатною землею, могутъ заключать съ ними подлежащія о томъ условія.

крестьяниномъ и даже искахъ противъ него онъ будетъ обезпеченъ тѣмъ, что у послѣдняго есть имущество, съ котораго можетъ быть взыскано, именно хлѣбъ, а иногда и денежные заработки, которые члены изъ семейныхъ будутъ получать на сторонѣ. Словомъ сказать, при надѣлѣ крестьянина полевою землею въ полную собственность онъ обратится не только въ совершенно свободнаго человека, но и въ самостоятельнаго земледѣльца, водвореннаго на своей землѣ. Между нимъ и помѣщикомъ, большимъ землевладѣльцемъ, начнутся равныя отношенія, которыя все болѣе и болѣе будутъ скрѣпляться ихъ взаимными нуждами, взаимнымъ довѣріемъ и наконецъ общими имъ мѣстными интересами. Такъ, напримѣръ, если помѣщикъ можетъ крестьянину сдѣлать безкорыстную ссуду деньгами или хлѣбомъ въ случаѣ нужды его, то и крестьянинъ можетъ добровольно оказать пособіе помѣщику въ его работахъ такъ называемою помочью, и теперь извѣстною въ нашихъ мѣстахъ. Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія, что при свободныхъ отношеніяхъ и сдѣлкахъ между тѣмъ и другимъ все это устроится къ лучшему. Нельзя также не замѣтить, что, при такомъ новомъ положеніи и бытѣ крестьянъ, помѣщики, лишенные правда матеріальнаго надъ ними вліянія, не только не утратятъ, а скорѣе пріобрѣтутъ въ отношеніи къ нимъ то нравственное значеніе, какое имѣетъ всегда и вездѣ классъ образованный надъ низшимъ по степени развитія. Обладая значительными землями (пбо за ними все еще останется большая часть прежняго владѣнія) и слѣдоват. не переставая быть самыми богатыми землевладѣльцами; обладая знаніемъ сельскаго хозяйства и сравнительно большими капиталами, чѣмъ низшія сословія, они всегда будутъ въ состояніи поддерживать низшій классъ производительный и способствовать успѣхамъ земледѣлія; принявъ же на себя обязанность заботиться и объ улучшеніи крестьянъ въ нравственномъ отношеніи учрежденіемъ школъ для распространенія въ народѣ грамотности и утвержденія въ немъ религіознаго начала, они должны, по справедливости, возвыситься до того значенія, какимъ гордится и сильна аристократія въ Англіи.

СЕРДОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

ОБОЗРѢНІЕ НОВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Сводъ Законовъ изданія 1857 г.—Первое Продолженіе Свода.—О составленіи за-
вѣщаній въ морскихъ военныхъ госпиталяхъ.—Правила о поручительствѣ не на
срокъ.—Воспрещеніе владѣть недвижимыми имѣніями по незаконнымъ актамъ или
безъ всякихъ актовъ и послѣдствія такого владѣнія. — О продажѣ съ публичнаго
торга движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ.—С.-Петербургская
Временная Коммисія для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочи-
ми или мастеровыми.—Правѣ, дарованныя удѣльнымъ крестьянамъ.

Мы не можемъ не признать за особенно счастливое обстоятель-
ство, что намъ приходится открывать журналъ въ то самое время,
когда съ одной стороны вышло новое изданіе Свода Законовъ Рос-
сійской Имперіи, а съ другой Правительство принимаетъ самыя
дѣятельныя мѣры къ улучшенію нашихъ законовъ, въ особенности
по части судопроизводства. Въ этомъ отношеніи главная обязан-
ность нашего изданія будетъ заключаться въ томъ, чтобы постоянно
слѣдить за всѣми измѣненіями въ области Русскаго законодатель-
ства, касающимися ближайшимъ образомъ нашей гражданской дѣя-
тельности, или другими словами, практическаго проявленія тѣхъ
обиходныхъ потребностей, которыя непрерывно вызываютъ насъ
къ отношеніямъ съ разными лицами, къ взаимнымъ сдѣлкамъ, а
иногда и къ неизбѣжно возникающимъ отсюда столкновеніямъ, пе-
реходящимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ вѣдомство суда. Съ этой
точки зрѣнія мы постараемся указывать читателямъ на то, что они
должны имѣть въ виду для собственной же пользы, что они обяза-
ны непременно знать для того, чтобы не подвергнуться отвѣтствен-
ности или не потерпѣть какія либо потери единственно вслѣдствіе
невѣдѣнія, которымъ, по нашимъ законамъ, никто отговариваться
не можетъ. Такое обозрѣніе дѣйствующаго законодательства мы

считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что, къ крайнему сожалѣнію, въ практикѣ у насъ не распространены и самыя общія юридическія понятія, не говоря уже о частностяхъ и подробностяхъ, съ которыми однако очень часто бываетъ связано исполненіе какого либо условія, договора и вообще юридическое дѣйствіе.

Начнемъ съ лежащаго передъ намъ новаго изданія Свода Законовъ. Нельзя не сознаться, что оно, количествомъ своихъ томовъ и частей, внушаетъ многимъ мысль, будто знаніе законовъ доступно у насъ лишь нѣкоторымъ лицамъ, посвятившимъ себя исключительно ихъ изученію. Но, слава Богу, мы уже далеко ушли, и именно благодаря тому же Своду, отъ той эпохи когда знаніе законовъ, условливаясь рутинною, привычкою, дѣйствительно было принадлежностью касты подьячихъ, которые, пользуясь этимъ, умышленно придавали своимъ свѣдѣніямъ какую-то таинственность. Теперь однако взглядъ на нихъ перемѣнился и мы вполне увѣрены, что если частое обращеніе нашихъ практиковъ-юристовъ со Сводомъ и примѣненіе изложенныхъ здѣсь понятій и правилъ къ дѣйствительной жизни и дастъ имъ нѣкоторый перевѣсъ надъ тѣми, которые не успѣли въ пріискапіи законовъ и приложеніи ихъ къ даннымъ случаямъ, тѣмъ не менѣе и сами они нуждаются въ свѣдѣніяхъ историческихъ и теоретическихъ, безъ коихъ полное знаніе общихъ началъ законодательства рѣшительно невозможно, между тѣмъ какъ безъ такого знанія все содержаніе Свода Законовъ есть ничто иное какъ мертвая буква. И такъ вотъ основаніе, которое обязываетъ насъ знать законы помимо практиковъ и вотъ ключъ, который отворяетъ намъ двери для ихъ изученія, не смотря на ихъ видимую дробность. Этотъ ключъ есть знаніе теоретическое или уясненіе себѣ основныхъ понятій каждой части Законодательства. Но и для неимѣющихъ такого преимущества нельзя сказать, чтобы Сводъ Законовъ не былъ доступенъ. Онъ изданъ съ тою именно цѣлью, чтобы каждый могъ найти въ немъ все что необходимо ему знать, когда въ обиходной жизни его дѣйствіе подчиняется закону въ отношеніи формальномъ или матеріальномъ. И такъ не побуждаетъ ли это самое каждого изъ насъ, какъ въ составленіи какого либо гражданского акта, такъ и въ процессѣ, не отдавать свою судьбу прямо въ руки болѣе или менѣе опытныхъ законопковъ, а обращаться прежде самимъ къ тому источнику,

которымъ и они обязаны руководствоваться. Это дастъ сверхъ того возможность вникнуть обстоятельнѣе въ значеніе и свойство принимаемаго дѣйствія, а съ другой стороны—избѣжать отъ злоупотребленій и обмановъ въ томъ случаѣ, еслибъ судьба отдала совершающаго актъ или дѣйствующаго въ процессѣ въ руки не совсѣмъ чистыя. Впрочемъ и въ случаѣ благонамѣренныхъ совѣтовъ и указаній со стороны практиковъ, мы, зная законъ, скорѣе въ состояніи понять и оцѣнить эти совѣты, а слѣдовательно и воспользоваться ими для успѣха начинаемаго дѣла.

Но, спросятъ насъ читатели, не изучившіе теоретически Свода Законовъ, какъ, при обширности его объема и при подробности изложенныхъ въ немъ правилъ, находятъ здѣсь то, что нужно въ данномъ случаѣ, какъ отыскивать подходящую къ дѣлу статью закона? Для этого необходимо познакомиться прежде всего съ азбукой Свода—съ раздѣленіемъ его содержанія и съ размѣщеніемъ различныхъ предметовъ этого содержанія по разнымъ томамъ и частямъ, на которые онъ распадается. Мы укажемъ для желающихъ на то и другое, не входя въпрочемъ въ ученое разсмотрѣніе того, на сколько частей развѣтвляется право въ общемъ его понятіи и какое поэтому должно быть принято раздѣленіе при начертаніи какого бы то ни было дѣйствующаго законодательства. Ограничиваясь нашею задачею, мы считаемъ достаточнымъ замѣтить, что нашъ Сводъ Законовъ какъ во 2-мъ его изданіи (1842 г.), такъ и въ третьемъ (1857 г.) остался вѣренъ системѣ, принятой для него въ 1832 году, когда вышло въ свѣтъ первое его изданіе. Заклучая въ себѣ три главные разряда законовъ—законы *государственные, гражданскіе и уголовные*, онъ представляетъ это содержаніе подъ слѣдующими рубриками:

А. ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

I. Законы основные (о существѣ и правахъ Верховной Власти). — II. Законы учредительные или организческіе (объ учрежденіяхъ или правительственныхъ мѣстахъ и лицахъ). — III. Законы о службѣ гражданской.—IV. Законы сплзъ правительственныхъ, или законы о тѣхъ средствахъ, какими пользуется Правительство для удовлетворенія потребностямъ государствен-

нымъ.—V. Законы о состояніяхъ (иначе о сословіяхъ въ Государствѣ, ихъ правахъ и доказательствахъ этихъ правъ).—VI. Законы государственнаго благоустройства, или о тѣхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ, которыми удовлетворяется со стороны Правительства общія потребности всѣхъ гражданъ, какъ физическія, такъ и нравственныя, каковы напр. потребность образованія, быстрыхъ и постоянныхъ сношеній, довольствія въ жизни, развитія промысловъ, и т. п.—VII. Законы благочинія или о мѣрахъ, принимаемыхъ Правительствомъ къ предупрежденію бѣдствій или вреда, физическаго и нравственнаго, какимъ могутъ подвергаться граждане, именно какъ пагубнаго вліянія природы, такъ и зла, причиняемаго людьми.

Б. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

I. Законы общіе, къ коимъ принадлежатъ: а) Законы гражданскіе въ тѣсномъ смыслѣ, или законы о юридическихъ отношеніяхъ между частными лицами и объ отношеніяхъ ихъ къ имуществамъ. б) Законы о судопроизводствѣ, или о тѣхъ мѣрахъ, какими возстановляется нарушенное или спорное право частныхъ лицъ. II. Законы особенные, къ коимъ принадлежатъ законы, рассматривающіе въ подробности какіе либо отдѣльные предметы, входящіе въ составъ частныхъ или гражданскихъ правъ. Въ нашемъ законодательствѣ сюда отнесены Законы межевыя, или законы, касающіеся разграниченія поземельной собственности какъ между частными лицами, такъ и частными лицами и казною; здѣсь же говорится объ учрежденіяхъ, или мѣстахъ и лицахъ, для этого установленныхъ.

В. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

I. Законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ.—II. Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Всѣ означенные здѣсь законы размѣщены въ *пятнадцати* томахъ Свода, изъ коихъ нѣкоторые подраздѣляются на части. Содержаніе каждого тома и части слѣдующее:

Томъ первый, часть первая. Законы основныя: I. О священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти.—II. Учрежденіе о Императорской фамиліи.

Томъ первый, часть вторая. I. Учрежденія Государственныя: 1) Государственный Совѣтъ, 2) Комитетъ Министровъ и Комитеты Кавказскій и Сибирскій, 3) Правительствующій Сенатъ, 4) Министерства, 5) Комисія Прошеній, 6) Орденовскія установленія.

Томъ второй, часть первая. Здѣсь содержатся Общес Губернское учрежденіе или Законы о мѣстахъ и властяхъ: 1) губернскихъ, 2) уѣздныхъ, 3) городскихъ, 4) волостныхъ и сельскихъ.

Томъ второй, часть вторая. Эту часть составляютъ Особыя учрежденія губерній и областей, именнно: 1) Сибирскихъ, 2) Ставропольской, 3) Закавказскихъ, 4) Бессарабской, 5) Градоначальствъ, 6) Казачьихъ земель (въ гражданскомъ отношеніи), 7) Инородныхъ племенъ Сибирскихъ, Оренбургскихъ, Астраханскихъ, Архангельскихъ и Евреевъ.

Томъ третій. Законы о службѣ гражданской: 1) по опредѣленіямъ отъ правительства, 2) по выборамъ, 3) уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

Томъ четвёртый. Содержитъ въ себѣ Законы о повинностяхъ военнослужебной и земскихъ, къ коимъ принадлежатъ: 1) Уставы Рекрутскіе, 2) Уставъ о Земскихъ Повинностяхъ.

Томъ пятый. Въ немъ содержатся Уставы: 1) о податяхъ, 2) о пошлинахъ, 3) о сборахъ и акцизахъ съ питей, 4) уставъ объ акцизѣ съ свеклосахарнаго производства, 5) уставъ объ акцизѣ съ табаку.

Томъ шестой. Здѣсь помѣщены Уставы таможенные: 1) по Европейской торговлѣ, 2) по торговлѣ Азіятской.

Томъ седьмой. Содержаніе его составляютъ Уставы: 1) монетный, 2) горный, 3) о соли.

Томъ восьмой, часть первая. Въ немъ заключаются: 1) Уставъ лѣсной, 2) Уставъ о оброчныхъ статьяхъ, 3) Уставъ о управленіи казенныхъ имѣній въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Томъ восьмой, часть вторая. Содержитъ въ себѣ Уставы счетные или законы объ отчетности по капиталамъ, находящимся въ распоряженіи различныхъ мѣстъ и лицъ государственнаго и общественнаго управленія.

Томъ девятый — Законы о состояніяхъ, именнно: 1) законы о разныхъ родахъ состояній и о различіи правъ, имъ присвоенныхъ, 2) законы объ актахъ состояній.

Томъ десятый, часть первая—Законы гражданскіе (въ тѣсномъ смыслѣ).

Томъ десятый, часть вторая—Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ.

Томъ десятый, часть третья—Законы Межевые (Учрежденія мѣстъ и властей межевыхъ, Уставъ о производствѣ межеванія и Уставъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ межевыхъ).

Томъ одиннадцатый, часть первая. Содержитъ Учрежденія и Уставы управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Христіанскихъ и иновѣрныхъ. Къ этой же части будутъ принадлежать Учрежденія и Уставы ученыхъ и учебныхъ заведеній (исключая духовныхъ, военныхъ, морскихъ).

Томъ одиннадцатый, часть вторая. Въ этой части помѣщены: 1) Учрежденія и Уставы кредитные, 2) Учр. и Уставы торговые, 3) Учр. и Уставы промышленности фабричной и заводской, 4) Уставъ ремесленный.

Томъ двѣнадцатый, часть первая. Содержитъ: 1) Учрежденія и Уставы Путей сообщенія, 2) Учрежденія и Уставы почтовые, 3) Уставъ телеграфическій, 4) Учрежденія и Уставы строительные, 5) Уставъ пожарный.

Томъ двѣнадцатый, часть вторая. Въ составъ ея входятъ слѣдующіе Уставы: 1) о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, 2) о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, 3) о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ, 4) о колоніяхъ иностранцевъ въ Имперіи.

Томъ тринадцатый. Въ немъ заключаются Учрежденія и Уставы: 1) о народномъ продовольствѣ, 2) о общественномъ призрѣніи, 3) Учрежденія и Уставы врачебные (по гражданскому вѣдомству).

Томъ четырнадцатый. Его составляютъ: 1) Уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ, 2) Уставъ ценсурный, 3) Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, 4) Учрежденія и Уставы о содержащихся подъ стражею въ тюрьмахъ и разныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, 5) Учрежденія и Уставы о ссыльныхъ.

Томъ пятнадцатый. Состоитъ изъ двухъ книгъ, изъ коихъ первая есть Уложеніе о наказаніяхъ, а вторая—Уставъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Къ Своду же принадлежатъ особые томы, заключающіе въ себѣ: 1) Сводъ постановленій о благотворительныхъ заведеніяхъ, состоя-

щихъ подъ покровительствомъ Членовъ Императорскаго Дома. Этотъ Сводъ не изданъ, но, сколько намъ извѣстно, состоитъ изъ:

2) Алфавитный Указатель, или перечень въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, находящихся въ Сводѣ, съ обозначеніемъ томовъ, уставовъ и самыхъ статей, въ которыхъ есть что либо относящееся въ особенности до предмета, приводимаго въ Указателѣ.

Зная содержаніе Свода Законовъ и отдѣльныхъ томовъ его и частей, не трудно, въ данномъ случаѣ, опредѣлить гдѣ найти въ нихъ то, что именно требуется. Но для лучшаго успѣха въ пріисканіи статей, относящихся непосредственно къ предмету, о которомъ нужно имѣть свѣдѣніе и справку, можно посоветовать обращаться къ сейчасъ названному Алфавитному Указателю; для этого стоить только пріискать въ немъ названіе, которое выражаетъ сущность того, о чемъ вы желаете знать, и противъ этого названія, вы найдете здѣсь необходимыя для васъ свѣдѣнія, съ указаніемъ на тѣ Уставы и статьи, гдѣ они содержатся въ Сводѣ (*). Такъ напр. если вы желаете знать какія существуютъ у насъ правила о завѣщаніяхъ, то вамъ слѣдуетъ отыскать въ Алфавитномъ указателѣ слово «завѣщанія», и вы немедленно узнаете какія именно статьи закона въ какомъ томѣ вамъ необходимо прочесть для того, чтобы въ данномъ случаѣ законъ примѣнить къ дѣлу, или другими словами, чтобы въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ, какъ онъ предписываетъ. Но и помимо Алфавитнаго Указателя, зная томъ и уставъ, который вамъ нуженъ, вы можете отыскать въ немъ необходимыя для васъ статьи, обратившись къ тѣмъ Оглавленіямъ, которыя находятся въ концѣ каждаго тома, части или устава и содержатъ въ себѣ подробное указаніе заключающихся въ нихъ законовъ: пробѣжавъ перечень предметовъ извѣстнаго отдѣла, вы найдете здѣсь рядомъ съ ними самыя цифры тѣхъ статей, которыя вамъ нужно знать.

Но, можетъ быть, вамъ уже извѣстна статья закона по изданію Свода 1842 года, и вы желаете только отыскать ее въ изданіи Свода 1857

(*) Указатель къ Своду изданія 1857 г. еще не вышелъ, но готовится и конечно вскорѣ появится въ свѣтъ; до того же времени можно пользоваться для предполагаемой цѣли Алфавитнымъ Указателемъ къ Своду изданія 1842 года, замѣняя статьи этого изданія соотвѣтствующими имъ статьями въ изданіи 1857 года тѣмъ способомъ, который сейчасъ будетъ нами указанъ.

года? Для этого вамъ слѣдуетъ обратиться къ такъ называемому Сравнительному Указателю, заключающему въ себѣ сравненіе статей 1842 года и другихъ позднѣйшихъ годовъ, когда вышелъ какой либо Уставъ, съ статьями 1857 года и обратно статей этого послѣдняго изданія съ статьями изданія 1842 года. Такой Указатель находится въ концѣ каждаго тома. Наконецъ, еслибъ вы знали только годъ, мѣсяцъ и число, когда было издано какое либо узаконеніе, то вы можете найти статью Свода, въ которую оно вошло, обратившись къ такъ называемому Хронологическому Указателю законовъ, какой находится также въ концѣ каждаго тома и части, отдѣльно для каждаго Устава; здѣсь противъ извѣстнаго вамъ закона вы найдете указаніе на статью, въ которой этотъ законъ выраженъ, если онъ только не измѣненъ позднѣйшимъ постановленіемъ.

Послѣднія слова, нами сказанныя, указываютъ на необходимость слѣдить за постояннымъ движеніемъ законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно знать законъ по Своду; нужно знать остается ли онъ въ силѣ, т. е. не отмѣненъ ли, не измѣненъ ли или не дополненъ ли позднѣйшимъ постановленіемъ. Для указанія такихъ измѣненій въ дѣйствующемъ законодательствѣ издаются такъ называемыя *Продолженія Свода*. Къ новому изданію Свода уже вышла *Первое Продолженіе*, которое содержитъ въ себѣ указанія на тѣ измѣненія, какія произошли въ законахъ до 12 мая 1858 года. Такъ какъ измѣненія означаются въ Продолженіяхъ тѣми цифрами статей Свода, къ которымъ они относятся, то и не представляется особеннаго затрудненія узнать, не состоялись ли какія либо измѣненія или дополненія въ примѣненіи къ извѣстной, отысканной статьѣ въ самомъ Сводѣ: стоитъ только справиться, не означена ли она въ Продолженіи, и если означена, то, разумѣется, сдѣланное измѣненіе или дополненіе должны быть приняты также къ свѣдѣнію и въ руководство, если они подходятъ къ данному случаю. Для облегченія въ такихъ справкахъ, въ началѣ каждаго Продолженія находится отдѣльно по каждому тому и по каждой части Свода Указатель статей этого тома или части, дополненныхъ, измѣненныхъ или вовсе отмѣненныхъ по тотъ годъ, мѣсяцъ и число, до котораго доходятъ Продолженіе. Сверхъ того, съ означенною выше цѣлью, въ Продолженіи къ каждому тому и части прилагается Указатель Хронологическій. Необходимо также обращать вниманіе на тѣ *Опе-*

чатки, какія означаются въ Продолженіяхъ какъ къ самому Своду, такъ и къ прежнимъ Продолженіямъ: иногда невѣрность въ цифрѣ или буквѣ, происшедшая отъ недосмотра редакціи или типографіи, имѣютъ важное значеніе въ отношеніи къ смыслу и дѣйствию закона, почему означеніе такихъ Опечатокъ есть непремѣнное условіе каждаго Продолженія.

Свѣдѣнія о законахъ, выходящихъ между Продолженіями къ Своду, публикуются офиціально въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, а отсюда перепечатываются и въ другихъ изданіяхъ. Такія свѣдѣнія должны составлять предметъ и нашего обозрѣнія. Но мы считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли знакомить читателей по преимуществу съ тѣми законами, которые относятся къ гражданскому праву по близости заключающихся здѣсь постановленій къ личнымъ интересамъ каждаго изъ насъ, къ нашей собственной жизни и дѣятельности. За то, ограничивая такимъ образомъ наше обозрѣніе, мы примемъ за правило соединять здѣсь изложеніе новыхъ законовъ съ тѣми статьями въ Сводѣ и Продолженіяхъ, къ которымъ они относятся, для того, чтобы читатели могли получить отсюда такъ сказать цѣльное понятіе о законахъ, связанныхъ между собою своимъ содержаніемъ. Въ концѣ же обозрѣнія мы будемъ помѣщать и самые тексты тѣхъ новыхъ узаконеній, которыя намъ разсмотрѣны.

Приступая къ дѣлу, мы прежде всего встрѣчаемся въ новыхъ законахъ съ завѣщаніями, на которыя, безъ сомнѣнія вслѣдствіе важнаго ихъ значенія въ практикѣ, наши сотрудники въ одно время и съ разныхъ сторонъ обратили свое вниманіе. Подробный перечень, сдѣланный въ одной изъ статей настоящей книжки о законахъ по завѣщаніямъ въ отношеніи не только историческомъ, но и догматическомъ, освобождаетъ насъ отъ обязанности распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ. Мы считаемъ только съ своей стороны не безполезнымъ прибавить, что въ законодательствѣ замѣтно стремленіе облегчить для умирающаго или вообще для желающаго изъяснить свою волю на случай смерти письменное выраженіе этой воли. Нельзя не сознаться, что въ практическомъ отношеніи очень важно всякое облегченіе такого акта, какъ завѣщаніе, если имѣть въ виду то, что несоблюденіе какой нибудь формальности по строгой буквѣ закона можетъ имѣть послѣдствіемъ ничтожность посмертнаго распоряженія. Законодательство рядомъ статей (т. X Зак. Гражд.

ст. 1071—1083, Уст. Врачебн. ст. 1125) дѣлаетъ изъятіе въ пользу тѣхъ лицъ, которыя по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ не могутъ составить завѣщанія на основаніи общихъ, назначенныхъ для этого правилъ. Такимъ образомъ, находящіеся за границей (по службѣ или въ путешествіяхъ), пользующіеся въ госпиталяхъ, военныхъ и публичныхъ, содержащіеся подъ арестомъ, выдерживающіе карантинъ, и наконецъ призрѣваемые въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ (вдовы и дѣвицы) имѣютъ возможность дѣлать завѣщанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся, съ соблюденіемъ лишь особенныхъ правилъ, постановленныхъ въ предупрежденіе подлога. Теперь къ относящимся сюда статьямъ въ Гражданскихъ законахъ должны быть еще присоединены правила о составленіи завѣщаній больными, находящимися въ морскихъ военныхъ госпиталяхъ. Эти правила, изложенныя въ Уставѣ означенныхъ госпиталей, введенномъ въ дѣйствіе вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 6 октября сего 1858 г. въ видѣ опытъ на два года (*), суть слѣдующія. Завѣщаніе составляется больнымъ въ присутствіи дежурнаго офицера, священника и дежурнаго ординатора, которые вмѣстѣ съ нимъ должны подтвердить составленный такимъ образомъ актъ своею подписью и за тѣмъ представить его въ контору госпиталя (см. въ Уставѣ §§ 111, 128 и 144). Подобное правило было уже выражено въ 1081 статьѣ Законовъ Гражд., и въ настоящемъ случаѣ оно получило только особое примѣненіе; но къ нему прибавлено, что, кромѣ исчисленныхъ выше лицъ, долженъ также, если возможно, присутствовать офицеръ той команды, къ которой принадлежит больной, для того чтобы такой депутатъ, имѣя настоящее свѣдѣніе объ имуществѣ больного, могъ тутъ же на мѣстѣ устранить невѣрное составленіе духовнаго завѣщанія (тамъ же, § 144).

Переходя къ другому предмету, опредѣленному подробно новымъ узаконеніемъ, мы считаемъ себя обязанными обратить на него особенное вниманіе читателей. Мы хотимъ говорить объ изданныхъ вновь правилахъ, касающихся до *поручительства*. Извѣстно, съ какою легкостью мы часто даемъ свое ручательство за другое лице, какъ относительно его качествъ, такъ и средствъ, какими оно не только располагаетъ въ настоящее время, но даже

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 88.

можетъ располагать и въ будущемъ. Отказываться отъ поручительства считается обыкновенно оскорбительнымъ для чести того, по комъ оно требуется. А между тѣмъ какое важное значеніе даетъ иногда этому лицу сдѣланное по немъ ручательство. Ему вѣрятъ, часто не зная его, потому что полагаются на слово или подпись поручителя; его ссужаютъ значительными суммами, потому что надѣются, въ случаѣ его несостоятельности, получить ихъ съ того, кто за него ручался. И въ самомъ дѣлѣ не одинъ случай бывалъ въ практикѣ, что по истеченіи многихъ, многихъ лѣтъ послѣ даннаго поручительства, лицу, взявшему на себя такое обязательство, вдругъ предъявлялось къ сознанію и уплатѣ заемное письмо или другой актъ, о которомъ имъ даже вовсе было забыто: мы знаемъ примѣры, что неосторожное ручательство доводило до раззоренія. И такъ, не говоря уже о томъ какъ вообще важно знать въ точности всѣ свойства лица, за которое вы ручаетесь, какъ вообще важно, чтобы это ручательство было истинное для того, чтобы не вводить въ обманъ другихъ, нельзя не сказать, что по крайней мѣрѣ въ высшей степени необходимо знать условія и послѣдствія тѣхъ ручательствъ, которыя даются *по заемнымъ письмамъ*. Они то и составляютъ предметъ новаго узаконенія, выраженнаго въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 2 іюня 1858 г. (*). Сущность его заключается въ томъ, что здѣсь опредѣляются тѣ поручительства, которыя даются *не на срокъ*. Выраженіе: *не на срокъ*, означаетъ то, когда ручательство въ платежѣ суммы по займу дѣлается вообще, не ограничивая его тѣмъ срокомъ, который опредѣляется въ заемномъ письмѣ для уплаты долга. Поручительство послѣдняго рода, т. е. съ принятіемъ на себя обязательства уплаты въ томъ случаѣ, если должникъ не возвратитъ кредитору занятой имъ суммы въ назначенный срокъ, называется поручительствомъ *на срокъ* и подвергается его слѣдующей ответственности, достаточно ясно опредѣленной въ статьѣ 1560-й X т. Зак. Гражд. Именно, какъ скоро должникъ не заплатитъ въ срокъ полученнаго имъ капитала, то поручитель обязанъ заплатить за него весь этотъ капиталъ и слѣдующіе на него проценты, такъ точно какъ и самый должникъ. Но чтобы поручительство имѣло такую

(*) Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 56.

силу кредиторъ обязанъ заемное письмо, въ которомъ поручитель принялъ на себя отвѣтственность *на срокъ*, представить къ взысканію не далѣе какъ въ теченіи мѣсяца со времени наступленія срока, постановленнаго для уплаты денегъ; въ противномъ же случаѣ поручитель освобождается отъ платежа по обязательству какъ процентовъ, такъ и самого капитала. Другія послѣдствія имѣетъ поручительство, данное просто въ платежъ суммы или въ платежъ *не на срокъ*. Оно не тотчасъ по истеченіи срока уплаты, назначеннаго въ заемномъ письмѣ, подвергается поручителя взысканію, если должникъ въ означенный срокъ не заплатитъ занятыхъ имъ денегъ, ибо прежде этого законъ предписываетъ обрацать взысканіе, для удовлетворенія кредитора, на имущество должника. Но какъ скоро окажется, что этого послѣдняго недостаточно для удовлетворенія взысканія по заемному письму, данному съ поручительствомъ не на срокъ, какъ скоро откроется несостоятельность должника, поручитель подвергается уплатѣ причитающейся капитальной суммы; а если онъ, по минованіи срока заемнаго письма, былъ извѣщенъ о неплатежѣ заемщика чрезъ нотаріуса, маклера или присутственное мѣсто, то и уплатѣ процентовъ. Такое правило было уже выражено въ статьѣ 1558 Зак. Гражд.; но въ новомъ законѣ оно дополнено и изъяснено слѣдующими болѣе точными постановленіями, относящимися къ дѣйствіямъ въ настоящемъ случаѣ какъ заимодавца, такъ и поручителя. Первый, какъ скоро наступаетъ срокъ платежу долговаго обязательства, можетъ или отсрочить своему должнику этотъ платежъ (*), или же, въ случаѣ неуплаты, приступить къ взысканію своихъ денегъ. Если онъ сдѣлаетъ отсрочку безъ согласія поручителя или въ продолженіи шести мѣсяцевъ со дня наступленія срока къ платежу не начнетъ взысканія по обязательству, то поручитель освобождается отъ всякой отвѣтственности (**). Но въ случаѣ неже-

(*) Отсрочка можетъ быть сдѣлана на томъ же заемномъ письмѣ, или подачею о томъ прошенія въ присутственное мѣсто, или особой роспиской. Правила о такихъ отсрочкахъ изложены въ статьяхъ 2040—2044 т. X Зак. Гражд., но кажется, что въ практикѣ они еще мало извѣстны и еще мало ими руководствуются, такъ какъ они изданы только въ 1857 г. апр. 15.

(**) Согласіе поручителя на отсрочку, на основаніи 2043 ст. Зак. Гражд.

ланія кредитора сдѣлать отсрочку онъ обязанъ, по полученіи въ срокъ удовлетворенія отъ своего должника, сообщить о томъ поручителю и спросить его: «не согласенъ ли онъ учинить немедленно ссѣ платежъ вмѣсто должника?» Если поручитель сдѣлаетъ означенную уплату, то право взысканія должныхъ кредитору денегъ переходитъ къ нему, и онъ можетъ требовать съ должника не только уплаченную имъ по поручительству сумму, но и понесенные отъ взысканія убытки и проценты на заемный капиталъ, а въ случаѣ несостоятельности должника участвовать въ могущемъ быть по долгамъ его конкурсѣ наравнѣ съ другими кредиторами. При неуплатѣ же поручителемъ долга, взысканіе со стороны кредитора обращается на имущество самого должника; но для обезпеченія своего иска, на случай несостоятельности этого послѣдняго, займодавецъ имѣетъ право просить о наложеніи запрещенія на имѣніе поручителя. Послѣ того какъ имѣніе должника будетъ установленнымъ порядкомъ описано и продано съ аукціона, кредиторъ удовлетворяется изъ вырученной отъ этой продажи суммы; еслибъ однако оказалось, что, по причинѣ другихъ долговъ, взыскивавшихся съ заемщика, полученной суммы недостаточно для удовлетворенія по заемному письму съ поручительствомъ, то оставшая за тѣмъ сумма взыскивается уже съ поручителя; при чемъ кредитору предоставляется также право требовать отъ поручителя вознагражденія за всѣ убытки и расходы, какіе имъ понесены при взысканіи съ должника по обязательству, въ которомъ онъ былъ порукою. Въ дополненіе къ этимъ правиламъ въ новомъ законѣ опредѣленъ еще случай, когда поручительство по одному заемному письму приняли на себя нѣсколько лицъ въ совокупности. Въ этомъ отношеніи постановлено, чтобы изъ неуплаченной суммы на каждаго поручителя падала только та часть долга, которая, по числу поручившихся лицъ, причтется на его долю; но въ случаѣ несостоятельности одного или нѣсколькихъ изъ поручителей, часть долга, приходящаяся по расчету на несостоятельнаго поручителя, распределяется между прочими (*).

должно быть выражено имъ въ сдѣланной о томъ особой надписи на самомъ обязательствѣ.—(*) Подлинный текстъ закона о поручительствѣ не на срокъ см. ниже въ Прилож. I.

Другой не менѣе важный законъ, который мы должны также, согласно съ цѣлю нашего обозрѣнія, разсмотрѣть въ подробности, состоялся 16 іюня 1858 года (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта). Онъ относится къ недвижимымъ имѣніямъ, находящимся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ (*). Такое владѣніе было до сихъ поръ нерѣдко, и допускалось самими лицами, имѣвшими на недвижимое имѣніе право собственности, въ пользу другихъ преимущественно для освобожденія ихъ отъ платежа пошлыны, взыскиваемой при совершеніи акта на такое имѣніе формальнымъ порядкомъ. Особенно часто, для избѣжанія пошлыны, пользовались запродажными записями, по которымъ покушники имѣній распоряжались этими послѣдними на правахъ собственности, не заботясь о совершеніи за тѣмъ купчей крѣпости, хотя еще въ 1826 году запрещено было по одной такой записи допускать ко владѣнію недвижимымъ имѣніемъ. Въ отвращеніе подобныхъ нарушеній закона въ 1854 году февраля 8 было постановлено, что въ случаѣ доказанной передачи владѣнія имѣніемъ по запродажной записи до совершенія купчей какъ съ продавца, такъ и съ покупателя должны быть взыскиваемы въ штрафъ крѣпостныя пошлыны (по цѣнѣ имѣнія, показанной въ запродажной записи) независимо отъ пошлынь, подлежащихъ уплатѣ при совершеніи купчей крѣпости. Въ тоже время опредѣленъ годовой срокъ, въ теченіи котораго на имѣнія, находившіяся во владѣніи по запродажнымъ записямъ, должны были совершены быть купчія, хотя бы лицамъ, владѣвшимъ на этомъ основаніи, даны были отъ продавцевъ еще довѣренности на управленіе запродажными имѣніями; относительно же пропустившихъ этотъ срокъ постановлено, что они подвергаются уничтоженію запродажной записи и взысканію въ штрафъ, за переходъ имѣнія изъ владѣнія одного лица къ другому безъ совершенія купчей, крѣпостныхъ пошлынь по запродажной цѣнѣ имѣнія, въ равномъ количествѣ какъ съ продавца, такъ и покупателя; а запродажное имѣніе велѣно брать въ опеку до тѣхъ поръ, пока не сдѣлано будетъ надлежащаго расчета между продавцемъ и покупателемъ (см. т. X Закон. Гражд. ст. 1684 и примѣч.). Въ новомъ законѣ изложенное здѣсь правило въ отноше-

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 66.

ніи къ владѣнію недвижимыми имѣніями по запродажнымъ записямъ подтверждено, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно получило примѣненіе къ владѣнію недвижимыми имѣніями вообще безъ требуемаго для этого документа, а именно, какъ выражено въ текстѣ закона, къ владѣнію или безъ всякихъ актовъ или по актамъ разнаго рода, писаннымъ на гербовой бумагѣ низшаго противъ узаконеннаго достоинства, или же по передаточнымъ надписямъ на купчихъ крѣпостяхъ и заемныхъ обязательствахъ и вообще по словеснымъ договорамъ или инымъ сдѣлкамъ. Новый законъ воспрещаетъ такое владѣніе подѣ страхомъ взысканія двойныхъ крѣпостныхъ пошлинъ по цѣнѣ имѣнія согласно съ первымъ примѣчаніемъ къ статьѣ 396 Устава о пошлинахъ (изд. 1857 г.). Но такъ какъ сдѣланное прежде сего закономъ воспрещеніе владѣть недвижимыми имѣніями безъ крѣпостныхъ актовъ касалось буквально лишь такихъ имѣній, которыя находятся въ городахъ, а съ другой стороны такъ какъ на основаніи послѣдовавшихъ въ 1855 и 1856 годахъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ подобныя нарушенія законовъ, остававшіяся до сихъ поръ въ безгласности, прощены, то постановленъ вновь *трехлѣтній срокъ*, въ теченіи котораго о владѣніяхъ недвижимыми имѣніями на какомъ либо изъ изчисленныхъ выше незаконныхъ основаній должно быть объявлено правительству для утвержденія ихъ законнымъ порядкомъ. Съ этою цѣлію предписывается, чтобы всѣ документы, не дающіе права на владѣніе недвижимыми имѣніями, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, были непременно представлены въ означенный срокъ надлежащему присутственному мѣсту и оплачены крѣпостными и гербовыми пошлинами по цѣнѣ имѣнія (*), послѣ чего присутственное мѣсто обращаетъ ихъ въ крѣпостные акты. Что касается до недвижимыхъ имѣній, въ городахъ и уѣздахъ, которыя находятся во владѣніи безъ всякихъ документовъ по однимъ словеснымъ договорамъ или передачамъ и кои ихъ владѣніе не восходитъ ранѣе 1-го января 1825 года, то объ

(*) Цѣна имѣнію опредѣляется въ настоящемъ случаѣ согласно съ оцѣнкою, постановленною для разнаго рода имущества въ Уставѣ о пошлинахъ (см. ст. 398 и слѣд. и приложенныя къ нимъ табели); но если бы въ предъявляемомъ актѣ показывалась цѣна имѣнію высшая противъ законной оцѣнки, то крѣпостныя пошлины должны быть взимаемы съ этой цѣны.

нихъ постановлено въ тотъ же трехлѣтній срокъ подать въ присутственныя мѣста надлежащія объявленія, съ означеніемъ по совѣсти цѣны, за которую они пріобрѣтены владѣльцами или чего они дѣйствительно во время пріобрѣтенія стоили; послѣ сего должны быть уплачены за нихъ крѣпостныя пошлины, а присутственныя мѣста обязаны выдать владѣльцамъ надлежащія свидѣтельства на гербовой бумагѣ, соотвѣтствующей по своему достоинству цѣнѣ имѣнія. Въ случаѣ неисполненія изложенныхъ здѣсь правилъ касательно объявленія о владѣемыхъ имѣніяхъ и объ незаконныхъ основаніяхъ этого владѣнія, какъ первые, такъ и вторые владѣльцы подвергаются взысканію двойныхъ крѣпостныхъ пошлинъ по цѣнѣ имѣнія, обнаруженной какими либо ихъ сдѣлками или по произведенной имѣнію оцѣнкѣ (см. Устава о пошлинахъ ст. 396 примѣчаніе 1) (*).

Изъ числа узаконеній, коими отчасти измѣняются прежнія, мы должны упомянуть здѣсь о Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 20 октября 1858 года, относящемся до публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ (**). До сихъ поръ въ этомъ отношеніи дѣйствовало правило, что такія имущества подлежатъ аукціонной продажѣ въ мѣстныхъ Губернскихъ Правленіяхъ. Исключеніе отсюда дѣлалось для предметовъ или неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести и огромности ихъ, или когда на доставленіе ихъ въ губернскій городъ требовались бы большіе расходы, несообразныя съ ихъ стоимостью: такіе предметы продавались, по назначенію Губернскихъ Правленій, въ городахъ Уѣздными Судами или Городовыми Магистратами и Ратушами (смотря по сословію лица, которому принадлежалъ продаваемый предметъ), въ присутствіи Уѣздныхъ Стряпчихъ, а въ Уѣздахъ чрезъ одного изъ членовъ Уѣзднаго Суда, или же Магистрата и Ратуши, также въ присутствіи Стряпчаго и двухъ свидѣтелей; въ числѣ ихъ такимъ же образомъ продавались и крестьянскія деревянныя строенія на свозъ (т. X Зак. о Судопр. Гражд.

(*) Подлинный текстъ закона о недвижимыхъ имуществахъ, находящихся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, см. ниже въ Приложеніи II.

(**) См. Сенатск. вѣдомостей 1858 г. № 95.

ст. 2184). Не смотря на эти изъятія, въ практикѣ доставленіе движимыхъ имуществъ въ губернскіе города представляло нерѣдко затрудненія, да и самая продажа ихъ въ Губернскихъ Правленіяхъ уменьшала иногда ихъ стоимость. Это и послужило, вѣроятно, основаніемъ къ разрѣшенію продавать всякаго рода движимыя имущества на извѣстную сумму въ городахъ уѣздныхъ. Примѣняясь къ постановленію, изданному еще въ 1852 году относительно продажи въ Уѣздныхъ Судахъ недвижимыхъ имѣній (т. X Зак. о Судопр. Гражд. ст. 2064), новый законъ опредѣляетъ, что на будущее время всѣ движимыя имущества, предназначенныя къ продажѣ, которыя не превышаютъ по оцѣнкѣ 1000 руб. сер., если они находятся въ уѣздныхъ городахъ или уѣздахъ, должны быть продаваемы въ присутствіяхъ Уѣзднаго Суда, Городоваго Магистрата или Ратуши, по принадлежности, при Уѣздномъ Стряпчемъ. Въ уѣздахъ же право это предоставлено Земскимъ Судамъ; но оно ограничивается продажей крестьянскихъ движимостей по оцѣнкѣ не выше 1000 рублей сер. Что касается до продажи въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ предметовъ, неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести, огромности, или по значительности издержекъ, необходимыхъ на доставленіе ихъ въ губернскій городъ, то въ этомъ отношеніи осталось въ силѣ прежнее правило, съ тою только разницею, что въ новомъ законѣ не говорится о назначеніи въ такомъ случаѣ продажи Губернскимъ Правленіемъ и упомянуто, что такая продажа допускается и тогда, когда оцѣнка имущества, подлежащаго означеннымъ условіямъ, превышаетъ и 1000 руб. сер. (*).

Къ области гражданскаго судопроизводства и именно, къ постановленіямъ о разборѣ спорныхъ дѣлъ, въ новыхъ законахъ принадлежитъ одно только положеніе; но это положеніе такъ многозначительно, что не даромъ всѣ, слѣдящіе съ любовью и надеждой за развитіемъ русскаго законодательства, привѣтствовали его какъ особенно счастливое начало въ ряду благотѣльныхъ перемѣнъ и нововведеній, ожидающихъ наше судопроизводство. Читатели конечно отгадали, что мы имѣемъ въ виду Положеніе о Временной Коммисіи, учрежденной для разбора дѣлъ между рядчиками или

(*) Подлинный текстъ закона о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, см. ниже въ Прилож. III.

нанимателями и рабочими или мастеровыми. Положеніе это составлено Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи и удостоено Высочайшаго утвержденія въ видѣ временной мѣры впредь до преобразованія городскихъ Словесныхъ Судовъ (*). Названіе послѣднихъ указываетъ намъ на значеніе и цѣль Временной Коммисіи: она должна быть такимъ учрежденіемъ, гдѣ словесная форма предпочтается письменной, съ цѣлью безотлагательнаго и быстрого разбирательства и рѣшенія споровъ и тяжбъ. Таже цѣль имѣлась въ виду, когда учреждаемы были Словесные Суды при частяхъ города; но извѣстно, что въ практикѣ она не достигалась, и вотъ правительство, задумывая о преобразованіи этихъ учрежденій, полагаетъ помимо ихъ общую твердую основу для словеснаго судопроизводства. Въ Положеніи о Временной Коммисіи опредѣляются въ точности тѣ условія и правила, какія должны быть соблюдаемы для быстрого движенія дѣлъ, допускаемыхъ къ разбирательству безъ особенной письменности, которая ведетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ неизбѣжной проволочкѣ и сверхъ того требуетъ особенныхъ знаній отъ лицъ, заинтересованныхъ въ тяжбѣ. Но тѣ же условія и правила вмѣняются въ обязанность не только Словеснымъ Судамъ, въ дѣлахъ между нанимателями и рабочими, впредь до ихъ преобразованія, но для тѣхъ же лицъ, въ Петербурга, мѣстнымъ Уѣзднымъ Судамъ, а по жалобамъ на эти послѣдніе и 1-му Департаменту С.-Петербургской Гражданской Палаты. И такъ словесная форма судопроизводства получаетъ въ петербургскихъ присутственных мѣстахъ право гражданства на ряду съ формой письменной. Нѣтъ сомнѣнія, что это благотѣльно отзовется на отношенія между многочисленными жителями столицы, принадлежащими къ классу рядчиковъ и мастеровыхъ. При затрудненіяхъ, съ какими было соединено разбирательство споровъ между тѣми и другими, конечно многія дѣйствія первыхъ, клонившіяся къ обидѣ рабочихъ, и на оборотъ обманы со стороны послѣднихъ не получали должной гласности и суда. Мы въ самомъ дѣлѣ слышали, что Временная Коммисія уже теперь имѣетъ въ производствѣ множество дѣлъ, не смотря на быстрое ихъ рѣшеніе, и, признаемся, порадовались этому отъ души. Значитъ новое учрежденіе соотвѣтствуетъ своей цѣли—до-

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 54.

ставитъ скорый судъ и расправу такимъ лицамъ, которымъ ни ихъ занятіе, ни ихъ средства не позволяютъ рассчитывать на особенное удовольствіе или выгоду отъ судебныхъ преній. Но мы не сомнѣваемся, что если этотъ классъ людей будетъ всегда находить въ судахъ надлежащую расправу, и слѣдов. всегда будетъ сюда обращаться съ своими жалобами и исками, не смотря на то число могущихъ возникать между рядчиками и рабочими дѣлъ со временемъ непременно сократится въ слѣдствіе уменьшенія обидъ и обмановъ, которыхъ тѣ и другіе будутъ избѣгать изъ опасенія, что правдѣ легко обнаружится, и что виновные подвергнутся должному наказанію; съ другой стороны гласность о сдѣланномъ безчестномъ поступкѣ, заявленномъ въ судебномъ мѣстѣ и доказанномъ при свидѣтеляхъ, будетъ въ сильной степени содѣйствовать къ развитію чувства чести, собственнаго достоинства, уваженія къ правамъ ближнихъ и кредита. Но ожидая всего этого въ будущемъ, какъ несомнѣннаго послѣдствія новаго учрежденія, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли указать на составъ Комисіи и на основныя правила, постановленныя въ ея Положеніи для разбора предоставленныхъ ей дѣлъ. Устройство Временной Комисіи слѣдующее: она состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго по Высочайшему повелѣнію, и членовъ, по одному отъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ, отъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; кромѣ того къ ней принадлежитъ одинъ членъ отъ купческаго сословія и одинъ отъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословія вмѣстѣ. Дѣлопроизводителемъ назначается въ Комисію одинъ изъ чиновниковъ Управы Благочинія по избранію Обер-полиціймейстера. Вѣдомству ея подлежатъ все споры и искъ, возникающіе въ С.-Петербургѣ и уѣздахъ: с.-петербургскомъ, царскосельскомъ и петергофскомъ, между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми, когда предметъ спора составляетъ не менѣе ста рублей сер. или когда искъ на рядчика или нанимателя предъявленъ не менѣе какъ десяти рабочими; въ противномъ же случаѣ дѣла эти подлежатъ разсмотрѣнію Словесныхъ Судовъ. Впрочемъ для производства своего иска рабочимъ предоставлено избирать изъ среды себя одного или

двухъ повѣренныхъ, а если число жалующихся простирается выше ста человѣкъ, то и трехъ. Прошеніе въ Коммисію представляется словесно или письменно, по желанію истца, и за тѣмъ отвѣтчикъ призывается повѣсткою, которая, въ случаѣ если разсылный не застанетъ его, оставляется, при управляющемъ домомъ или дворникѣ, домашнимъ его, а если ихъ нѣ будетъ, то управляющему или дворнику; если же вызываемый по тремъ повѣсткамъ не явится, или не пришлетъ повѣреннаго, то Коммисія приступаетъ безъ него къ рѣшенію дѣла. Самое производство дѣлъ должно быть изустное, съ запискою только въ особую судебную книгу вкратцѣ предмета жалобы истца и возраженій отвѣтника и доказательствъ, представляемыхъ обѣими сторонами. Въ основаніе своего рѣшенія Коммисія принимаетъ только тѣ доказательства, которыя представлены до его постановленія, и тутъ же объявляетъ его сторонамъ или ихъ повѣреннымъ письменно на простой бумагѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ виновные въ неосновательной жалобѣ присуждаются къ наказаніямъ—рядчикѣ къ штрафамъ въ пользу больницы чернорабочихъ, и, въ случаѣ присужденія ихъ къ штрафу въ третій разъ, *публикаціи на ихъ счетъ объ ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столпъ*, а рабочіе—къ болѣе или менѣе продолжительной работѣ за половину условленной цѣны. Рѣшеніе Коммисіи, если обвиненный не сдѣлаетъ распоряженія къ его немедленному исполненію, сообщается мѣстному приставу исполнительныхъ дѣлъ, который обязанъ, подъ личною отвѣтственностію, донести чрезъ три дня Коммисіи, что оно исполнено. Въ огражденіе тяжущихся, на Коммисію дозволяется приносить жалобу на простой бумагѣ частнымъ порядкомъ въ четвертый Департаментъ Правительствующаго Сената въ мѣсячный срокъ.—По дѣламъ же, начатымъ производствомъ въ Словесныхъ Судахъ или, въ Петербургѣ, въ Уѣздныхъ Судахъ, Гражданская Палата, въ случаѣ представленія жалобы на тѣ или другія изъ этихъ мѣстъ, рассматриваетъ ихъ и рѣшаетъ окончательно, присуждая вмѣстѣ съ тѣмъ виновныхъ, рядчика къ денежному штрафу отъ одного до десяти рублей сер. въ пользу больницы чернорабочихъ, а мастераго къ работѣ въ продолженіи отъ одного до семи дней за половину условленной платы ⁽¹⁾.

(1) Подлинный текстъ Положенія о Временной Коммисіи, учрежденной для разбора дѣлъ между рядчиками и мастерами, см. ниже въ Приложеніи IV.

Послѣднее изъ вышедѣшхъ вновь узаконеній, заслуживающихъ особеннаго вниманія, имѣетъ тѣсную связь съ приводимымъ нынѣ въ исполненіе дарованіемъ свободы многочисленному классу, принадлежащему къ сельскимъ обывателямъ. Крестьяне Членовъ Императорской Фамиліи, извѣстные подъ именемъ Удѣльныхъ, хотя и пользовались значительнымъ благосостояніемъ и льготами въ повинностяхъ въ сравненіи съ бѣльшею частію крестьянъ помѣщичьихъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ, по существенному основанію ихъ зависимости, стояли наравнѣ съ этими послѣдними какъ крѣпостные. Отсюда происходили для ихъ дѣятельности ограниченія, которыя и были выражены въ положительномъ законодательствѣ. Такъ именно они не могли ни пріобрѣтать, ни отчуждать ненаселенныхъ земель иначе какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ и его именемъ, точно также не могли безъ разрѣшенія этого Департамента располагать лѣсомъ на пріобрѣтенныхъ ими земляхъ; далѣе не могли ни сами, ни чрезъ своихъ повѣренныхъ производить искъ и вообще дѣйствовать въ судебныхъ мѣстахъ: право это предоставлялось за нихъ Удѣльнымъ Стряпчимъ подъ наблюденіемъ Управляющихъ Удѣльныхъ Конторъ; наконецъ выходъ изъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане и купцы былъ сопряженъ съ затрудненіями въ формальномъ отношеніи и съ большими денежными пожертвованіями, которыя для большей части изъ нихъ почти равнялись запрещенію. Высочайшимъ указомъ 20 іюня 1858 года и Высочайше утвержденными правилами: 1) о переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія, и 2) о ходатайствѣ по тяжбынымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ этихъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній, всѣ исчисленныя ограниченія отменены (¹). Крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства дозволено совершать отъ своего имени всѣ обязательства и договоры, равно какъ и духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки между собою свидѣтельствовать въ Удѣльныхъ Приказахъ. На этомъ основаніи и въ отношеніи къ пріобрѣтенію и отчужденію ненаселенныхъ земель имъ разрѣшено дѣйствовать своимъ именемъ, съ объявленіемъ только пред-

(¹) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 53.

варительно того или другаго мѣстному Удѣльному Приказу, а также распоряжаться пріобрѣтенными ими землями по своему произволу. Имъ предоставлено право производить иски и вообще ходатайствовать въ присутственныхъ мѣстахъ не только по своимъ дѣламъ, но, съ вѣдома Удѣльной Конторы, и по дѣламъ постороннихъ лицъ; впрочемъ при этомъ же имъ дозволено пользоваться защитой со стороны Удѣльныхъ Стряпчихъ, Удѣльныхъ Конторъ и самого Департамента Удѣловъ, а Удѣльнымъ Стряпчимъ вмѣнено въ обязанность давать имъ совѣты и наставленія въ ихъ тяжбныхъ и исковыхъ дѣлахъ, въ случаѣ же медленнаго производства этихъ дѣлъ, настаивать, гдѣ слѣдуетъ, о скорѣйшемъ ихъ разрѣшеніи. Что касается до перехода ихъ въ другія состоянія, то всѣ пожертвованія, какія они на будущее время обязаны дѣлать съ этою цѣлью, ограничиваются для перечисляющихся однимъ лицомъ въ купечество *сорока* рублями, а въ мѣщанство *пятнадцатью* рублями сер. въ пользу пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, возвратившихся въ удѣльныя имѣнія; тѣ же, которые перечисляются въ составъ семейства или въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, вносятъ означенную сумму только за себя, а за прочихъ членовъ семейства мужескаго пола половину; наконецъ перечисляющіеся въ сельское сословіе прочихъ вѣдомствъ не подлежатъ никакому взносу. Остальные, требуемые при этомъ формальности, нисколько не могутъ служить къ затрудненію перехода въ другія сословія, за исключеніемъ принадлежности къ раскольническимъ сектамъ, которая лишаетъ права переходить въ городскія общества ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, вслѣдствіе разширенія или, вѣрнѣе, дарованія приведенныхъ правъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ подлежатъ измѣненію въ особенности статья 1432 X т. Законовъ Гражданскихъ и статьи 988—997 того же тома Законовъ о Судопроизводствѣ.

Изчисленными нами постановленіями далеко не ограничивается законодательная дѣятельность Правительства въ промежутокъ вре-

(1) Подлинныя тексты Высочайшаго указа и правилъ, относящихся къ удѣльнымъ крестьянамъ, см. ниже, въ Приложеніи V.

мени отъ изданія Перваго Продолженія Свода до выхода въ свѣтъ настоящей книжки нашего журнала; но остановившись только на нихъ, какъ на особенно знаменательныхъ проявленіяхъ этой дѣятельности, которыя ближе другихъ новыхъ постановленій касаются нашихъ гражданскихъ отношеній и общественныхъ интересовъ, мы не можемъ не придти къ самымъ отраднымъ заключеніямъ. Имѣя прежде всего въ виду то предстоящее обновленіе и развитіе всѣхъ элементовъ нашего быта, которое готовится приведеніемъ въ исполненіе великой мысли, такъ живо занимающей теперь умы всѣхъ сословіи и лицъ, мы должны, по справедливости, замѣтить, что съ своей стороны законодательство идетъ также навстрѣчу этой будущности, расширяя и очищая область нашей дѣятельности, гражданской и общественной. Не заслуживаютъ ли въ самомъ дѣлѣ полного въ этомъ отношеніи сочувствія тѣ задачи, достиженіе которыхъ имѣютъ цѣлью разсмотрѣнные нами законы? Распространеніе правъ мѣстныхъ учрежденій, доставленіе скорой управы и суда въ дѣлахъ незначительныхъ, но касающихся интересовъ бѣднаго, живущаго трудами, класса людей и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе гласности какъ орудія для искорененія нравственнаго зла, наконецъ предоставленіе правъ гражданскихъ цѣлому разряду крѣпостнаго сословія,—вотъ эти задачи, вполне ясно выраженные не только содержаніемъ, но и подлинными словами того или другаго постановленія. Какъ послѣ того не сказать, что законодательство идетъ по пути своего назначенія . . .

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

І.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Главнуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ, согласно съ заключеніемъ его, Главнуправляющаго, мнѣніемъ положило: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) При простомъ (не на срокъ) поручительствѣ въ платежъ суммы, поручитель отвѣтствуетъ за долгъ только тогда, когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должника будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распределены между займодавцами по установленному въ законѣ порядку и за тѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ не довольно для удовлетворенія того долга, по которому дано поручительство. 2) Когда наступитъ срокъ платежу долговаго обязательства, въ коемъ дано поручительство не на срокъ, займодавецъ, буде онъ не получитъ тогда же удовлетворенія отъ должника своего, сообщаетъ о томъ поручителю, спрашивая: не согласенъ ли онъ учинить немедленно сей платежъ вмѣсто должника; если поручитель не изъявитъ на сіе готовности, то займодавецъ имѣетъ право просить о паложеніи запрещенія на имѣніе поручителя для обезпеченія своего иска на случай несостоятельности должника. Займодавцу предоставляется также право требовать отъ поручителя вознагражденія за всѣ убытки и расходы, которые будутъ понесены имъ при взысканіи съ должника по обязательству, въ коемъ онъ былъ порукою. 3) Поручитель не на срокъ можетъ, если признаетъ за благо, по наступленіи срока исполненія обязательства, заплатить займодавцу сумму долга, въ коемъ онъ поручился, и за тѣмъ, на общемъ основаніи, взыскивать оную съ должника и участвовать въ могущемъ быть по долгамъ его конкурсѣ, наравнѣ съ другими кредиторами. 4) Поручитель, удовлетворившій кредитора, имѣетъ право требовать отъ

Арх. книг. I, отд. III.

должника вознагражденія за понесенные имъ отъ того убытки, а равно и слѣдующіе ему съ заплаченной за него суммы денегъ проценты. 5) Если заимодавецъ отсрочить, по желанію должника, исполненіе обязательства, по коему было поручительство, безъ согласія на то поручителя, или же въ продолженіи шести мѣсяцевъ со дня наступленія срока платежу, не начнетъ взысканія по сему обязательству, то поручитель освобождается отъ всякой по оному отвѣтственности, и 6) Когда въ исполненіи одного и того же обязательства поручились не одно, а нѣсколько лицъ въ совокупности, и должникъ окажется несостоятельнымъ, то взыскивается съ каждаго поручителя только та часть долга, которая по числу поручившихся лицъ причтется на долю его; въ случаѣ же несостоятельности одного или нѣсколькихъ изъ поручителей, часть долга, по расчету на несостоятельнаго поручителя упдающая, распределяется между прочими. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Графъ А. Гурьевъ. 2-го іюня 1858 года.

II.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ, или безъ всякихъ актовъ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ опредѣленіе Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ, или безъ всякихъ актовъ, а также заключеніе Министра Финансовъ по этому предмету, согласно съ опредѣленіемъ Сената и заключеніемъ сего Министра, мнѣніемъ положила: въ разрѣшеніе возникшихъ недоразумѣній относительно того, какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, находящимися во владѣніи разныхъ лицъ, по неформальнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, предоставить Правительствующему Сенату предписать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, кромѣ Западныхъ губерній, для коихъ изданы особыя узаконенія: 1) къ недвижимымъ имѣніямъ, кои состоятъ во владѣніи по запродажнымъ записямъ, безъ совершенія на тѣ имѣнія купчихъ крѣ-

постей, гдѣ бы впрочемъ эти имѣнія ни находились, т. е. въ городахъ, или уѣздахъ, примѣнять силу примѣчанія къ ст. 1418 Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X изд. 1842 г. по прод. XIX); 2) съ недвижимыми имѣніями, находящимися въ городахъ и состоящими во владѣніи частныхъ лицъ не по запродажнымъ записямъ, но безъ всякихъ актовъ или по актамъ разнаго рода, писаннымъ на гербовой бумагѣ низшаго противу узаконеннаго достоинства, или же по передаточнымъ надписямъ на купчихъ крѣпостяхъ и заемныхъ обязательствахъ и вообще по словеснымъ договорамъ, или инымъ сдѣлкамъ, поступать на основаніи 1 примѣч. къ ст. 360 Уст. о пошл. (Св. Зак. изд. 1842 г. т. V); 3) то же самое соблюдать и въ отношеніи находящихся въ уѣздахъ недвижимыхъ имѣній, кои состоятъ во владѣніи по такого рода незаконнымъ актамъ. За тѣмъ, принявъ въ соображеніе, что хотя закономъ и воспрещалось владѣніе въ городахъ недвижимыми имуществами безъ крѣпостныхъ на оныя актовъ и на совершеніе таковыхъ актовъ назначался даже срокъ, который давно уже истекъ; по какъ съ одной стороны подобное воспрещеніе буквально касалось однихъ недвижимыхъ имуществъ, въ городахъ находящихся, о состоящихъ же въ уѣздахъ ничего не было узаконено, а съ другой, по открытіи нарушенія этого запрещенія, послѣдовали Всеобщіишіе Манифесты 1855 и 1856 годовъ, силою коихъ подобныя нарушенія законовъ, оставшіяся доселѣ въ безгласности, прощены, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положи:* въ образѣ исполненія вышензложенныхъ правилъ допустить дополненіе въ томъ: во 1-хъ, чтобы для обращенія въ крѣпостные акты всѣхъ вообще документовъ на недвижимыя имѣнія въ городахъ и уѣздахъ состоящія, кромѣ тѣхъ, кои находятся во владѣніи по запродажнымъ записямъ, назначить владѣльцамъ 3-хъ лѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи онаго всѣ сказанныя документы непременно предъявлены были надлежащему присутственному мѣсту и оплачены крѣпостными и гербовыми пошлинами по цѣнѣ имѣнія, на точномъ основаніи ст. 362 Уст. о пошл. (Св. Зак. изд. 1842 года т. V), подѣ опасеніемъ, за неисполненіе сего, взысканія штрафа, опредѣленнаго 1 примѣчаніемъ къ ст. 360 того же Устава; во 2-хъ, чтобы въ этотъ же 3-хъ лѣтній срокъ, всѣ владѣльцы въ городахъ и уѣздахъ недвижимыхъ имѣній, кои владѣютъ тѣми имѣніями безъ всякихъ письменныхъ на оныя документовъ, по однимъ лишь словеснымъ договорамъ и передачамъ и коихъ владѣніе не восходитъ ранѣе указаннаго 1-мъ примѣч. къ ст. 360 Уст. о пошл. времени, т. е. 1 января 1825 года, подали о таковыхъ имѣніяхъ, въ надлежащія присутственныя мѣста, объявленія, съ означеніемъ, по совѣсти, цѣны, за которую ими эти имѣнія пріобрѣтены, или же чего оныя дѣйствительно, во время пріобрѣтенія, стоили и уплатили бы въ казну крѣпостныя за сіи имѣнія пошлины, согласно 367 ст. Уст. о пошл., въ чемъ упомянутыя присутственныя мѣста и обязаны выдать имъ надлежащія свидѣтельства на гербовой бумагѣ соотвѣтственнаго цѣнѣ имѣнія достоин-

ства; за невыполненіе же сего поступать и съ сими владѣльцами точно также, какъ выше установлено поступать съ владѣльцами имѣній по какимъ либо документамъ, крѣпостными пошлинами еще не очищеннымъ, и въ 3-хъ, чтобы всѣ несогласныя съ симъ распоряженія, какія мѣстными и другими властями по сему предмету донынѣ сдѣланы, были отмѣнены. На ономъ мнѣніи написано: Его Императорское Величество вослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта *Графъ А. Гурьевъ*. 16 іюня 1858 года.

III.

О порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ, согласно съ заключеніемъ его, Министра, *мнѣніемъ положили*: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) Движимыя имущества, предназначаемыя къ продажѣ, если они находятся въ уѣздныхъ городахъ или уѣздахъ ихъ и не превышаютъ по оцѣнкѣ тысячи рублей серебромъ, продаются въ присутствіяхъ Уѣзднаго Суда, или Городоваго Магистрата или Ратуши, по принадлежности, при Уѣздномъ Стряпчемъ. 2) Въ такомъ же порядкѣ производится въ уѣздныхъ городахъ публичная продажа предметовъ, неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести, огромности, или по значительности издержекъ, необходимыхъ на доставленіе ихъ въ губернскій городъ, еслибы оцѣнка сего имущества и превышала тысячу рублей серебромъ. На мѣстахъ въ уѣздахъ продажи всѣхъ подобныхъ громоздкихъ вещей, не исключая и тѣхъ, которыя оцѣнены выше тысячи рублей, совершается при Членѣ городского судебного мѣста, смотря потому, къ какому сословію принадлежитъ владѣлецъ продаваемого имущества, при двухъ свидѣтеляхъ и при Уѣздномъ Стряпчемъ. 3) Предоставленное Земскимъ Судамъ право продажи въ уѣздахъ малоцѣнныхъ движимыхъ имуществъ ограничивается продажей крестьянскихъ движимостей по оцѣнкѣ не выше тысячи рублей серебромъ. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество вослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ

Собраніи Государственнаго Совѣта, о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ*. 20 октября 1858 года.

IV.

Положеніе о Временной Коммисіи, учрежденной по Высочайшему повелѣнію, для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми.

Составъ Коммисіи.

§ 1. Для незамедлительнаго разбора дѣлъ, возникающихъ между рабочими и нанимателями ихъ, или рядчиками, учреждается въ С.-Петербургѣ, впредь до преобразованія Полицейскихъ Словесныхъ Судовъ при С.-Петербургской Управѣ Благочинія, Временная Коммисія.

§ 2. Коммисія состоитъ изъ Предсѣдателя, назначаемого по Высочайшему повелѣнію, и Членовъ, по одному отъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ, отъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; кромѣ того одинъ членъ отъ купческаго сословія и одинъ отъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословія вмѣстѣ.

§ 3. Дѣлопроизводителемъ Коммисіи назначается одинъ изъ чиновниковъ Управы Благочинія, по избранію Оберъ-Полиціи-мейстера.

§ 4. Снабженіе Коммисіи книгами Законовъ, канцелярскими потребностями и другими матеріалами производится изъ городскихъ доходовъ. Нужныя на этотъ предметъ деньги ассигнуются изъ экстраординарной городской суммы по соглашенію Военнаго Генералъ-Губернатора съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Предметы вѣдомства.

§ 5. Вѣдомству Временной Коммисіи подлежатъ всѣ споры и иски, возникающіе въ С.-Петербургѣ и въ уѣздахъ: С.-Петербургскомъ, Царско-сельскомъ и Петергофскомъ, между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми, и когда предметъ спора составляетъ не менѣе ста рублей серебромъ или когда искъ на рядчика или нанимателя предъявленъ не менѣе какъ десятью рабочими (*).

(*) *Примѣчаніе.* Разборъ дѣлъ между цеховыми и ихъ подмастерьями и учениками оставляется на прежнемъ основаніи въ завѣдываніи Цеховыхъ Управъ (т. XI. Прод. XVI ст. 665).

Производство дѣлъ.

§ 6. Производство дѣлъ въ Коммисіи изустное, съ запискою только въ особую судебную книгу вкратцѣ предмета жалобы истца и возраженій отвѣтчика и доказательствъ, представляемыхъ обѣими сторонами. Самыя прошенія истца могутъ быть письменныя и словесныя.

§ 7. Рабочіе-мастеровые, жалующіеся на рядчика, въ числѣ отъ 10 до 100 человѣкъ, избираютъ для производства своего дѣла изъ среды себя одного или двухъ повѣренныхъ, а если число рабочихъ простирается свыше 100 человѣкъ, то имъ дозволяется выбрать и трехъ повѣренныхъ.

§ 8. При разборѣ подобныхъ дѣлъ, Коммисія можетъ для разясненія оныхъ призывать, кромѣ повѣренныхъ, и самихъ рабочихъ, которые ихъ избрали.

§ 9. Вызовъ отвѣтчика въ Коммисію производится посредствомъ разсылныхъ, состоящихъ при Коммисіи.

§ 10. Отъ явки въ Коммисію по ея требованію не могутъ отговариваться ни отвѣтчики, ни лица, на коихъ ссылаются стороны. Уклоняющіеся отъ явки по причинамъ, незаслуживающимъ уваженія, подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 298 Улож. о Наказ. Уголовн. (отъ 50 коп. до 50 р. сер., а въ случаѣ упорства сверхъ денежнаго взысканія аресту отъ 3-хъ до 7-ми дней.)

§ 11. Въ повѣсткахъ должно быть прописано имя истца, предметъ его жалобы и срокъ явки въ Коммисію.

§ 12. Если разсылный не застанетъ отвѣтчика дома, то оставляетъ повѣстку, при управляющемъ домомъ или дворникѣ, домашнимъ его, а если ихъ не будетъ, тогда управляющему или дворнику.

§ 13. Въ случаѣ болѣзни отвѣтчика, Коммисія, по полученіи о томъ увѣдомленія или письменнаго его отзыва, немедленно командируетъ одного изъ своихъ членовъ для отобранія отъ него объясненія, или, въ случаѣ невозможности отрядить члена, относится къ Оберъ-Полиціѣмейстеру о возложеніи сего порученія на Стряпчаго Полицейскихъ Дѣлъ.

§ 14. Коммисія равнымъ образомъ командируетъ одного изъ своихъ членовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно допросить на мѣстѣ производства работъ большое число рабочихъ, или, въ случаѣ невозможности назначить члена, относится къ Оберъ-Полиціѣмейстеру о назначеніи на сей предметъ Стряпчаго Полицейскихъ Дѣлъ.

§ 15. Если отвѣтчикъ по тремъ повѣсткамъ въ назначенный срокъ не явится и повѣреннаго не пришлетъ, то Коммисія приступаетъ къ рѣшенію дѣла, не стѣсняясь отсутствіемъ отвѣтчика.

§ 16. По вызовѣ отвѣтчика и по выслушаніи представленныхъ тяжущимися сторонами изустныхъ объясненій и разсмотрѣніи письменныхъ доказательствъ, будо таковыя представлены, Коммисія изыскиваетъ средства къ примиренію сторонъ и предлагаетъ имъ сіи средства или предо-

ставляетъ имъ, въ случаѣ изъясненнаго ими желанія, разобратъся между собою, на основаніи правилъ узаконеннаго Третейскаго Суда. Въ семъ случаѣ одинъ изъ членовъ Коммисіи можетъ, по желанію сторонъ, принять на себя званіе Суперъ-Арбитра.

§ 17. Если Коммисія не успѣетъ примирить тяжущихся, или они сами или одна изъ сторонъ не изъяснятъ желанія разобратъся Третейскимъ Судомъ, то Коммисія постановляетъ рѣшеніе и объявляетъ оное тяжущимся сторонамъ.

§ 18. Въ основаніе рѣшенія Коммисія принимаетъ тѣ только доказательства, которыя предъявлены до постановленія рѣшенія и никакія дополнительные объясненія, изустныя или письменныя, послѣ того представленныя, не принимаются въ уваженіе.

§ 19. Дѣла въ Коммисіи рѣшаются по большинству голосовъ, но когда число оныхъ раздѣлится поровну, то голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 20. Въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса по различнымъ мнѣніямъ раздѣлятся такъ, что голосъ Предсѣдателя не можетъ составить перевѣса, Коммисія приглашаетъ одного изъ Совѣтниковъ 2-го Департамента Управы Благочинія и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ.

§ 21. Рѣшенія объявляются сторонамъ или ихъ повѣреннымъ въ Коммисіи письменно на простой бумагѣ.

§ 22. Если по объявленіи рѣшенія сторонамъ не будетъ сдѣлано обвиненіемъ стороною немедленнаго распоряженія къ исполненію возложенной на нее обязанности, то Коммисія сообщаетъ о томъ мѣстному Приставу Исполнительныхъ Дѣлъ, который обязанъ, подъ личною въ томъ отвѣтственностію, донести чрезъ три дня Коммисіи о приведеніи рѣшенія въ дѣйствительное исполненіе.

§ 23. Если жалоба рядчика на рабочаго окажется неосновательною, то Коммисія подвергаетъ его въ первый разъ денежному штрафу отъ 1-го до 10 р. сер. въ пользу больницы чернорабочихъ, во второй такому же штрафу отъ 10 до 50 руб. серебромъ, а въ третій разъ, сверхъ штрафа отъ 50 до 100 рублей, публикуетъ о его неправильныхъ дѣйствіяхъ, на его счетъ, въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ. Штрафы отсылаются во 2-й Департаментъ Управы Благочинія.

§ 24. Если жалоба рабочаго или мастераго на рядчика окажется неосновательною, то онъ въ первый разъ присуждается къ работѣ въ продолженіи одного до семи дней, за половину условной платы. Если тотъ же рабочій или мастеровой будетъ вторично обвиненъ Коммисіею въ неосновательной жалобѣ, то онъ подвергается работѣ за половинную плату въ теченіи отъ 7-ми до 14-ти дней. Въ случаѣ принесенія рабочимъ или мастеровымъ въ третій разъ неосновательной жалобы, онъ подвергается работѣ за половинную плату въ продолженіи отъ 14 дней до шести недѣль.

§ 25. Жалобы на Комисію на простой бумагѣ приносятся частнымъ порядкомъ въ 4-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ мѣсячный срокъ.

Словесные Суды.

§ 26. Дѣла, возникающія между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми, не превышающія ста рублей серебромъ, или когда число рабочихъ, жалующихся на рядчика или на нанимателя, не превышаетъ девяти человекъ, рассматриваются въ С.-Петербургѣ въ учрежденныхъ при частяхъ города Словесныхъ Судахъ, подъ предсѣдательствомъ Пристава Исполнительныхъ Дѣлъ^(*).

§ 27. Впредь до преобразованія Словесныхъ Судовъ, дѣла между рядчиками, или нанимателями, и рабочими, или мастеровыми, производятся въ сихъ Судахъ на основаніи правилъ, изъясненныхъ выше сего для Временной Комисіи.

§ 28. Дѣла въ Словесныхъ Судахъ рѣшаются также по большинству голосовъ, но голосъ Пристава Исполнительныхъ Дѣлъ даетъ перевѣсъ.

§ 29. Жалобы, возникающія внѣ С.-Петербурга между рабочими и рядчиками или нанимателями ихъ и мастеровыми, рассматриваются въ мѣстныхъ Уѣздныхъ Судахъ на правилахъ, постановленныхъ для Временной Комисіи.

§ 30. Жалобы на рѣшенія Уѣздныхъ и Словесныхъ Судовъ по снѣмъ дѣламъ приносятся на простой бумагѣ частнымъ порядкомъ въ 1-й Департаментъ С.-Петербургской Гражданской Палаты въ двухъ-недѣльный срокъ.

§ 31. Жалобы снѣ въ Палатѣ рассматриваются по правиламъ, установленнымъ для производства дѣлъ во Временной Комисіи, и рѣшеніе Палаты признается окончательнымъ.

§ 32. Если по разсмотрѣніи дѣла жалоба рабочаго или мастераго окажется неосновательною, то Гражданская Палата присуждаетъ его къ работѣ въ продолженіе одного до 7-ми дней за половину условной платы.

Въ случаѣ признанія Палатою жалобы рядчика неосновательною, Палата подвергаетъ его денежному штрафу отъ 1-го до 10-ти рублей серебромъ въ пользу больницы чернорабочихъ.

Подписали: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской*.

Министръ Юстиціи *Г. В. Панинъ*.

(*) *Примѣчаніе.* Дѣла снѣ производятся въ Словесныхъ Судахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда между нанимателями и рабочими не было учинено договора у Маклерскихъ дѣлъ (примѣч. 3 ст. 3376 т. X).

V.

Высочайшій указъ, данный на имя Г. Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ.

«Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне пріобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли, не иначе какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего Департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію пріобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній, ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственные земли свои; совершать своимъ именемъ установленныя для того акты и вообще располагать пріобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ, на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о пріобрѣтеніи и отчужденіи земли предварительно объявлять каждый разъ мѣстному Удѣльному Приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ, до сего времени, именемъ Департамента Удѣловъ, актамъ на собственные земли удѣльныхъ крестьянъ, сдѣлать надлежащія, на имена владѣльцевъ, передачи.

2. Вмѣсто дѣйствовавшихъ донинѣ установленій, по коимъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане допускался лишь изъ имѣній малоземельныхъ, а въ купцы только въ случаѣ предъявленія значительнаго капитала, и взымалось съ каждой мужской наличной души переходящаго семейства: при перечисленіи въ купечество по 1500 руб. сер., а въ мѣщанство по 600 рублей серебромъ, распространить на удѣльныхъ крестьянъ законъ, установленный по сему предмету для крестьянъ государственныхъ и, на основаніи утвержденныхъ Нами, у сего прилагаемыхъ, правилъ, дозволить удѣльнымъ крестьянамъ, съ разрѣшенія ихъ Начальства и по исполненіи установленныхъ обязанностей къ мірскому обществу, переходить въ городскія и другія свободныя сельскія сословія, съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой же сборъ, какой взымается съ крестьянъ государственныхъ, а именно: переходящій въ купечество сорокъ рублей серебромъ, а въ мѣщанство пятнадцать рублей серебромъ; съ прочихъ же ревизскихъ душъ перечисляющагося семейства половину сего, то есть: при переходѣ

въ купечество по двадцати рублей, а въ мѣщанство по семи рублей пятидесяти копѣекъ серебромъ съ каждой.

3. Дозволить безвозмездно вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословіи.

4. Въ отмѣну постановленіи, по коимъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, ходатайствовали и отвѣчали Удѣльные Стряпчіе, а самимъ крестьянамъ ходить по судамъ или имѣть своихъ повѣренныхъ воспрещалось, разрѣшить впредь удѣльнымъ крестьянамъ, въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные сими обществами, съ разрѣшенія Начальства оныхъ. Независимо отъ сего предоставить удѣльнымъ крестьянамъ, ежели они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ дѣлъ ихъ ходатайству Удѣльныхъ Стряпчихъ, причемъ вмѣнить въ обязанность Удѣльнымъ Конторамъ и Удѣльнымъ Стряпчимъ, на основаніи Нами утвержденныхъ и у сего прилагаемыхъ правилъ, оказывать удѣльнымъ крестьянамъ, по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, защиту и покровительство, а тамъ, гдѣ Удѣльныхъ Стряпчихъ нѣтъ, возложить сію обязанность, согласно статьѣ 2184-й тома X Свода Законовъ Гражданскихъ (изданія 1842 года), на мѣстныхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Стряпчихъ.

5. Предоставить удѣльнымъ крестьянамъ совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки удѣльныхъ крестьянъ между собою свидѣтельствовать въ Удѣльныхъ Приказахъ, по примѣру Волостныхъ Правленій Государственныхъ Имуществъ.

6. Всѣ означенныя мѣры распространить въ равной степени на бывшихъ пахатныхъ солдатъ, состоящихъ въ удѣльномъ завѣдываніи.

7. Сообразно съ настоящимъ расширеніемъ правъ удѣльныхъ крестьянъ измѣнить соотвѣтствующія статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, о чемъ имѣете вы войти въ сношеніе съ Главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Нашей Канцеляріи.

Вы не оставите сдѣлать распоряженіе къ обнародованію сего въ установленномъ порядкѣ, во всеобщее свѣдѣніе.

Высочайше утвержденныя правила о переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія.

1) Удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется право переходить въ городскія сословія и въ другія свободныя сельскія состоянія, какъ семействами, такъ и отдѣльными лицами, съ разрѣшенія Начальства своего.

2) Переходящее семейство, или лицо, обязано испросить отъ своего мірскаго общества увольнительный приговоръ, по установленной формѣ, съ удостовѣреніемъ: а) что семейство переходящее, или къ коему принадлежитъ переходящій, не состоитъ на первыхъ двухъ рекрутскихъ очередяхъ, или, состоя на очереди, представило наемника или зачетную квитанцію; б) что на семействѣ нѣтъ податныхъ и другихъ недопмковъ, а также частныхъ долговъ и что всѣ сборы уплачены до 1-го января слѣдующаго года; в) что перечисляющіеся не состоятъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. За тѣмъ въ мірскихъ приговорахъ на увольненіе отдѣльных лицъ, или части семейства, присовокупляется удостовѣреніе: г) что родители на перечисленіе согласны, или что перечисляющійся ихъ не имѣетъ; д) что въ остающейся части семейства нѣтъ малолѣтнихъ и такихъ, которые бы оставались безъ родителей и средствъ пропитанія, или, въ противномъ случаѣ, что содержаніе ихъ обезпечено перечисляющеюся частию семейства. Наконецъ въ приговорахъ на переходъ въ городскія сословія удостовѣряется: е) что перечисляющійся не принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ, коимъ переходить въ городское общество воспрещено.

Примѣчаніе. Недостигшіе совершеннолѣтія, т. е. двадцати одного года отъ рожденія, допускаются къ перечисленію въ городскія сословія только съ родителями и родственниками, при семействѣ коихъ состоятъ; отдѣльный же переходъ ихъ воспрещается.

3) Лица женскаго пола получаютъ приговоры, съ удостовѣреніемъ только о согласіи родителей, или что таковыхъ нѣтъ, и о томъ, что просящая перечисленія не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, а при переходѣ въ городскія состоянія, также о непринадлежности къ раскольничьимъ сектамъ.

4) Если не существуетъ вышеозначенныхъ причинъ, препятствующихъ переходу въ другія сословія, и желающій перечислиться исполнилъ всѣ установленныя обязанности въ отношеніи къ своему мірскому обществу, то общество сіе не въ правѣ никому отказать въ выдачѣ увольнительнаго приговора; въ противномъ случаѣ, по жалобѣ просятеля, Удѣльная Контора можетъ собрать всѣ требуемыя свѣдѣнія и выдать свидѣтельство отъ себя.

5) Увольнительные приговоры мірскаго общества свидѣтельствуются мѣстнымъ Удѣльнымъ Приказомъ.

6) Перечисляющіеся въ мѣщанское и сельское сословія, по полученіи увольнительнаго приговора, должны испросить отъ того общества, куда желаютъ поступить, пріемный приговоръ. Если при этомъ переходящій въ мѣщане внесетъ впередъ годовую подать, то общество не въ правѣ отказать ему въ согласіи на пріемъ. Крестьяне, перечисляющіеся прямо въ купечество, равно лица женскаго пола, переходящія въ другія сословія, освобождаются отъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ.

7) Перечисляющееся семейство или лицо, получивъ приговоръ, представляетъ оный при просьбѣ въ Удѣльную Контору, безъ вѣдома которой не можетъ быть совершенъ переходъ. При семъ прилагаютъ: перечисляющійся однимъ лицомъ въ купечество сорокъ рублей, а въ мѣщанство пятнадцать рублей сер. въ пользу пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, возвратившихся въ удѣльные имѣнія; перечисляющіеся же въ составѣ семейства или въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, вносятъ полную сумму только за себя, а за прочихъ членовъ семейства мужескаго пола половину оной, именно: при переходѣ въ купечество по двадцати руб., а въ мѣщанство по семи руб. пятидесяти коп. сер. за каждую ревизскую душу. Съ перечисляющихся въ другія сельскія сословія означеннаго взноса не взимается.

8) Удѣльная Контора о перечисленіи просителей входитъ неуустытельно въ сношеніе съ Казенною Палатою; но о переходящихъ въ другое сельское состояніе непнначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ которое желаетъ перейти проситель, и если со стороны сего вѣдомства не окажется препятствій. Внесенная же сумма присоединяется къ упомянутому пенсіонному капиталу.

9) Казенная Палата, на основаніи представленныхъ документовъ, перечисляетъ просителей въ избранное сословіе съ 1-го января слѣдующаго года, и въ тоже время исключаетъ изъ оклада по прежнему состоянію.

10) До настоящаго утвержденія перечисляющагося удѣльнаго крестьянина, онъ не освобождается ни отъ платежа податей и отправления всѣхъ повинностей по селенію, ни отъ обязанности, въ случаѣ отлучки изъ селенія, имѣть узаконенный паспортъ на прожитіе.

Подписали: Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ Графъ В. Адлербергъ.

Предсѣдатель Департамента Удѣловъ Михаилъ Муравьевъ.

Высочайше утвержденныя Правила о ходатайствѣ по тяжбы нымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній.

1) Для предупрежденія по возможности тяжбы и исковъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній, Удѣльные Конторы и Удѣльные Стряпчіе должны стараться примирять спорящихъ, не допуская ихъ до производства дѣла въ судебныхъ мѣстахъ; предлагать имъ, между прочимъ, разбираться и третейскимъ судомъ по совѣсти, или по закону, на основаніи существующихъ правилъ.

2) Если примиреніемъ искъ не прекратится и на третейское разбирательство спорящіе не изъявятъ согласія, то дѣло поступаетъ, по предъявленному прошенію, въ судебное мѣсто, гдѣ и производится по общимъ правиламъ судопроизводства.

3) По производству тяжбъ, исковъ и вообще гражданскихъ дѣлъ съ лицами другихъ состояній, удѣльными крестьянамъ дозволяется лично ходатайствовать въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, что по дѣламъ обществъ могутъ имѣть хожденіе только лица, которыя будутъ для того назначены по мірскимъ приговорамъ, съ разрѣшенія Удѣльной Конторы.

4) Удѣльные крестьяне могутъ быть повѣренными, какъ крестьянъ своего вѣдомства, такъ и постороннихъ лицъ, но съ вѣдома Удѣльной Конторы.

5) Вмѣстѣ съ правомъ личнаго ходатайства, удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется, по производству въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ ихъ собственныхъ исковыхъ, тяжбныхъ и гражданскихъ дѣлъ, прибѣгать подъ защиту и покровительство Удѣльныхъ Конторъ и Удѣльныхъ Стряпчихъ, а также Департамента Удѣловъ.

6) Стряпчій, распросивъ подробно крестьянъ о существѣ дѣла, обязанъ давать имъ совѣты и наставленія, могущія служить къ большому объясненію правъ ихъ и къ достиженію скорѣйшаго по закону удовлетворенія.

7) Стряпчій предупреждаетъ крестьянъ о всѣхъ обрядахъ, какіе по производству тяжбъ и исковъ въ судебныхъ мѣстахъ должны быть наблюдаемы, и наставляетъ ихъ о непропущеніи сроковъ для начатія дѣла, для рукоприкладства, подписанія неудовольствія выслушанія рѣшенія и приписанія частныхъ и апелляціонныхъ жалобъ.

8) Стряпчему вѣняется въ обязанность, по просьбѣ удѣльныхъ крестьянъ, просматривать, исправлять и сочинять имъ прошенія и жалобы, но подавать ихъ отъ своего имени воспрещается.

9) Въ случаяхъ медленности и проволочки дѣла, Удѣльный Стряпчій, а если встрѣтится надобность и Удѣльная Контора, настаиваютъ, чрезъ Уѣздныхъ Стряпчихъ и Губернскихъ Прокуроровъ, о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла.

10) Удѣльная Контора строго наблюдаетъ, чтобы Удѣльный Стряпчій объясненныя выше обязанности исполнялъ съ точностію и неуклонно.

11) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ Удѣльнаго Начальства, ходатайство по дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ возлагается на Уѣздныхъ Стряпчихъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для Стряпчихъ Удѣльныхъ.

Подписали: Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ Графъ
В. Адлербергъ.

Предсѣдатель Департамента Удѣловъ *Михаилъ Муравьевъ.*

**ДОГОВОРЫ ВОЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ, XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА, О
ПОСТУПЛЕНІИ ВЪ КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРОВЫЕ НА СРОЧНОЕ
ВРЕМЯ.**

Въ изданныхъ Археографическою Коммисіею «Актахъ Юридическихъ (1838 г.)» и первомъ томѣ «Актвъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи (1857 г.)» помѣщено нѣсколько записей, которыя были заключены вольными (гулящими) людьми при поступленіи ихъ въ крестьяне и дворовые (Акт. Юрид. №№ 173—184, 186—187, 189—191, 193, 194, 196, 403; Акт., относ. до юрид. быта, №№ 93 и 94); но изъ этихъ актовъ не видно положительно, чтобы въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII-го можно было поступать въ крестьяне иначе какъ *навсегда* (въ вѣчное крестьянство), а въ дворовые иначе какъ въ *кабалу до самой смерти помѣщика* (въ кабальное холодство); можно бы даже, основываясь на ихъ содержаніи, заключить о противномъ. Такъ въ одной записи, 1690 года декабря 15, поступающій въ крестьяне говоритъ: «а будетъ я Иванъ за государемъ своимъ, взявъ ссуду, жить не стану и всякаго крестьянскаго заводу на тѣ денги не заведу, и изъ за него куды сбѣгу, и ему (помѣщику) по сей ссудной записи взять тѣ свои ссудные денги на мнѣ Иванѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, и волюю ему государю моему меня продать и заложить и самому владѣть.» Въ другомъ, еще ненапечатанномъ, актѣ читаемъ: «а за ссуду мнѣ Петру съ женою своею и съ дѣтми у Артемья Григорьевича и у жены его и у дѣтей *жить во крестьяняхъ вѣчно*, и живучи во крестьяняхъ всякая работа работать и во всемъ его Артемья Григорьевича съ женою своею и съ дѣтми и жены его и дѣтей въ работѣ слушать, дурна и хитрости надъ животомъ его не учинить и покрадчи животвъ его отъ него Артемья Григорьевича, отъ жены его и отъ дѣтей не сбѣжать.» Въ кабальныхъ же служилыхъ записяхъ встрѣчается постоянно выраженіе: «служить мнѣ у государя своего во дворѣ его *по его животъ*,» или «во дворѣ жити и служить *по вся дни*». Недавно мнѣ посчастливилось однако найѣти четыре записи, которыя свидѣтельствуютъ, что и въ означенное время были примѣры поступленія въ крестьяне и дворовые на срокъ. Полагаю, что эти акты заслуживаютъ особеннаго вниманія

не только какъ матеріалы для исторіи русскаго законодательства, но, при предстоящихъ перемѣнахъ въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и дворовымъ, и въ значеніи практическомъ, тѣмъ болѣе, что два изъ нихъ указываютъ на существованіе у насъ въ старину найма въ крестьянскіе работы, кромѣ отдѣльных лицъ и семействъ, также *артелями*. Вотъ основаніе почему я сообщаю прилагаемые здѣсь документы.

Н. КАЛАЧОВЪ.

I.

Запись о поступленіи Леонтія Иванова, Дмитрія Анисимова, съ ихъ семействами, и Василя Анисимова въ крестьяне на семь лѣтъ.

Се азъ Леонтей Ивановъ сынъ Иноземцовъ, съ женою своею Анною Филипповою да съ дочерью, да съ дѣтми съ Микитою да съ Епифаномъ, да язь Дмитрей Анисимовъ сынъ, съ женою своею Василисою Филипповою дочерью, да съ сыномъ своимъ Иваномъ Дмитриевымъ, да язь Василей Анисимовъ, вольные Великаго Государя люди ⁽¹⁾, всѣ мы наймиты дали мы сію на себя запись на Сызранѣ Григорью Алексѣеву сыну Сабанину въ томъ: въ нынѣшнемъ 1700 году февраля въ девятый надесять день нанялись мы наймиты Леонтей съ товарищи, кои въ сей записи имена наши писаны, и дѣти, у него Григорья всякую черную работу въ его деревнѣ въ Сибирскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сычовкѣ, пашню пахать, и залоги роздирать, и лѣсъ всякой ронить, и хоромы строить, и сѣно косить, и дрова возить ему Григорью, и хлѣбъ всякой жать, и съ поля его Григорьева прятать хлѣбъ въ гумно, и кто изъ насъ наймитовъ умѣетъ топоромъ плотничать, и намъ наймитомъ дѣлать на него Григорья всякое хоромное строеніе, или что онъ Григорей заставитъ, все дѣлать. И намъ наймитомъ его Григорья и жены его и дѣтей и домашнихъ его, кому онъ прикажетъ, слушать и ни въ чемъ не огурятца. А работать намъ наймитомъ тое всякую работу на своихъ лошадяхъ. А нанелись мы наймиты у него Григорья къ той работѣ отъ секова числа впредь до сроку на семь лѣтъ. А жить намъ наймитомъ тѣ урочные годы въ той его Григорьевой деревнѣ

⁽¹⁾ Въ подл. списокъ. вмѣсто «люди» написано въ другой разъ «государя».

на еѣо Григорьевой землѣ съ женами и съ дѣтми безоброчно и безъ всякаго платежу. А работать намъ наймѣтомъ тоѣ работу на своемъ хлѣбѣ и про своей обиходъ землю распахивать сколько кому погодитца. А редили мы наймиты Леонтей съ товарищи, кои въ сей записи имяны наши писаны, за тоѣ всякую работу у него Григорья всякому человѣку (*) болшимъ по рублю, середнимъ и меншимъ статьи лѣтъ отъ пятнатцети по полтинѣ, и тѣ свои рядные денги мы наймиты Леонтей съ товарищи напередъ взяли за всѣ урочные годы всѣ сполна, что писаны выше сего. И будучи намъ наймѣтомъ Леонтью съ товарищи у той еѣо Григорьевой работы всякіѣ живучи въ той еѣо деревнѣ Сычовкѣ (**), и кому у него Григорья для паряду работы (***), и намъ наймѣтомъ потому жѣ слушать и почитать и ни въ какой работѣ спору и огурства противъ ихъ никакого не доржать и всякому въ своей работѣ промыслу не остановить, и взявъ тѣ свои денги рядные, не отживъ урочныхъ лѣтъ, отъ той работы несбѣжать, и не пить и не бражничать, и никакимъ воровствомъ не воровать, и съ воровскими людьми не знатца, стану и прѣзду воровскимъ людямъ не держать и воровскою рухледью не промыслять, дурна и хитрости никакой и убытковъ (****), и воровскихъ людей подъ еѣо Григорьевы животы не подвести, и самимъ намъ наймѣтомъ не покрасть, и убытка никакого не починить. А порукою мы наймиты Леонтей съ товарищи ему Григорью въ той работѣ и во взятыхъ денгахъ и въ послушаніѣ и въ устойкѣ (sic) ему Григорью и женѣ еѣо и дѣтямъ въ очисткѣ ручались мы наймиты другъ по другѣ, голова въ голову, въ томъ, что мы наймиты не боярскіѣ и не властелинскіѣ и не монастырскіѣ крестьяни и не дворовыѣ чьи люди бѣгле, Великого Государя вольные люди изъ розныхъ городовъ, другъ друга межъ собою знаемъ, всѣ добрыѣ и не воровскіѣ люди. А буде мы наймиты Леонтей съ товарищи, жены и дѣти, кои въ сей записи имяны наши писаны выше сего, нанявся и взявъ денги и не отживъ урочныхъ лѣтъ и работы работать (*****) еѣо Григорья, жены еѣо и дѣтей и кому онъ Григорей прикажетъ, слушать не

(*) Здѣсь должно быть прибавлено «на годъ». См. слѣдующую запись.—(**) Здѣсь должно прибавить: «еѣо Григорья».—(***) Здѣсь должно прибавить: отъ него приказано будетъ. «См. слѣдующую запись.—(****) Въ подл. недостаетъ «не учинить».—(*****) Вмѣсто «и работы работать» должно быть: «работы работать не станемъ, или.»

станемъ и покрадчи животы его сбѣжимъ или убытокъ учинимъ, и не отживъ урочныхъ лѣтъ, покниа работы, сбѣжимъ, или станемъ пить или бражничать, или съ воровскими людьми станемъ знатца, или воровскимъ людямъ станъ и прїѣздъ держать и воровскою рухледью промыслять, или воровать мы наймиты станемъ, или чьи боярскіе и властелинскіе и монастырскіе крестьяни или чьи бѣглые кабалные дворовые люди, или подъ его Григорьевы животы воровскихъ людей подведемъ, или дурно, хитрость и какіе убытки учинимъ или покрадчи животы его Григорьевы снесемъ, или сбѣжимъ, или противъ сей записи въ вышеписанномъ хотя въ маломъ въ чемъ не устоимъ, что писано выше сего въ сей записи, и на насъ наймитахъ Леонтьѣ съ товарищи на всѣхъ по головамъ за одного неправого человѣка, которые въ сей записи имена наши писаны, взять ему Григорью и женѣ его и дѣтемъ тѣ свои протори и убытки, а за сносные животы на насъ наймитахъ Леонтьѣ съ товарищи цѣну по сказкѣ за устойку (sic) и даные денги. А у сей записи послушн: Сызранскіе площадные подьячіе Иванъ Горбуновъ, Акимъ Степановъ, Михайло Кузнецовъ, Филиппъ Шаранкинъ, Ерофей Петровъ. А записъ писалъ тое жъ площади подьячей Ѳедка Шаппинъ, лѣта 1700 году февраля въ 19 день. У подлинной записи на оборотѣ написано: къ сей записѣ Сызранской площади подьячей Васка Талской вмѣсто наймитовъ Леонтья Иноземцова, Дмитрея Анисимова, Василья Анисимова, по ихъ велѣнію, руку приложилъ, да послуховы руки.

II.

Записъ о наймѣ Ивана Юдина Поляка, съ семействомъ, и Василія Степанова, съ семействомъ, въ крестьяне на три года.

Се азъ Иванъ Юдинъ сынъ, Полякъ, съ женою своею Вѣрою Савельевою дочерью, да съ дѣтми съ Антономъ да Потапомъ, да язь Василей Степановъ, съ женою своею Аграфеною Филиповою дочерью, да съ дѣтми съ Петромъ да съ Иваномъ, волные Великого Государя люди, всѣ мы наймиты дали сію на себя записъ на Сызранѣ Григорью Алексѣеву сыну Сабанину въ томъ: въ нынѣшнемъ тысяча семьсотомъ году іюня въ двадесять вторый день нанялись мы Иванъ да Василей съ женами своими и съ дѣтми у него Гри-

горя всякую черную работу въ его деревнѣ въ Сибирскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сычовкѣ, пашню пахать и залоги роздирать, и лѣсъ всякой ронить, и хоромы строить, и сѣно косить, и дрова возить, и хлѣбъ всякой жать, и съ поля прятать въ гумно, и кто изъ насъ наймитовъ умѣетъ топоромъ плотничать, и намъ наймитомъ дѣлать на него Григорья всякое хорошее строеніе, или что онъ Григорей заставитъ, все дѣлать; намъ наймитомъ его Григорья и жены его и дѣтей и домашнихъ его и кому онъ прикажетъ слушать, и ни въ чемъ не огурятца. А работать намъ наймитомъ тое всякую работу на своихъ лошадяхъ. А нанялись мы наймиты у него Григорья къ той работѣ отъ секова числа впредъ до сроку на три года. А жить намъ наймитомъ тѣ урочные годы въ той деревнѣ на его землѣ съ женами и съ дѣтми безоброчно и безъ всякого платежу. А работать намъ наймитомъ тое его работу на своемъ хлѣбѣ и про свой обиходъ землю роснахивать сколько кому пригодится. А радили мы наймиты за тое свою работу у него Григорья всякому человѣку на годъ болшимъ по рублю, среднимъ и меньшимъ статьи лѣтъ отъ пятнадцати по полтинѣ, и тѣ рядные денги мы наймиты напередъ взяли за всѣ урочные годы всѣ сполна. И будучи намъ наймитомъ у тое его Григорьевы всякой работы и живучи въ той деревнѣ, его Григорья, или кому отъ него приказано будетъ, во всемъ быть послушнымъ, спору и огурства не чинить, и не доживъ до сроку отъ той работы не сбѣжать, и воровствомъ никакимъ не воровать, и съ воровскими людьми не знаться, приѣзду къ себѣ и отъѣзду воровскимъ людямъ не держать и воровскою рухледью не промышлять, дурна и хитрости никакой и убытковъ не учинить, и не бражничать, зерною и карты не играть, и воровскихъ людей подъ его Григорьевы животы не подвѣсть, и самимъ наймитомъ его Григорья не покрасть. А порукою мы наймиты въ той работѣ и во всемъ вышеписанномъ и что мы ни чьи бѣглецы крестьяня или дворовые люди ручались другъ по другѣ, и что мы вольные Великого Государя люди и не воровскіе и другъ друга межъ собою знаемъ. А буде мы Иванъ да Василей и жены наши и дѣти по сей записи въ вышеписанномъ въ чемъ не устоимъ, и за неустойку по сей записи ему Григорью и женѣ его и дѣтемъ взять на насъ наймитахъ и на женахъ нашихъ и на дѣтяхъ за виноватого, хотя и за одного человѣка, тѣ свои данные денги и протори и убытки и за сносные животы цѣну по скаскѣ своей, а ся записъ до

урочныхъ лѣтъ въ записъ. У сеіи записи свидѣтели: Сызранскіе пушкарі Михайло Ивановъ сынъ Крупениковъ, Самуилъ Семеновъ сынъ Бердниковъ. А записъ писалъ Сызранскіе приказные избы подьячей Иванъ Степановъ сынъ Талской. У подлинной записи на оборотѣ написано: Иванъ Юдичъ Полякъ, съ женою своею Вѣрою Савельевою, да съ дѣтми своими съ Антономъ да съ Потапомъ у Григорья Сабанина въ деревнѣ Сычовкѣ нанялся всякую работу работать три года и рядные денги по сеіи записи взялъ нынѣ все напередъ, въ томъ сію и записъ далъ, а въ его Иваново мѣсто, по его велѣнію, Сызранской площадной подьячей Петрушка Осиповъ руку приложилъ; Василей Степановъ, съ женою своею съ Огрофеною Филиппевою и съ дѣтми своими съ Петромъ да съ Иваномъ, у Григорья Сабанина въ деревнѣ Сычовкѣ нанялся всякую работу работать три года и срядные денги по сеіи записи нынѣ все напередъ (*), въ томъ сію и записъ далъ, а въ его Васильево мѣсто, по его велѣнію, Сызранской площадной подьячей Митка Ерофѣевъ руку приложилъ; да свидѣтелей вмѣсто ихъ руки.

*Оба акта сняты съ копій, начала XVIII вѣка, писанной не-
исправно.*

III.

Челобитная и сказка по допросу о поступленіи Ивана Михайлова въ бобыли Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго дома.

Великому господину пресвященному Корнплію, митрополиту Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, бѣсть челомъ сирота твой Ивашка Михайловъ. Въ прошлыхъ, государь, годехъ вышелъ я сирота изъ за Свѣйскаго за рубежа съ выходцы въ сторону великаго государя, въ твою святительскую Тесовскую волость, невеликъ, и кормился по добрымъ людямъ работникомъ; а нынѣ я сирота въ возрастѣ и приставаю въ Великомъ Новѣгородѣ кое гдѣ, а крѣпкой пристани себѣ не имѣю. Великій господинъ пресвященный Корнплій, митрополитъ Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, пожалуй сироту своего, вели, государь, меня въ Софійской домъ принять въ бобылки и жить за тобою великимъ святителемъ въ бобыл-

(*) Въ подл. недост. взялъ.

кахъ изъ (*) денсжнаго оброку, а оброкомъ по чему ты, великій государь святитель, пожалуешь, на меня еироту положишь. Великій государь святитель, смилуйся пожалуй!

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на одномъ листкѣ. На оборотѣ, вверху, помята: 185 сентября въ 15 день, роспросить и взять порядная запись.

185-го сентября въ 15 день, въ митрополитѣ въ казенномъ приказѣ Софійскаго дому, передъ казначеемъ старцомъ Пахоміемъ да передъ дьякомъ передъ Андрѣемъ Сназинымъ, вольной гулящей чело-вѣкъ Ивашко Михайловъ въ роспросѣ сказалъ: уроженецъ де онъ Ивашко Ивангородецъ, крестьянскаго отца сынъ, и въ прош-лыхъ де годѣхъ тому нынѣ лѣтъ съ десять вышелъ онъ Ивашко въ сторону великаго государя малъ и присталъ жить въ Софійской вотчинѣ въ Тесовской волости въ деревни Жерятицахъ у крестьянина Ивана Микитина, и жилъ лѣтъ съ пять, и отъ него крестьянина Ивана вышелъ, и нынѣ живетъ въ Великомъ Новгородѣ у посадскихъ людей въ наймехъ, кормитца работою, а въ государе-выхъ дворцовыхъ волостяхъ и въ монастырскихъ вотчинахъ во крестьянствѣ и за помѣщикъ въ холопствѣ нигдѣ не жывалъ и крѣпостнижакіе никому не даывалъ; а нынѣ онъ Ивашко бысть челою великому государю преосвященному Корнилию, митрополиту Великаго Новграда и Великихъ Лукъ, чтобъ ему Ивашку быть въ Софійскомъ дому въ бобылахъ и оброкъ платить съ иными Софійскими Новгородскими бобыли по окладу.

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на одномъ листкѣ. На оборотѣ и въ концѣ акта, на лицевой сторонѣ внизу, подпись: Къ сему роспроснымъ рѣчемъ вмѣсто гулящего челоуѣка Ивана Михайлова бывшей попъ Онинской (?) Терентенце Еуѣміевъ, по его велѣнію, руку приложилъ.

IV.

Запись о поступленіи Федора Демидова Пономарева въ дворовые на десять лѣтъ.

Се азъ Федоръ Демидовъ сынъ Пономаревъ, Сызранской житель, въ нынѣшнемъ тысяча семсотомъ году іюня въ девять день далъ

(*) Въ подл. смѣсто изъ ошибкою п.

сію на себя запись Сызранскіе приказные избы подьячему Ивану Степанову сыну Талскому въ томъ: взялъ я Ѳедоръ у него Ивана на росплату долговъ своихъ денегъ пятьдесятъ рублевъ; а за тѣ денги жпть мнѣ Ѳедору у него Ивана въ домѣ съ женою своею Василискою и съ дѣтьми, съ патчерицею Василискою жъ да сыномъ Петрушкою, отъ сего числа впредь десеть годовъ до такого жъ числа. И живучи мнѣ Ѳедору у него Ивана, всякая работа работать и во всемъ мнѣ Ѳедору и женѣ моей и дѣтемъ его Ивана и жены и дѣтей, что онъ Иванъ или жена его заставитъ дѣлать, слушать, и не доживъ до сроку не сбѣжать: А пить-ѣсть мнѣ Ѳедору и женѣ моей и дѣтемъ его Иваново; а одежду мнѣ Ѳедору у него Ивана имать на всякой годъ по зипуну сермяжному да по шубѣ; а въ нынѣшнемъ 1700 году взять мнѣ Ѳедору у него Ивана двѣ рубахи, двоѣ портки, а впредьидущія годы рубахи и портки носить свое. А порукою по мнѣ Ѳедорѣ ему Ивану во всемъ по сей записи сынъ мой родной Петрушка Ѳедоровъ. А буде я Ѳедоръ противъ сей записи, что въ ней писано выше сего, въ чемъ вышеписанномъ не устою, и ему Ивану и женѣ его и дѣтемъ взять на мнѣ Ѳедорѣ и на женѣ моей и на дѣтехъ по сей записи тѣ свои даные денги съ хорчи и съ убытки, а ся запись въ тѣ урочные годы на меня Ѳедора и на жену мою и на дѣтей ему Ивану и женѣ его и дѣтемъ въ крѣпость. У сей записи свидѣтели: Сызранскіе приказные избы подьячіе Семенъ Ивановъ сынъ Остафьевъ, Сызранскихъ солдатъ капитанъ Алексѣй Іевлевъ сынъ Заузола. А запись писалъ Сызранской приказной избы подьячей Макарь Ефимѣевъ сынъ Гладковъ, 1700 году іюня въ 9 день. У подлинной записи на оборотѣ написано: Ѳедоръ Демидовъ сынъ Понамаревъ у Ивана Талского на росплату долговъ своихъ пятьдесятъ рублевъ денегъ занялъ; а за тѣ денги жить ему Ѳедору съ женою и съ дѣтьми у него Ивана десеть лѣтъ; а въ его Ѳедорово мѣсто, по его велѣнію, Сызранской площадной подьячей Филка Архиповъ руку приложилъ; вмѣсто порутчика Петра Ѳедорова, по его велѣнію, Сызранской площадной подьячей Митка Ероѣевъ руку приложилъ; да свидѣтелевы руки.

Напечатано съ копіи, писанной въ началѣ XVIII вѣка.

Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи отъ Уложенія 1649 года до изданія Свода Законовъ. Разсужденіе на степень Доктора юридическихъ наукъ Маистра гражданского права М. М. Михайлова. СПБ., 1856, стр. VIII, VIII и 202.

Историческій методъ давно уже признанъ необходимымъ условіемъ при изученіи права, въ особенности права положительнаго. Онъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь необходимъ у насъ въ Россіи и для юриста теоретика и для юриста практическаго. Тамъ, гдѣ господствуетъ система новыхъ Уложеній, гдѣ болѣе или менѣе разорвана историческая связь между учрежденіями стараго порядка и новыми уставами гражданской жизни; гдѣ судьи и адвокаты получили значеніе особыхъ строго организованныхъ сословіи, посреди коихъ развилась и установилась доктрина; гдѣ обычаи и правила судебной практики принимаютъ систематическій видъ науки; изученіе коей доступно каждому,—тамъ исторія положительнаго права можетъ почитаться предметомъ второстепенной важности; исторія гражданскихъ законовъ и судебныхъ учрежденій составляетъ науку особую, которая весьма удобно можетъ быть отдѣлена отъ изученія догматическаго и практическаго. У насъ напротивъ изученіе положительнаго права не можетъ довольствоваться одною догматическою частью Свода Законовъ: ни одного почти учрежденія въ немъ невозможно оторвать отъ почвы исторической; на этой только почвѣ и возможно отыскать смыслъ и объясненіе каждому явленію гражданского права, потому что почти каждое глубоко пусто корни въ исторію; а можетъ ли наука довольствоваться однимъ хотя бы и систематическимъ перечисленіемъ разнообразныхъ положеній Свода, не обращая вниманія на идею, выраженную въ каждомъ положеніи, и на историческое ея развитіе? Только прослѣдивъ учрежденіе въ этомъ развитіи до положенія впервые созна-

наго и высказаннаго законодательствомъ можно получить ясное понятіе о томъ, изъ какихъ потребностей общественной жизни оно возникло, какая идея въ немъ выразилась, какую цѣль имѣло оно въ виду, сохранился ли въ немъ первоначальный духъ его и въ чемъ измѣнился сообразно новымъ потребностямъ жизни. Незавидно положеніе и юриста практика, если одна только рутинна, одно только временное и случайное начало служить ему руководствомъ въ примѣненіи законовъ. Если онъ равнодушенъ къ своему дѣлу, довольствуется однимъ формальнымъ исполненіемъ формальнаго долга и никогда не думаетъ о своемъ общественномъ служеніи, то для него не имѣютъ важности никакіе вопросы кромѣ вопросовъ личныхъ. Если же судья не безъ ума носитъ мечъ правосудія, если вопросъ о томъ, что есть истина, свято ставить онъ передъ собою во всякомъ дѣлѣ, и совѣстливое разрѣшеніе этого вопроса полагаетъ цѣлью всей своей дѣятельности, то и передъ нимъ вскорѣ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній и сомнѣній, возбуждаемыхъ противорѣчащими интересами тяжущихся. Въ русскомъ гражданскомъ правѣ и судопроизводствѣ встрѣчаются непрерывно такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ возможно не иначе, какъ при помощи историческаго изслѣдованія. Черѣдко въ этихъ случаяхъ совѣстливому судѣ предстоитъ продолжительный трудъ историческаго изысканія о томъ, въ чемъ заключается истинный смыслъ дѣйствующаго закона, или духъ постепенно развившагося учрежденія: трудъ тѣмъ болѣе тяжкій, чѣмъ менѣе приготовленъ къ нему трудящійся прежнимъ систематическимъ изученіемъ исторіи законодательства.

Заглавіе разсматриваемой нами книги должно было возбудить живѣйшій интересъ и въ ученомъ, посвятившемъ себя теоретическому изученію русскаго права, и въ томъ, кто призванъ къ практическому его примѣненію и истолкованію. Сочиненіе г. Михайлова относится къ такому періоду нашего законодательства, въ которомъ возникли и получили развитіе новыя начала права, доселѣ сохранившіяся въ дѣйстви. Отъ Уложенія 1649 года до изданія Свода Законовъ и въ государственномъ устройствѣ и въ развитіи общественныхъ отношеній сколько произошло важныхъ переменъ, которыя должны были отразиться въ особенности на правѣ гражданскомъ и на судопроизводствѣ. Сколько новыхъ идей

пущено было въ оборотъ, сколько новыхъ вопросовъ породило движеніе общественной жизни! Исследователю нѣтъ уже необходимости искать отрывочныхъ свѣдѣній во множествѣ разрозненныхъ указовъ и нѣтъ повода жаловаться на скудость и разбросанность матеріаловъ: у него подъ руками множество актовъ, систематически указанныхъ въ Сводѣ и изданныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, по которымъ каждое учрежденіе, каждую форму, каждое начало, смутно или ясно сознаваемое законодателемъ, можетъ онъ свободно слѣдить отъ самаго Уложенія, положившаго начало новому праву. На такомъ богатомъ полѣ трудъ исследователя никогда не будетъ трудомъ неблагодарнымъ, если только цѣль его — добросовѣстное изысканіе истины, и если этой цѣли не упускаетъ онъ изъ виду во все время изслѣдованія.

Судя по заглавію книги, мы надѣялись найти въ ней историко-юридическое изслѣдованіе о русскомъ судопроизводствѣ. Эта надежда еще болѣе оживляется предисловіемъ книги. Въ немъ авторъ обѣщаетъ намъ пополнить пробѣлы въ юридической литературѣ, не занятыя еще ученымъ изслѣдованіемъ, ссылаясь на авторитетъ, драгоцѣпный для каждаго юриста — на имя покойнаго Неволнина, по совѣту котораго сочинено предлагаемое разсужденіе, говоритъ, что онъ строго держался въ сочиненіи своемъ порядка историческаго развитія, что имъ вездѣ указано отраженіе древнихъ узаконеній въ законахъ нынѣ дѣйствующихъ, что главная цѣль труда его состояла въ уясненіи основаній и духа русскаго гражданского процесса; наконецъ что четыре года было посвящено имъ на сочиненіе этой книги. Не въ правѣ ли были мы отъ такого труда ожидать выполненія задачи, поставленной ученымъ юристомъ?

Авторъ называетъ свое сочиненіе историко-юридическимъ изслѣдованіемъ; но содержаніе книги едва ли соотвѣтствуетъ названію. За тридцать лѣтъ предъ симъ ходячее понятіе объ исторіи было не таково, какимъ сдѣлалось въ наше время въ Россіи. Теперь странно было бы назвать исторіей учрежденія собранія фактовъ и законныхъ опредѣленій, относящихся къ этому учрежденію, хотя бы такое собраніе составлено было во всей возможной полнотѣ и въ строгомъ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ. Наука назвала бы подобное сочиненіе собраніемъ матеріаловъ, или

указателемъ законовъ, относящихся къ такому то учрежденію, запискамъ объ немъ, но не историческимъ изслѣдованіемъ: столько же права на названіе исторіи народа имѣлъ бы простой хронографъ, на названіе біографіи государственнаго мужа подробный формулярный списокъ о его службѣ. Какъ ни важенъ трудъ собирателя матеріаловъ,—задача историческаго изслѣдователя несравненно важнѣе и сложнѣе. Ему предстоитъ въ остаткахъ и памятникахъ учрежденія уловить идею, которая въ немъ выразилась, прослѣдить ея развитіе сообразно условіямъ мѣстности и времени, опредѣлить ея мѣсто и значеніе въ ряду другихъ однородныхъ учреждений, съ которыми описываемое учрежденіе имѣло связь, и наконецъ представить полный образъ учрежденія въ ту эпоху, до которой изслѣдованіе простирается. Кто близко ознакомился съ внутреннею жизнью своего предмета, кто полюбилъ его тою сердечною любовью, которою всякій изыскатель истины привязывается къ своему дѣлу, тотъ не покинетъ изысканій до тѣхъ поръ, пока памятники прошедшаго еще не скажутъ ему послѣдняго своего слова и пока внутренній смыслъ ихъ еще не совсѣмъ предъ нимъ разоблачился.

Исторія судебныхъ учреждений есть исторія формъ, въ которыхъ производились сулъ и расправа. Форма суда и расправы есть явленіе историческое, слѣдовательно не случайное. Формою устанавливается порядокъ суда; форма—это огражденіе личности гражданина отъ произвола согражданъ и самого судьи, ручательство за неприкосновенность частнаго права и за то, что оно будетъ признано и восстановлено; наконецъ необходимое средство къ достиженію правды юридической тамъ, гдѣ невозможно добыть матеріальную, безусловную правду. Всякая форма является въ слѣдствіе потребности общественной или государственной: ранѣе или позднѣе, по мѣрѣ того, какъ эта потребность возникла. Во всякой формѣ выражается идея; форма развивается и совершенствуется по мѣрѣ того, какъ очищается сознаніе идеи; она можетъ обветшать, исполнить свое назначеніе, сдѣлаться лишнею пружиной безъ смысла въ судебномъ механизмѣ, и тогда настанетъ время отмѣнить ее или замѣнить новою. Указать, когда явилась эта потребность, когда обозначилась и пришла въ сознаніе идея, на сколько форма соотвѣтствовала содержанію въ ту или другую эпоху своего разви-

тія—вотъ дѣло историка, поставившаго себѣ задачею изслѣдованіе судебныхъ учрежденій.

Ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ г. Михайлова. Правда, въ началѣ ея (стр. 7) авторъ спѣшитъ оговориться, что въ историческомъ ученомъ трудѣ не должно искать отвлеченныхъ разсужденій о судопроизводствѣ, что «большинство труда было направлено имъ на историческое обозрѣніе фактовъ въ ихъ исторической связи», что нѣкоторыя теоретическія соображенія соединены имъ, гдѣ было, по его мнѣнію, необходимо, съ «историческимъ развитіемъ», и что его субъективное, критически-ученое воззрѣніе на дѣйствующее нынѣ судопроизводство изложено имъ особо въ видѣ «Положеній». О достоинствѣ этихъ «Положеній» мы скажемъ послѣ, а теперь замѣтимъ, что не отвлеченныхъ разсужденій о теоріи суда требовала отъ автора взятая имъ на себя задача. Безъ пространнаго изложенія ихъ легко можно было обойтись, также какъ безъ краткихъ замѣчаній о теоріи римскаго гражданскаго процесса (стр. 5, 6, 14, 18, 160—164). Римскія учрежденія имѣли бы значеніе тамъ, гдѣ авторъ могъ бы указать, какія именно положенія русскихъ законовъ о судѣ взяты изъ римскаго права; но этого онъ не сдѣлалъ; а общія разсужденія о томъ, что такое судъ, о началѣ подсудности, о значеніи судебного рѣшенія по римскому праву могли входить и не входить въ планъ его сочиненія: они не относились непосредственно къ его предмету—изслѣдованію развитія русскаго гражданскаго процесса. Началъ, по которымъ развивалось у насъ судопроизводство, надлежало искать не въ общей теоріи, а на русской же почвѣ, въ сферѣ русскаго же права и русской жизни, изъ среды которой это право возникло. Въ Уложеніи 1649 года—вотъ гдѣ выразились съ особенною полнотою и ясностію духъ и главныя основанія нашего гражданскаго судопроизводства; на Уложеніе, какъ на главный источникъ новаго права, ссылалось законодательство послѣдующаго времени, когда приступало къ учрежденію новыхъ или къ измѣненію прежнихъ сюда принадлежащихъ формъ; къ началамъ Уложенія возвращалось оно нерѣдко и послѣ этихъ перемѣнъ. Уложеніе и донныѣ остается основою нашихъ гражданскихъ законовъ и нашего гражданскаго процесса. И изслѣдователю можно было твердо надѣяться, что трудъ его не будетъ безплоденъ:

въ этомъ отношеніи законодательство наше представляетъ важныя, до сихъ поръ еще не исполнѣнныя удобства. Въ періодъ Уложенія гражданское право у насъ развивалось казуистически: большую часть статей этого памятника можно назвать выводами изъ прежде бывшихъ примѣровъ, результатами прежнихъ рѣшеній. Въ немъ, какъ справедливо замѣтилъ проф. Морошкинъ, отразилась юриспруденція московскихъ дьяковъ, въ немъ выразилось обычное право Московскаго Государства. Тѣмъ же путемъ образовались новоуказныя статьи. Тотъ же казуистическій характеръ сохранило отчасти и законодательство послѣдующаго времени до изданія Свода Законовъ: доказательствомъ тому служатъ множество помѣщенныхъ въ полномъ Собраніи Законовъ Сенатскихъ указовъ и Высочайшихъ резолюцій, состоявшихся по вопросамъ, вновь возникшимъ изъ спорныхъ дѣлъ гражданскихъ; даже нѣкоторые отдѣльные уставы и положенія (въ особенности наприм. Межевая Инструкція), не смотря на догматическую форму, ясно обличаютъ казуистическое свое происхожденіе, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ безцѣнное ихъ достоинство. Почти изъ всѣхъ такихъ памятниковъ права можно видѣть, какимъ образомъ возникла новая потребность въ законодательствѣ, по какому поводу родилось сомнѣніе, и какое начало принято было при его разрѣшеніи; отсюда видно также, на сколько новое законодательство оставалось вѣрно прежнимъ началамъ, высказаннымъ въ Уложеніи, въ какомъ духѣ разумѣло ихъ и въ какихъ случаяхъ признавало нужнымъ установить новыя начала. Безъ этихъ многочисленныхъ указаній судебная практика потеряла бы путеводную нить, необходимую во многихъ случаяхъ для правильного разумѣнія законовъ, догматически высказанныхъ въ общемъ Сводѣ; а историческое изслѣдованіе о какой бы то ни было части гражданского права представляется безъ нихъ даже рѣшительно невозможнымъ.

Но г. Михайловъ не воспользовался столь богатымъ и необходимымъ источникомъ для своего труда, и трудъ его не достигъ цѣли. Говоримъ: не воспользовался, потому что во всѣхъ статьяхъ Уложенія, во всѣхъ указахъ и уставахъ послѣдующаго времени для него имѣетъ важность только мертвая буква, а духъ, живой и животворящій духъ закона, внутренній смыслъ, заключенный въ немъ, остается незамѣченнымъ, да и буквальный догматическій

смыслъ (какъ увидимъ впослѣдствіи) передается не всегда вѣрно. Самыя важныя начала, выразившіяся въ нашихъ судебныхъ формахъ, оставлены имъ безъ вниманія. Постараемся доказать это примѣрами, и для того начнемъ съ главы объ основаніяхъ подсудности, въ началѣ которой авторъ высказываетъ мысль, что «изслѣдованіе его будетъ имѣть пользу не только въ ученomъ, но и въ практическомъ отношеніи, ибо все то, что служитъ къ разъясненію столь сложнаго вопроса, каковъ вопросъ о подсудности, предупреждаетъ затрудненія не только частныхъ лицъ, но и самыхъ судебныхъ мѣстъ».

Ни одна форма не подвергалась въ нашемъ судопроизводствѣ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ переменамъ какъ форма подсудности; ни одна не представляется намъ въ такомъ смутномъ видѣ, въ такомъ множествѣ противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ явленій. Отсюда не слѣдуетъ, однакожь, чтобъ должно было вовсе отказаться отъ надежды уловить связь этихъ явленій между собою и главную идею, отражавшуюся въ нихъ въ ту или другую эпоху государственнаго развитія. Если въ XVII-мъ столѣтіи не образовалась еще юридическая идея подсудности, если еще не замѣтно внутренняго начала, изъ котораго истекали бы опредѣленія закона по этому предмету, то конечно была идея политическая, были начала внѣшнія, которыми устанавливались условія подсудности. Не довольно для историка сказать, какъ говоритъ г. Михайловъ, что въ древней Россіи подсудность опредѣлялась различными началами, какъ-то: мѣстомъ жительства лицъ, мѣстомъ нахожденія предмета, званіемъ, сословіемъ, и т. п. Надлежало показать, въ какую эпоху какое начало преобладало, когда проявилось въ первый разъ, по какому поводу выразилось, развилось ли, и на сколько развилось, а если исчезло, то почему и когда исчезло. Такъ напр. въ исторіи подсудности невозможно забыть о связи, которую имѣла она нѣкогда съ началомъ личнаго управленія, господствовавшимъ на Русси; точно также, полагая Уложеніе въ основу изслѣдованія о подсудности, нельзя не упомянуть о томъ, какое существовало понятіе о судѣ въ эпоху когда составлено было это Уложеніе. Многіе думаютъ, что въ древней Россіи право на судъ было личнымъ, вотчиннымъ правомъ на доходы и пошлины, съ судомъ соединенныя, что оно переходило нерѣдко отъ одного лица къ другому какъ бы

въ видѣ собственности, раздавалось въ награду, и пр. Здѣсь не мѣсто разсуждать вполне ли доказано это мнѣніе; однако неоспоримо, что финансовый вопросъ о доходахъ и пошлинахъ занималъ на судѣ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Право судить было доходное право. Вопросы о подсудности были вопросами о предѣлахъ этой власти и этого права: мудрено ли, что исторія наша такъ обильна опредѣленіями подсудности? Съ другой стороны столкновениемъ интересовъ судьи съ интересами лицъ подсудныхъ объясняются тѣ судебныя привилегіи, которыя въ такомъ множествѣ давались общинамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ большая часть постановленій о подсудности имѣла у насъ характеръ привилегій то въ пользу лицъ судящихъ, то въ облегченіе лицъ подсудныхъ. Отсюда ясно, что изслѣдованіе о подсудности невозможно отдѣлать отъ изслѣдованія о мѣстахъ и лицахъ, производившихъ судъ, и о предѣлахъ ихъ вѣдомства. Вотъ почему мы въ правѣ были искать въ сочиненіи г. Михайлова подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, какіе были Суды въ Россіи въ періодъ Уложенія и чѣмъ они завѣдывали; но не находимъ этихъ свѣдѣній. Прочтя всю первую главу разсужденія, не узнаешь ничего о томъ, гдѣ или у кого обиженный могъ искать себѣ судебной защиты. Въ противность существеннымъ условіямъ всякаго историческаго изслѣдованія, авторъ начинаеть исторію съ конца, т. е. съ изложенія началъ подсудности по Своду Законовъ; вслѣдъ за тѣмъ, ссылаясь на прежнюю свою диссертацию о судопроизводствѣ до Уложенія, на двухъ страницахъ доказываетъ, что до Уложенія не было общаго основанія для опредѣленія подсудности и приводитъ восемь различныхъ началъ ея, въ числѣ которыхъ помѣщено у него «право владѣнія землею съ правомъ суда и личныя привилегіи, избавлявшія отъ обыкновенной подсудности,» послѣ чего уже переходитъ прямо къ Приказамъ, какъ Московскимъ судамъ Государства въ XVII столѣтіи. Ниже Приказовъ авторъ не спускается и оставляетъ безъ вниманія цѣлые два ряда судовъ, учрежденныхъ для отдѣльныхъ мѣстностей и по особымъ началамъ подсудности. Ни однимъ словомъ не упоминаеть г. Михайловъ о судахъ крестьянскихъ, и только мимоходомъ говоритъ о судахъ городскихъ воеводскихъ. Крестьянскіе суды, правда, оставались въ XVII столѣтіи почти въ томъ же видѣ, въ какомъ

были во времена Судебниковъ; но судебная власть воеводъ въ періодъ Уложенія требовала обстоятельнаго изслѣдованія. Воеводскому суду подчинены были въ XVII столѣтіи въ особенности лица, пользовавшіяся прежде привилегіями на основаніи не-судимыхъ грамотъ, и въ Уложеніи высказано рѣшительное намѣ-реніе правительства дать этому суду значеніе общаго городского; Уложеніемъ же постановлено ограниченіе воеводскаго суда по пред-метамъ и по цѣнѣ тяжбы, слѣдовательно высказано важное юриди-ческое начало. Но сверхъ Московскихъ Приказовъ авторъ почелъ лишь нужнымъ остановиться еще на Расправной Палатѣ, слѣдова-тельно ограничился судами центральными. Впрочемъ и о вѣдомствѣ Московскихъ Приказовъ никто не получилъ яснаго понятія по книгѣ г. Михайлова. Правда, въ ней помѣщена особенная таблица о предметахъ вѣдомства Приказовъ, которая принесла бы пользу еслибъ здѣсь принято было въ основаніе какое либо начало дѣленія; но въ томъ видѣ, въ какомъ эта таблица составлена, она есть не что иное какъ собраніе выписокъ безъ общей связи и порядка. Основаніями подсудности въ Приказахъ въ періодъ Уложенія авторъ почитаетъ предметы дѣла, сословія, мѣсто жительства лицъ и мѣсто положенія имущества, и присоединяетъ къ нимъ пятое основаніе «апелляціоннаго порядка.» Мы думаемъ, что при составленіи таблицы было бы очень возможно принять началомъ дѣле-нія Приказовъ изчисленные основанія подсудности и подвести подъ каждое изъ нихъ тѣ Приказы, въ вѣдомствѣ коихъ то или другое основаніе преимущественно выражалось: тогда читатель вмѣстѣ съ авторомъ получилъ бы по возможности ясное понятіе о распредѣленіи подсудности между Приказами. Вмѣсто того въ таблицѣ г. Михайлова всѣ указанныя имъ основанія и всѣ При-казы перемѣшаны такъ, что нѣтъ возможности найти руководи-тельную нить, по которой можно было бы распутать смѣшеніе.

Покончивъ съ Приказами, авторъ переходитъ къ реформамъ Петра Великаго. Глава о подсудности еще не кончена, и мы въ правѣ ожидать, что познакомимся съ учрежденіями Преобразо-вателя Россіи относительно этого предмета. Вмѣсто того встрѣча-емъ пространное разсужденіе о томъ, что коллегіальность, введен-ная Петромъ В., была древнимъ русскимъ началомъ; что вообще древ-нія начала судоустройства и подсудности не были имъ измѣнены;

что преобразованія его состояли въ заимствованіяхъ формъ безъ содержанія (?). Далѣе говорится объ учрежденіи Сената и о распредѣленіи въ немъ дѣлъ, о Сенатской Канторѣ, о генераль-рекетмейстерѣ и генераль-прокурорѣ; наконецъ перечисляются Коллегіи, и вотъ все что говоритъ г. Михайловъ о преобразованіяхъ въ подсудности, введенныхъ Петромъ В. Ни слова о томъ, приведена ли сколько нибудь въ систему та затруднительность, неопредѣленность и несообразность, которую самъ авторъ видѣлъ въ прежнемъ распредѣленіи подсудности; ни слова о томъ, какія начала проявились въ новыхъ учрежденіяхъ по этому предмету. Между тѣмъ нельзя пожаловаться на недостатокъ узаконеній Петра В. о подсудности и о судоустройствѣ. При немъ сдѣланъ впервые рѣшительный шагъ къ отдѣленію судебной власти отъ власти правительственной и судебного вѣдомства отъ административнаго. Учреждены новые общіе суды, новые суды для сословіи. Отдѣленіе вотчинныхъ дѣлъ и назначеніе для нихъ особаго суда ландрихтеровъ, судъ вице-комендантовъ, комендантовъ и оберъ-комендантовъ, потомъ, съ новымъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи и провинціи, утвержденіе въ подсудности территориальнаго начала и какъ выраженіе его новые суды: Уѣздные, Земскіе, Нижніе, Городовые, Нижніе Провинціальные и Высшіе Надворные; городовые ассесоры, судебные комиссары, наконецъ управители духовныхъ дѣлъ по городамъ, для спорныхъ исковъ противъ духовныхъ лицъ,—всѣ эти учрежденія забыты въ книгѣ г. Михайлова, хотя онъ считаетъ себя въ правѣ сказать: «мы обозрѣли все касающееся до подсудности, начиная съ Уложенія 1649 года до Петра Великаго включительно.» Въ передачѣ дѣлъ о завѣщаніяхъ и другихъ, подлежащихъ духовному суду, въ Помѣстный и Судный Приказы и Юстицъ-Коллегію, въ подчиненіи свѣтскимъ правительствамъ и Духовной Коллегіи дѣлъ о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ выразилась важная для подсудности мысль о секуляризаціи; но г. Михайловъ упоминаетъ объ этой реформѣ только мимоходомъ и ни слова не говоритъ о другомъ высказанномъ въ узаконеніяхъ Петра Великаго началѣ подсудности по сословіямъ: о судахъ торговаго сословія, о Бурмистерской Палатѣ и Ратушѣ, о Бургомистрахъ и Городовыхъ Магистратахъ. А это учрежденіе такъ замѣчательно, что забыть объ немъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было, тѣмъ болѣе что оно удержалось

и тогда, когда, по смерти Петра В., снова отмѣнено было въ первыхъ инстанціяхъ введенное имъ коллегіальное устройство суда, и судебная власть, съ возстановленіемъ прежняго областного устройства, возложена по прежнему на Губернаторовъ и Воеводъ «съ товарищи.» И объ этой перемѣнѣ книга г. Михайлова не упоминаетъ, равно какъ и о всѣхъ другихъ измѣненіяхъ въ подсудности при первыхъ преемникахъ Петра. А въ это время учреждены въ Москвѣ Судный и Сыскный Приказы, въ Коллегіи Экономіи Синодальнаго Управленія сосредоточенъ судъ въ дѣлахъ духовенства и подвластныхъ ему людей, учреждены Словесные Суды вмѣсто прежнихъ таможенныхъ, установлено особое вѣдомство для дѣлъ по векселямъ и долговымъ обязательствамъ купцовъ съ лицами разныхъ званій, изданы многочисленныя судебныя привилегіи. Авторъ обо всемъ этомъ не упоминаетъ. Но еще удивительнѣе, что онъ не говоритъ ни слова объ учрежденіяхъ Императрицы Екатерины II, которыми установлены новыя начала подсудности, лежащія въ основаніи нынѣ дѣйствующаго законодательства. Рѣшительное отдѣленіе гражданской судебной власти отъ уголовной и суда отъ управленія, устройство судебныхъ мѣстъ по новой системѣ и на новыхъ основаніяхъ, право судиться членами того же сословія, впервые высказанное въ видѣ общаго начала, а не въ видѣ привилегіи; наконецъ начала совершенно новыя, выраженные въ учрежденіи Совѣстнаго и Надворнаго Судовъ,—неужели всѣ эти явленія не заслуживали вниманія? Ни одного начала подсудности невозможно прослѣдить по книгѣ г. Михайлова по тѣмъ отрывочнымъ и неполнымъ фактамъ, которые онъ у себя собралъ, хотя на страницахъ книги часто упоминается объ историческомъ развитіи. Нельзя поэтому ожидать и практической пользы отъ разсужденій о подсудности, высказанныхъ въ книгѣ. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, практическая разработка юридическаго вопроса тѣсно связана съ историческимъ его изслѣдованіемъ; ни слѣпая рутина, ни отвлеченные выводы и фразы не имѣютъ въ практикѣ разумнаго значенія и не создадутъ для нея ничего прочнаго и полезнаго, если нѣтъ въ виду разумной идеи, а эта идея не опирается на точныхъ историческихъ данныхъ. Съ другой стороны путь изслѣдователя тогда только можетъ быть вѣренъ, когда ясно понятіе его объ изслѣдуемомъ

предметъ и когда вопросъ къ разрѣшенію вѣрно имъ поставленъ. Недостатки разсужденія о подсудности въ книгѣ г. Михайлова объясняются отчасти сбивчивостью и невѣрностью самого понятія о подсудности, которое въ ней высказывается. Во всякомъ судебномъ процессѣ три главныхъ момента: начало дѣла или вчинаніе иска, судъ въ собственномъ смыслѣ и рѣшеніе. Особыя формы дѣлопроизводства, жалобъ и апелляцій могутъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, измѣняются безконечно и подлежатъ многочисленнымъ условіямъ мѣста и времени; но безъ иска, суда и рѣшенія невозможно представить себѣ судебное дѣло ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ. Цѣль вопроса о подсудности—опредѣлить единство идеи, лежащей въ основаніи иска, и единство мѣста, гдѣ искъ долженъ производиться: вотъ почему этотъ вопросъ имѣетъ такое важное значеніе. Онъ возникаетъ при самомъ началѣ дѣла и разрѣшается окончательно вмѣстѣ съ его начатіемъ: далѣе вопросъ этотъ идти не можетъ, потому что теряетъ уже значеніе, какъ скоро найдено приличное мѣсто для иска и онъ принятъ къ производству. Не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ рѣчи о подсудности при самомъ производствѣ по иску, когда дѣло можетъ переходить отъ одного производителя къ другому, когда требуются мнѣнія отъ разныхъ лицъ, обязанныхъ подавать свой голосъ или имѣть надзоръ за правильнымъ теченіемъ дѣла: какъ скоро дѣло вошло въ судебную колею, всѣ сомнѣнія, могущія возникнуть по этимъ предметамъ, относятся уже къ внутренней дисциплинѣ судебного мѣста, все это побочные, случайные вопросы, не имѣющіе никакого отношенія къ необходимому вопросу, разрѣшаемому окончательно при опредѣленіи подсудности. Странно было бы думать, что вопросъ идетъ о подсудности всякій разъ, когда напр. возникаетъ сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли отослать дѣло изъ судебного мѣста на заключеніе Казенной Палаты, которая сама по себѣ не есть органъ судебной власти, но органъ интересовъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Точно также не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, смѣшивать подсудность съ апелляціею или жалобой. Простая жалоба ведетъ къ повѣркѣ правильности того или другаго дѣйствія судебного мѣста при производствѣ дѣла еще незаконченнаго. Апелляція имѣетъ цѣлью—ревизію всѣхъ дѣйствій суда при производствѣ дѣла, уже рѣшеннаго, и правильности самого рѣше-

нія. Въ томъ и другомъ случаѣ предметъ дѣла, законныя его границы и значеніе вполне опредѣлены, и всякое сомнѣніе о томъ напр. куда должна быть подана жалоба разрѣшается приложеніемъ правилъ не о подсудности иска, а о судебной подчиненности мѣста. Всѣ эти понятія въ книгѣ г. Михайлова смѣшаны. Такъ, говоря о томъ, что дѣла о недвижимыхъ имуществѣхъ, прикосновенныхъ къ разнымъ частямъ казеннаго управленія, производятся въ Гражданскихъ Палатахъ, авторъ прибавляетъ: «но по нимъ требуются заключенія Казенныхъ Палатъ или Палатъ Государственныхъ Имуществъ», и выводитъ отсюда новое, небывалое основаніе подсудности: «здѣсь, говоритъ онъ, видимъ основаніе *совокупнаго* или *совмѣстнаго* разсмотрѣнія одного дѣла нѣсколькими учрежденіями». Авторъ забываетъ при этомъ, что дѣло должно быть единое и судъ для него можетъ быть только единый, а въ двухъ судахъ въ одно и тоже время никакое дѣло производиться не можетъ, забываетъ, что онъ говоритъ о судебной власти, а Казенная Палата не имѣетъ судебной власти и, давая свое мнѣніе по судебному дѣлу, дѣйствуетъ въ качествѣ законнаго защитника правъ одной изъ тяжущихся сторонъ; слѣдовательно авторъ смѣшиваетъ судью съ участвующимъ въ дѣлѣ,—понятія весьма различныя. Для мнимой подсудности во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ г. Михайловъ придумываетъ даже особенное названіе—*начало судебно-административное*. Замѣтимъ еще, что приводимый случай представленъ въ книгѣ его какъ исключеніе изъ общаго правила, какъ аномалія, допускаемая въ спорныхъ дѣлахъ между различными казенными управленіями, да еще въ тяжбахъ о государственныхъ имуществѣхъ; но какъ ошибется тотъ, кто повѣритъ книгѣ на слово, не зная что не только въ Гражданской Палатѣ, но и въ Уѣздномъ Судѣ и въ самомъ Сенатѣ соблюдается подобный же порядокъ по всѣмъ дѣламъ, прикосновеннымъ къ казенной собственности, хотя бы въ нихъ участвовало частное лицо и одно только казенное управленіе?

Тотъ же неясный взглядъ на подсудность вовлекъ автора и въ другія ошибки. Такъ на стр. 25 и д. подробно разбираетъ онъ какія дѣла о бракахъ подлежатъ суду духовному, какія изъ нихъ предоставляются разрѣшенію Епархіальнаго Архіерея и какія рѣшатся въ Синодѣ; потомъ, переходя къ дѣламъ о бракахъ иновѣрцевъ,

находить даже въ подсудности ихъ духовнымъ правительствамъ четыре особыя начала, будто бы совмѣстно и одновременно дѣйствующія! Задача книги относится къ гражданскому, а не къ церковному судопроизводству: въ нее можетъ входить только опредѣленіе взаимныхъ границъ того и другаго, но никакъ не изслѣдованіе о подсудности по дѣламъ церковнымъ. Точно также, замѣчая, что по нѣкоторымъ спорамъ, отъ брачныхъ дѣлъ возникающимъ, какъ то: въ дѣлахъ о кровосмѣшеніи и о присвоеніи соединенныхъ съ бракомъ гражданскихъ правъ, свѣтскій судъ по предметамъ, подлежащимъ вѣдомству суда духовнаго, требуетъ мнѣнія сего послѣдняго, авторъ и въ этомъ случаѣ видитъ особый видъ подсудности, которую называетъ *двустороннею и неравноюбною*. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ подсудность гражданская смѣшана съ духовною. Свѣтскій судъ, приступая къ рѣшенію о правахъ гражданскихъ, сопряженныхъ съ бракомъ, встрѣчаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности самого брачнаго союза и обращаетъ этотъ предметъ къ разрѣшенію суда духовнаго, къ вѣдомству котораго онъ исключительно относится. Подобно сему въ дѣлахъ торговыхъ, въ случаѣ извѣта о подлогѣ акта, Коммерческій Судъ отсылаетъ вопросъ о подлогѣ къ разсмотрѣнію Уголовнаго Суда и отсрочиваетъ у себя рѣшеніе гражданской тяжбы до рѣшенія о подлогѣ. Подобнымъ же образомъ Гражданскія Палаты при разрѣшеніи дѣлъ о литературной собственности, въ случаяхъ сомнительныхъ, требуютъ заключенія Университетовъ. Обо всѣхъ этихъ случаяхъ надлежало бы разсуждать не въ главѣ о подсудности гражданской, а въ главѣ о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ, главѣ, которой вовсе нѣтъ въ разбираемомъ сочиненіи. Во всякомъ переходѣ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, въ апелляціи и въ ревизіи, во всякой пересылкѣ дѣла отъ одного лица, имѣющаго голосъ на судѣ, къ другому, авторъ готовъ видѣть подсудность. Едва ли можно допустить такую неопредѣленность взгляда въ области права, гдѣ всякое понятіе должно быть опредѣлено со всевозможною строгостью и вѣрностью, гдѣ всему должны быть положены неизмѣнныя границы. Искъ о правѣ невозможно смѣшивать съ жалобою на рѣшеніе, судъ строго отличается отъ ревизіи: и подсудность должна быть отличена отъ подчиненности. На судѣ споръ разрѣшается подлежащимъ

органомъ суда, въ законной области котораго находятся спорящія лица, предметъ спора или имущество спорное. При ревизіи правильность рѣшенія повѣряется высшею инстанціей, имѣющей власть судебного контроля надъ низшимъ мѣстомъ, производившимъ судъ. Авторъ книги, повидимому, не признаетъ этого различія и отыскиваетъ начало подсудности въ апелляціи. Однимъ изъ основаній подсудности въ Московскихъ Приказахъ принимаетъ онъ апелляціонный порядокъ, и это тѣмъ болѣе странно, что въ періодъ Уложенія не могло быть рѣчи въ Московскомъ Государствѣ объ апелляціи и объ апелляціонномъ порядкѣ,—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова принимаются въ наше время. Тогда не было еще строгой постепенности въ переходѣ дѣлъ, не было инстанцій въ нынѣшнемъ значеніи. Дѣла, начатыя у воеводъ, пересылалась ими въ Москву; дѣла, начатыя въ Москвѣ, предоставлялись рѣшенію воеводъ, и главное основаніе перехода дѣлъ изъ высшихъ судовъ въ низшіе было весьма неопредѣленное: «если за чѣмъ какого дѣла рѣшить не мочно». По крайней мѣрѣ половина главы о подсудности занята въ книгѣ разсужденіемъ объ устройствѣ высшихъ инстанцій и Сената, о переносѣ дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія и о должности Фискаловъ, которая не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ подсудности. Внутреннее распредѣленіе дѣлъ въ Сенатѣ между столами по указу 1711 года тоже названо подсудностью. По дѣйствующимъ нынѣ законамъ рѣшенія Горныхъ Правленій о правѣ частныхъ лицъ на рудники, въ случаѣ согласія Горныхъ Начальниковъ, могутъ быть, въ пзвѣстномъ случаѣ, исполняемы безъ представленія на ревизію Сената: этимъ правиломъ опредѣляется когда рѣшеніе можетъ почитаться вошедшимъ въ полную законную силу; но авторъ относитъ и сего къ подсудности и открываетъ въ немъ—*вліяніе административнаго начала* на подсудность при переходѣ въ высшую судебную инстанцію, т. е. въ Сенатъ. Такое сбивчивое понятіе о подсудности поставляетъ иногда самого изслѣдователя въ затруднительное положеніе: такъ, останавливаясь на спорахъ о людяхъ и крестьянахъ между казною и частными лицами, онъ не находитъ въ законахъ яснаго постановленія о подсудности ихъ, тогда какъ общее правило 2651 ст. Зак. Гражд. (изд. 1842 г.), о подсудности по дѣламъ вотчиннымъ, не оставляетъ здѣсь мѣста никакому сомнѣнію. Но авторъ не обра-

щается къ этому простому и ясному правилу, а ищетъ указаній въ томъ, что дѣла сего рода начинаются по требованіямъ мѣстъ и лицъ, коимъ крестьяне подвѣдомы, и препровождаются на заключеніе изъ Гражданской Палаты въ Казенную: отсюда выводитъ онъ для подсудности такихъ дѣлъ новое, необъяснимое *«начало вѣдомствъ»*.

Все эти мнимыя начала на 28 стр. книги выдаются читателю за основанія подсудности, принимаемыя дѣйствующимъ нынѣ законодательствомъ. Замѣтимъ кстати, что въ числѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ авторомъ поставленъ законъ, по которому дѣла о людяхъ, ищущихъ свободы по прожизнательству у разночинцевъ, производятся въ Губернскихъ Правленіяхъ, тогда какъ этотъ законъ въ 1845 году отмѣненъ и дѣла сего рода велѣно производить въ Уголовныхъ Палатахъ. Задача изслѣдованія простиралась конечно только до перваго изданія Свода, но въ главѣ о подсудности авторъ вездѣ доводитъ свое изслѣдованіе до позднѣйшаго времени и цитуетъ статьи Свода по второму изданію.

Слѣдующая глава говоритъ объ отношеніяхъ тяжущихся и ихъ повѣренныхъ къ суду. Она начинается теоретическими разсужденіями о тяжущихся сторонахъ. Но теоретическія разсужденія не всегда удаются автору. Такъ, говоря о встрѣчномъ искѣ, онъ увѣряетъ, будто здѣсь «при самомъ началѣ производства суда обнаруживается, что отвѣтчикъ не только не причастенъ къ иску на него предъявленному, но напротивъ того самъ имѣетъ искъ на истца. Этотъ какъ бы двойственный ударъ (?) съ разу опредѣляетъ истинное положеніе тяжущихся, при которомъ истецъ не есть истецъ по иску по имъ дѣлу и кромѣ того отвѣтчикъ своему мнимому отвѣтчику по другому дѣлу; отвѣтчикъ же не только не отвѣтчикъ неправильному истцу по первому иску по симъ послѣднимъ дѣлу, но самъ настоящій къ нему истецъ по дѣлу другому. Это какъ бы родъ юридической формулы, которую, какъ мнѣ кажется, можно выразить такъ: А не В, но С въ отношеніи къ Е; Е не С, но В въ отношеніи къ А.» Смѣемъ увѣрить ученаго автора, что отвѣтчикъ какъ до предъявленія своего встрѣчнаго иска, такъ и по предъявленіи не перестаетъ быть отвѣтчикомъ по первоначальному иску: непричастность его къ этому иску не только не обнаруживается, но даже и не предполагается при началѣ производства дѣла потому

только, что самъ онъ сдѣлался истцомъ: она можетъ обнаружиться не прежде, какъ по окончаніи суда. Точно также и истецъ не перестаетъ быть истцомъ потому только, что истцомъ сдѣлался его отвѣтчикъ. Въ томъ и состоитъ особенность встрѣчнаго суда, что здѣсь каждая сторона есть вмѣстѣ и истецъ и отвѣтчикъ, и не мнимый только, а дѣйствительный, потому что оба иска исходятъ изъ одного и того же источника и опираются на одномъ основаніи; единство дѣла не нарушается этимъ нисколько и предметъ дѣла не раздѣляется надвое. Такъ напр. по одному и тому же договору оба контрагента могутъ почитать другъ друга нарушителемъ условій и отыскивать другъ отъ друга вознагражденія за неустойку, слѣдовательно и истецъ не только ищетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оправдывается, и отвѣтчикъ не только оправдывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ.

Въ IV-й главѣ, говоря о повѣренныхъ на судѣ, авторъ выражаетъ весьма странное мнѣніе, будто бы по Уложенію истецъ или отвѣтчикъ могъ назначить повѣреннаго только въ случаѣ болѣзни, которая должна быть изслѣдована со стороны суда: отсюда выводится такое заключеніе, что Уложеніе вообще неблагопріятствовало назначенію повѣренныхъ и смотрѣло на присылку повѣреннаго не какъ на право истца и отвѣтника, но какъ на необходимое допущеніе изъятія изъ общаго правила, въ случаѣ дѣйствительной болѣзни. Такое мнѣніе положительно противорѣчитъ и общему духу Уложенія и отдѣльнымъ статьямъ его, въ которыхъ говорится о присылкѣ повѣренныхъ. Уложеніе нигдѣ не выражаетъ въ видѣ общаго правила, что всякій непременно обязанъ явиться на судъ лично: напротивъ присылка повѣреннаго на судъ представляется вездѣ дѣйствіемъ обыкновеннымъ, не выходящимъ изъ границъ общаго порядка; а о болѣзни тяжущагося упоминается какъ объ одномъ изъ различныхъ предлоговъ неявки на судъ. Несправедливо и то, будто бы судъ долженъ былъ удостовѣряться въ болѣзни тяжущагося, чтобы дозволить ему прислать за себя повѣреннаго. Осмотръ больного дѣлался въ такомъ только случаѣ, если онъ былъ челомъ, что самъ боленъ, а прислать ему за себя некого, и это дѣлалось для того, чтобы дать ему новую отсрочку, пока обожется. Если пересмотрѣть всѣ статьи Уложенія, въ которыхъ упоминается о присылкѣ на судъ повѣренныхъ (именно X гл. ст.

108, 109, 114, 115, 117, 118, 149, 156, 157, 185, XVI гл. ст. 59), то окажется, что въ одномъ только мѣстѣ (ст. 108) причиною присылки повѣреннаго выставлена въ особенности болѣзнь; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ либо употреблены общія выраженія, изъ которыхъ видно, что тяжущійся долженъ былъ или самъ явиться на судъ или прислать кого вмѣсто себя (напр. «буде кто къ отвѣту не станетъ и въ свое мѣсто никого не пришлетъ»), либо прямо указаны, кромѣ болѣзни, другія причины присылки повѣреннаго, напр. исполненіе временнаго порученія, постоянная служба въ другихъ городахъ, неумѣнье отвѣчать на судѣ. 109-я статья выражается весьма ясно: «буде истецъ . . . пришлетъ за себя .. кого нибуди, а самому ему птти не мочно за болѣзнію или *за инымъ чѣмъ*». Во всемъ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которою оправдывалось бы мѣние, такъ рѣшительно высказанное авторомъ. Онъ останавливается на судебныхъ статьяхъ 1685 года и въ нихъ открываетъ первое расширеніе права присылать на судъ повѣреннаго; по словамъ его, этимъ закономъ положительно было вмѣнено въ обязанность тяжущимся присылать повѣренныхъ, если сами къ суду явиться не могутъ. Но въ судебныхъ статьяхъ 1685 года по этому предмету не высказано ничего новаго: велѣно винить отвѣтника, который самъ на Москвѣ не объявится и въ свое мѣсто никого не пришлетъ. Уложеніе выражалось, какъ мы видѣли, гораздо положительнѣе: за болѣзнію или за инымъ чѣмъ.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на 156 ст. X гл. Улож. о томъ, чтобы повѣренные не съѣзжали съ Москвы до рѣшенія суднаго дѣла. Отсюда заключаетъ онъ, «выникая въ духъ Уложенія», что повѣренные входили нѣкоторымъ образомъ въ составъ суда, какъ лица необходимыя суду на время производства тяжбы. Неужели же къ однимъ повѣреннымъ относилось правило не отлучаться отъ суда до окончанія дѣла? Это было общее правило для каждого изъ тяжущихся: истецъ и отвѣтникъ обязаны были даже давать по себѣ поручную запись въ томъ, что не съѣдутъ съ Москвы; съѣздомъ они обвинялись въ искѣ. Повѣренные подвергались этой обязанности потому именно, что они были представителями отсутствующихъ тяжущихся. Замѣтимъ кстати, что въ книгѣ г. Михайлова только мимоходомъ и вскользь упомянуто объ обязанности тяжущихся не отлучаться отъ суда; а стоило бы труда изслѣдовать

этотъ предметъ подробнѣе. Въ нынѣшнемъ законодательствѣ нашемъ исчезло уже это правило въ первоначальной своей строгости: оно слилось мало по малу съ другимъ весьма любопытнымъ началомъ въ нашемъ судопроизводствѣ, именно съ *хожденіемъ по дѣлу*. Понятіе о хожденіи, выраженное уже въ Уложеніи 1649 года, имѣетъ у насъ свою исторію, для которой немало нашлось бы матеріаловъ въ законодательствѣ XVIII столѣтія; а практическая важность его въ судопроизводствѣ удержалась и до нашего времени.

Переходимъ къ VI-й главѣ—о вызовѣ и явкѣ на судъ. Правила о вызовѣ къ суду изложены въ Уложеніи довольно неясно и сбивчиво и расположены отрывочно, безъ системы: видно, что каждое отдѣльное положеніе взято изъ опыта и бывшихъ примѣровъ, а чему не было примѣра, о чемъ не возникало еще сомнѣнія, о томъ законодательство не упоминаетъ. Исслѣдователю предстоялъ трудъ собрать и согласить эти отдѣльныя положенія и сгруппировать ихъ по тѣмъ общимъ признакамъ, которые содержатся въ разныхъ статьяхъ. Авторъ не сдѣлалъ этого и оттого изложеніе его еще болѣе неясно и сбивчиво, чѣмъ самый текстъ закона. Извѣстно, что по Уложенію исковое дѣло начиналось не подачею исковой просьбы, какъ дѣлается нынѣ, а предварительнымъ дѣйствіемъ, предшествовавшимъ подробному изъясненію иска и имѣвшимъ значеніе *явки объ искѣ*. Это первоначальное дѣйствіе выражалось въ подачѣ на судъ *приставной памяти*,—документа имѣвшаго въ ряду судебныхъ дѣйствій чрезвычайно важное значеніе, такъ что сама челобитная, которая предъявлялась уже на судъ по явкѣ отвѣтника, могла, по просьбѣ его, быть возвращена истцу, если противорѣчила приставной памяти въ обозначеніи иска. Поэтому въ Уложеніи вездѣ говорится сначала: *«буде истецъ приставитъ въ дѣль»*, а потомъ: *«и на судъ искавъ того дѣла»*. Между тѣмъ авторъ на первыхъ же строкахъ VI главы говоритъ утвердительно, будто бы по Уложенію истецъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ челобитною представить въ судъ *лично* приставную память. Правда, черезъ нѣсколько страницъ, выписывая указъ 1690 года, онъ оговаривается, что приставная память предшествовала челобитной; но за чѣмъ же онъ противорѣчитъ себѣ въ отношеніи къ Уложенію? Объ исключеніяхъ, допущенныхъ Уложеніемъ изъ общаго правила о

приставной памяти при встрѣчныхъ и совмѣстныхъ искахъ и о значеніи указа 1682 года, которымъ эти исключенія отмѣнены и неявленныхъ исковъ впредь допускать не велѣно,—не упоминается вовсе. Вызовъ къ суду производился по Уложенію двоякимъ образомъ: или по приставной памяти, чрезъ пристава, который отправлялся самъ въ мѣсто жительства отвѣтника, или по зазывной грамотѣ, которая выдавалась на этотъ конецъ изъ суда самому истцу. Въ томъ и другомъ случаѣ порядокъ вызова, поужденія къ явкѣ и мѣра взысканія за неявку и ослушаніе были совершенно различны. Кромѣ того въ каждомъ изъ этихъ двухъ видовъ вызова было еще подраздѣленіе особаго рода, именно: однимъ порядкомъ вызывался отвѣтникъ, не давшій по себѣ поручной записи о явкѣ къ суду; другимъ порядкомъ тотъ, кто далъ по себѣ такую поручную записъ и послѣ того не являлся на судъ. Но и это раздѣленіе, и важное значеніе поручной записи въ отношеніи къ вызову совершенно упущены изъ виду авторомъ; многія статьи Уложенія оставлены имъ вовсе безъ вниманія, и тѣ, которыя относятся къ вызову по зазывнымъ грамотамъ, перемѣшаны съ статьями, въ которыхъ говорится о вызовѣ чрезъ пристава, такъ что читатель, незнакомый съ источниками, изъ всей этой главы получитъ лишь неполное и неясное понятіе о вызовѣ къ суду по Уложенію. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ указать на все пропуски и недомолвки; но замѣтимъ еще, что въ изчисленіи законныхъ причинъ неявки, по которымъ давалась отвѣтнику отсрочка, пропущены вовсе 149, 185 и 229 стат. X и 22 ст. XVIII гл. Улож., которыми дѣлалось въ этомъ отношеніи снисхожденіе воеводамъ дальнихъ городовъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ, не имѣющимъ родныхъ въ Москвѣ; отвѣтнику въ обидѣ, учиненной бѣглецами его людьми, и наконецъ городовымъ откупщикамъ и товарищамъ ихъ. Говоря о томъ, что Государева служба была законною причиною неявки, должно было пояснить, въ какихъ именно случаяхъ служба могла быть извиненіемъ: служба не полковая, въ городахъ и приказахъ, на воеводствахъ,—не принималась отговоркою.

Глава о обезпеченіи иска ограничивается почти исключительно Уложеніемъ и новоуказными статьями. Авторъ отказывается говорить о послѣдующемъ законодательствѣ XVIII и XIX вѣка и даже о весьма важномъ въ отношеніи къ обезпеченію указѣ 1723 го-

да ноября 5 на томъ основаніи, что постановленіе указа о судѣ по формѣ есть уже нынѣ дѣйствующій законъ. Но, во 1-хъ, за чѣмъ же въ такомъ случаѣ авторъ назвалъ свою книгу «историческимъ развитіемъ судопроизводства отъ Уложенія до Свода Законовъ», и обѣщаль показать намъ связь того и другаго? за чѣмъ въ другихъ частяхъ своего разсужденія, какъ, напримѣръ, въ главѣ о подсудности, излагаетъ намъ содержаніе статей Свода, пренебрегая подробнымъ изложеніемъ историческаго ихъ развитія? Во 2-хъ, касательно обезпеченія исковъ и послѣ 1723 года были дополнителныя и пояснительныя постановленія. Въ 3-хъ, указъ Петра В. о формѣ суда дѣйствительно входитъ въ составъ дѣйствующихъ законовъ, но значеніе его въ настоящее время совсѣмъ не то, какое имѣлъ этотъ законъ въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія. Въ то время форма суда была общею для всѣхъ просительскихъ дѣлъ, исключая розыскныхъ и доноскельскихъ; теперь она составляетъ исключеніе, какъ особая форма судопроизводства, и рѣзко отличается отъ общаго судебного обряда. Изъ книги г. Михайлова должно заключить, что и нынѣ, какъ было въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, по всякому иску требуется отъ отвѣтчика матеріальное обезпеченіе или поручная записка, или самъ онъ берется подъ стражу, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ общемъ порядкѣ этого не дѣлается: отвѣтчики, не имѣющіе никакой собственности, ни порукъ, остаются на свободѣ. Чѣмъ объясняется и когда произошла такая перемѣна? существуютъ-ли и нынѣ способы обезпеченія обыкновенныхъ исковъ, и если есть, то какіе именно, при подачѣ ли исковой, при производствѣ ли дѣла или по рѣшеніи его опредѣляется судомъ обезпеченіе?—на всѣ эти важнѣйшіе и любопытнѣйшіе вопросы книга не даетъ никакого отвѣта. Еслибъ и невозможно было дать намъ отвѣтъ рѣшительный, то самые вопросы такъ существенны, что нельзя было по крайней мѣрѣ не поставить ихъ. Но и отвѣты есть: ихъ слѣдовало лишь поискать въ Полномъ Собраніи законовъ. Присмотримся далѣе къ существу дѣла. По новѣйшему праву нашему, сообразно отличію вотчиннаго судопроизводства отъ исковаго, обезпеченіе *иска* существенно отличается отъ охраненія спорнаго имущества, и по сему послѣднему предмету, неразрывно связанному съ вопросомъ о владѣніи, въ первый разъ постановлены ясныя правила въ Учрежденіи о губер-

ніяхъ 1775 г., дополненыя потомъ указами 1810, 1823 и 1827 годовъ. Г. Михайловъ не отдѣляетъ обезпеченія въ искахъ и тяжбахъ, и объ охраненіи спорнаго имущества говоритъ какъ объ обезпеченіи *иска арестомъ* на имущества, хотя слово *арестъ* присвоено у насъ въ особенности мѣрѣ, принимаемой относительно движимости, въ отношеніи же къ недвижимому въ новѣйшее время образовались два главные способа: *запрещеніе* и *опека*. Ни о томъ, ни о другомъ способѣ авторъ не упоминаетъ вовсе, оканчивая 1685 годомъ свое изслѣдованіе объ арестѣ на имущества. При томъ выборъ неточнаго выраженія повлекъ его въ довольно странную ошибку: вмѣстѣ съ приведеннымъ указомъ 1685 года, о взятіи въ казну спорныхъ вотчинъ, говорится у него о содержаніи въ тюрьмахъ *арестантовъ* на счетъ челобитчиковъ по указу 1720 года.

VIII-я глава книги трактуетъ объ отвѣтѣ и судоговореніи. На пяти страничкахъ она представляетъ намъ выборъ изъ статей Уложенія и указовъ, относящихся къ этому предмету. Безъ системы и порядка авторъ передаетъ своими словами отрывки узаконеній, не останавливаясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, на идеѣ, которая въ нихъ выражается, и не считая нужнымъ прослѣдить исторически ея развитіе. Такъ въ началѣ главы находимъ выписку изъ Уложенія о порядкѣ судоговоренья; далѣе о порядкѣ веденія судныхъ тетрадей. Потомъ приведенъ указъ 1682 г. о томъ, что исковое требованіе должно быть согласно съ приставною памятью; потомъ говорится о судебныхъ срокахъ и тутъ же упоминается о томъ, что отвѣтчикъ долженъ былъ прикладывать руку къ челобитной пѣтца; на слѣдующей страницѣ сказано вскользь объ отмѣнѣ розыска въ 1697 году, тогда какъ не объяснена еще разница между судомъ и розыскомъ; такимъ образомъ читатель проходитъ равнодушно мимо одного изъ важнѣйшихъ узаконеній, которымъ сдѣлана была существенная реформа въ порядкѣ суда. Далѣе на цѣлой страницѣ говорится о допросѣ, хотя прежде не было объяснено значеніе на судѣ допроса и очныхъ ставокъ: слово допросъ очевидно употребляется въ этомъ мѣстѣ изслѣдованія въ смыслѣ распроса, дознанія и розыска чрезъ свидѣтелей; но тутъ же, переходя къ Военскимъ процессамъ, авторъ подъ словомъ: *допросъ*, разумѣетъ уже *судоговореніе*, порядокъ, въ которомъ

предъявляются сторонами отвѣты, возраженія и опроверженія. Читатель невольно долженъ придти въ недоумѣніе: отчего произошло такая перемѣна въ значеніи допроса, почему прежде о допросѣ говорилось какъ о розыскѣ, а потомъ какъ о судѣ; но на это недоумѣніе нѣтъ отвѣта и объясненія въ книгѣ. Между тѣмъ авторъ во введеніи пространно объяснялъ различіе между *jus* и *judicium* по римскимъ законамъ, и читатель, дойдя до VIII-й главы, конечно желалъ бы узнать изъ нея, что разумѣлось подъ словомъ: *судъ*, по законамъ русскимъ. Одна только эта глава и посвящена во всей книгѣ *суду* въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, т. е. одному изъ трехъ главныхъ моментовъ судебного процесса. Неужели однако у однихъ Римлянъ образовалось опредѣленное понятіе о судѣ, неужели юридическій смыслъ предковъ нашихъ былъ такъ бѣденъ, законы ихъ были до такой степени скудны содержаніемъ и мыслию, что изъ нихъ невозможно узнать, какая идея о судѣ выражалась въ ту или другую эпоху нашего законодательства? Теорія говоритъ намъ о двухъ формахъ процесса: *обвинительной*, въ которой дѣйствующими на судѣ лицами представляются сами тяжущіеся, а судья остается въ качествѣ сторонняго посредника и не принимаетъ участія въ судѣ, пока не придетъ ему время сказать свое рѣшительное слово,—и *слѣдственной*, розыскной, когда дѣйствуетъ самъ судья, собирая доказательства и розыскивая правду, а тяжущіеся представляются какъ бы орудіями для достиженія судебной цѣли. Это различіе не случайное, а существенное и необходимое: отъ преобладанія той или другой формы вездѣ и всегда зависятъ дѣятельность судьи въ отношеніи къ тяжущимся, степень вліянія, которое судья можетъ имѣть въ развитіи процесса, положеніе сторонъ передъ судомъ и отношеніе ихъ между собою; въ немъ выражается понятіе цѣлой эпохи или всего народа объ общественномъ значеніи суда и о цѣли правосудія. Русскій изслѣдователь не можетъ избѣжать вопроса о томъ, допускалось ли это различіе въ нашемъ законодательствѣ, какая изъ двухъ названныхъ формъ преобладала въ немъ; если же существовали обѣ формы, то безразлично ли употреблялись или было особое мѣсто для каждой, и наконецъ какіе слѣды прежняго примѣненія той или другой формы остались въ дѣйствующемъ законодательствѣ? Вопросы эти, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ числу

самыхъ важныхъ и любопытныхъ въ исторіи русскаго судопроизводства. Памятники нашего законодательства и суда показываютъ, что форма слѣдственная издревле употреблялась въ немъ наряду съ обвинительною. Последней формѣ соответствовали въ Уложеніи *судъ*, а первой такъ называемыя *очныя ставки*: оба эти названія въ Уложеніи строго различаются. При очныхъ ставкахъ присяга не допускалась, а на судѣ она была употребительнымъ видомъ доказательствъ. Съ очными ставками процессъ не могъ имѣть той цѣльности и замкнутости, какую имѣлъ судъ, и послѣ очныхъ ставокъ принимались новыя доказательства и оправданія, что послѣ суда не дозволялось. Судомъ судились спорныя гражданскія дѣла; розыскъ и очныя ставки были по преимуществу принадлежностью дѣлъ уголовныхъ. Но и въ искахъ гражданскихъ, какъ видно изъ Уложенія, къ элементу обвинительному нерѣдко присоединялся слѣдственный, такъ какъ и по гражданскимъ дѣламъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ распросъ, очныя ставки и даже пытку. При всемъ томъ судъ оставался постоянно господствующею формою процесса по дѣламъ гражданскимъ до 1697 года, когда Петръ В., желая прекратить злоупотребленія, проволочку и ябеды, происходившія отъ свободнаго дѣйствія на судѣ тяжущихся, отмѣнилъ повсемѣстно судъ и очныя ставки и установилъ вмѣсто того розыскъ. Въ 1723 году этотъ порядокъ былъ снова измѣненъ, и указомъ о формѣ суда постановлено въ первый разъ строгое различіе между слѣдствіемъ и судомъ. Въ искахъ гражданскихъ судъ сдѣлался господствующею формою; розыскъ сдѣлался принадлежностью дѣлъ фискальных и доносительскихъ. Этотъ знаменитый указъ составляетъ эпоху въ новой исторіи нашего судопроизводства: можно сказать, что онъ дѣлитъ её на двѣ половины. Такую важность имѣетъ указъ 1723 года именно потому, что въ немъ въ первый разъ выражено строгое и рѣшительное различіе между двумя главными формами судопроизводства, различіе прежде смутно таившееся и только съ того времени ясно сознанный положительнымъ закономъ. Съ этого указа въ судопроизводствѣ нашемъ обозначаются два отдѣла: первый, подъ именемъ *суда*, одною общею формою охватываетъ все спорныя иски и тяжбы между частными лицами; ко второму отдѣлу, подъ именемъ *розыска*, отнесены все дѣла уголовныя и тѣ, которыя въ настоящее

время называются слѣдственными, сопряженными съ казеннымъ интересомъ. Еще одинъ шагъ оставалось сдѣлать до формальнаго отдѣленія уголовныхъ дѣлъ отъ судебно-гражданскихъ, которое совершилось, какъ извѣстно, уже при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Цѣлью указа 1723 года было установить въ судопроизводствѣ новый порядокъ вмѣсто прежней запутанности. Но съ другой стороны съ изданіемъ этого закона завязался, если можно такъ выразиться, въ исторіи нашего судопроизводства узелъ, который и донынѣ не совсѣмъ еще распутанъ. Начало суда, какъ мы видѣли, ясно и рѣшительно было признано законодательствомъ; но судебная практика не была къ нему приготовлена: она дѣйствовала еще подъ вліяніемъ тѣхъ привычекъ, которыя образовались въ ней въ теченіи того времени, когда судъ соединялся съ очными ставками и когда шли осужденные новымъ указомъ. непрерывные толки о томъ, «что есть судъ и что есть розыскъ». Ясная мысль и твердая воля Петра Великаго конечно умѣли бы поддержать единство идеи, имъ выраженной. Но скоро не стало этой мысли и воли, и тогда толки о судѣ и розыскѣ возобновились съ прежнею силой. Введенное Петромъ новое коллегіальное судоустройство было отмѣнено; судебная власть предоставлена губернаторамъ и воеводамъ, и отъ этой мѣры конечно нельзя было ожидать утвержденія судебной практики на строгихъ началахъ, объявленныхъ Петромъ. При всемъ томъ мы видимъ, что еще въ 1738 году (указъ іюня 16) форма суда признавалась общею формою исковаго судопроизводства. Но во второй половинѣ XVIII-го столѣтія замѣтно, что нѣтъ уже чистаго понятія о судѣ, какъ о спорѣ тяжущихся передъ судьей. Присутствіе слѣдственного начала обнаруживается въ собраніи справокъ для разъясненія доказательствъ, представленныхъ сторонами; словесная форма суда замѣнилась письменною, и въ 1762 году Коммерцъ-Коллегія, а въ 1766 г. и самъ Сенатъ, по судебному дѣлу, перенесенному изъ Магистрата, предоставляютъ по неявленнымъ векселямъ разбираться судомъ по формѣ. Форма эта сдѣлалась особеннымъ исключительнымъ видомъ судопроизводства. Розыскъ продолжаетъ однако служить отличительною чертою дѣлъ уголовныхъ и казенныхъ. Какъ скоро изъ гражданского иска возникаетъ предположеніе о преступленіи, судъ уже не можетъ имѣть мѣста и дѣло обращается къ розыску.

Такъ напр. въ 1754 г. бѣглыхъ дѣвокъ, которыя, обокравъ помѣщиковъ, вышли въ бѣгахъ замужъ за служилыхъ людей, велѣно пытать безъ суда, хотя бы мужья ихъ просили суда съ помѣщиками. Такъ въ 1766 году дѣла о купчихъ, выданныхъ несогласно съ довѣренностями, велѣно производить слѣдствіемъ, а не судомъ. Такимъ образомъ розыскъ служитъ внутреннимъ признакомъ, которымъ отличаются дѣла уголовныя отъ судебно-гражданскихъ. Отъ розыска, въ коемъ допускалась пытка, мало по малу отдѣляется, какъ особая принадлежность дѣлъ фискальных, — *слѣдствіе*, при которомъ судья облачается инквизиціонною властью. Наконецъ тому и другому роду дѣлъ дается внѣшняя форма въ особомъ устройствѣ уголовного суда и въ особомъ учрежденіи о судопроизводствѣ по дѣламъ, защищаемымъ правомъ казны.

Въ одномъ изъ положеній, помѣщенныхъ въ началѣ книги, авторъ говоритъ: «учрежденный Петромъ Великимъ судъ по формѣ не былъ преобразованіемъ древняго порядка суда, а только усовершенствованіемъ, то есть дальнѣйшимъ развитіемъ древнихъ чисто русскихъ началъ суда, подъ вліяніемъ иноземныхъ формъ.» Судя по этимъ словамъ мы могли ожидать, что найдемъ въ разбираемой книгѣ довольно подробное изслѣдованіе о судѣ по формѣ и указаніе тѣхъ соображеній, которыя привели автора къ упомянутому выводу. Древнія русскія начала суда дѣйствительно выражены въ указѣ 5-го ноября 1723 года, но сказать не значитъ еще доказать, и читатель хотѣлъ бы видѣть, какія именно русскія начала и въ какихъ именно формахъ выразились. Надобно было выплести въ отдѣльныя положенія указа о формѣ суда, и тогда обнаружались бы ясно какъ связь этихъ положеній съ правилами Уложения о судѣ, такъ всѣ перемѣны и усовершенствованія, сдѣланныя въ прежнемъ устройствѣ, равно какъ общая цѣль и идея реформы. Любопытно было бы также знать, въ какихъ именно частяхъ новаго закона замѣтно вліяніе иноземныхъ формъ, тѣмъ болѣе любопытно, что въ новѣйшее время выводы исторической критики клонились не совсѣмъ въ пользу этого мнѣнія. Но всѣ означенные вопросы изслѣдованіе г. Михайлова оставляетъ въ сторонѣ, а о производствѣ дѣлъ слѣдственныхъ и о развитіи того начала, которое выразилось въ этомъ обширномъ отдѣлѣ, не упоминаетъ вовсе.

Переходимъ къ IX-й главѣ: о доказательствахъ. Авторъ начинаетъ съ *признанія*, и по поводу его говоритъ о присягѣ. Признаніе, по словамъ его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединялось съ присягою; но это выраженіе, въ юридическомъ смыслѣ, не вѣрно. Собственное признаніе и присяга,—это отдѣльные и самостоятельные виды судебныхъ доказательствъ; цѣль того и другаго доказательства—достиженіе истины. Тотъ кто цѣлуетъ крестъ на судѣ, по общепринятому юридическому предположенію, показываетъ о себѣ истину, и нерѣдко случается, что такое показаніе клонится къ невыгодѣ его и можетъ вести къ его обвиненію. Въ такомъ случаѣ обыкновенно говорится, что онъ *повинился*, и доказательствомъ истины словъ его служить не то, что онъ *самъ о себѣ* сказалъ къ собственному ущербу, но то, что онъ сказалъ это *подъ присягою*: къ оправданію-ли, къ обвиненію-ли служило сказанное, это обстоятельство не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на достовѣрность добытой истины: одно крестное цѣлованіе даетъ въ этомъ случаѣ сказанному достовѣрность. Достовѣрность же собственнаго сознанія въ гражданскомъ искѣ основывается совершенно на иномъ предположеніи, именно на томъ, что если истецъ или отвѣтчикъ добровольно отступился отъ права, которое защищалъ прежде, или утвердилъ обстоятельство, клонившееся къ его невыгодѣ, то онъ сказалъ истину. Здѣсь доказательствомъ истины служить то, что ее добровольно утверждаетъ именно лице, къ *ущербу котораго* она клонится. *Volenti non fit injuria*. Стало бытъ признаніе въ юридическомъ смыслѣ не можетъ соединяться съ присягою; но случиться можетъ, что тяжущіеся, которому назначено дать присягу, винится передъ самымъ обрядомъ присяги, еще не выполнивъ его, винится, какъ говоритъ Уложеніе, «у крестнаго цѣлованья» (*). Въ такомъ случаѣ признаніе предшествуетъ присягѣ, а не соединяется съ нею, какъ говоритъ авторъ. Приводимый же г. Михайловымъ, въ подтвержденіе его словъ, примѣръ изъ 29-й ст. XI главы Уложенія вовсе не относится къ предмету. Этотъ примѣръ замѣчателенъ въ другомъ отношеніи: онъ показываетъ, что по Уложенію сила собственнаго признанія, сдѣланнаго передъ

(*) Виниться у крестнаго цѣлованья именно значило: виниться передъ присягою. Въ этомъ можно убѣдиться изъ указа 19-го декабря 1678 года (П. С. З. N 741).

присягою, въ иныхъ случаяхъ распространялась, по наведенію, отъ одного предмета, по которому сознаніе было сдѣлано, на другой, по которому признанія не было.

«Признаніе, хотя и соединялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ присягою, продолжаетъ авторъ, однако, при отсутствіи признанія, не слѣдовало необходимо произвестъ присягу, но слѣдовало продолжать судебное изслѣдованіе по прочимъ доказательствамъ. Но когда другихъ доказательствъ совершенно не было, или бывшихъ было недостаточно, тогда употреблялась присяга. Большею частию присяга назначалась въ случаѣ заирательства, т. е. когда при явномъ соображеніи вины подсудимаго онъ не соглашался признаніемъ покончить дѣло. Вообще отношеніе признанія къ присягѣ основывалось по Уложенію на заирательствѣ» . . . Изъ этихъ словъ можно заключить, будто въ періодъ Уложенія случались такіа спорныя судебныя дѣла, въ которыхъ собственное сознаніе требовалось судомъ безусловно, такъ что безъ него нельзя было и рѣшить спора. Позволимъ себѣ замѣтить, во 1-хъ, что въ спорномъ гражданскомъ дѣлѣ, гдѣ стороны называются истцомъ и отвѣтчикомъ, невозможно говорить о *винѣ подсудимаго*; во 2-хъ, что едва ли можно допустить указываемую авторомъ важность заирательства на судѣ чисто гражданскомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ надлежало бы по крайней мѣрѣ добавить, что рѣчь идетъ о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ судъ, по предположенію преступленія, переходитъ въ розыскъ. Въ половинѣ XVII стол. все спорныя гражданскіе искъ судились судомъ (только въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ употреблялись очныя ставки). На судѣ сами тяжущіеся собираютъ и приводятъ другъ на друга доказательства: судѣ остается взвѣсить ихъ и постановить рѣшеніе: что находилъ онъ въ дѣлѣ, въ чемъ засталъ, въ томъ и судилъ. Съ такимъ понятіемъ о судѣ гражданскомъ несовмѣстно было бы предполагать, что судья не могъ обойтись безъ собственного сознанія, когда другихъ доказательствъ въ дѣлѣ не было, и что для полученія этого сознанія онъ назначалъ присягу. Присяга допускалась не потому, что судѣ необходимо было собственное сознаніе, а потому, что отвѣтникъ отдавалъ на душу истцу или самъ бралъ на душу, а кромѣ вѣры сыскать было нечѣмъ: «Да въ Уложеніи судныхъ дѣлъ, сказано въ указѣ 13 іюня 1683 года, истцу съ отвѣтникомъ вѣрно

давать въ пску вѣра, кто возьметъ на душу». Въ розыскѣ, по прежнимъ понятіямъ, собственное сознаніе почиталось нерѣдко необходимымъ условіемъ для достиженія матерьяльной истины, если она не могла быть обнаружена другими доказательствами, и здѣсь дѣйствительно, по общему предположенію о винѣ обвиняемаго, запретельство его могло почитаться препятствіемъ къ достиженію истины. Но для устраненія этого препятствія розыскъ имѣлъ особое, рѣшительное средство—пытку. Напротивъ въ дѣлахъ судныхъ присяга представляется рѣшительнымъ средствомъ не для того, чтобы достигнуть собственнаго признанія, а для того, чтобы сообщить законную, формальную силу показанію той или другой стороны; безъ этого средства такое показаніе не прибавляло ничего къ дѣлу, какъ голословное; освященное же присягою оно принималось на вѣру и вело къ разрѣшенію дѣла. Изъ соображенія всѣхъ статей Уложенія и указовъ, въ которыхъ говорится о присягѣ, мы видимъ, что присяга была по преимуществу принадлежностью суда, а судъ, по общему правилу, былъ несовмѣстенъ съ очными ставками, исключая вотчинныхъ и крѣпостныхъ дѣлъ: вотъ почему, конечно, въ Уложеніи нѣтъ ни одного случая присяги по дѣламъ этого рода: а въ указѣ 13 іюня 1683 года всѣ крѣпостныя и вотчинныя дѣла раздѣлены на два вида: тѣ, по коимъ объявляются *заряды* (*), и тѣ, по коимъ заряду не объявится: въ первыхъ велѣно давать судъ и вѣру, а въ послѣднихъ давать очныя ставки, но вѣры не давать.

Правда, что большая часть случаевъ, по поводу коихъ Уложеніе упоминаетъ о присягѣ, относятся къ такимъ искамъ, которые возникали изъ обидъ, нарушеній довѣрія и другихъ дѣйствій, сродныхъ съ преступленіями (**), но это не даетъ еще намъ права за-

(*) Крѣпостями по Уложенію назывались вообще письменные договоры. Подъ словомъ: *заряды*, должно, кажется, разумѣть особыя, помѣщаемыя въ крѣпостяхъ условія, дать или сдѣлать что либо (ср. Улож. гл. XX ст. 45). Условія эти конечно могли быть или не быть въ такихъ актахъ, которыми утверждались права вотчинныя на имуществѣ. Объ имуществѣхъ производилась тяжба по крѣпостямъ, а объявленіемъ зарядовъ могъ начинаться истцовъ искъ на лицъ отвѣтчика. Не соответствуетъ ли это различіе раздѣленію исковъ на вещные и личныя?

(**) Здѣсь мы не считаемъ тѣхъ мѣстъ Уложенія, въ которыхъ упоминает-

ключить, что въ однихъ только дѣлахъ подобнаго рода допускалась присяга. Уложеніе вообще столь же бѣдно общими началами и общими юридическими опредѣленіями, сколько обильно правилами, данными въ разрѣшеніе частныхъ случаевъ, такъ что при извлеченіи изъ него общихъ положеній надобно дѣйствовать съ большою осмотрительностію. Намъ кажется, что въ статьяхъ Уложенія о присягѣ естественнѣе было бы видѣть не выраженіе какого либо общаго правила, а именно разрѣшеніе сомнѣній о томъ, допускать ли присягу или не допускать ее? Сомнѣніе это могло возникнуть по самому роду дѣла, въ коихъ возможно было участіе сыскаго начала. Известно, что въ періодъ Уложенія гражданскіе искъ нерѣдко соединяютъ съ уголовными, и въ настоящее время нельзя опредѣлить съ точностію, въ какихъ именно случаяхъ судъ уступалъ розыску или розыскъ суду. По всей вѣроятности судья въ выборѣ способа доказательствъ или въ допущеніи сыска при судѣ руководствовался главнымъ, преимущественнымъ свойствомъ иска: можно было «бити челомъ о судѣ» и «бити челомъ о сыску». Въ Уложеніи говорится въ разныхъ мѣстахъ различно: *учинити по суду; по суду и по сыску; при судѣ, «смѣтитъ по сыску; сыскивать всякими сыски; сыскивать крѣпостными и окольными людьми; буде съ суда сыщется допряма; если сыскать не чѣмъ, то давать судъ и съ суда учинить указъ до чего доведется»*. Въ тѣхъ статьяхъ этого памятника, въ коихъ по роду дѣла назначается присяга (*), первоначально рѣчь идетъ объ удовлетвореніи челобитчика не только по суду, но и по сыску; если же сыскомъ нельзя достигнуть истины («а будетъ сыскати нечѣмъ»), то давать въ такихъ дѣлахъ истцамъ судъ, «а съ суда учинити вѣра, крестное цѣлованье». Это обстоя-

ся о присягѣ какъ о предметѣ, подлежащемъ разрѣшенію («а буде доведется до вѣры, то» гл. XI, ст. 25, 26; XX, 96), или о формальныхъ условіяхъ присяги (гл. XIII, 4, 5; гл. XIV), но разумѣемъ только тѣ статьи, въ которыхъ по роду дѣла положительно назначается присяга (гл. VII, 30; X, 190, 195, 232, 281; XX, 45; XXI, 51). Также не причисляемъ сюда и 2 ст. IX гл., въ которой дѣло идетъ не о судѣ, но объ изслѣдованіи простаго лихоимства при сборѣ пошлины: въ этомъ случаѣ челобитчика предписано допрашивать подъ присягою.

(*) См. предыдущее примѣч.

тельство весьма замѣчательно: мы видимъ, что въ означенныхъ случаяхъ присяга назначается не при сыскѣ, а именно съ суда: при сыскѣ допускается пытка, а присяга дается на судѣ (глава XXI, §1). Такое же отношеніе между пыткой и присягой видимъ и изъ 2-й статьи XIV главы Уложенія о тѣхъ, которые цѣловали крестъ въ разныхъ искахъ трижды: здѣсь нѣтъ уже мѣста суду, потому что не допускается послѣднее судебное доказательство—присяга, а дѣло разбирается сыскомъ и пыткой. Всѣ эти соображенія конечно далеко не изчерпываютъ предмета, но изъ нихъ можно видѣть, какую важность имѣетъ различіе понятій о судѣ и розыскѣ въ изслѣдованіи судебныхъ доказательствъ; а это различіе совершенно упущено изъ виду авторомъ. Отдѣльные случаи, въ коихъ Уложеніе упоминаетъ о присягѣ, вовсе у него не разобраны, и о приведенномъ нами указѣ 1683 года, котораго значеніе очевидно, ни слова не сказано. Впрочемъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету пропуски и невѣрности встрѣчаются въ книгѣ безпрерывно. Укажемъ на нѣкоторыя мѣста. Авторъ говоритъ, что предпочтительное право отвѣтника принять присягу, или дать на душу истцу установлено указомъ 1727 года, тогда какъ правило это положительно вытекаетъ еще изъ Уложенія, хотя и не выражено въ немъ категорически.—По словамъ книги, Уложеніе предписываетъ *давшихъ ложную присягу подвергать наказанію и къ присягѣ не допускать, а подвергать сыску и пыткѣ* (глава XIV, ст. 2); въ источникѣ же говорится о людяхъ, которые уже присягали въ разныхъ искахъ трижды: новыя исковыя дѣла ихъ велѣно вершить сыскомъ и розымать дѣла уже не присягой, а пыткой.—Г. Михайловъ говоритъ: «дѣла, по которымъ въ совокупности съ другими доказательствами принесена и присяга, оканчивать слѣдовало по Уложенію въ возможной скорости». А въ Уложеніи говорится: «которыя дѣла доведется вершить обчими ближними ссылками и крѣпостными и крестнымъ цѣлованіемъ (стало быть тѣ, по которымъ не нужно дальнихъ справокъ) вершить безволочитно. Но и тѣ, по которымъ доведется послать въ города обыскивати—вершить потомуже вкорѣ». Здѣсь очевидно значеніе какъ общаго правила не допускать медленности въ рѣшеніи дѣлъ, такъ и союза и; самъ авторъ прежде утверждалъ, что присяга назначалась по Уложенію «когда, oprичъ вѣры, рѣшить дѣлъ будетъ нечѣмъ»; а теперь онъ

открываетъ особый родъ дѣлъ съ качествомъ рѣшительно невозможнымъ. Предоставляемъ всякому юристу судить: когда была общая ссылка, были крѣпости, то *совокупно съ ними* могла ли быть принесена присяга?—Книга говоритъ, что, въ случаѣ *неявки* къ присягѣ, неявившійся обвинялся *безъ суда*, забывая упомянуть, что по правилу Уложенія (имѣющему силу донынѣ) обѣ стороны ставились къ присягѣ три дня и что неявившійся даже на третью ставку обвинялся не безусловно, а въ такомъ случаѣ, если не станеть *самовольствомъ безъ челобитья*. Слово: «безъ суда» прибавлено самимъ авторомъ, и едвали удачно: мы уже видѣли, что самая присяга назначалась *съ суда*, «когда сыскати было нечѣмъ»; слѣдовательно судъ, т. е. споръ предъ судомъ тяжущихся, долженъ былъ ей предшествовать.—Авторъ говоритъ, что въ спорахъ Русскихъ съ иностранцами жребій рѣшалъ, кому цѣловать крестъ, а изъ 4 статьи XIV главы Уложенія видно, что споры этого рода не представляли исключенія изъ общаго правила: и здѣсь вопросъ о томъ, кому присягать, разрѣшался согласіемъ сторонъ, начиная съ отвѣтника, кто кому отдастъ на душу, и только въ случаѣ несогласія ихъ въ томъ употреблялся жребій.—Упомянувъ объ отводѣ межн посредствомъ образнаго хожденія, книга говоритъ: «кромѣ этого частнаго случая (?) мы не находимъ въ Уложеніи, чтобы присяга необходимо была совершаема въ церкви. Напротивъ, въ немъ мы находимъ, что къ крестному цѣлованію слѣдуетъ приводить въ Приказахъ», и далѣе: «присягать въ церкви установлено указомъ 1678 года декабря 19-го». Положеніе о приводѣ ко кресту въ Приказахъ относится исключительно къ дѣламъ Русскихъ съ иноземцами и нѣтъ ни логическаго, ни историческаго основанія принимать общимъ правиломъ это ясно ограниченное исключеніе. Правда, что общее правило присягать въ церкви не выражено въ Уложеніи, но есть историческія основанія утверждать, что таковъ былъ дѣйствительно общепринятый порядокъ. Во 1-хъ, на него указываютъ исконный обычай грекоримскаго закона, самый обрядъ присяги, взятый изъ правилъ Греческой Церкви, и наконецъ характеръ и значеніе самой присяги по русскому закону. Во 2-хъ, въ указѣ 1678 года сказано: которымъ людямъ..... довелось учинити вѣра, и тѣхъ людей для увѣренія отсылать *по прежнему* въ соборъ Архистратига Михаила къ протопопу съ братьею.

Подъ общимъ заглавіемъ: «о свидѣтеляхъ» книга разсуждаетъ и объ общей правдѣ и о послушествѣ. Жалѣемъ, что авторъ не отдѣлилъ въ своемъ сочиненіи этихъ двухъ понятій и не сдѣлалъ между ними болѣе строгаго разграниченія. Тогда конечно самъ собою означился бы у него вопросъ, важный и въ теоритическомъ и въ практическомъ отношеніи—о необходимыхъ условіяхъ и отличительныхъ качествахъ простаго послушества и общей ссылки; и здѣсь-то теорія, которую авторъ, повидимому, рѣшился изгнать изъ своего «историческаго» изслѣдованія, указала бы ему и на вопросъ и на удобнѣйшій путь къ его разрѣшенію по историческимъ даннымъ. Основаніемъ доказательству чрезъ свидѣтелей служить, во 1-хъ, довѣріе одной изъ тяжущихся сторонъ къ лицу свидѣтеля, выражаемое ссылкой на него передъ судомъ; во 2-хъ, довѣріе другой стороны, или предполагаемое, когда нѣтъ отвода, или выраженное, когда и съ другой стороны есть *согласіе допустить* къ свидѣтельству лице, на которое сдѣлана ссылка; въ 3-хъ, довѣріе закона, законное предположеніе о томъ, что лице, не отведенное одною изъ сторонъ и не признанное въ тѣхъ качествахъ, которыя въ силу закона означаютъ неспособность къ свидѣтельству, покажетъ истину. Вотъ необходимыя условія для дѣйствительности послушества; но ихъ еще недостаточно для общей правды. Понятіе объ общей правдѣ требуетъ, чтобы довѣріе къ лицу свидѣтеля обѣими тяжущимися сторонами выражено было тождественно, въ одинаковой силѣ, т. е. или чтобы ссылка въ самомъ началѣ сдѣлана была по общему согласію сторонъ, или, по учиненіи одною стороною ссылки «въ правду,» другая сторона положительно сослалась бы *въ ту же правду*, на то же самое лицо. Только на такомъ основаніи можно допустить рѣшительную силу общей правды; въ противномъ случаѣ пришлось бы ту же самую силу присвоить показанію хотя бы одного свидѣтеля, котораго другая сторона согласилась допустить къ присягѣ. Таковъ-ли дѣйствительно былъ взглядъ на общую правду стариннаго нашего законодательства? можно ли различить слѣды этого понятія въ Уложеніи и въ узаконеніяхъ новѣйшаго времени? вотъ вопросы, которыхъ изслѣдованіе было бы крайне любопытно. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ. Ограничимся только кстати указаніемъ на 179 ст. X главы Уложенія, изъ которой видно, что

отвѣтчикъ, не допуская выставленнаго истцомъ свидѣтеля въ смыслѣ общей ссылки, могъ въ то же время и по тому же иску *слать*ся на него въ *послушество*.

Мы указали выше на ошибки, въ которыя вовлекло автора уклоненіе отъ теоретическаго взгляда на предметъ свой. Думаемъ, что пренебреженіе къ теоріи было причиною и того, что онъ смѣшиваетъ послушество съ обыскомъ и относитъ къ первому такіа статьи Уложенія, которыя относятся исключительно къ обыску. Свидѣтели допрашивались въ судѣ. Мы имѣемъ право думать такъ по соображенію нѣкоторыхъ статей Уложенія, изъ коихъ видно, что за свидѣтелями посылали пристава, недѣльщика или сыскную грамоту; свидѣтеля требовали на судъ, *на правду*. На такой именно образъ допроса указываютъ и правыя грамоты. Онъ вполне соответствуетъ древнему понятію о судѣ и о послушствѣ, сохранившемуся и въ періодѣ Уложенія. Стороны шлются на лицо послуха, нѣдко онъ и ставятъ его на судъ: судъ же выслушиваетъ его показаніе. Напротивъ въ обыскѣ ссылка дѣлается безъимянно на цѣлую общину или сословіе лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ. Обыскъ поэтому производился на мѣстѣ жительства обыскныхъ людей и не судомъ, а сыщикомъ, «человѣкомъ добрымъ», котораго отряжалъ воевода по требованію суда. Какимъ порядкомъ производился обыскъ, Уложеніе описываетъ довольно подробно (въ 161 и слѣд. ст. X главы); но странно, что авторъ примѣняетъ весь этотъ порядокъ къ допросу свидѣтелей. По Уложенію сыщикъ «сказываетъ обыскнымъ людямъ именно, чтобы они сказывали въ обыску прямо въ правду, никого не бояся и никому не норовя некоторыми дѣлы.» Авторъ нимало не сомнѣвается поставить вмѣсто слова «сыщикъ»—«судья», а обыскныхъ людей превращаетъ въ «свидѣтелей». Сыщикамъ велѣно обыскныя рѣчи писать при себѣ за руками самихъ тѣхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, а у Нѣмцевъ и иноувѣрцевъ за ихъ же руками или тѣхъ, кому они вѣрятъ, или за знамянами ясачныхъ людей.—А по книгѣ выходитъ, что всё это дѣлалось при допросѣ свидѣтелей на судѣ, тогда какъ о порядкѣ такого допроса въ Уложеніи ничего не высказано, кромѣ общаго правила о присягѣ свидѣтелей (гл. X ст. 173). Въ историческомъ изслѣдованіи допускаются конечно и аналогія и предположеніе; но странно было бы не отличить того и другаго отъ положительныхъ пред-

писаній закона. Во всякомъ случаѣ не основательно ли было бы предположить, что когда показаніе давалось на судѣ (производившемся, какъ извѣстно, словесно), передъ судьями, то не было и нужды требовать подписи показаній, и что духовные отцы не пріѣзжали вмѣстѣ съ свидѣтелями съ мѣста жительства ихъ на мѣсто суда для подписи показаній, дававшихся большею частію людьми неграмотными? Не понимаемъ также, на какомъ основаніи авторъ относитъ къ повальному обыску указъ 1782 года, которымъ велѣно производить допросъ свидѣтелей на мѣстѣ ихъ жительства, когда нужно допросить значительное число людей изъ одного или разныхъ селеній.—Не видимъ мы равнымъ образомъ изъ источниковъ, почему бы показанія *старожильцевъ* имѣли особенную силу: въ ряду свидѣтельскихъ показаній сказки старожильцевъ и оковыхъ людей отличались тѣмъ только, что употреблялись тамъ, гдѣ сторонній или молодой человѣкъ не имѣлъ возможности свидѣтельствовать, какъ-то: при отводѣ спорной межи или при дознаніи о старинномъ владѣніи.—Указывая на случаи, въ которыхъ можно было отводить свидѣтелей, авторъ не касается тѣхъ случаевъ, въ которыхъ отводъ не принимался вовсе. А такихъ случаевъ въ Уложеніи указано три (гл. X, ст. 158, 159, 176), и объ нихъ невозможно позабыть.—Въ разсужденіи о повальномъ обыскѣ странно встрѣтить слѣдующее положеніе: «отъ обыска должны быть устранены родственники, люди и пріятель тяжущихся». Какое понятіе можетъ получить объ обыскѣ читатель, если повѣритъ на слово печатной книгѣ! Изстари до нашего времени отличительнымъ свойствомъ повальнаго обыска по дѣламъ гражданскимъ была именно рѣшительная и безусловная невозможность отвода. Авторъ въ подкрѣпленіе своего вывода указываетъ на 161 статью X главы Уложенія. Но въ этой статьѣ сказано: «а которыхъ людей кто учнетъ на судѣ изъ повальнаго обыску отводить и тѣмъ отводнымъ людямъ на судѣ подастъ именную роспись, и напишетъ въ росписи *родъ и племя и друзей многихъ людей*, и тому отводу *не вѣрити, обыскивати всѣми*». Кажется это ясно. На этомъ самомъ правилѣ Уложенія основана 2413 ст. X т. Свод. Зак. Гражд. изд. 1842 г. (412 ст. Зак. о Судопр. Гражд. изд. 1857 г.), въ которой сказано, что при учиненіи повальнаго обыска не дозволяется ни истцу, ни отвѣтчику отвести кого либо изъ обыскныхъ людей, хотя бы причиною

отвода была дружеская или родственная связь съ обыскныхъ людей съ тяжущимся. Старинное положеніе во всей своей цѣльности перешло въ новое законодательство.—Далѣе авторъ пишетъ, что и въ эпоху Уложенія, и при послѣдующемъ развитіи законодательства повальный обыскъ сталъ подъ вліяніе правилъ отвода, отстраненія отъ участія въ обыскѣ лицъ, неспособныхъ къ свидѣтельству. Гдѣ это вліяніе, гдѣ этотъ законъ между Уложеніемъ, допускающимъ отвода при обыскѣ, и Сводомъ Законовъ, который, какъ мы сей часъ видѣли, остался вѣренъ Уложенію? Не видитъ ли его авторъ въ несоуказныхъ статьяхъ 22 января 1669 года? Но въ этихъ статьяхъ, именно въ 28-й, опять говорится: «сыскивать повальнымъ обыскомъ.....всякихъ чиновъ многими людьми *безъ отводу*»; и хотя далѣе предписывается не допрашивать и при обыскѣ дѣтей на родителей, отпущенниковъ на прежнихъ господъ, и работниковъ на хозяевъ, то все-таки этимъ не измѣнено общее правило не допускать отвода. Во всякомъ случаѣ едвали мы имѣемъ право придавать этому закону офиціальное значеніе въ области гражданскихъ судебныхъ дѣлъ. Статьи 1669 года изданы, какъ видно изъ самаго ихъ заглавія, въ дополненіе XX и XXI главъ Уложенія «по разбойнымъ, убивственнымъ и татевнымъ дѣламъ» и потому не приняты въ составъ законовъ гражданскихъ при изданіи Свода, а приведены подъ 260 ст. XV тома Свода Законовъ о Судопроизводствѣ по дѣламъ о прест. и проступк. (изд. 1857 г.), которою велѣно, между прочимъ, отстранять отъ обыска по такимъ дѣламъ дѣтей противъ родителей, вольноотпущенныхъ противъ прежнихъ помещиковъ и находящихся въ услуженіи противъ господъ; впрочемъ и въ этихъ случаяхъ запрещено принимать отъ обвиняемаго отводъ противъ обыскныхъ людей.

«Сила свидѣтельскихъ показаній, говоритъ авторъ, *зависла* отъ различныхъ обстоятельствъ, а именно: 1) *смотря по тому*, кто изъ тяжущихся сослался на свидѣтеля. Въ этомъ отношеніи, если свидѣтель, на котораго сослался тяжущійся, показывалъ противъ его, то тяжущійся обвинялся....» Указавъ на такой случай, не представляющій никакой особенности, авторъ выводитъ изъ него слѣдующее заключеніе: «Уложеніе смотритъ на показанія свидѣтелей *болѣе съ формальной* стороны, нежели съ матеріальной (?). Такъ, не обращаясь къ другимъ доказательствамъ, судъ по Уложенію можетъ

обвинить тяжущагося *только потому*, что онъ *изъ воли слагся* на извѣстныхъ ему свидѣтелей, а тѣ ничего не показали или показали противъ его ссылки.» И такъ, если вѣрить автору, по Уложенію, только та сторона могла быть обвинена свидѣтельскимъ показаніемъ, которая сама изъ воли сослалась на свидѣтеля. Допустимъ противный случай. Положимъ, что истецъ сослался на свидѣтелей, а отвѣтчикъ не отвелъ ихъ или отводъ его не былъ уваженъ. Свидѣтели показали противъ отвѣтника, согласно съ ссылкой истца. Неужели показаніе это не должно имѣть никакой силы къ обвиненію отвѣтника потому только, что самъ онъ не слагся на тѣхъ свидѣтелей? Судя по книгѣ, выходило бы такъ. Подобное ограниченіе силы свидѣтельскихъ показаній было бы весьма страннымъ явленіемъ въ исторіи законодательствъ; но, къ счастью, оно принадлежитъ автору книги, а не Уложенію. Общее правило Уложенія совершенно согласно съ теоріей доказательствъ и приведенный нами случай разрѣшается именно 185 и 189 ст. X-й главы Улож : дѣло велѣно вершить *по сказкѣ* тѣхъ людей, на кого сдѣлана ссылка тою или другою стороною, истцомъ или отвѣтникомъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ ссылается на 160 ст. X-й гл. Улож.; но, къ сожалѣнію, мысль его и здѣсь только скользитъ по буквѣ закона, не доискиваясь въ ней внутренняго смысла. Дѣло въ томъ, что 160-я статья указываетъ не на общее правило: въ ней упоминается объ особенномъ значеніи послушества, когда одна изъ сторонъ ссылается на свидѣтеля *«изъ виноватыхъ»*. Это выраженіе поставлено конечно не случайно и должно имѣть особенный смыслъ, который необходимо было изслѣдовать обстоятельнѣе, потому что оно давно уже исчезло изъ юридическаго языка, а въ періодъ Уложенія составляло, по видимому, общеупотребительный и ясный терминъ. Тоже выраженіе употреблено между прочимъ въ 168, 175, 178, 180 и 182 статьяхъ X-й же главы; а еще ранѣе оно встрѣчается въ правой грамотѣ 1571 года Николаевскому Корельскому монастырю и въ другой 1612 года по дѣлу о владѣніи оброчными пашнями въ Нижней Кехтѣ, помѣщенныхъ въ Юридическихъ актахъ (N 23 и 26). Въ послѣднемъ дѣлѣ ссылка *«изъ виновата»* принята была даже въ основаніе рѣшенія. Изъ соображенія всѣхъ этихъ источниковъ можемъ заключить, что когда истецъ или отвѣтчикъ или оба вмѣстѣ, ссыла-

лся на свидѣтеля, сами желали придать его показанію рѣшительную въ отношеніи къ себѣ силу, т. е. объявляли, что хотятъ «быть правы и виноваты» по его показанію, то ссылка такого рода называлась ссылкой изъ виновата. Показаніе свидѣтеля могло имѣть въ такомъ случаѣ особенную силу въ отношеніи къ тому лицу, которое на него сослалось. Напримѣръ въ обыкновенной ссылкѣ, когда та или другая сторона указывала на свидѣтеля въ доказательство событія или дѣйствія, имѣющаго важность въ дѣлѣ, показанія свидѣтелей служили только средствомъ для удостовѣренія фактовъ, на основаніи которыхъ судья при разсмотрѣніи дѣла могъ заключить кто правъ и кто виноватъ: дѣло рѣшалось «по сказкѣ». Но когда тяжущійся сослался *изъ виновата*, т. е. когда, доказывая свое право или свою невинность, добровольно рѣшался положить то и другое въ руки избраннаго имъ свидѣтеля, подчинялъ себя заранее всему, что онъ ни объявитъ, хотѣлъ тѣмъ свидѣтелемъ «правъ и виноватъ быть»,—въ этомъ случаѣ Уложеніе, по нашему мнѣнію, придавало особенное значеніе ясно выраженной волѣ истца или отвѣтчика и обвиняло его не потому, что высказанный свидѣтелями фактъ прямо указывалъ на его виновность, но потому что свидѣтели, на которыхъ онъ сослался *изъ виновата*, показали «не противъ его ссылки, или хотя и противъ ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, или просто отозвались незнаніемъ». Представимъ себѣ напр., что истецъ требуетъ отъ отвѣтчика возвращеніе взятой на поддержаніе вещи. Отвѣтчикъ, доказывая, что вещь уже возвращена имъ, могъ просто сослаться на людей, которые «про то дѣло вѣдаютъ». Что бы ни показали эти свидѣтели, обвиненіе или оправданіе отвѣтчика могло еще зависѣть отъ суда и отъ разсмотрѣнія другихъ доказательствъ. Но если отвѣтчикъ сослался на свидѣтелей, присутствовавшихъ при возвращеніи вещи «изъ виноватыхъ», объявлялъ, что хочетъ ими «правъ и виноватъ быть», и если эти свидѣтели разнорѣчили между собою или объявляли, что «про дѣло ничего не вѣдаютъ», тогда, по Уложенію, слѣдовало отвѣтчика *тѣмъ* (то есть такимъ показаніемъ) *обвинить*, не допуская дальнѣйшихъ доказательствъ, потому что «онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ волн, а они сказали не противъ его ссылки». Это правило Уложенія, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательно: установленное имъ различіе между простою ссылкой и ссылкой

изъ виновата, не существуетъ уже въ новѣйшемъ законодательствѣ, и кажется было бы несправедливо оставить безъ вниманія эту замѣчательную черту юридическаго смысла нашихъ предковъ.

На страницѣ 131 авторъ говоритъ, что по Уложенію лица бѣлаго и чернаго духовенства, допрашиваемыя въ качествѣ свидѣтелей, освобождались отъ присяги, и далѣе, на страницѣ 136, приводитъ указъ 1753 года, состоявшійся о томъ въ подтвержденіе Уложенія. Намъ кажется, что этимъ еще не все сказано. До 1753 года и даже послѣ того въ нашемъ законодательствѣ замѣтно колебаніе по этому предмету. Уложеніе положительно не допускаетъ присяги духовныхъ лицъ; но въ Воинскомъ Уставѣ о судныхъ процессахъ (гл. III, п. 7) столь же положительно предписано присягать всякому свидѣтелю безъ исключенія, «хотя бы оный и архіереемъ былъ». Сила этого Устава распространена была при самомъ изданіи его на всѣхъ земскихъ правителей; отсюда возникали сомнѣнія, слѣдуетъ ли допрашивать духовныхъ лицъ по Уложенію, или по новому Уставу, и хотя указомъ 1753 года подтверждено было держаться Уложенія, но изъ указа 11 декабря 1767 года видно, что самъ Сенатъ въ то время былъ такого мнѣнія, что лицъ священнаго сана слѣдуетъ допрашивать, согласно Воинскому Уставу, подъ присягою.

Въ числѣ судебныхъ доказательствъ, допускаемыхъ, или требуемыхъ Уложеніемъ, авторъ помѣщаетъ показанія свѣдущихъ людей. По словамъ книги «въ Уложеніи выражено было правило, по которому судъ въ потребныхъ случаяхъ долженъ обращаться преимущественно къ такимъ людямъ, отъ добросовѣстнаго и истиннаго показанія которыхъ можно надѣяться справедливаго показанія». Смѣемъ увѣрить автора, что онъ не найдетъ подобнаго правила въ Уложеніи. Приводимыя имъ 272 и 274 ст. X гл. предписываютъ въ случаѣ порчи драгоцѣннаго камня, взятаго въ работу мастеровымъ, или взятой въ наймы лошади назначать вознагражденіе за испорченное по оцѣнкѣ стороннихъ людей. Ни слова не говорится объ участіи въ оцѣнкѣ людей, свѣдущихъ въ мастерствѣ.

XI-я глава оканчивается отдѣломъ: о письменныхъ доказательствахъ. Мы видѣли, что предыдущая часть сочиненія не отличается ни порядкомъ въ изложеніи, ни полнотою собранныхъ матеріаловъ, ни вѣрностію выводовъ: по крайней мѣрѣ въ ней замѣтно было, что авторъ слѣдовалъ какому нибудь плану, давалъ себѣ трудъ сгруп-

приводить матеріалы; но послѣдующія главы книги, за исключеніемъ развѣ XVI главы объ апелляціи, не представляютъ ничего похожаго на систематическое изложеніе. Начиная съ седьмого отдѣла XI главы и до самаго конца книги видимъ передъ собою сухой перечень указовъ, безъ связи и порядка, съ частыми повтореніями одного и того же. Выписки изъ указовъ сдѣланы на удачу и перемѣшаны безъ всякаго разбора; даже хронологическая послѣдовательность не вездѣ соблюдается. вмѣсто историческаго изслѣдованія читателю предлагаются какія-то черновыя замѣтки. Все законодательство XVII-го и первой четверти XVIII-го столѣтія оставлено въ сторонѣ; авторъ исключаетъ уже изъ своихъ источниковъ какъ Уложеніе, такъ и новоуказныя статьи, а изъ новѣйшаго законодательства приводитъ только отрывочныя и далеко неполныя выписки. Говоря наприм. о письменныхъ доказательствахъ, онъ прямо начинается съ 1723 года, какъ будто прежде того не было въ законахъ и помину объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ извѣстно, что въ Уложеніи постановлено различіе между исками крѣпостными и некрѣпостными, кабальными и безкабальными. Это различіе такъ существенно и важно, что его можно и должно было прослѣдить въ послѣдующемъ развитіи законодательства. И по Уложенію и по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, такіе иски, которые могутъ быть начаты не иначе, какъ по представленіи крѣпостей, или письменныхъ доказательствъ, отличаются отъ исковъ, которые можно доказывать не крѣпостями, а напримѣръ свидѣтелями. Какого рода дѣла по роду дѣлъ требовались, какого рода возраженія и доказательства допускались противъ крѣпостей, какъ вѣрно было поступать въ случаѣ извѣта, или спора о фальшивости крѣпостей, и въ какихъ случаяхъ такой споръ вовсе не допускался, также допускался ли и когда именно споръ о безденежности акта,—обо всемъ этомъ есть постановленія и въ Уложеніи и въ послѣдующихъ указахъ до 1723 года, напримѣръ: въ 252 ст. X гл. Улож., въ указѣ 28 сент. 1650 г., 21 февр. 1697 г., 9 дек. 1699 года, въ Уставѣ воинск. проц., въ Уставѣ Петра II о таможенномъ судѣ, и проч.; но авторъ не говоритъ объ нихъ ни слова. Правило о доставленіи въ поверстный срокъ крѣпостей, на которыя въ судѣ сдѣлана ссылка, по словамъ книги, установлено въ 1753 году, тогда какъ оно ясно выражено въ Уложеніи (гл. X ст. 22).

Въ XII-й и XIII-й главахъ беспорядочность изложенія еще поразительнѣе. Общія правила о рукоприкладствѣ подѣ записками смѣшаны съ особенными учрежденіями Сената и съ Инструкціей Оберъ-Секретаря. Заглавіе XIII-й главы гласитъ о *развитіи доклада*, но о докладѣ сказано нѣсколько словъ, а полторы страницы заняты повтореніемъ того, что говорилось о рукоприкладствѣ въ предыдущей главѣ. Между тѣмъ всѣ эти главы носятъ громкое названіе историческаго развитія.

Составленіе записки и докладъ относятся къ важнѣйшимъ формальностямъ судопроизводства: записка служитъ основаніемъ рѣшенія; сообщеніемъ выписки тяжущимся, допущеніемъ ихъ къ докладу дѣла, дается имъ по нашимъ законамъ почти единственное средство для повѣрки судебныхъ дѣйствій, по дѣлу ихъ совершающихся. Это предметъ весьма важный и стоило бы труда прослѣдить тщательно всѣ видоизмѣненія въ законахъ о докладѣ дѣла и объ актахъ доклада. Въ первой половинѣ книги есть особая глава о дѣлопроизводствѣ; но и тамъ находимъ только обѣщаніе — подробно изложить въ своемъ мѣстѣ постановленія о докладѣ и запискахъ. Авторъ не исполнилъ этого обѣщанія. Онъ не объясняетъ даже и того, съ какого времени появляется въ нашемъ судопроизводствѣ форма выписки изъ дѣла. XII-я глава начинается у него такъ: «по указу 1723 года составленная изъ дѣла записка должна быть сообщена тяжущимся для прочтенія и рукоприкладства». Можно подумать, что нынѣшняя форма выписки существовала съ незапамятныхъ временъ, отъ глубокой древности. А мы знаемъ, что въ періодъ Уложенія подъячіе въ приказахъ составляли еще судную записку изъ всего, что подавалось на судъ и что говорилось на судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ и судьей, и что потомъ изъ этой записки писался судный списокъ или судное дѣло за скрѣпною дѣяка; что цѣлью этой формальности было, во 1-хъ, изготовленіе дѣла къ вершенію, а во 2-хъ, обезпеченіе не тяжущагося, а самого судьи на случай спора (Ул. гл. XII ст. 12, 22); знаемъ, что въ послѣдствіи яснѣе обозначилась и другая цѣль этого дѣйствія — обезпечить и для тяжущихся полноту дѣла. Прежде 1723 г., именно еще въ 1719 году янв. 15-го, изданы правила о составленіи записокъ, которыя называются уже «докладными»; въ томъ же году велѣно приводить въ запискахъ приличныя указы. Извѣстно также,

что и о порядкѣ доклада состоялось правило въ Генер. Регламентѣ 1720 года, слѣдовательно гораздо ранѣе 1731 года, съ котораго авторъ начинаетъ главу свою о докладѣ. Но видимому ни одна судебная формальность не обращала на себя такого вниманія законодательства въ XVIII столѣтіи, какъ выписка изъ дѣла. Законодательство этого времени изобилуетъ правилами о составѣ и значеніи выписки при судѣ и при ревизіи дѣла и о рукоприкладствѣ тяжущихся; но авторъ не захотѣлъ воспользоваться обиліемъ матеріаловъ.

Исторія узаконеній о рѣшеніяхъ начинается въ книгѣ только съ 1723 года. Неужели до указа о формѣ суда не было никакихъ правилъ и формъ для рѣшеній? Правда, что въ Уложеніи очень мало содержится правилъ и указаній по этому предмету; но тѣмъ любопытнѣе знать, на какихъ формальностяхъ остановилось вниманіе законодательства въ XVII-мъ вѣкѣ. Кажется, здѣсь прилично было бы сказать, что называлось по Уложенію засуженымъ дѣломъ (гл. X, ст. 113), когда прекращался пріемъ новыхъ доказательствъ и наступалъ моментъ вершенія. Далѣе въ Уложеніи упоминается, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ должно было происходить самое вершеніе (гл. X, ст. 22, 23.) Въ 113 ст. X гл. говорится о томъ, кому и на какіе сроки объявляется рѣшеніе: установлены даже понудительныя мѣры на случай уклоненія сторонъ или ихъ поручителей отъ этого объявленія. А по книгѣ выходитъ, что вниманіе законодательства обращено было на этотъ предметъ не прежде 1737 года. Въ XVIII-мъ столѣтіи, съ 1713 по 1723 годъ, было издано нѣсколько указовъ о формальныхъ принадлежностяхъ приговора и о порядкѣ объявленія рѣшеній, объ очереди дѣлъ къ рѣшенію. Къ этому же времени относится изданіе Генеральнаго Регламента. Странно также, что первое постановленіе о вступленіи рѣшенія въ законную силу отнесено авторомъ къ 1775 году, тогда какъ еще въ Уложеніи есть довольно ясное правило: «дѣла, судомъ рѣшеннаго, въ другой разъ не начинать и не производить (X, 154; XI, 8; XX, 119); цѣлая глава (XV-я о вершенныхъ дѣлахъ) посвящена въ особенности этому предмету. Въ 1675 году велѣно рѣшенныхъ дѣлъ изъ одного Приказа въ другой не переносить по просьбамъ сторонъ. Сюда же относятся указы 17 марта 1676 г., 3 окт. 1684 г., 18 окт. 1689 г., 4 сент. 1713 г. и другіе, которыми предписывалось и подтверждалось вершенныхъ дѣлъ не перессуживать, а невершенныхъ въ

Приказы не брать. На практикѣ бывали отступленія отъ этого правила и судебныя мѣста принимали нерѣдко жалобы на собственные рѣшенія: это давало законодательству поводъ подтверждать объ охраненіи началъ, признанныхъ Уложеніемъ (таковы наприм. указы 10 іюня и 13 октября 1755, и іюня 1768 года). Наконецъ замѣтимъ, что авторъ не провелъ ясной черты между вступленіемъ рѣшенія просто въ законную силу и въ окончательную законную силу; между тѣмъ слѣды этого различія таятся еще въ Уложеніи, хотя въ первый разъ оно выражено въ 1755 году и потомъ подтверждено въ 1768 году. Именно Уложеніе допускало въ нѣкоторыхъ случаяхъ *пересудъ*, и понятіе о пересудѣ, до сихъ поръ вполне еще не разъясненное, заслуживало бы подробнаго изслѣдованія. Еще въ 1730 году (П. С. З. N 5600) возбужденъ былъ вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ судебное мѣсто можетъ послѣ рѣшенія дѣла принимать отъ тяжущихся пополнительныя прошенія и доказательства и приступать по нимъ къ новому рѣшенію. Тогда допущенъ былъ одинъ только случай: указаніе на несвѣдомые прежде указы; въ 1761 году іюня 5 (П. С. З. N 11264) означенъ другой случай: «когда въ прошеніи изъяснены точные договоры, которыхъ при прежнемъ рѣшеніи было не видно». Остальные случаи, допущенные въ 1768 году, перешли, какъ извѣстно, въ дѣйствующее законодательство (ст. 2007 и 2057 X. т. изд. 1832 г.)

Исполненію судебныхъ рѣшеній посвящена въ книгѣ особая глава; но изъ нея невозможно себѣ составить яснаго понятія о предметѣ. Трудно повѣрить, чтобы въ разсужденіи о русскомъ судопроизводствѣ отъ Уложенія 1649 до 1832 года глава объ исполненіи судебныхъ рѣшеній начиналась слѣдующими словами: «По указу 1722 года въ дѣлахъ, касающихся до исполненія судебныхъ рѣшеній, въ домахъ пословъ и посланниковъ полиція должна относиться къ нимъ чрезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ». Но такова манера автора. Онъ не стѣсняется ни теоріей, ни исторіей, и начинается изложеніе откуда ему вздумается, приводитъ такіе законы, какіе ему угодно и прилагаетъ смыслъ ихъ по своему усмотрѣнію, — *sic volo, sic jubeo, slet pro ratione voluntas....* Нѣтъ возможности угадать для чего авторъ указываетъ на одинъ законъ и вовсе умалчиваетъ о другомъ, для чего говоритъ о побочныхъ обстоятельствахъ и умалчиваетъ о главнѣйшемъ: все это въ его волѣ. Точно

также изъ XIX-й главы не узнаемъ ровно ничего о томъ, исполнялись ли и какимъ порядкомъ исполнялись рѣшенія судебныхъ мѣстъ ранѣе второй четверти XVIII-го столѣтія и въ чемъ отличался тогдашній порядокъ отъ нынѣшняго.

О правой грамотѣ и о томъ, съ котораго времени утратилось ея значеніе, нѣтъ и помину. О способахъ взысканія ни слова; ни слова о правехъ, о выдачѣ головою, о порядкѣ удовлетворенія изъ имѣнія отвѣтчика; а кажется стоило бы подробно заняться всѣми этими предметами, если авторъ заговорилъ уже объ исполненіи рѣшеній.

Неизвѣстно, какими соображеніями руководствовался авторъ, помѣстивъ въ главѣ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній особый отдѣлъ: о наследственности тяжбъ и исковъ. Оба предмета не имѣютъ между собою связи. Право наследника начинать тяжбу, или продолжать начатую по праву своего предмѣстника, относится къ ученію о тяжущихся сторонахъ. Если же дѣло идетъ объ отвѣтственности наследника въ искахъ, или взысканіяхъ присужденныхъ, то это предметъ собственно гражданскаго права. Другой отдѣлъ той же главы: о предостереженіяхъ противъ неправильнаго вчинанія тяжбъ и исковъ, начинается прямо съ указа 1802 года, тогда какъ штрафъ за неправый искъ и неправую жалобу установленъ былъ указомъ Петра В., 28 января 1715 года. Тогда онъ имѣлъ двойное основаніе и двойную цѣль: «дабы судьи неправо судить, а челобитчики судей клеветать не дерзали». На этомъ основаніи судьи, неправо рѣшившіе дѣло, подвергались также штрафу въ случаѣ удовлетворенія жалобы. Правило о взысканіи штрафа съ судей, отмѣненное при Екатеринѣ II и потомъ снова восстановленное въ 1802 году, удержалось до 1828 года; однако объ немъ авторъ не упомянулъ вовсе. Самый способъ изчисленія штрафа неоднократно измѣнялся (см. ук. 5 февр. 1724 и 3 іюля 1727 годовъ); указомъ же 1802 года учрежденъ былъ новый порядокъ, который донынѣ существуетъ относительно взысканія съ тяжущихся. Правда, что всѣ указы о штрафѣ, изданные до 1802 года, потеряли уже силу, не вошли въ составъ Свода и не значатся въ цитатахъ его; но, предпринявъ историческое изслѣдованіе судебныхъ учрежденій съ Уложенія до Свода Законовъ, авторъ сдѣлалъ былъ въ правѣ ограничивать трудъ свой одними источниками,

приведенными подъ статьями Свода. Между тѣмъ послѣднія главы книги невольно наводятъ на мысль, что онѣ составлялись именно только по этому механическому способу. Какъ бы ни былъ важенъ фактъ въ исторіи учрежденія, мы не находимъ его въ изложеніи этихъ послѣднихъ главъ, если его нѣтъ въ цитатахъ подъ статьями Свода, соотвѣтствующими содержанию главы. Какую же важность для исторіи можетъ имѣть трудъ составителя, если читатель не найдетъ въ немъ ничего, кромѣ передѣлки статей Свода, разложенныхъ по цитатамъ, съ той разницею, что въ Сводѣ видитъ онъ послѣдовательное и систематическое изложеніе предмета, а въ книгѣ г. Михайлова это изложеніе разбито на отрывки и выписки по годамъ безъ системы и связи.

Слѣдуя Своду Законовъ, авторъ въ XX-й главѣ, говоритъ о земской давности для начатія тяжбъ и исковъ; здѣсь выписки начинаются также съ 1787 года, вовсе не касаясь прежнихъ узаконеній о давности и о срокахъ для начатія исковъ, какъ будто ранѣе извѣстнаго Манифеста 1787 года сроковъ этихъ вовсе не было.

Въ началѣ XVI-й главы помѣщены нѣкоторыя разсужденія о существѣ апелляціи и объ отличіи частныхъ жалобъ отъ апелляціонныхъ. Различіе это, по словамъ автора, состоитъ въ томъ, что частная жалоба касается формальной стороны процесса, а апелляціонная имѣетъ предметомъ существо рѣшенія. Думаемъ, что это опредѣленіе не совсѣмъ точно. Правда, что съ апелляціею исключительно связано разсмотрѣніе существа дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ апелляціи же можетъ быть и нарушеніе формъ въ теченіи производства, законченнаго рѣшеніемъ. Съ другой стороны частная жалоба не всегда имѣетъ предметомъ только нарушеніе судебныхъ формальностей. Напримѣръ, вопросъ о положеніи спорнаго имущества до окончанія тяжбы, взысканіе проѣстей и волокитъ по окончаніи дѣла—невозможно причислить къ формамъ судопроизводства: однако же и тотъ и другой предметъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ порядкомъ частной жалобы. Частное производство въ судѣ относится къ апелляціонному какъ часть къ цѣлому, какъ отдѣльный моментъ къ цѣльному явленію. Предметъ суда—споръ о правѣ. Цѣль суда—превратить спорное право въ безспорное. Цѣль эта достигается посредствомъ рѣшительнаго опредѣленія о спорномъ правѣ. Приговоръ обнимаетъ собою всю сущность

спора, изчерпываетъ все содержаніе спорнаго дѣла, есть результатъ всѣхъ дѣйствій, бывшихъ на судѣ. Соотвѣтственно этому понятію и апелляція вмѣстѣ съ сущностью рѣшенія обнимаетъ и всѣ дѣйствія, которыя происходили на судѣ до приговора, всѣ отдѣльные моменты суда, окончательно слившіеся въ рѣшеніи, и потому послѣдствіемъ апелляціи бываетъ по нашимъ законамъ ревизія, какъ рѣшенія, такъ и производства. Отъ воли тяжущагося зависитъ уловить каждый отдѣльный моментъ судопроизводства, остановиться на отдѣльномъ дѣйствіи суда и тотчасъ же сдѣлать его предметомъ частной жалобы, или дождаться рѣшенія, и тогда уже разомъ обжаловать въ своей апелляціи всѣ дѣйствія судебного мѣста, которыми онъ недоволенъ. Но это обстоятельство случайное: оно зависитъ единственно отъ воли тяжущагося, доволенъ ли онъ всѣми дѣйствіями суда, или не доволенъ; существо же апелляціи отъ этого не измѣняется. Она состоитъ по законамъ нашимъ въ томъ, что тяжущійся вновь защищаетъ право свое предъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ, стремится вновь сдѣлать его спорнымъ и превратить въ безспорное: вотъ существенное, необходимое содержаніе апелляціи; въ высшей инстанціи право это подвергается новому разсмотрѣнію; въ высшей инстанціи судъ не повторяется въ дѣйствительности, но всѣ доказательства и опроверженія сторонъ разсматриваются вторично, дѣйствія же низшаго судебного мѣста подвергаются пересмотру, поколику они могутъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе спора о правѣ и поколику объемлются апелляціей. Напротивъ предметомъ частной жалобы служитъ въ особенности *дѣйствіе* судебного мѣста, которымъ недоволенъ тяжущійся. При апелляціи высшая инстанція разрѣшаетъ споръ между тяжущимися лицами. Частная жалоба не предполагаетъ сама по себѣ спора двухъ сторонъ и можетъ возникнуть даже въ томъ случаѣ, когда споръ о правѣ не существуетъ. Далѣе, за рѣшеніемъ слѣдуетъ исполненіе, которое производится у насъ подъ надзоромъ суда и по его указаніямъ. Дѣло стало уже безспорнымъ. Судъ въ собственномъ смыслѣ уже оконченъ. Но судебное мѣсто можетъ еще давать исполненію то или другое направленіе, можетъ разрѣшать вопросы, возникающіе при исполненіи: вопросы эти по большей части касаются не до однихъ только формъ судопроизводства; предметомъ ихъ служитъ образъ исполненія, нерѣдко самая мѣра и сте-

пень положеннаго взысканія, которую при разрѣшеніи спора не всегда возможно бываетъ опредѣлить съ точностью. Однако и здѣсь на опредѣленіе судебного мѣста приносятся не апелляціонныя, а частныя жалобы. Апелляція можетъ быть принесена не иначе, какъ по совершенномъ окончаніи суда, послѣ рѣшенія, тогда какъ частныя жалобы приносятся во все время производства, до рѣшенія и послѣ онаго, лишь бы послѣдовало дѣйствіе судебного мѣста, на которое можно жаловаться. Все это показываетъ, что предметомъ частной жалобы могутъ быть не одни только формы судопроизводства, но вообще всякое дѣйствіе, или постановленіе судебного мѣста, которое относится не къ существу спора.

«Результатомъ историческаго развитія отечественнаго законодательства по части судебной, говоритъ авторъ, было постепенное опредѣленіе существа апелляціи,—правъ на нее тяжущихся и порядка апелляціоннаго переноса дѣлъ». Эта фраза несколько не удовлетворяетъ читателя, который желалъ бы узнать изъ книги г. Михайлова, въ чемъ именно выразилась та постепенность развитія, о которой говоритъ авторъ, когда и какъ установилось понятіе объ апелляціи въ нашемъ законодательствѣ, въ чемъ состояли видоизмѣненія апелляціоннаго обряда. На скудость источниковъ нельзя пожаловаться: вся вторая половина XVIII-го и первая четверть XIX-го столѣтія наполнены постановленіями и указами по этому предмету: изъ нихъ можно видѣть, какъ утвердилось въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ нынѣшнее понятіе о существѣ апелляціи и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она допускается. Апелляціонный обрядъ съ 1713 по 1832 годъ также имѣетъ свою исторію, и ей должно быть мѣсто въ Исторіи Русскаго Судопроизводства. Но авторъ по обычаю указываетъ намъ только то, что мы могли бы сами прочесть въ Сводѣ Законовъ. Притомъ слѣдить за выписками по книгѣ бываетъ иногда весьма трудно: такъ безпорядочно онѣ перемѣшаны. Возьмемъ въ примѣръ XVII-ю главу объ апелляціи Сенату: она начинается повтореніемъ прежняго—о дозволеніи принимать частныя жалобы; потомъ говорится о формѣ апелляціи Сенату; далѣе о справкахъ изъ запечатаннаго дѣла, поступившаго въ Сенатъ; за тѣмъ слѣдуютъ правила о составленіи выписокъ въ Сенатъ, о переносныхъ деньгахъ и цѣнѣ переносимыхъ дѣлъ, о выдачѣ копій съ Сенатскихъ опредѣленій. Послѣ того ав-

торъ переходитъ къ правиламъ о пересмотрѣ дѣлъ въ общемъ собраніи Сената и въ Государственномъ Совѣтѣ. Тутъ же говорится о докладѣ дѣлъ въ Сенатѣ. За тѣмъ слѣдуютъ вновь на трехъ страницахъ правила о вызовѣ тяжущихся въ Сенатъ къ рукоприкладству подъ записками и о составленіи записокъ (вспомнимъ, что эти правила авторъ, неизвѣстно для чего, включилъ уже прежде въ VII-ю главу о докладныхъ запискахъ въ первой степени суда). Далѣе повторяется, что новыхъ доказательствъ въ Сенатѣ принимать не вѣлно, изчисляются случаи возвращенія прошеній съ подписью; за тѣмъ повторяется снова сказанное о рѣшеніи дѣлъ въ Общемъ Собраніи Сената и о приѣмѣ апелляціонныхъ жалобъ. Потомъ авторъ возвращается снова къ докладнымъ запискамъ, повторяетъ прежнее о возвращеніи жалобъ съ подписью; выписываетъ статью о частныхъ жалобахъ и о предѣлахъ власти Сената, и оканчиваетъ правилами о печатаніи записокъ въ Общемъ Собраніи Сената. Все это смѣшеніе носитъ громкое названіе историческаго развитія апелляціи на судъ второй инстанціи.

Авторъ выбралъ для себя слишкомъ обширную задачу и не могъ или не хотѣлъ съ нею справиться: «Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи отъ 1649 г. до Свода Законовъ». Положимъ, что въ эту широкую раму вмѣщаются только правила, общія всѣмъ родамъ судопроизводства; положимъ, что авторъ могъ не упоминать вовсе объ особенныхъ родахъ тяжбъ и исковъ; но и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ сколько важныхъ предметовъ оставлено имъ вовсе безъ вниманія. На эти пропуски мы имѣли уже случай указать при разборѣ отдѣльных частей книги. Здѣсь прибавимъ, что невозможно было автору умолчать о главныхъ формахъ судопроизводства по нашимъ законамъ: вотчинной и исковой. Извѣстно, что вопросъ о происхожденіи и объ историческомъ значеніи этихъ формъ принадлежитъ къ числу спорныхъ и не разъясненъ еще въ наукѣ; что нѣкоторые изслѣдователи, какъ наприм. Кавелинъ, вовсе отвергаютъ историческую основу такого раздѣленія и почитаютъ его повѣйшимъ учрежденіемъ; другіе, какъ наприм. Морошкинъ, готовы почитать это явленіе за коренное въ нашемъ судопроизводствѣ и видятъ ясные признаки его въ памятникахъ, относящихся къ періоду Уложенія. Но ни съ той, ни съ другой стороны окончательнаго заключенія еще не вы-

ведено; притомъ оба названные нами ученые не занимались въ особенности изслѣдованіемъ этого вопроса и коснулись его какъ бы мимоходомъ. Съ того времени, когда появилась рѣчь Морошкіна объ Уложеніи (1839 г.) и диссертация Кавелина (1844 г.), издано довольно новыхъ актовъ, которые могли бы разъяснить сомнительное дѣло.—Слѣдственная форма судопроизводства съ послѣдней четверти XVIII-го столѣтія получила у насъ весьма важное значеніе въ спорныхъ дѣлахъ объ имуществѣ, защищаемомъ правомъ казны; но объ ней въ книгѣ г. Михайлова не говорится вовсе, также какъ о судѣ третейскомъ и объ историческомъ значеніи формы суда 1723 года. Не мудрено, что авторъ умолчалъ обо всемъ этомъ: руководствомъ ему служила не историческая идея, которою онъ пренебрегъ вовсе, и не внутреннее содержаніе выбраннаго имъ предмета, а готовый планъ, взятый безъ дальнихъ справокъ прямо изъ первыхъ трехъ раздѣловъ VI-й книги Свода Законовъ Гражданскихъ (изд. 1832 и 1842 г.). Этого плана держался авторъ, и говорилъ только о томъ, къ чему приводили его цитаты подъ статьями Свода. Не смотря на то, что система Свода принадлежитъ исключительно его редакторамъ, а не историкъ, г. Михайловъ опускается въ историческую древность съ этимъ готовымъ планомъ и съ понятіями новѣйшаго времени. Мудрено ли, что при такихъ пріемахъ историческій смыслъ каждаго явленія и учрежденія остался неизслѣдованнымъ, что историческое зерно учреждений вовсе не тронуто и не замѣчено за наружными его оболочками. Мудрено ли, что, прочтя книгу г. Михайлова, никто не вынесетъ изъ нея яснаго понятія ни объ одномъ учрежденіи, если оно коренится довольно глубоко въ исторіи; не уразумѣетъ ясно ни связи новыхъ учреждений съ прежними, ни того, чѣмъ прежній порядокъ отличается отъ новаго?

Но пусть бы еще было такъ. Если авторъ не выполнилъ только своей задачи во всемъ ея значеніи, если сочиненіе его не соответствуетъ всѣмъ условіямъ исторической критики, то пусть будетъ оно при своемъ экзегетическомъ характерѣ, лишь бы осталось ему вѣрно. Еслибъ г. Михайловъ предположилъ себѣ разложить каждую статью первыхъ раздѣловъ VI-й книги X тома Свода на составныя части ея по тѣмъ только цитатамъ, которыя обозначены въ Сводѣ, и исполнилъ эту задачу съ точностью, трудъ его заслуживалъ бы полную благодарность русскихъ юристовъ. Тогда мы имѣли бы

историческій комментарий на нѣсколько сотъ важнѣйшихъ статей X тома; тогда сборникъ принесъ бы на практикѣ дѣйствительную пользу. Но разсматриваемое сочиненіе не имѣетъ и этого значенія. Далекое не всѣ цитаты подъ статьями Свода замѣчены и проверены авторомъ, а тѣ, на которыя онъ обратилъ свое вниманіе, изложены отрывочно, не полно и часто, къ сожалѣнію, не вѣрно.

Для юриста, привыкшаго дорожить каждымъ словомъ, вдумываться въ каждое выраженіе памятниковъ законодательства, завѣщанныхъ намъ мудростію предковъ, странно и какъ-то непріятно видѣть, съ какою небрежностію обращается г. Михайловъ съ текстомъ этихъ памятниковъ. Онъ излагаетъ его своими словами, выпуская нерѣдко то именно, чѣмъ опредѣляется особенный смыслъ фразы; отъ того смыслъ многихъ статей Уложенія является у него въ искаженномъ видѣ; въ иныхъ мѣстахъ онъ вовсе и не добирается до смысла. А языкъ Уложенія можетъ быть названъ образцовымъ по своей ясности и опредѣлительности. Невозможно слѣдить за всѣми «вольностями» автора въ этомъ отношеніи, такъ много разсыпано ихъ въ книгѣ. На нѣкоторыя мы имѣли уже случай указать; вотъ еще нѣсколько примѣровъ. На страницѣ 83-й авторъ увѣряетъ, будто 5-й статьей XIV главы Уложенія дозволено повѣренныхъ приводить къ присягѣ вмѣсто тяжущихся; *«но при этомъ требовалось, чтобы они (кто же-они?) имѣли не меньше 20 лѣтъ.»* А смыслъ статьи таковъ: не смотря на общее запрещеніе цѣловать крестъ недостигшимъ 20-лѣтняго возраста, истцы и отвѣтчики, которымъ менѣе 20, но не менѣе 15-ти лѣтъ, могутъ присягать сами, если имъ не кѣмъ замѣнить себя.—На страницѣ 128-й 22-я статья VI главы Уложенія излагается такимъ образомъ: въ дѣлахъ о бѣглыхъ крестьянахъ, если отвѣтчики записались въ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ животовъ, но въ послѣдствіи признались при присягѣ отчасти въ томъ, въ чемъ записались прежде, то въ остальной части иска, въ которой они продолжали по прежнему записываться, не слѣдовало ихъ обвинять. А статья говоритъ совершенно противоположное: если отвѣтчики на судѣ записались и въ крестьянахъ и въ животахъ, а передъ присягою повинились въ однихъ крестьянахъ, то ихъ слѣдуетъ винить и въ животахъ.—На страницѣ 21 приведены между прочимъ нѣзъ воинскихъ процессовъ слѣдующія причины отвода судей: свойство или *явная* (а въ тек-

стѣ сказано — *особлива*) дружба; если судья обязанъ услугою *отвѣтника* (въ текстѣ: *челобитника*); если судью видѣли въ *комнатѣ* съ тяжущимся часто шентавшимся на ухо (а въ текстѣ: если судья въ одной *комнатѣ* съ отвѣтникомъ часто бывалъ или видѣли его шентавшимся на ухо); если онъ *подобное дѣло судить долженъ*. Последняя причина не имѣетъ ни юридическаго, ни логическаго смысла: она существовала не въ самомъ законѣ, но въ невѣрномъ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго подлинника воинскихъ процессовъ: справясь съ оригиналомъ, напечатаннымъ насупротивъ перевода, можно видѣть настоящій смыслъ фразы: «Wenn er eine Sache mit einem andern vor dem Gerichte schwebend hat, so von eben selbiger Beschaffenheit ist.» Этотъ именно смыслъ удержанъ во всѣхъ послѣдующихъ редакціяхъ законовъ объ отводѣ. — Въ книгѣ постоянно встрѣчаются цитаты неполныя, въ которыхъ выпущены выраженія, составляющія духъ и характеръ закона: отъ того иногда авторъ обобщаетъ частные случаи, исключенія приводитъ въ видѣ общаго правила. Напримѣръ, онъ говоритъ, что по Уложенію отпущенные на волю рѣшительно не могли быть истцами противъ жены и дѣтей умершаго — бывшаго своего господина. А по Уложенію (гл. XX, ст. 65) такое запрещеніе относится только къ искамъ о животахъ, удержанныхъ бывшимъ господиномъ. — Судя по книгѣ, малолѣтніе могли на основаніи Уложенія (XVI, 23; XVII, 13) съ достиженіемъ возраста вѣнчать искъ по дѣламъ, оконченнымъ судебнымъ порядкомъ во время ихъ несовершеннолѣтія. Но Уложеніе вовсе не содержитъ такого общаго правила, которое принадлежитъ позднѣйшему законодательству; а въ приведенныхъ статьяхъ дѣло идетъ о передѣлѣ имѣнія раздѣльнаго и о поворотѣ имѣнія, проданнаго старшими братьями, или родственниками во время малолѣтства меньшихъ братьевъ, или безъ спросу ихъ. Тутъ нѣтъ рѣчи о возобновленіи рѣшенныхъ тяжбъ, но привлеченіи, данной впоследствии малолѣтнимъ. — Правило 64 и 65 ст. XVI гл. объ отерочныхъ челобитныхъ авторъ относитъ къ суднымъ дѣламъ и помѣщаетъ въ числѣ причинъ неявки на судъ, тогда какъ оно прямо относится къ просьбамъ о дачѣ помѣстья изъ утаенныхъ или «порозжихъ» земель, или въ куплю; въ дѣлахъ этого рода ни суда, ни отвѣтника не предполагалось, и рѣчь не о томъ, обвинять ли истца неявкою, но о томъ, можетъ ли онъ сохра-

•

нить свое право, когда самъ долго хожденія по дѣлу не имѣетъ, а между тѣмъ будутъ иные челобитчики о тѣхъ же помѣстныхъ земляхъ, о которыхъ была подана просьба.—Авторъ говоритъ рѣшительно, что тяжущійся, не явившійся на судъ, обвиняется безъ суда, и что по дѣламъ, рѣшеннымъ неявкою, Уложеніе запрещаетъ давать судъ. Но Уложеніе въ томъ и другомъ случаѣ прибавляетъ: «опричь крѣпостныхъ дѣлъ (X, 108, 109)». Примѣровъ этихъ довольно, чтобы показать, на сколько можно довѣриться автору въ изложеніи законовъ. Цитаты и выноски сдѣланы съ замѣчательною небрежностью. Есть страницы (наприм. 141), на которыхъ почти ни одна ссылка не подходитъ къ тому предмету, по которому сдѣлана. Такими недостатками наполнена вся книга, такъ что не всегда можно повѣрить автора по его собственнымъ указаніямъ. Тоже должно сказать о внѣшнихъ качествахъ книги: отъ юридическаго сочиненія нельзя не ожидать ясности и точности изложенія, а этихъ именно качествъ и недостаетъ въ сочиненіи г. Михайлова. Не говоримъ уже о выраженіяхъ, логически неправильныхъ (*) и непонятныхъ: ихъ не пересчитаешь. Раздѣливъ сочиненіе свое по предметамъ на главы и отдѣлы, авторъ непрерывно выходитъ за границы, имъ же самимъ положенныя, и смѣшиваетъ одинъ предметъ съ другимъ. Не странно ли, наприм., въ главѣ о подсудности встрѣтить описаніе внутренняго устройства Сената и обязанности фискаловъ, въ главѣ объ отводѣ судей—подозрѣніе на землемѣровъ; въ исполненіи судебныхъ рѣшеній—разсужденіе о наследственности тяжбъ и псковъ?

Остается упомянуть о той части сочиненія, которую авторъ по преимуществу называетъ «результатомъ многолѣтняго труда», именно о Положеніяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги. Въ нихъ выражается, по словамъ г. Михайлова, собственное его субъективное, критически-ученое убѣжденіе и воззрѣніе на нынѣ дѣйствующую

(*) Наприм.: кромѣ неопредѣленности, затруднительности и несообразности мы не встрѣчаемъ никакихъ улучшеній Содержаніе теряетъ личность своего развитія сѣнь законной защиты Правило укоренилось въ отношеніи опредѣленнаго какого либо рода дѣлъ Развѣтленіе законодательства клонилось къ опредѣленію случаевъ, старалось опредѣлить качества Практика поднята на значеніе правосудія Моментъ, дающій начало пехода и т. п.

щее гражданское судопроизводство: всё они, прибавляет онъ рѣшительно, заключаютъ въ себѣ *«истины, въ первый разъ высказываемыя»*.

Сознаемся, что эти рѣшительныя слова автора сильно завлекли наше любопытство. Не любопытно ли въ самомъ дѣлѣ испытующему юристу узнать новыя истины, въ первый разъ высказываемыя въ русской юридической литературѣ? Странно только показалось намъ на первый разъ слово: субъективное воззрѣніе, въ примѣненіи къ истинѣ. Если авторъ прямо называетъ свое положеніе истиною, то конечно не допускаетъ истины въ противоположномъ взглядѣ, и тогда собственный взглядъ свой не можетъ признавать только субъективнымъ; если же выражаетъ только мнѣніе свое въ качествѣ субъективнаго взгляда, то за чѣмъ такъ рѣшительно придаетъ ему названіе истины? Конечно въ основаніи философіи права, въ глубинѣ теоретическаго воззрѣнія лежатъ великія и непреложныя истины, взятые изъ глубины духа человѣческаго, признанныя и освященныя мудростію вѣковъ и народовъ; но авторъ говоритъ не о философіи и не о теоріи, притомъ здѣсь не совѣмъ-то и легко добыть анализомъ истину, которая была бы новымъ открытіемъ. Предметъ автора—исключительно дѣйствующіе русскіе законы о судопроизводствѣ. Въ правѣ положительномъ истина отвлеченная, истина матеріальная поглощается истиною формальною и уступаетъ ей мѣсто. Возникаютъ ли вопросы, возбуждаются ли сомнѣнія,—полное разрѣшеніе ихъ принадлежитъ одной только силѣ—авторитету. Здѣсь только органъ власти законодательной, или судебной, и ничто болѣе, можетъ постановить опредѣленіе и дать ему названіе истины; но всякое мнѣніе, не освященное сплюю закона, остается только мнѣніемъ, подлежащимъ спору и опроверженію.

Положенія, высказанныя авторомъ, представляются съ перваго же взгляда чѣмъ то особымъ, отрѣшеннымъ отъ содержанія книги: онъ заявляетъ взглядъ свой, но не заботится нисколько объяснить, какъ пришелъ онъ къ этому взгляду и на какихъ основаніяхъ построена у него такъ называемая истина. Всѣхъ положеній болѣе 30; но едва ли есть въ числѣ ихъ три, на которыя нашлось бы объясненіе въ книгѣ. Не это ли свойство своихъ положеній авторъ хотѣлъ выразить словомъ: субъективное убѣжденіе? Онъ такъ

думасть, онъ такъ убѣжденъ, *ipse dixit*: къ чему же тутъ объясняться? Но формула *ipse dixit* давно уже перестала служить исключительнымъ аргументомъ въ наукѣ. Въ ней съ незапамятныхъ временъ принято иное правило: каждое положеніе должно быть доказано, особенно если оно представляется какъ выводъ изъ сочиненія, имѣющаго спеціальное значеніе диссертациі.

Прочитавъ положенія, о коихъ идетъ рѣчь, никто не станетъ спорить, что въ этихъ положеніяхъ есть истины и притомъ ясныя, неопровержимыя; но такія истины не принадлежатъ вовсе субъективному взгляду автора, а выражены положительно въ Сводѣ Законовъ; что же можетъ быть неопровержимѣе закона? Сюда относятся слѣдующія правила, которыя автору угодно было помѣстить въ числѣ результатовъ труда своего: апелляціонное производство отличается отъ слѣдственного—участіемъ казеннаго вѣдомства; наследственное право ограничивается только десятилѣтнею давностію; прошенія бываютъ вотчинныя, исковыя, явочныя, встрѣчныя, мировыя, одними начинается судъ, другими прекращается, а иными только удерживается право иска; просьбы возвращаются съ надписью или по неформальности, или по несоблюденію подсудности; судебный отвѣтъ есть возраженіе на искъ; присягою оканчивается дѣло рѣшительно; рѣшеніемъ опредѣляется существо спорнаго дѣла; производство бываетъ или апелляціонное, или частное; ревизія есть новѣрка дѣла въ производствѣ и по существу; въ 3-й инстанціи новыя доказательства не принимаются; рѣшенія исполняются полиціей; слѣдственный порядокъ соблюдается и въ исковыхъ дѣлахъ, въ которыхъ участвуетъ казна; формы прошеній имѣютъ въ виду опредѣлительность изложенія и облегченіе въ собраніи свѣдѣній; есть доказательства, свойственныя лишь нѣкотораго рода дѣламъ. Если все это истины новыя, въ первый разъ высказываемыя, то всякій, кому сколько нибудь знакомо содержаніе Свода Законовъ, можетъ сдѣлать въ теченіи двухъ часовъ несравненно болѣе подобныхъ открытій.

Другаго рода истины хотя и не прямо выражены въ Сводѣ, по въ существованіи ихъ едва ли кто сомнѣвался, напр.: въ запрещеніи давать дѣтямъ судъ противъ родителей—отражается семейное начало; сила судебныхъ доказательствъ основывается на большей,

или меньшей ясности ихъ въ отношеніи къ спорному предмету; докладная записка есть новая форма и есть вѣрное изложеніе существа дѣла. Положеніе о томъ, что судъ по формѣ не былъ преобразованіемъ древняго порядка, а только развитіемъ древнерусскихъ началъ, вовсе не новое, и самъ авторъ легко могъ бы убѣдиться въ томъ изъ магистерской диссертациіи г. Кавелина, гдѣ оно не только высказано отдѣльно въ видѣ тезиса, но и доказано блистательнымъ образомъ. Нельзя впрочемъ не сознаться, что, кромѣ указанныхъ нами старыхъ и извѣстныхъ новостей, между положеніями автора встрѣчаются и такія, которыя безспорно высказаны имъ въ первый разъ. Къ сожалѣнію однако почти всѣ онѣ или оставлены безъ всякаго объясненія (наприм. 2-е, 12-е, 16-е), слѣдовательно не могутъ почитаться доказанною истиной, или прямо противорѣчатъ безспорной догматической и исторической истинѣ. Возьмемъ на примѣръ 3-е положеніе: «Хотя въ нашемъ судопроизводствѣ есть раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое, но различіе это ограничивается единственно предметами того и другаго; вообще же по духу, порядку судопроизводства и формамъ судебнымъ, они сходны между собой». Очевидно авторъ говоритъ здѣсь не объ исторіи основныхъ формъ нашего судопроизводства, но о настоящемъ ихъ значеніи, потому что догматически различіе это признано только новѣйшимъ законодательствомъ со второй четверти XIX столѣтія. Никакъ нельзя согласиться съ авторомъ, что различіе вотчинной формы отъ исковой ограничивается только предметомъ дѣла: въ такомъ случаѣ различіе это было бы только минимое, нарицательное, безъ дѣйствительнаго значенія на практикѣ. Напротивъ того раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое до такой степени существенно въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что оно даетъ, такъ сказать, тонъ каждому судебному дѣлу: каждый процессъ необходимо долженъ принадлежать къ тому или другому изъ двухъ исковыхъ отдѣловъ, иначе онъ не возможенъ, не допускается на практикѣ. Вотчинная и исковая формы конечно сходны въ томъ, что къ нимъ одинаково прилагаются общія правила судопроизводства и это весьма естественно; нѣтъ логическаго дѣленія, которое нельзя было бы привести къ общему началу; различіе родовъ и видовъ тогда только и можетъ быть доступно сознанію, когда сознано общее ихъ начало. Какъ бы

ни были различны формы судебныя, сущность процесса остается неизмѣнною въ тѣхъ условіяхъ, безъ которыхъ процессъ существовать не можетъ, напримѣръ, въ понятіяхъ о судѣ, о тяжущихся, о рѣшеніи, и т. п. Но представимъ себѣ въ дѣйствительности тяжущагося, который желалъ бы войти въ процессъ съ тѣмъ только запасомъ свѣдѣній, которыя извлекъ изъ общихъ правилъ судопроизводства: съ этимъ однимъ запасомъ не будетъ ему возможно ни начать процесса, ни отвѣчать на судѣ, не зная тѣхъ условій, которыя требуются въ особенностяхи тою или другою формою судопроизводства, безъ коихъ ему нельзя, такъ сказать, шагу ступить на судѣ, не сдѣлавъ ошибки, влекущей за собою нерѣдко важныя разрушительныя послѣдствія. Я могу знать наприм. въ подробности общія правила о томъ, какъ составляется прошеніе; но если не знаю особыхъ условій, которыя требуются для написанія и подачи первоначальныхъ прошеній въ той или другой формѣ судопроизводства, то прошеніе мое будетъ не дѣйствительно. Съ общими правилами далеко не уйдешь, если не владѣешь искусствомъ прилагать ихъ въ дѣйствительности къ отдѣльнымъ случаямъ,—и вотъ почему намъ кажется, что авторъ книги не могъ, безъ ущерба полноты и ясности сочиненія, ограничить свое изслѣдованіе одною только общою частью судопроизводства, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ себѣ задачею изслѣдованіе о предметѣ не отвлеченномъ, а имѣющемъ дѣйствительное бытіе, практическое значеніе. Но при разрѣшеніи этой задачи, сдвинувъ ея границы, авторъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности разрѣшить ее удовлетворительно. Отъ того и предметъ изслѣдованія не обозначается ясно ни передъ самимъ авторомъ книги, ни передъ читателемъ. Въ настоящемъ случаѣ отъ вниманія его совершенно ускользаетъ вся важность различія исковой и вотчинной формы; онъ называетъ его не существеннымъ, а въ немъ-то именно и выражается основная мысль русскаго судопроизводства. Мы осмѣливаемся сказать утвердительно, что исковое судопроизводство отличается отъ вотчиннаго и по *духу*, и въ *порядкѣ производства*, и по *формамъ судебнымъ*. Думаемъ, что такое мнѣніе наше вполне подтверждается Сводомъ Законовъ, въ которомъ ясно выражено это различіе. Идея его, или духъ, какъ выражается авторъ, весьма понятна: она лежитъ въ неконномъ различіи вещныхъ и личныхъ

исковъ (*). Какимъ путемъ образовалось въ нашемъ законодательствѣ это различіе, впервые созннанное Римскимъ Закономъ, можно ли отличить ясныя слѣды его въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, и провести въ исторической связи до Уложенія и дальше,—это вопросъ особый; и еще неразъясненный. Невозможно отрицать, что въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ это различіе не только сознано и признано, но и составляетъ, такъ сказать, ключевой сводъ всей системы нашего судопроизводства. Различіе въ производствѣ и формахъ вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ не только есть, но и весьма рѣзкое. Во первыхъ, начало подсудности въ тѣхъ и другихъ совершенно различное, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что здѣсь выражается съ особенною ясностію разность вещнаго и личнаго начала: въ тяжбѣ *forum* опредѣляется имуществомъ, въ искѣ лицомъ отвѣтчика. Далѣе: способы начатія дѣла, вѣдѣнія иска вовсе не одинаковы въ той и другой формѣ. Въ одномъ случаѣ споръ поставленъ въ зависимости отъ ввода во владѣніе, отъ оглашенія пріобрѣтеннаго права, отъ особыхъ сроковъ; видимъ, что споръ, начинаясь въ полицейскомъ, или межевомъ мѣстѣ, доходитъ до суда—безъ особаго иска—посредствомъ одной пересылки прошенія; въ другомъ случаѣ началомъ судебного процесса служитъ въ особенностяхъ *искъ*. Здѣсь видимъ особый обрядъ безспорнаго производства и особые сроки для соблюденія права на искъ въ случаѣ изъясненнаго спора. Видимъ, что въ иныхъ случаяхъ (напримѣръ въ дѣлахъ о закладныхъ и о завладѣніи) исковое начало приходитъ въ столкновеніе съ вотчиннымъ и поглощается имъ; а въ другихъ, (напримѣръ въ искѣ о вознагражденіи за неправильное владѣніе) исковая часть процесса строго отдѣляется отъ вотчинной. Въ вотчинныхъ дѣлахъ видимъ господство крѣпостнаго начала и сообразно тому особую систему доказательствъ, особое правило о пересудѣ и дополнительныхъ прошеніяхъ. Наконецъ въ исковыхъ дѣлахъ видимъ обезпеченіе иска, а въ вотчинныхъ мѣсто его занимаетъ временное владѣніе спорнымъ имуществомъ.

Авторъ точно также не видитъ никакаго различія въ порядкѣ производства между двумя видами исковаго судопроизводства: о не-

(*) Кстати замѣтимъ здѣсь, что термины—вещный и личный въ примѣненіи къ договорамъ встрѣчаются уже въ манифестѣ Петра Великаго 1702 г. о вызовѣ иностранцевъ въ Россію.

исполненныхъ обязательствахъ, и объ обидахъ, ущербахъ и завладѣніи. Это положеніе также противорѣчитъ законнымъ условіямъ того и другаго рода дѣлъ: они прямо выражены въ законѣ; стоило только вникнуть въ смыслъ его. На это различіе могла навести автора даже теорія, допускающая въ исковомъ производствѣ особый родъ такъ называемыхъ суммаричныхъ процессовъ. Судопроизводство по долговымъ обязательствамъ законъ нашъ называетъ скороокончательнымъ, названіе, которое оправдывается значительными особенностями въ самомъ производствѣ такихъ дѣлъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ обратить вниманіе на правила о чтеніи выписокъ, о доказательствахъ и объ исполненіи рѣшеній, исключительно присвоенныя этой только формѣ судопроизводства, именно потому, что характеръ его скороокончательный.

Въ 21 положеніи говорится, будто бы собственное признаніе принадлежитъ къ числу такихъ доказательствъ, которыя свойственны только нѣкотораго рода дѣламъ, но не во всякомъ дѣлѣ могутъ быть примѣняемы. Это мнѣніе явно противорѣчитъ законной сущности собственнаго признанія, какъ доказательства. Любопытно было бы знать хотя одинъ примѣръ такого гражданскаго судебного дѣла, въ которомъ не допускалось бы признанія. Самъ авторъ едва ли рѣшился бы утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ истца можно принудить къ продолженію собственнаго иска, когда онъ этого не желаетъ, или отвѣтника къ упорному возраженію противъ истца, когда онъ желаетъ уступить его требованію. Такое мнѣніе слишкомъ явно было бы въ разладѣ съ самыми основными понятіями объ искѣ и правѣ собственности, и его смѣло можно было бы назвать юридическою несообразностію, самою грубою ересью въ области права. Между тѣмъ приведенное положеніе рѣшительно допускаетъ возможность такихъ дѣлъ, въ которыхъ собственное признаніе не почитается доказательствомъ. А отрицать въ нѣкоторыхъ гражданскихъ судебныхъ дѣлахъ силу собственнаго признанія не все ли равно, что утверждать будто бы истецъ не всегда воленъ отказаться отъ иска, а отвѣтникъ признать его, или свою неправду? Собственное признаніе, какъ всякое доказательство и какъ все человеческое, имѣетъ свои границы, личныя—относительно того, кто даетъ его, вещественныя—относительно того права, которое имѣ

объемлется; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы существовало какое бы то ни было гражданское право, котораго невозможно было бы признать, отъ котораго невозможно было бы отказаться.

Нельзя не удивляться той рѣшимости, съ которою авторъ выражаетъ мнѣнія бездоказательныя, придавая имъ значеніе «истинъ». Такъ въ 24 положеніи онъ утверждаетъ, что справки принадлежатъ къ повѣйшимъ формамъ, установленнымъ по части судебной, и что до *Учрежденія о губерніяхъ* справки въ формальномъ ихъ значеніи не были употребляемы. Формальное значеніе справокъ по дѣламъ судебнымъ авторъ конечно видитъ въ 2442 ст. X т. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г. (ст. 441 X т. Зак. о Судопр. Гражд. изд. 1837 г.). Въ ней сказано, что судъ обязанъ объяснить приготовляемое къ слушанію дѣло всѣми потребными обстоятельствами, ничего случившагося не умолчать и приступать къ рѣшенію дѣла. . . . не иначе какъ по учиненіи надлежащихъ справокъ, и т. д.—Относительно справокъ это самая выразительная статья въ X т. Но какимъ образомъ авторъ относитъ начало этой формальности къ *Учрежденіямъ о губерніяхъ*, когда во всемъ *Учрежденіи о губерніяхъ* 1775 года вовсе не упоминается о справкахъ? Зная обыкновенные приемы автора направлять свое изслѣдованіе по цитатамъ Свода, мы догадываемся отчего произошла эта ошибка. Подъ 2442 ст. Гражд. Зак. изд. 1842 г. не приведено цитаты, а сдѣлана слѣдующая ссылка: см. *Общ. Учрежд. Губ. ст. 115*. Можетъ быть читатель ошибется; но не въ правѣ ли онъ предполагать, что авторъ, принявъ ссылку эту за цитату и не повѣривъ се, смѣшалъ общее губернское учрежденіе во II томѣ Свода съ Екатерининскимъ учрежденіемъ о губерніяхъ? Но еслибъ, слѣдуя за ссылкой, онъ заглянулъ во II томъ Свода, то убѣдился бы и безъ изслѣдованія по источникамъ, что собраніе справокъ составляло общую формальность гораздо ранѣе 1775 года. 115-статья II тома Св. Зак. изд. 1842 г. въ редакціи своей почти совершенно согласна съ 2442 ст. Зак. Гражд.; но подъ нею подведены указы 1720, 1737, 1766 и 1778 годовъ, а объ *Учрежденіи о губерніяхъ* нѣтъ и помину въ цитатахъ. Дѣйствительно еще въ указахъ 1714 года встрѣчаемъ правило: считать не подлежащими рѣшенію такія дѣла, въ которыхъ велѣно «окреснить или пзъяснить» какое либо сомнительное

обстоятельство. Генеральнымъ Регламентомъ 1720 года предписывается челобитныя всякія дѣла рѣшать по выправкамъ (гл. IV): «Ежели дѣла сумнительны и какого изъясненія требуютъ, то не скоро вершить, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельствъ напередъ или Сенату докладывать, или справиться, откуда надлежитъ (гл. VI). Указъ 1723 года о формѣ суда допускаетъ «дальныя справки» по обстоятельствамъ, приводимымъ на судѣ сторонами.

Въ послѣднемъ положеніи говорится, что штрафы судебныя *прекращаются* миролюбивыми сдѣлками, и что они назначаются между прочимъ въ пользу *общепользныхъ* учрежденій. И то и другое несправедливо. Во 1-хъ, подъ словомъ штрафы судебныя разумѣются здѣсь взысканія за неправое вѣнчаніе иска и неправоую апелляцію. Правда, что съ помирившихся прежде рѣшенія судебного мѣста не взыскивается никакого штрафа; но въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о *прекращеніи* взысканія, ибо прекращается только то, что началось, а штрафъ налагается именно въ слѣдствіе того, что искъ признанъ неправымъ, или жалоба неосновательною; признаніе можетъ послѣдовать не иначе, какъ при рѣшеніи дѣла, слѣдовательно безъ рѣшенія объ искѣ не можетъ быть и штрафа за искъ. Если же тяжущіеся мирятся послѣ рѣшенія, то штрафъ вовсе не прекращается, а уменьшается только на половину доли, присужденной въ казну. Во 2-хъ, половина штрафа за неправый искъ, слѣдующая въ казну, причисляется всегда къ государственнымъ доходамъ, и ни одно изъ такъ называемыхъ *общепользныхъ* учрежденій не имѣетъ на него права. Только деньги, вносимыя въ залогъ правой апелляціи, обращаются въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, если апелляція не уважена; но этотъ вносъ существенно отличается отъ штрафа.

Между историко-юридическими сочиненіями новѣйшаго времени книга г. Михайлова представляетъ какое-то странное явленіе. Въ послѣднее двадцатилѣтіе явилось много новыхъ дѣятелей по этой части: они быстро двинули впередъ разработку исторіи права; съ каждымъ годомъ накапливаются богатѣйшіе матеріалы для изслѣдователей, и чѣмъ болѣе дробится раздѣленіе труда между ними, тѣмъ строже становятся требованія юридической критики: основательные труды Неволлина, Морошкина, Кавелина, и другихъ приу-

чили ее ожидать отъ всякаго изслѣдованія внимательнаго обсужденія предмета и особенной точности, безъ которой теряетъ свою цѣну всякій юридическій трудъ, какое бы имя ни носилъ онъ: дѣловой ли записки, или ученаго изслѣдованія. Г. Михайловъ взялъ на свою долю разсмотрѣнiе весьма важнаго и любопытнаго предмета и вмѣстѣ въ свою задачу русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія до Свода Законовъ—задача широкая, трудъ не малый. Къ этому труду приступилъ онъ въ томъ убѣжденiи, что исторiя русскаго судопроизводства, въ теченiи указаннаго перiода составляетъ пробѣлъ, не занятый еще ни однимъ изслѣдованiемъ (*), и взялся его пополнить. Мы видѣли, какъ задача эта выполнена. Въ сочиненiи г. Михайлова не только нѣтъ историческаго взгляда, который обнаружилъ бы внутреннiй смыслъ главныхъ явленiй и преемственную ихъ связь, но нѣтъ даже полноты, которая, за недостаткомъ взгляда, дала бы возможность обозрѣть на одномъ планѣ всѣ замѣчательныя явленiя; нѣтъ порядка, который показалъ бы намъ эти явленiя въ отдѣльныхъ группахъ; нѣтъ яснаго изложенiя, которое дало бы возможность ясно уразумѣть тѣ явленiя, на которыя авторъ обратилъ свое вниманiе. Давно уже не встрѣчали мы юридической книги, столь небрежно составленной и изданной.

Если пробѣлъ, который надлежало пополнить, остался тѣмъ же пробѣломъ, съ этимъ можно было бы еще помириться, въ ожиданiи новыхъ трудовъ, болѣе замѣчательныхъ, и о книгѣ г. Михайлова можно было бы молчать, еслибъ сама она умагчивала о себѣ. Но когда авторъ называетъ самъ свой трудъ значительнымъ въ юридической литературѣ; когда онъ увѣряетъ насъ, что собралъ всѣ факты, относящiеся къ избранному имъ предмету; когда указываетъ самъ на практическую важность своего сочиненiя; когда вмѣсто дѣльнаго, послѣдовательнаго и точнаго изложенiя учрежденiй, даетъ намъ отрывочныя выписки, измѣняетъ перѣдко по

(*) Это впрочемъ несправедливо. Магистерская диссертациа г. Кавелина относится именно къ этому перiоду—отъ Уложенiя до 1775 года, и по своимъ достоинствамъ составляетъ капитальное приобрѣтенiе для русской юридической литературы.

произволу буквальный смыслъ самаго текста законодательныхъ памятникѣвъ, и свои взгляды, построенные на этихъ невѣрныхъ представленіяхъ, выдаетъ за истины, въ первый разъ высказываемыя, — въ такомъ случаѣ критика обязана вступить за истину и принять на себя званіе судьи. А о судьяхъ существуетъ такое правило: *judex damnatur cum nocens absolvitur*.

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

3 августа, въ 11 часовъ утра, паровозъ тронулся отъ Петербургской станціи, и съ быстротою 30 верстъ въ часъ понесся по направленію къ Москвѣ. Путь мой по желѣзной дорогѣ оканчивался у рѣки Волхова, у станціи Волховской, во 118 верстахъ отъ Петербурга: въ четыре часа съ половиною паровозъ остановился у каменнаго моста черезъ Волховъ, устроеннаго на трехъ быкахъ, съ двумя береговыми устоями. Желѣзная дорога до станціи Волховской идетъ по мѣстамъ ровнымъ и низкимъ, мимо Колпина, Тосны и Чудова, нѣсколько удалившагося къ московскому шоссе; по обѣимъ сторонамъ дороги мелкій лѣсъ и болота и только направо вдали виднѣлось Царское село, ярко освѣщенное солнцемъ.

На станціи Волховской пароходъ, стоявшій у пристани, уже дымился, ожидая пассажировъ въ Новгородъ. Берега рѣки Волхова не высоки, но оживлены селеніями. Соснишка, начинающаяся отъ пароходной пристани, раскинулась по обѣимъ берегамъ и тянется на полторы версты. За Соснишкою весь правый берегъ занятъ военными поселеніями гусаръ и улановъ; съ него бѣгутъ въ Волховъ рѣчки: Душна, Осьма, двѣ Городянки и рѣка Вишера. Лѣвый берегъ съ рѣчками Дыменкою, двумя Еглицками и Пидьбою, мнѣ показался населеннѣе праваго; села его: Коломно, Антоньево, Петровское и Усть-Пидьбы пзвѣстны съ XV вѣка ⁽¹⁾; а Оиѣгъ и Теремецъ, небольшія деревни, одними уже именами своими напоминаютъ старину. Отъ деревни Жарковъ, верстъ за 25 до Новгорода, начинаются поселенія драгунъ и идутъ вплоть до самого города. Въ 12 верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу, показался Хутынский монастырь съ пятиглавымъ соборомъ и каменною стѣною; пассажиры, занимавшіе носовую часть парохода, русскіе крестьяне, встали съ мѣстъ и съ полу и набожно помолились. Хутынскіе колокола, по сказанію

(1) Акты Экспед. III, 452.

лѣтописцевъ, звонившіе сами собою передъ покореніемъ Новгорода, молчали, и пароходъ «Петръ», миновавъ устье Пидьбы, Деревяницкій, Колмовъ и Антоніевъ монастыри, благополучно прибылъ въ Новгородъ въ половинѣ 9 часа, вечеромъ.

4 августа, въ 8 часовъ утра я былъ въ Софійскомъ соборѣ, заложенномъ въ 1045 году ⁽¹⁾. Въ этотъ древній храмъ входятъ обыкновенно южными вратами. У сѣверныхъ, внутри церкви, лежатъ два, вдѣланные въ полъ, камня съ надписями; одна изъ нихъ начинается словами: «лѣта 7103 (1596) сентября 21 дня . . .» Западные врата, особенно замѣчательныя, называются Корсунскими; онѣ срисованы и описаны Аделунгомъ и состоятъ изъ 48 мѣдныхъ досокъ, вставленныхъ въ металлическія рамки. На 26 изъ нихъ изображены новозавѣтныя и библейскія событія, на остальныхъ аллегорическія и мифологическія фигуры и портреты—статуи. При изображеніяхъ вырѣзаны пояснительныя надписи: 29 на русскомъ, 17 на латинскомъ и 8 на двухъ языкахъ, латинскомъ и русскомъ ⁽²⁾. Изображеніе Вихмана, епископа Магдебургскаго, умершаго въ 1192 году, указываетъ на мѣсто и время работы нѣкоторыхъ досокъ съ латинскими надписями, и я полагаю, что онѣ отлиты при жизни Вихмана, т. е. во второй половинѣ XII столѣтія: мастера, изобразившіе себя, изобразили и своего, современнаго имъ, епископа. Нѣтъ также никакого основанія не допускать, чтобы врата, къ которымъ принадлежали изображенія Вихмана и другихъ предметовъ съ латинскими надписями, не были въ Швеціи прежде 1188 года, когда, по сказанію тамошнихъ лѣтописей, Русскіе разрушили шведскій городъ Сигтуну и увезли съ собою, вмѣстѣ съ другими сокровищами, драгоценныя церковныя двери. Когда и кѣмъ передѣланы эти такъ называемыя Корсунскія врата, рѣшить трудно, но при поверхностномъ взглядѣ на нихъ нельзя не замѣтить явныхъ слѣдовъ позднѣйшихъ передѣлокъ: рама была, безъ сомнѣнія, въ началѣ вся одного рисунка, а не трехъ разныхъ, какъ теперь; кромѣ того большое различіе въ стилѣ изображеній, непослѣдовательное размѣщеніе ихъ на вратахъ и отсутствіе латинскихъ надписей на 29 изображеніяхъ, заставляютъ предполагать, что Корсунскія врата

⁽¹⁾ Полн. собр. лѣт. III, 6553 годъ.—⁽²⁾ Корсунскія врата въ Новгород. Соф. соборѣ, соч. О. Аделунга, переводъ Артемова, стр. 93.

заключаютъ въ себѣ изображенія, сдѣланныя не въ одно время⁽¹⁾, и что въ настоящій ихъ видъ онѣ приведены гораздо позднѣе, можетъ быть въ XIV вѣкѣ, когда, по русскимъ лѣтописямъ, «владыка Василей у святѣй Софен двери медяны золочены и устроилъ»⁽²⁾.

Кромѣ этихъ такъ называемыхъ Корсунскихъ вратъ, въ повгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть еще другія мѣдныя врата, называемыя Шведскими; онѣ находятся при входѣ въ придѣлъ Рождества Богородицы и также срисованы и описаны Аделунгомъ. На нихъ изображенъ крестъ, длинное древо котораго, прорѣзанное двумя поперечными древами, въ видѣ буквы S, поднимается снизу до нижняго поперечнаго древа; въ обѣихъ изгибахъ украшенія, похожаго на букву S, помѣщены цвѣтки, состоящіе изъ трехъ листковъ⁽³⁾. Аделунгъ, при описаніи этихъ дверей, замѣчаетъ, что подобный греческій крестъ изображенъ на бронзовыхъ вратахъ римской церкви S. Paolo fuori delle mura, сдѣланныхъ въ XI вѣкѣ византійскимъ художникомъ Ставрокіосомъ Тухитосомъ, и что такой крестъ не встрѣчается ни на какомъ другомъ памятникѣ среднихъ вѣковъ⁽⁴⁾. Не находились ли эти такъ называемыя Шведскія врата на мѣстѣ нынѣшнихъ Корсунскихъ? Генрихъ Бреннеръ, узнавъ, въ бытность свою въ Новгородѣ (въ 1722 году), что въ тамошнемъ соборѣ передъ алтаремъ (sopra l'altare) находятся серебряныя врата съ надписями, непонятными для Русскихъ, отправился въ соборъ и осмотрѣлъ эти врата; онѣ имѣли, по его словамъ, латинскія надписи и выпуклыя изображенія, изъ которыхъ онъ упомянулъ изображеніе Іисуса Христа, бѣгущаго въ Египетъ. Это изображеніе можно видѣть и теперь на такъ называемыхъ Корсунскихъ вратахъ, находящихся съ наружной стороны церкви, при западномъ входѣ⁽⁵⁾. Не могу также умолчать, что названіе Корсунскихъ вратъ могло произойти отъ Корсунскаго образа Спасителя, находившагося, какъ говорили мы, еще въ недавнее время, на Корсунской паперти близъ такъ называемыхъ Корсунскихъ вратъ, къ которымъ съ большимъ правдоподобіемъ можно отне-

(1) Вельтмана, О господинѣ Новгородѣ Великомъ, стр. 14.—(2) Полн. собр. лѣт. III, 77.—(3) Корсун. врата, стр. 148.—(4) Тамъ же, стр. 149 и 176—177.—(5) Тамъ же, стр. 156—157.

сти названіе Шведскихъ или Сигтунскихъ. О Корсунской паперти Софійскаго собора упоминаетъ новгородская третья лѣтопись подъ 1299 (6807) годомъ: «преставися архіепископъ новгородскій Климентъ и положиша честно въ притворѣ святыя Софіи отъ владычня двора, въ Корсунской паперти ⁽¹⁾». Замѣчательно, что новгородская первая лѣтопись (харатейная), оканчивающаяся, безъ приписокъ, 1333 годомъ и слѣдовательно за три года до устройства владыкою Василиемъ мѣдныхъ золоченыхъ вратъ Софійскаго собора, молчитъ о Корсунской паперти; въ ней сказано только: «преставися архіепископъ новгородскій Климентъ, бывъ въ епископѣ лѣтъ 23, и положенъ бысть въ притворѣ святыя Софіи отъ владычня двора, архимандритомъ Кюриломъ ⁽²⁾». Подъ 1450 годомъ новгородская третья лѣтопись упоминаетъ и о Корсунскихъ вратахъ ⁽³⁾.

Близъ Корсунскихъ вратъ, въ западной стѣнѣ собора, находится высѣченный изъ камня крестъ съ надписью: «писанъ бысть крестъ сей въ Новѣгородѣ.... повелѣніемъ.... епископа... и поставленъ на поклонене правовѣрнымъ... и здравіе и спасене и дѣтемъ его всему міру».

Внутри Софійскаго собора почиваютъ мощи новгородскихъ святителей: Никиты, Іоанна и Григорія, княгини Анны, дочери короля шведскаго Олафа, князей Владиміра Ярославича, Мстислава Ростиславича и Θεодора Ярославича, брата Александра Невскаго, и преподобнаго Θεодора Блаженнаго. У перваго отъ входа столба, противъ древняго Корсунскаго образа апостоловъ Петра и Павла ⁽⁴⁾, устроены два мѣста, одно, безъ сомнѣнія, для царя. Оба мѣста богато украшены, и внизу на одномъ изъ нихъ находится слѣдующая старинная надпись: «Сіе мѣсто дѣлали Иванъ Бѣлозерецъ да Еутропей Стефановъ сынъ да Исакъ Яковль сынъ». Когда сдѣланы эти мѣста я не могъ узнать, но, судя по работѣ, они принадлежатъ къ XVI столѣтію, и надѣ полагаю, что это тѣ самыя мѣста, о которыхъ въ новгородской третьей лѣтописи подъ 1571 (7080) годомъ сказано: «въ соборной церкви у Софіи Премудрости Божіей построиша мѣста

⁽¹⁾ Полн. собр. лѣт. III, 221. — ⁽²⁾ Тамъ же, стр. 67. — ⁽³⁾ Тамъ же, стр. 240. — ⁽⁴⁾ Этотъ образъ былъ увезенъ въ Москву по взятіи Новгорода царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1571 г. Полн. собр. лѣт. III, 262.

повую, царское и святительское, вырѣзано травами и золочено ⁽¹⁾». Среди церкви, противъ главнаго придѣла, виситъ богатое старинное паникадило, приношеніе, какъ говорятъ, Бориса Федоровича Годунова. Надъ симъ паникадиломъ, вверху въ куполѣ, видѣнъ образъ Спасителя, о которомъ въ новгородской третьей лѣтописи содержится слѣдующая легенда: «И устрои въ церковь, приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывать во главѣ, и написаха образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со благословящею рукою. Во утрѣи день видѣ епископъ Лука образъ Господень написанъ не благословящею рукою; иконописцы же писаша то три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня, иконнымъ писцемъ глаголющъ: писари, писари, о писари! не пишите мя благословящею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сей руцѣ моеи сей Великій Новгородъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе ⁽²⁾». Въ алтарѣ середняго придѣла стѣны украшены старинною мозаикою съ изображеніемъ крестовъ, и устроено митрополичье мѣсто о нѣсколькихъ ступеняхъ для сослужащихъ съ митрополитомъ; на престолѣ этого алтаря серебряная одежда, принесенная въ даръ Государемъ Императоромъ въ 1832 году.

Ризница Софійскаго собора помѣщена вверху, на одной высотѣ съ церковными хорами; передъ входомъ на хоры стоитъ деревянная Халдейская печь, устроенная на подобіе круглой ширмы. Въ ней въ недѣлю праотецъ, предъ Рождествомъ Христовымъ, совершался во время заутрени чинъ сожженія трехъ отроковъ, или пенное дѣйство ⁽³⁾.

Въ ризницѣ хранятся: 1) облаченіе, желѣзные вериги, посохъ и шапка преподобнаго Пикиты, епископа новгородскаго, скончавшагося въ 1108 году ⁽⁴⁾; 2) бѣлый клобукъ, присланный царградскимъ патріархомъ къ новгородскому архіепископу Василію, умершему въ 1332 году ⁽⁵⁾; 3) омофоръ новгородскаго архіепископа Моисея, умершаго въ 1362 году, съ словами: «Моисей архіепископа молитвами святыхъ Соѳія»; 4) панагія для возношенія Богородичной просфоры, 1432 года, съ надписью; 5) плащаница, устроенная при

(1) Полн. собр. лѣт. III, 262.—(2) Полн. собр. лѣт. III, 211.—(3) Древ. Вивл. VI, 183—186.—(4) Полн. собр. лѣт. III, 3.—(5) Тамъ же, стр. 227.

новгородскомъ архіепископѣ Евѣмїи въ 1456 году, съ надписью; 6) посохъ изъ кости московскаго митрополита Геронтія, умершаго въ 1489 году ⁽¹⁾, съ надписью; 6) посохъ новгородскаго архіепископа Пимена, видѣвшаго покореніе Новгорода въ 1570 году и вскорѣ лишеннаго святительскаго сана ⁽²⁾, съ надписью; 7) кандія или звонецъ, имѣющій видъ кубка, съ крышкою, 1571 года, съ надписью: лѣта 7079 (1571) поставилъ сію кандію въ домъ святому Николы на Боровно старецъ Ануфрей; 8) свѣща (родъ небольшого паникадила) XVI вѣка, бывшая въ употребленіи при открытіи мощей преподобнаго Никиты, архіепископа новгородскаго; 9) мѣдное паникадило, относимое ко временамъ перзаго новгородскаго епископа Іакова, умершаго въ 1030 году ⁽³⁾, съ херувимами и центаврами; 10) знамя, называемое новгородскимъ; 11) напка, будто бы принадлежавшая Іоанну Грозному; 12) шапка изъ краснаго поминьявнаго бархата, съ изображеніемъ херувимовъ и съ остатками мѣховаго окольна, называемая шапкою Новгородскихъ Князей; 13) серебряное блюдо съ изображеніемъ всадника, поражающаго коніемъ змія; 14) сосудъ съ древнею надписью: «съсудъ Истриловъ и жены его Варвары»; 15) серебряное блюдо съ изображеніемъ въ серединѣ двухъ бойцевъ, вышедшихъ на поединокъ, а по краямъ съ главными изображеніями Ганнибала, Александра Македонскаго, Клеопатры и другихъ; 16) блюдо съ шведскою надписью, называемое Сигизмундскимъ; 17) рукомойникъ, имѣющій слѣдующую надпись: «Лѣта 7161-го (1633) великій господинъ святѣйшій Пископъ, патріархъ московскій и всея Русіи, сей рукомойникъ далъ вкладу въ домъ святѣй Соѣи по-себѣ и своихъ родителей».

Кромѣ сихъ вещей въ ризницѣ я видѣлъ еще два харатейныя Евангелія, одно XII, а другое XIV вѣка, по отмѣткамъ митрополита Евгенія, и Евангеліе, писанное на бумагѣ въ 7016 (1502) году на островѣ Валаамѣ.

Софійская библіотека, богатая рукописями, находится въ сѣверо-восточной части собора, на одной высотѣ съ ризницею. Въ 1784 году іеромонахъ Іоаннъ и священникъ Іоаннъ Оомины составили реестръ книгъ и рукописей Софійской библіотеки; первыхъ показа-

⁽¹⁾ Истор. Карам. VI, пр. 321.—⁽²⁾ Полн. собр. лѣт. III, 262. — ⁽³⁾ Пископ. лѣт. подъ № 6638.

но 1214, а послѣднихъ, въ листъ, 1162 и почти всѣ духовнаго содержанія. Рукописи по сему реестру подъ NN° 1—4 содержатъ Библію, подъ NN° 5—15—Евангелія, подъ NN° 48, 1023 и 1024—списки Кормчихъ, подъ NN° 55 — 61 и 223 — 296 — Апостолы, подъ NN° 62 — 66 и 297 — 307 — Исакіири, подъ N° 76—церковный обиходъ (на пергаментѣ), подъ NN° 80—87—Макаріевы Четыи Миней (списокъ современный), подъ NN° 88—100—Прологи, подъ NN° 106—114—списки церковнаго Устава, подъ NN° 115 — 136 и 392—397—Октоихи, подъ NN° 140—153 и 430—449—Тріоди, подъ NN° 154—195 и 450—590—Мѣсячныя Миней, подъ NN° 207—210 и 1201 и 1202 — Синодики, подъ N° 229 — Сатиры Кантемира, подъ N° 235 — Сказаніе о началѣ Крестнаго монастыря, подъ N° 256 — Инструкцію іеремонаху Неофиту и указы объ олонецкихъ раскольникахъ, подъ NN° 332 — 362 — службы разнымъ святымъ, подъ NN° 367 — 368 — Паремейники, подъ N° 384 — 388—Прологи, подъ NN° 399 и 400 — списки Шестоднева, подъ N° 401 — 403 — Богородичны, подъ NN° 408 — 413 и 1026 — 1029 — Часословы, подъ N° 415 — мѣсяцословъ, подъ NN° 416 — 426 и 1067—1078—Требники, подъ NN° 591 — 1019 и 1109 — 1162 — служебники. Выписки изъ реестра рукописей Софійской бібліотеки 1784 года сдѣланы мною въ бібліотекѣ повгородской Семинаріи, гдѣ хранятся списки съ реестра; при пересмотрѣ рукописей Софійской бібліотеки я замѣтилъ, что онѣ теперь еще имѣютъ тѣ самыя нумера, которые показаны въ реестрѣ 1784 года. Кромѣ сего реестра въ Софійской бібліотекѣ находится еще другая опись рукописныхъ сборниковъ, составленная едва ли не митрополитомъ Евгеніемъ: по крайней мѣрѣ на многихъ рукописяхъ, показанныхъ въ сей описи, находятся разныя заглавія статей, писанныя рукою покойнаго преосвященнаго и согласныя съ описью. Я не имѣлъ времени осматривать рукописей, только взглянулъ на нѣкоторыя изъ нихъ, случайно попавшіяся мнѣ въ руки. Кромѣ Евангелія съ приписью: «Въ лѣто 6870-е индикта изволеніемъ Божиимъ, а поспѣшеніемъ святаго Духа написано бысть евангеліе се въ Великомъ Новѣгородѣ повелѣніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Алексѣя въ великое княженіе Дмитрія Костянтиновича, и проч.», я видѣлъ слѣдующія рукописи: N° 302, гдѣ помѣщены три посланія преподобнаго игумена Кирилла Бѣлозерскаго (сконч.

1427 г.) къ великому князю Василю Дмитріевичу (см. л. 187); № 335, гдѣ находятся выписки изъ лѣтописей (л. 271) и Алфавитъ, съ объясненіемъ словъ славянскихъ, греческихъ, еврейскихъ и армянскихъ; № 338, содержащій въ себѣ: 1) Вирошаніе Кириково, имѣ же вироша епископа новгородского Нифонта, извѣстный памятникъ XII вѣка (л. 55); 2) правилъ 12 отъ Градскаго закона (л. 110); 3) посланіе константинопольскаго патріарха Іосифа къ московскому митрополиту Фотію (сконч. 1431 г.) о Григоріѣ Самвѣлѣ (л. 122); 4) о началѣ Тихвинскаго монастыря (л. 261); 5) о Исидоровѣ приходѣ въ Москву (л. 276); 6) о преставленіи князя Дмитрія Юрьевича Краснаго (л. 330); 7) чинъ поставленія на великое княженіе Івана Васильевича (л. 414); 8) посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана (умер. въ 1481 г.) къ великому князю Іоанну Васильевичу (л. 421); 9) посланіе новгородскаго архіепископа Іоны къ митрополиту Θεодосію (умер. въ 1463 г.) (л. 431); 10) образцы писемъ (л. 433); 11) посланіе изъ св. горы къ великому князю (л. 435); 12) посланіе митрополита Геронтія къ великому князю Іоанну Васильевичу, 1471 года (л. 440); 13) посланіе объ Исидорѣ митрополитѣ (л. 443); 14) посланіе Іоакима, патріарха alexandрійскаго, о паденіи купола іерусалимскаго храма Воскресенія Христова (л. 446) и 15) посланіе преподобнаго Кирилла, игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря къ князю Юрію Дмитріевичу (л. 449); № 442, въ которомъ находятся записки о современныхъ событіяхъ, составленныя монахомъ бѣлозерскаго монастыря Гуріемъ Тушинымъ, въ концѣ XV вѣка (л. 173); № 491, гдѣ заключается извѣстіе о концахъ и пятинахъ новгородскихъ и сказаніе о взятіи Повагорода въ 1478 году (л. 297 об.); № 594, содержащій поученія Фотія, митрополита московскаго и всея Руси, умершаго въ 1431 году; № 677, гдѣ помѣщены: 1) Псалѣи (л. 1); 2) о Флорентійскомъ соборѣ и о пришествіи Исидора въ Москву (л. 368 обор.); 3) окружное посланіе Іоны, митрополита московскаго и всея Руси, объ отступничествѣ Исидоровомъ (л. 394); 4) Исидорово хожденіе на Флорентійскій соборъ (л. 403); 5) рукописаніе или исповѣданіе вѣры владиміро-волинскаго епископа Даниїла, въ которомъ онъ отвергаетъ Флорентійскій соборъ и даетъ обѣщаніе повиноваться митрополиту Іонѣ, 1452 года (¹). (л. 439); 6) краткій лѣтописецъ,

(¹) Карамз. Истор. V, прим. 311.

отъ 1230 по 1405 годъ, съ смоленскими происшествіями (л. 445); 7) хожденіе монаха Игнатія въ Солунь, св. гору и Царьградъ, въ концѣ XIV вѣка (л. 451); 8) о царскомъ вѣчаніи греческихъ царей (л. 466); 9) присяга іеромонаха Емеліана Брадатаго, нареченнаго архіепископа повгородскаго, 1425 г. (л. 469); 10) о путешествіи Исидора на Флорентійскій соборъ (л. 472), и 11) Арсенія діакона, объ окрестностяхъ іерусалимскихъ (л. 496 об.); № 789 содержитъ келарскій обиходникъ, въ которомъ любопытенъ церемоніаль вѣстрѣчи царя во время пришествія его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; № 873—книгу о кормахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; № 955—повѣсти и житія св. отецъ скитскихъ, расположенныя по алфавиту; № 976—начало Римскимъ книгамъ Георгія мниха; выписки изъ хронографа; № 1425—житіе Климента, папы Римскаго, и Константина философа. Почти всѣ эти рукописи писаны въ 4-ю долю листа и потому не находятся въ реестрѣ 1784 года, изъ котораго выписки предложены мною выше.

Въ повгородскомъ Дѣтищѣ, или Кремлѣ, кромѣ Софійскаго Собора съ Корсуцкими вратами, есть еще зимній соборъ во имя Входа Христова въ Іерусалимъ, первый при вѣздѣ съ моста черезъ Волховъ, и церкви св. Іоанна Архіепископа за Софійскимъ Соборомъ, св. Андрея Стратилата, недалеко отъ восточной, и Покрова Пресвятыя Богородицы подлѣ западной стѣны Дѣтища ⁽¹⁾. Въ этой послѣдней церкви служба бываетъ только два раза въ годъ, въ Свѣтлое Воскресенье и въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, и я видѣлъ ее только снаружи. Она одноглавая съ тремя овальными выступами для алтаря; на одномъ изъ этихъ оваловъ, ближайшемъ къ стѣнѣ, гдѣ колокольня, виднѣтся изъ подъ звести высѣченный изъ камня крестъ и даже буквы. Говорятъ, что изъ Покровской церкви есть ходъ внутри городской стѣны въ башню, находящуюся съ южной стороны церкви и которая будтобы называется княжею. Подлѣ церкви Покрова Пресвятой Богородицы по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ находилась Дьячья изба ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Есть еще въ Кремлѣ церковь Сергія Радонежскаго (см. Красова, о мѣстополож. древн. Повгорода), но положенія ея не помню.— ⁽²⁾ О мѣстоположеніи древ. Повгорода, соч. Красова, 21 стр.

При выѣздѣ изъ Дѣтинца, подлѣ самаго моста черезъ Волховъ, стоитъ часовня съ *Чуднымъ крестомъ*. Крестъ этотъ деревянный и подъ нимъ, тоже на деревѣ, вырѣзана надпись: «въ лѣто 7036 (1547) сентября при царѣ и государѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси» и проч. Передъ этимъ крестомъ, въ 1508 году, во время бури и страшнаго пожара на торговой сторонѣ, архіепископъ Серапіонъ имѣлъ молебень о прекращеніи казни Божіей на градъ ⁽¹⁾. Онъ тогда назывался *Чудный*, а прежде имѣлъ названіе *Чернаго* ⁽²⁾. Объ немъ упоминается и подъ 1493 годомъ, въ описаніи крестныхъ ходовъ архіепископа Геннадія около «новаго каменнаго города» или Дѣтинца и вокругъ деревянной стѣны «старого года», т. е. всей Софійской стороны ⁽³⁾.

Антоніевъ монастырь, основанный въ началѣ XII столѣтія, находится въ сѣверо-восточной части Новгорода, на правомъ берегу р. Волхова. Церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы, заложенная въ немъ преподобнымъ Антоніемъ въ 1117 (6625) г. ⁽⁴⁾ и поправленная послѣ пожара 1378 (6886), существуетъ до сихъ поръ, окруженная пристройками конца XVII вѣка; придѣлъ во имя преподобнаго Антонія выстроенъ въ 1671 году, на южной сторонѣ храма, придѣлъ во имя Іоанна Богослова въ 1680, на сѣверной, а павертъ въ 1699 при западной; по правую сторону алтаря находится ризничая палата ⁽⁵⁾. — Библіотека новгородской Семинаріи помѣщается въ зданіи на восточной сторонѣ монастырской ограды; изъ рукописей, видѣнныхъ мною здѣсь, я могу упомянуть только о четырехъ. Рукопись подъ № 5-мъ заключаетъ въ списокъ новаго письма: «Собраніе грамотъ царскихъ и другихъ, обрѣтающихся въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ». Первая изъ этихъ грамотъ принадлежитъ 1584 году, прочія позднѣйшихъ временъ; всѣ онѣ относятся до ярославскихъ монастырей, и могутъ быть употреблены въ дѣло, если подлинники ихъ утратились. Рукопись подъ № 6-мъ содержитъ переписку новгородскаго митрополита Іова, скончавшагося

⁽¹⁾ Полн. собр. лѣт. III, 244.—⁽²⁾ Тамъ же, 245.—⁽³⁾ Тамъ же, 144 и 145.—
⁽⁴⁾ Полн. собр. лѣт. III, 4.—⁽⁵⁾ Истор. Рос. іерарх. III, 105—106.

въ 1716 году ⁽¹⁾. Рукопись подъ № 14-мъ есть реестръ книгъ и рукописей Софійской библіотеки, составленный въ 1784 году. Рукопись подъ № 5484—*Promptuarium Statulorum omnium regni Poloniae*.

Рождественскій на Михаицѣ монастырь, основанный въ 1199 г. супругою князя Ярослава Владиміровича ⁽²⁾, упраздненъ въ 1764 г.; теперь отъ этого монастыря, котораго первою игуменьею была жена посадника Завида Перевинца, сохраняются двѣ церкви, стоящія одна подлѣ другой, на небольшомъ холмѣ. При входѣ въ одну изъ нихъ, сѣверную въ отношеніи къ другой, находится вѣланный въ наружную стѣну старинный каменный крестъ, съ греческою надписью, а на сѣверной стѣнѣ другой церкви видны фрески. Мѣсто, занимаемое этими церквами, въ третьей новгородской лѣтописи называется Молотковымъ.

Въ ризницѣ Духова Новгородскаго монастыря я видѣлъ напечатанное въ 1644 (7152 іюл. 20) году Евангеліе, которое въ 1649 (7157 март. 3) Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, внесъ въ новгородскій Михаицкій дѣвичъ на Молотковѣ монастырь, въ церковь Рождества пречистыя Богородицы, по отцѣ своему священноіерсеѣ Кариѣ и матери инокѣ схимницѣ Евѣиміѣ ⁽³⁾. Переплетъ сего Евангелія обложенъ золотнымъ бархатомъ и украшенъ четырьмя бирюзами, четырьмя бирзяками и двумя зелеными *взмиз-лиями* ⁽⁴⁾. Золотный бархатъ и камни, называвшіеся бирзяками и взмиззиями, до сихъ поръ цѣлы и могутъ объяснить старинныя названія камней, вышедшія теперь изъ употребленія.

На торговой сторонѣ я былъ въ церквахъ св. Великомученика Георгія, Успенія Божіей Матери, Параскевы Пятницы и Михаила Архангела и въ Никольскомъ и Знаменскомъ соборахъ. Церковь Великомученика Георгія, съ кладовыми внизу, находится близъ гостиннаго двора, подлѣ одноглавой церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. У входа въ Георгіевскую церковь, на Знаменской улицѣ, стоитъ часовня, гдѣ почиваютъ мощи Θεодора Блаженнаго: она выстроена въ недавнее время купцомъ Соколовымъ.

М. КОРКУНОВЪ.

⁽¹⁾ Полн. соб. лѣт. III, 279.—⁽²⁾ Тамъ же, 25, 218.—⁽³⁾ Взято изъ полстной на Евангеліи приписки.—⁽⁴⁾ Такъ эти камни названы въ припискѣ.

ОРЛОВСКАЯ СТАРИНА.

Въ бытность мою въ Орловѣ, въ 1852 году, я провелъ цѣлый вечеръ, слушая тамошняго старожла, мѣщанина Басова, который извѣстенъ по составленной имъ лѣтописи, не случившейся однако у него въ то время въ рукахъ, почему онъ замѣнилъ ее мнѣ пзустными разсказами. Ему уже было болѣе 70 лѣтъ; но передаваемое имъ онъ зналъ кромѣ того отъ своего отца, умершаго также въ преклонныхъ лѣтахъ, и отъ одного старика, которому въ 1827 году было 138 лѣтъ. Такимъ образомъ его воспоминанія восходили по преданіямъ до конца XVII вѣка, а по памяти современниковъ событіи до начала XVIII столѣтія. Впрочемъ на почвѣ исторической разсказчикъ мой былъ слабъ, хотя зналъ твердо имена Ивана Васильевича Грознаго, Бориса Годунова, Растригина, Болотникова, Пожарскаго, царя Михаила Федоровича, которые попеременно являлись дѣйствующими лицами въ оживленныхъ картинахъ, которыя онъ рисовалъ передо мною съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ и жаромъ. Оставляя въ сторонѣ эти преданія, сохранившіяся въ видѣ фактовъ, дошедшихъ до насъ въ достовѣрныхъ памятникахъ, мы считаемъ неизлишнимъ внести въ нашъ «Архивъ» тѣ воспоминанія старика Басова, которыя знакомятъ насъ отчасти съ началомъ Орла и съ прошлымъ бытомъ его жителей, съ ихъ правами и обычаями.

И. К.

Для zaloженія новой крѣпости царь Иванъ Васильичъ послалъ бояръ изъ города Мценска. Пріѣхавъ на мѣсто, они нашли въ нынѣшней 2-й части города лишь болота и лѣса, въ 3-й части тоже лѣса, а въ 1-й части, между Окою и Орликомъ, перелѣсокъ, на которомъ боярамъ и разсудилось заложить крѣпость. Ходя по мѣсту и думая какъ-бы назвать новый городъ, они увидѣли между Окою и Орликомъ, въ самомъ углу, дубъ, а на дубѣ велся орелъ, который сидѣлъ на немъ съ дѣтенышемъ. «Вотъ, сказали они, самъ хо-

занимать сидеть здѣсь», и во имя его зарубили городъ, а во имя плетца его называли рѣку Орликъ. Старый городъ стоялъ до временъ Растрепи. Тогда онъ былъ сожженъ. Новое заселеніе Орла началось постройкою пяти дворовъ. Потомъ, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, была заложена новая крѣпость. Воеводская изба поставлена въ нынѣшней первой части, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Жителей накликали кличемъ изъ разныхъ мѣстъ. При этомъ прощались недоимка въ податяхъ, лишь бы переходили на житье въ городъ: прапрадѣду разскащика было такимъ образомъ прощено пять рублей, когда онъ сюда переселился.

Лѣтъ сто тому назадъ вотъ какой былъ нарядъ щеголя-купца: Кафтанъ смурого (сѣроватаго) цвѣта, суконный, на бокахъ вставлены шитыя стрѣлки изъ спурковъ; воротникъ и полы обшиты галуномъ; на ногахъ коты, обшитыя также мѣшурнымъ галуномъ; волосы длинныя, лежавшія почти по плечамъ; шляпа поярчатая, обложенная по краямъ галуномъ, тулья у шляпы высокая, обтянутая бархатомъ или плюсомъ, а на бархатѣ одна или двѣ стальные пряжки; перчатки шитыя; на груди, когда откладывался воротъ кафтана, видны были наметки изъ александрійской нестриди, обложенныя позументомъ.

Женскій костюмъ у богатыхъ того же времени: на головѣ кокошникъ въ видѣ рѣшета, большой, иногда низанный жемчугомъ; на лбу висѣла подпозъ жемчужная, которая даже закрывала глаза; рубаха тамбурная (шитая); охобень (верхнее платье) безъ рукавовъ, для того, чтобы видны были рукава рубахи, шитыя; на ногахъ башмаки на высокихъ каблукахъ.

Главные прикащики у купцовъ получали пять рублей въ годъ, другіе, меньшіе, пятьдесятъ копѣекъ, рубль; а какъ скоро прикащику давалось два рубля, то онъ могъ жениться, т. е. у него доставало средствъ, чтобы жить съ женой.—По лавкамъ товаръ забирался на бирку. Если въ назначенный срокъ хозяинъ товара приходилъ къ кому за долгомъ съ биркою и должникъ отказывался платить, говоря, что нѣтъ денегъ, то кредиторъ грозилъ ему *срѣзать*

долгъ его съ бирки: тогда должникъ кланялся въ ноги и просилъ, чтобы не срѣзывалъ (пбо это считалось безчестьемъ). Но если и затѣмъ должникъ не платилъ денегъ, то кредиторъ срѣзывалъ долгъ его съ бирки, а въ воскресный день становился у дверей церкви и по отходѣ обѣдни снималъ съ должника шляпу. Послѣ этого такому обезчещенному никто въ цѣломъ городѣ не давалъ уже ни копѣйки въ долгъ.—На подлежащихъ розыску, когда они были найдены, надѣвали хомуты.

До 1790 года покойниковъ хоронили по приходамъ, каждаго при его церкви. Хоронили въ дубовыхъ колодахъ; а если кто хоронился въ досчатомъ гробѣ, то это значило, что онъ былъ удушенникъ или утопленникъ. Зимой умершіе, изъ бѣдныхъ, клань въ *убогихъ домахъ* при кладбищахъ на погостахъ (такъ продолжалось до 1823 года); на Ооминой же недѣлѣ во вторникъ имъ дѣлалось публично погребеніе,—всѣ они опускались въ одну яму.

КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ ТРАВНИКЪ.

Важность рукописей, извѣстныхъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ *Травниковъ*, для изученія употребляемыхъ имъ названій разныхъ лекарственныхъ растений, равнокакъ и способовъ леченія, не подлежитъ никакому сомнѣнію и, сколько намъ извѣстно, признается самими медиками. Но для изучающихъ бытъ народный, находящіяся здѣсь указанія на его суевѣрные понятія о чарующей силѣ травъ, какъ приворотнаго или отворотнаго зелья и какъ противодѣйствія злымъ духамъ, заслуживаютъ конечно не меньшаго вниманія. Къ сожалѣнію, о большей части извѣстныхъ намъ древнихъ травниковъ или лечбниковъ должно сказать, что они переводныя. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ помѣстить въ нашемъ изданіи одну изъ рукописей, которая хотя и не отражаетъ въ себѣ слѣдовъ глубокой старины, но, безъ сомнѣнія, есть произведеніе народное и во всякомъ случаѣ принадлежитъ по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XVIII вѣка (*). Мы получили ее отъ В. В. Гу-

(*) Наше мнѣніе мы основываемъ на томъ, что въ рукописи, откуда мы заимствуемъ помѣщаемый здѣсь матеріалъ, прочія статьи относятся къ этому

берти, которому и считаемъ долгомъ принести нашу благодарность за сообщеніе этого любопытнаго матеріала.

Печатаемый нами Травникъ, въ подлинникѣ въ 8-ю долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, почерка новаго, притомъ писанъ небрежно и безграмотно, почему въ немъ встрѣчаются не только опiski, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непонятныя вовсе слова; первыя изъ нихъ мы, по возможности, исправили, послѣднія же оставили безъ измѣненія.

РЕДАКТОРЪ.

1) Есть трава на землѣ именемъ *архилимъ*, ростомъ въ локоть, тонка, а видомъ синя, на сторонахъ листиковъ по девяти; на ней четыре цвѣта: червленъ, багровъ, синь, желтъ. Та трава велика добра: кто ея рветъ, и тотъ человѣкъ вынимаетъ золотую или серебряную гривну, ту траву носить на себѣ, и тотъ человѣкъ не боится діавола ни во дни, ни въ ночи, ни злаго человѣка, и на суду сопротивника одолѣешь, и люди его любятъ. А растетъ по берегамъ рѣкъ, при болотникахъ. А корень ея добръ: у которыхъ жены дѣтей нѣтъ, и ты истопи того коренья въ какомъ ни есть молокѣ и дай пить, то будутъ дѣти; а у кого старая порча хоть за 30-ть лѣтъ—выдетъ вошь.

2) Есть трава, именемъ *Царскіе очи*. Та трава растетъ кустиками, собою мала, въ иглу; желта что злато, а посмотришь подъ солнце, то кажутся всякіе узоры. У кого очи болятъ, держи при себѣ, то отнюдь болѣть не станутъ; или мужъ жены не любитъ, или жена мужа, и ту траву держать при себѣ, то любить станутъ; или птицъ ловить станешь, то уловишь много.

3) Есть трава именемъ *толкунъ*. Растетъ по берегамъ рѣкъ и по пригоркамъ, верхнимъ концемъ къ землѣ (*?) корючитца. Кто ея

временн. Такъ именно встрѣчаются здѣсь, на нѣмецкомъ языкѣ, правила (проектъ), изданныя генералъ-фельдмаршаломъ Минихомъ въ 1739 г., о томъ какъ поступать при осадѣ крѣпости, и его же «Расположеніе боеваго порядка и маневры въ общемъ генеральномъ сраженіи противъ Турокъ».

(*) Въмѣсто «земли» не слѣдуетъ ли читать «земли?»

рветъ и даютъ ѣсть скоту, конемъ и коровамъ, и тотъ скотъ повѣтріемъ не умретъ и телята стоятъ; а кто въ великій четвергъ встанетъ до солнца и окурить тою травою дворъ, то весь годъ скотъ его не рушится отъ звѣря и отъ упаду. Та трава добра всякому человѣку въ дому своемъ держать, а волею скотъ тое травы не ѣсть, потому что она горка.

4) Есть трава, именемъ *яктовъ*, растетъ въ стрѣлу, листочки меленки, цвѣтъ кувшицами. Та трава velmi добра отъ грыжи и отъ щитотки (?), а хлебать въ суслъ или въ молоко по молодому мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

5) Есть трава именемъ *поромонъ*, растетъ возлѣ болотъ, кустиками; собою волосата, что черныя волосы. Та трава velmi добра отъ нечистаго духу и отъ черной болѣзни. А у нея вверху что шапка, а какъ упадутъ, много чериенки, что стрѣльные желѣзцы. И та трава болѣе давать по молодому и по ветху мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

6) Есть трава, именемъ *измодинъ*, растетъ по старымъ росчиствамъ, ростомъ въ пяду; собою мохната и листочки мохнаты жъ, съ одну сторону. Кто тое траву ѣсть, и тотъ человѣкъ живучи никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу.

7) Есть трава именемъ *матозникъ*, (*маточникъ?*), растетъ по старымъ межамъ и по перелогамъ, собою синя, цвѣтъ синьжа, вверху листочки какъ котенки. И та трава добра: ко пчеламъ на тое траву сама матка пчелшная выходитъ и беретъ что ей надобенъ на потребу. И тое траву кто держитъ, и весною въ борти и въ ульи кладетъ, и въ тѣхъ ульяхъ пчелы будутъ.

8) Есть трава именемъ *одоленъ*, растетъ при рѣкахъ и при каменіи черномъ, на старыхъ лугахъ; собою голуба, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, листочки бѣленки. Та трава velmi добра: когда кто кого окормитъ смертнымъ, то дай съ нее пить или ѣсть, то скоро понесетъ верхомъ или низомъ. А коренья ея добры отъ зубной болѣзни и когда пастухъ хочетъ пасти стадо, и чтобы у него скотъ не расходился, держать при себѣ, то не будетъ расходница. Или кто тебя не любитъ, то дай пить—не можетъ отъ тебя до смерти отстать. А похочешь звѣрей приучить, дай ѣсть, то скоро приучишь.

9) Есть трава именемъ *плакунъ*, растетъ возлѣ рѣкъ и озеръ,

высока, въ коноплию, цвѣтъ багровъ. Та трава velmi добра: держать при себѣ въ чистотѣ и давать скоту, которая вертитца, или которое дитя не спитъ, и класть въ головы, то станетъ спать. А которой чловѣкъ крестъ носить на себѣ, честенъ будетъ въ людехъ, и никакой пакости не убоится, и злою смертію не умретъ, и безъ той травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ.

10) Есть трава именемъ *бронецъ*, растетъ кустиками какъ гороховина, цвѣтъ воронъ, ягоды голубыя. Та трава добра: хотя старая норча или грыжа, и ея пить съ хмѣлемъ по молоду мѣсяцу, то всю нечистоту выгонитъ и очи свѣтлы будутъ и кашлю запретитъ.

11) Есть трава именемъ *воронецъ*, растетъ при камени, собою низка, что кануста, лапушками, вороная, цвѣтъ привѣль, и ягоды на ней вороны. Та трава добра: аще который чловѣкъ трясется тѣломъ, топи въ молоко и хлебаи и пей сокъ ея по молоду мѣсяцу и по ветху мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

12) Есть трава именемъ *Адамля глава*, растетъ возлѣ сильныхъ раменныхъ болотъ, кустиками, листиковъ по 3679 вмѣстѣ, ростомъ въ пяду и выше, цвѣтъ багровъ, или рудожелтъ, а какъ разцвѣтеть—кувшинцами. Та трава добра, а рвать ее со крестомъ Господнимъ и говорить «Огче нашъ» да псаломъ «помилуй мя Боже», и когда жена не разродитца, то дай съ ней пить,—тотчасъ разродится.

13) Есть трава именемъ *бѣль*, растетъ въ водѣ, концемъ стоитъ противъ воды, а какъ сорвешь и кинь на воду, то поплыветъ противъ, а внизъ не поидетъ. И та трава velmi добра носить при себѣ (противъ) всякаго еретика и сопротивника и кто на тебя зло мыслить. А коренья добры: возми и положи въ замокъ, то отомкнется.

14) Есть трава *кудрявой купырь*, безъ сердца. Та трава добра отъ еретиковъ: кто ее ѣстъ на тоще сердца, тотъ день не боится никакъ ли отравы; а въ люди поидешь, зѣло любятъ тебя люди.

15) Есть трава именемъ *варахиль*, ростомъ въ стрѣлу, толста, а цвѣтъ у нея что у девисилу. Кто ея пьетъ, утопя въ винѣ съ муравлями на тоще сердца, то которой чловѣкъ хмѣльное пьетъ, тотъ не станетъ пить и будетъ духу хмѣльнаго бѣгать. Добра та трава отъ таракановъ: покура дымомъ, то отъ той травы вонъ выдутъ тараканы и сверчки и всякой гадъ.

16) Есть трава именемъ *мышки*, растетъ по крапивѣ, вьется противъ солнца. Та трава велики добра: кто съ ума сшибется, или во снѣ бредитъ, или у кого дѣти не стоятъ, или кой человекъ велики хмѣльное пьетъ, отопя дай пить, то хмѣльное пить не станетъ.

17) Есть трава именемъ *осотъ*, велики добра: кто ся знаетъ, велики талантъ на земли обращаетъ; растетъ по сплывымъ раменнымъ мѣстамъ при мокрыхъ земляхъ, кустиками, ростомъ съ пяду, цвѣтъ разнѣ, всякой видъ, узориста и прекрасна и свѣтла, листочки кругленьки что денешки; кому покажется снѣ. Велики добра; держать торговому человеку добра: хочетъ богатъ быть, носи на себѣ; гдѣ не поѣдешь, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, и въ людехъ честію вознесешься. А корень ея, какъ противъ солнца положишь, свѣтелъ желтъ, якоже воскъ.

18) Есть трава *совиные очи*, зѣло страшна: когда въ полѣ или въ лѣсу человекъ найдетъ на нее, у того человека смутится умъ и заблудится; ростомъ не велика, тонка, подлѣ земли знать ея, нестренка, по всей по ней слюны, а корени черви, на верху кисточки, на ней все мошки. Та трава добра: кто у кого что украдетъ, лиши ея подложи, и тотъ воръ воротитца—пути ему некуда не будитъ.

19) Есть трава именемъ *ряска*, растетъ разнѣ кустиками, мелка и снѣнка, по земли тянется. Та трава велики добра: положи женѣ въ головы, и она все скажетъ, съ кѣмъ бывала или что на тебя думала худо; а положить не просто надобно отъ себя—30, 50, 40 (*).

20) Есть трава именемъ *каръ ивиъ*, растетъ при рѣкахъ на сплывныхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ стрѣлу, на ней два цвѣта, снѣ да краснѣ, листочки меленьки, что денешки, по сторонамъ. Та трава всѣмъ травамъ царь: кто умомъ рушится, носи при себѣ, или кто издавна посѣлся (*); а корень—кто хочетъ избѣжать худымъ конемъ у добраго, тотъ корень держи при себѣ, и уѣдешь.

21) Есть трава именемъ *Петровъ крестъ*, растетъ кустиками, что молодая детлявина, вышиною въ локоть; корень у нея все крестами связаны. Та трава дѣтемъ малымъ давать въ молоко, и ника-

(*) Мы не понимаемъ значеніе этихъ цифръ и передаемъ ихъ такъ, какъ онѣ находятся въ подлинникѣ.

(*) Въ подл. вмѣсто: «посѣлся»—песокъ ся.

кая скорбь не ввяжится, или кая жена скорбна мѣсячною, и тое траву въ чемъ нибудь варить, и давать хлебать, помилуетъ Богъ отъ всякія пакости; а въ цирь поѣдиши—возми ся съ собою отъ еретиковъ и отъ напрасныя смерти.

22) Есть трава именемъ *простръль*, растетъ въ борахъ: въ мартѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сквозь снѣгъ, ростомъ въ пяду, цвѣтъ синь; и какъ станешь ся рвать, и въ то мѣсто положить великоденское іицо. И носить тое траву при себѣ, и отъ того человѣка діаволъ бѣжитъ, и въ домѣ добро держать, и хоромы стронть—подъ уголъ класть, жить стройно будетъ.

23) Есть трава именемъ *переносъ*, ростомъ мала, листомъ темна, цвѣтъ вошь, а оцвѣтатъ станеть стручками, а въ нихъ сѣмечки. И та трава давать конемъ питъ отъ всякіе болѣзни; а когда человѣкъ ляжетъ спать, то положить въ головы: хотя день спитъ, не коснетъ ему никакой гадъ, ни ужъ, ни змѣя, ни нечистый духъ; а сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода раступитца; а корень тоя травы будто человѣкъ.

24) Есть трава именемъ *золотуха*, растетъ по лѣсамъ, гдѣ женской полъ не ходитъ. Добра она отъ волосатика. А растетъ изъ воденыхъ колодъ, собою толста что полевые петушки, а сама желта и цвѣтъ желтъ. Тою травою добро и нырокъ лечить.

25) Есть трава именемъ *ушко*, по еликамъ и по березникамъ, ростомъ въ пяду и болѣ, цвѣтъ въ половину со всѣ стороны до верху что петушки. Та трава добра отъ грыжи питъ въ уксусѣ или въ молокѣ порану, на тоще сердца токмо—грыжа минеть.

26) Есть трава *кукоосъ*, растетъ по березникамъ, собою сняя, листочки на ней что язычки пестренки, а корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка, мужичекъ бѣлесекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы станеть любить ся зѣло; или жена мужа не любитъ, дай мужеской грысть—станеть любить.

27) Есть трава именемъ *коволка*, собою велика, растетъ въ человѣка; на ней что иглы коленцами, цвѣтъ мохнать синь; растетъ по старымъ пахатымъ мѣстамъ и по межамъ. Добра во всякой хранишь держать; а у кого скотина вертитца, вложи корень съ воскомъ въ шерсть, и нечистый духъ отойдетъ.

28) Есть трава именемъ *ужикъ*, растетъ по раменямъ и по орѣш-

пикамъ, изъ земли чуть знать, что личной желтокъ. Та трава добра отъ зубной болѣзни, или (*) пупъ болить.

29) Есть трава именемъ *Богородицкая*, растетъ кустиками, ростомъ мала, какъ дикая маленькая мята, цвѣтъ синенькъ. Добра та трава отъ уроковъ человѣку и скоту окуривать всякой животъ; а у которой женки груди болятъ, ею парить и хлебать въ молоко.

30) Есть трава *котовы шуляты*, растетъ по ржамъ и по межамъ, кустиками, шишки синеньки. Та трава добра: у кого желва подъ щеками, вари ее и хлебай, и ею парь, помилуетъ Богъ.

31) Есть трава *папутникъ* (**). Добра та трава отъ окорму и къ посѣку или къ порѣзу: усуса присыпай, скоро живить.

32) Есть трава *ребенка*, ростомъ въ стрѣлу, цвѣтъ снѣ, листочки долгики крестиками, а коренья ея что бѣлые волосы. А ею дѣтей парить отъ тѣсныхъ болѣзни и отъ всѣхъ быты.

33) Есть трава *деветисилъ*. Та трава добра: кто ея часто въ укусу рветъ, то скоро отъ убою раны живить; и инымъ многимъ статьямъ пригодна.

34) Есть трава *хмеликъ*, растетъ подлѣ рѣкъ кустиками, собою смугла, ростомъ въ стрѣлу; духъ ея великъ тяжекъ. Та трава добра конемъ давать—черви изъ нихъ выгоняетъ, и къ ранамъ присыпать.

35) Есть трава *ужикъ*, ростомъ въ пяду и выше, листочки долгики что стрѣльные желѣзцы по сторонамъ откинулись; вверху шишечка мохната на три грани. Та трава добра къ порѣзу и посѣку присыпать—тотчасъ заживетъ; а когда рана велика, парь мятою и присыпай—скоро заживетъ и не пухнетъ.

36) Есть трава *губа*, растетъ на деревѣ или подлѣ корня, собою бѣла, туга и горка велики. Добра отъ порчи всякой пить и отъ кашлю, въ чемъ хочешь утопя на тощее сердца.

37) Есть трава *губа*, слово *идовы уши*, растетъ на берези, сверху бѣла, а въ ней красно, въ раменныхъ мѣстахъ. Повари ее въ молоко прѣсномъ и то мало попей отъ гортанной болѣзни и отъ кашлю, а губу вынь и спрячь—опять пригодится.

38) Есть *губа* же, растетъ подъ орешникомъ, въ ней живетъ масло, а слово *безмѣрное доброе*. Пригодна во всякое лекарство въ малхань класть и къ ранамъ прикладывать и мазать: кладь въ

(*) Въ подл. за снѣ прибавлено: «кого».—(**) Такъ въ подл. «папутникъ».

скляницу и ставь въ печь въ волной духъ и топя, чтобъ скляницѣ не жарко, и масло истопится.

39) Есть трава *папортъ*, безсердешная, растетъ на востокъ лицомъ. Копать ея на Іоанна Предтечу корень съ травою и носить на себѣ: гдѣ пойдетъ, на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и недругъ, а на зло и не помыслить. А копать ея—положить на земли съ четырехъ странъ серебра сколько хочешь.

40) Есть птица *ласточка* и *касаточка*. Изъ молодыхъ топить масло velmi пригодно ко всякимъ лекарствамъ; а малыя ласточки когда въ гнѣздахъ сидятъ и хотятъ вонъ летѣть изъ гнѣзда, и ты возьми иглу новую нешивоную и тою иглою выколоти глаза и замѣтитъ, урѣзать хвоста, и не ходить къ нимъ три дни, и въ четвертый день приди, и у ней будутъ иные глаза, и ты вынь ея изъ гнѣзда вонъ и раздери все сердце и печень и пупокъ и кишки надъ черенкомъ и все водою вымой, и найдешь въ ней три камушка: бѣлишкою, чернишкою и краснишкою, и тѣ три камушка velmi пригодны и много мочи человѣку держати; а въ иныхъ гнѣздахъ сдѣлать по тому жъ указу, хотя и слишкомъ приготовить.

41) Есть трава именемъ *лосъ*, собою бѣла, растетъ при борахъ, цвѣтъ походитъ на багровъ, ростомъ въ пяду, у ней два корня, одинъ бѣлою, а другой черенъ что орѣшки; бѣлою положь за щеку, то..... (*), а отъ черного не станетъ. Добра та трава: отъ нея килы отвязываются и порчи выходятъ.

42) Есть трава *укрой*, растетъ по старымъ рощицамъ, собою высока, въ коноплю; листъ у нея широкъ и дологъ; съ половины у нея до верху какъ котенки. Та трава добра скоту отъ всякой болѣзни и отъ шату лошадямъ и въ домѣ отъ нечистаго духа. Аминь.

РАЕКЪ ЯРОСЛАВЦА.

Ярославскій крестьянинъ—человѣкъ дѣятельный, предприимчивый. Гонимъ за трудомъ, какъ охотникъ за звѣремъ, онъ не разбѣгаетъ разстояній; побывать за тридцать земель ему ничемъ. Во многихъ мѣстахъ губернии земля не можетъ быть для него ма-

(*) Точками замѣнены слова, не подмѣжація печати.

терью; онъ знаетъ, что сколько ни потѣй, не выжмешь изъ нея и мѣднаго гроша. Отсюда образовалась у Ярославскаго крестьянина какъ-бы врожденная способность къ своеобразной, самостоятельной дѣятельности, болѣе свободной, чѣмъ земледѣліе.

Надо зашибить копѣйку, — смѣтливый, перенемчивый Ярославецъ долго не задумается, сколачиваетъ, напимѣръ, изъ досокъ четвероугольный ящикъ съ конькомъ на верху, краситъ его въ яркій цвѣтъ, покупаетъ, по дешевымъ цѣнамъ, картины, склеиваетъ ихъ концами одну на другую продольно, и мотаетъ на тонкое деревцо, прикрѣпляя къ нему первую картину клеемъ. Приборъ этотъ вкладывается потомъ въ боковыя отверстія ящика, ближе къ задней стѣнкѣ, на фасъ ящика выбуравливаются четыре или пять небольшихъ отверстій, вершка въ полтора въ діаметрѣ, въ нихъ вставляются увеличительныя стеклышки, — и вотъ косморама готова!

Косморама эта болѣе слыветъ подъ именемъ *райка*, потому что первоначальный авторъ ея показывалъ только «*рай да муку* и не дороже какъ по копѣйкѣ штуку», — что встрѣчается услышать и нынѣ.

Идетъ съ райкомъ предприимчивый крестьянинъ — бахарь — за поживой на ярмарки, въ торговые села и въ другія мѣста, гдѣ только есть сходбище престолюдиновъ и уличныхъ зѣвакъ, ставитъ райкъ на педаль, и посредствомъ веревочки приводитъ въ движеніе руки куклы, изображающей Испанца или иного рыцаря. По этому, какъ будто магическому, движенію, рыцарь начинаетъ хлопать руками, производя звонъ, привязанными у ней мѣдными тарелками и бубенчиками.

Любители уличныхъ удовольствій съ охотою даютъ раёвщику двѣ копѣйки, снимаютъ шапку и прикладываютъ самодовольное лицо свое къ стеклышку райка. Когда деньги всё собраны, раёвщикъ посредствомъ проволочной ручки спускаетъ картины съ валика одну за другую, изустно толкуя значеніе каждой, на распѣвъ, виршамъ, составленнымъ безыскусственнымъ воображеніемъ, но иногда нелпшенными меткаго ума и дѣльнаго юмора.

ПАВЕЛЪ ШЕСТЕРНИНЪ.

ОДНА ИЗЪ МѢРЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

Въ числѣ разныхъ толковъ о мѣрахъ къ распространенію грамотности, которая въ настоящее время стала девизомъ всѣхъ, желающихъ добра нашимъ простолюдиамъ, всѣхъ, кому дорого ихъ образованіе и развитіе, какъ необходимое условіе для улучшенія ихъ быта, намъ довелось слышать отъ князя М. А. Оболенскаго одно очень дѣльное мнѣніе. Сообщаемъ его здѣсь въ предположеніи, не встрѣтитъ ли оно сочувствіе въ тѣхъ, которые ищутъ способовъ употребить свой капиталъ съ цѣлью содѣйствовать къ распространенію въ народѣ всякаго рода знаній. Мнѣніе это касается нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя въ старину составляли на Руси любимое чтеніе всѣхъ классовъ, отъ высшаго до низшаго. Нельзя думать, чтобы стремленіе къ чтенію въ простолюдинахъ въ настоящее время не равнялось любознательности нашихъ предковъ. Распространяющіяся въ милліонахъ экземпляровъ сказки, лубочныя картины, сонники, оракулы и пѣсни говорятъ сильно въ пользу этой потребности: какъ ни дурно они издаются, сбытъ ихъ постоянно обезпеченъ и счетъ изданій многихъ изъ подобныхъ произведеній уже давно забытъ. А между тѣмъ чему учится народъ, читая съ жадностью рассказъ о какомъ нибудь Бовѣ королевичѣ, любуясь картиной двухъ дерущихся пьяныхъ (противъ картинъ аллегорическихъ, заставляющихъ обращаться къ событіямъ историческимъ или къ нравственнымъ размышленіямъ, мы ничего не говоримъ), вдумываясь въ замысловатую фразу, найденную въ гадательной книжкѣ?—Онъ безъ нихъ не обходится—значитъ, досугу его нужно развлеченіе, а уму его необходима пища. Слѣдовательно онъ читаетъ то, что ему даютъ, что есть у него подъ руками. Но дайте ему чтеніе болѣе здоровое, и онъ едва ли отъ него откажется. Къ такому чтенію конечно прежде всего принадлежатъ сочиненія религіозныя и нравственныя. Однако они требуютъ значительнаго духовнаго развитія, которое, по нашему мнѣнію, должно быть подготовлено помимо книгъ; поэтому мы думаемъ, что хотя бы сочиненія такого рода были изданы въ большомъ количествѣ и сравнительно дешево, они все-таки не встрѣтятъ въ самомъ началѣ такого сочувствія и сбыта, какъ упомянутыя выше изданія. Вотъ почему съ своей стороны князь М. А. Обо-

люди убѣждены, что эти послѣдніе могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены изданіями лѣтописей для народнаго чтенія. Если, по его мнѣнію, въ лѣтописяхъ встрѣчаются нѣкоторыя мѣста и слова, не совсѣмъ ясныя для простолюдина, нѣтъ однако сомнѣнія, что большая часть сказаннаго здѣсь для него удобопонятно и должно сразу расширить его мысли, заинтересовать его любопытство провѣдать о томъ, что когда-то, въ старину, дѣялось на родинѣ, и, удовлетворяя этому стремленію, усилить въ немъ жажду узнать еще больше. Съ этою цѣлью лѣтописи должны быть издаваемы славянскимъ крупнымъ шрифтомъ, такъ чтобы мальчикъ, выучившійся читать псалтырь, могъ тотчасъ же перейти къ чтенію какого нибудь лѣтописнаго сборника. И вотъ, говоритъ князь, представьте себѣ картину въ избѣ крестьянина, когда, послѣ короткаго зимняго дня, проведеннаго въ непродолжительной и нетрудной работѣ, всѣ члены семьи соберутся домой. Что будутъ они дѣлать цѣлый вечеръ? Безъ сомнѣнія, бабы прясть или шить, мужики чинить сапоги, плести ланты, точать сапоги, и т. п.; но почему имъ въ тоже время не послушать разсказъ, который долженъ быть имъ такъ сроденъ и по языку и по содержанію? Такимъ образомъ узнали бы они о началѣ Русскаго царства, о премудрой Ольгѣ, о красномъ солнышкѣ Владимірѣ, о побояхъ съ Татарами, о царѣ Иванѣ Васильичѣ Грозномъ, о убіеніи царевича Димитрія, о народной войнѣ съ Поляками, объ избраніи на престолъ царя Михаила Федоровича. И усилась бы въ нихъ привязанность къ отчизнѣ, къ ея дѣяніямъ и славѣ; усилась бы ихъ преданность къ царямъ, которые такъ давно правятъ святою Русью, такъ часто проливали за нею кровь свою въ тяжелой борьбѣ съ ея врагами, да и теперь съ такою любовью пекутся о судьбѣ простолюдина. . . . Но изданіе лѣтописныхъ сборниковъ въ такомъ видѣ должно имѣть еще другое весьма важное значеніе: они замѣнили бы намъ подлинные рукописи, которыя теперь издаются въ сводныхъ текстахъ, гдѣ содержаніе каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности, болѣе или менѣе теряется въ связи съ другими и требуетъ новыхъ усилій и трудовъ для ея восстановленія. И такъ нельзя ли думать, что тотъ кто рѣшился бы приступить къ изданіямъ лѣтописныхъ сборниковъ въ ихъ подлинномъ видѣ не былъ бы въ убыткѣ, а между тѣмъ принесъ бы огромную пользу и простому народу и ученымъ.

— въ.

